

*РУССКАЯ КУЛЬТУРА
НА СТЫКЕ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР*

**Социальные
и гуманитарные науки
на Дальнем Востоке**

**The Humanities
and Social Studies
in the Far East**

*RUSSIAN CULTURE AT THE JUNCTION
OF LANGUAGES AND LITERATURES*

№ 1 (45) 2015

Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ФГБОУ ВПО

«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

№ 1 (45) 2015

Хабаровск, 2015

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Отдел философии

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф. (редактор отдела);
А.П. Забияко, д-р филос. наук, проф.; **Кальво-Мартинез Томас Мариано**, PhD (Испания);
Р.Л. Лившиц, д-р филос. наук, проф.; **Б.В. Марков**, д-р филос. наук, проф.
И.Б. Микиртумов, д-р филос. наук, доц.; **С.В. Пишун**, д-р филос. наук, проф.

Отдел филологии

З.Г. Прошина, д-р филол. наук, проф. (редактор отдела);
У.М. Бахтикиреева, д-р филол. наук, проф.; **М.Г. Лебедько**, д-р филол. наук, проф.
Нобуюки Хонна, PhD (Япония); **Е.А. Первушина**, д-р филол. наук, проф.
Раймонд Хики, PhD (Германия); **Р.Р. Чайковский**, д-р филол. наук, проф.

Отдел психологии

К.И. Воробьева, д-р психол. наук, проф. (редактор отдела);
Л.Г. Дикая, д-р психол. наук, проф.; **А.Н. Занковский**, д-р психол. наук, проф.;
Н.А. Кравцова, д-р психол. наук, проф.; **Лора Роджерс**, PhD (США);
Мартин Кашорке, PhD (Германия); **Т.Х. Невструева**, д-р психол. наук, проф.

Отдел «Проблемы Дальнего Востока»

Е.Н. Спасский, д-р полит. наук, проф. (зам. главного редактора, редактор отдела);
М.А. Ковальчук, д-р истор. наук, проф.; **Л.П. Лазарева**, д-р пед. наук, проф.;
Н.Е. Мерецкий, д-р юр. наук, проф.; **В.В. Романова**, д-р истор. наук, проф.;
О.А. Рудецкий, канд. филос. наук, доц. (ответственный секретарь);
А.М. Шкуркин, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКТОР ВЫПУСКА

З.Г. Прошина, д-р филол. наук, проф.

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

Ю.В. Пономарчук, канд. физ.-мат. наук (web-мастер);
Е.В. Листопадова (технический секретарь); **Е.Ю. Мальнева**, канд. филол. наук (переводчик)

*Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук»*

Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ

*Печатается по решению Совета ректоров вузов Дальневосточного Федерального округа № СР/ДФО-54а
от 9 октября 2002 г.*

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № 77-16283 от 29 августа 2003 г.

Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,

Тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	6
СТАТЬИ.....	7

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Быкова Г.В.</i> От документирования эвенкийского языка к описанию топонимикона Приамурья	7
<i>Кабакчи В.В.</i> Реалии русской культуры в Большом Оксфордском словаре	12
<i>Серкова Н.И.</i> Политкорректные эвфемизмы русского и английского языков в современной лексикографической практике.....	19

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

<i>Ривлина А.А.</i> Взаимодействие русского языка с английским в названиях российских Интернет-сайтов.....	28
<i>Гриценко Е.С., Алешинская Е.В.</i> Английский язык в телевизионном музыкальном шоу «Голос».....	33
<i>Едличко А.И.</i> Особенности гастрономического дискурса в сфере фаст-фуда: русско-немецкие параллели.....	41
<i>Муляджанова Н.С.</i> Англоязычные опосредованные терминологические заимствования в русском языке как результат взаимодействия языков и культур	47
<i>Завьялова В.Л., Колесниченко М.А.</i> Россия в мультилингвокультурном пространстве АТР: речевое взаимодействие на языке-посреднике	52
<i>Данилова С.А.</i> Некоторые аспекты учебного дискурса урока иностранного языка в российском университете	59

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

<i>Фэн Юй.</i> Россия и русские в представлении китайцев	64
<i>Хань Чжипин.</i> Ассоциативные реакции русских и китайцев на стимул «Птица»	68
<i>Кравчук А.А.</i> Структурно-семантическое калькирование русской обценной лексики в английском языке: реакция носителей различных языков (на примере романа Э. Литман).....	73

КОГНИТИВНО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ВЕРБАЛИЗАЦИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Серова И.А.</i> Способы концептуализации ксенонимов-заимствований в английском языке межкультурного общения, обращённом в русскую культуру (на материале англоязычного лексико-семантического поля «История и культура Санкт-Петербурга»)....	78
<i>Цзинь Тао.</i> Два видения последовательности процесса и их влияние на формирование значений	84

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

<i>Бахтикиреева У.М.</i> Русскоязычие как актуальная междисциплинарная проблема.....	92
<i>Бутенина Е.М.</i> Три американские вариации «Дамы с собачкой».....	98
<i>Белоглазова Е.В.</i> Функционирование ксенонимов-русизмов в литературе жанра фэнтези	103
<i>Забияко А.А.</i> М.В. Щербаков: человек дальневосточного фронта в поиске корня жизни.....	111
<i>Омеличкина Е.О.</i> Мифологический образ Орфея на перекрестке культур	118

ФИЛОСОФИЯ ВЕРБАЛИЗАЦИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Степанок О.В.</i> Специфика традиционной русской культуры.....	121
<i>Арташкина Т.А., Ху Яньли.</i> Проблема идентификации национальной культуры	127
<i>Лю Чжицян.</i> Основная периодизация в исследовательской, творческой и просветительской деятельности Л.Е. Черкасского.....	135

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

<i>Ванденко В.А.</i> Интерпретация категориального аппарата традиционной китайской медицины в контексте европейской науки (статья первая: категории <i>цзин</i> и <i>ци</i>).....	142
<i>Смоляков В.А.</i> Особенности и эволюция партийной системы Японии	152
<i>Фролова Е.А.</i> Российский Дальний Восток в геополитическом пространстве АТР: стратегические приоритеты и угрозы национальной безопасности	160
<i>Печерица В.Ф.</i> Новый этап в российско-китайских отношениях: союз или стратегическое партнерство?	165
<i>Платонова Н.М.</i> Развитие промышленности Дальнего Востока РСФСР (1965–1985 гг.): анализ источниковой базы.....	172
<i>Кузьмин В.Л., Нечитайлов С.М.</i> Образование эсеровских организаций в России и на Дальнем Востоке и их деятельность в регионе до февраля 1917 г.	179
<i>Ляхов Д.А.</i> Либерализация политического режима атамана Г.М. Семенова в Восточном Забайкалье (июнь 1920 г.)	187
<i>Яхимович С.Ю.</i> Военизация североманьчжурской колонии советских граждан в 1920–1930-х гг.....	192
<i>Мамаева Т.Г.</i> Российское торгово-промышленное предпринимательство в Маньчжурии (конец XIX – первая половина XX вв.): историографический анализ.....	196
<i>Мерецкий Н.Е.</i> Особенности возбуждения уголовных дел по фактам насилия, совершаемых в семье.....	202

РЕЦЕНЗИЯ

<i>Забровская Л.В.</i> Рецензия на монографию Б.И. Ткаченко «Граница между Россией и Китаем в договорах и соглашениях XVII–XXI веков».....	206
НЕКРОЛОГ	210
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	211
К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ	212

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Этот номер продолжает филологическую серию работ по межкультурной коммуникации (см. журналы № 1 (21) 2009; № 2 (26) 2010; № 4 (32) 2011; № 1 (37) 2013; № 2 (42) 2014). Тема нашего выпуска представляет русскую культуру на стыке языков и литератур. Выбор темы не случаен, ведь что оказывается центром и фокусом нашей межкультурной коммуникации? Конечно, наша собственная культура и культура наших собеседников, которую мы соизмеряем со своей собственной, прежде всего, через язык и литературу. В нашем выпуске вы можете найти стык русской культуры и русского языка с эвенкийским языком; китайским языком и культурой, английским языком и англоязычной литературой, немецким языком и культурой, французским языком и литературой.

По определению русского философа И.А. Ильина, русская культура – это созерцание целого. А целое всегда имеет множество аспектов, граней, диапазо-

нов исследования. Филологическое исследование многогранности русской культуры представлено в нашем журнале несколькими рубриками: Лингвистическое документирование российской культуры; Русская культура в социолингвистическом освещении; Русская культура в психолингвистическом освещении; Когнитивно-концептуальный подход к вербализации русской культуры; Русская культура в литературоведческом освещении; Философия вербализации русской культуры.

Мы надеемся, что тема выпуска будет интересна и отечественным, и зарубежным ученым, поскольку со времен У. Черчилля Россию называют «загадкой, завернутой в тайну и погруженной в мистирию». Загадочное всегда манит и привлекает ...

З.Г. Прошина,
д-р филол. наук, профессор,
зав. отделом «Филология»

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ОТ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА К ОПИСАНИЮ ТОПОНИМИКОНА ПРИАМУРЬЯ

Г.В. Быкова

Быкова Гульчера Вахововна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета.

Контактный адрес: gulchera-bykova@yandex.ru.

В статье рассматривается судьба конкретного миноритарного языка в условиях мировой глобализации, когда количество языков стремительно сокращается за счёт перехода малых и ранее бесписьменных народов на языки крупных наций, и эту тенденцию приходится признать объективной и необратимой. Ежегодно на планете погибает 10–12 маргинальных языков. Именно поэтому всё чаще в качестве первоочередной задачи выдвигается документация исчезающих языков: они погибнут, и документировать будет попросту нечего. С 2001 г. лингвисты Благовещенского государственного педагогического университета при поддержке сектора тунгусо-маньчжурских языков Института филологии СО РАН (г. Новосибирск) и сектора эвенкийской филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов СО РАН (г. Якутск) сосредоточились на системном описании трёх говоров амурских эвенков (желтулакского, зейского и селемджинского). Результатами успешно проведённого документирования стали диалектные словари исчезающих говоров, на базе которых теперь силами ведущих русистов и тунгусоведов России выполняется проект по комплексному лингвистическому описанию топонимикона Приамурья, примерно на 80 % состоящего из географических названий эвенкийского происхождения. Параллельно изучаются механизмы адаптации субстратных топонимов сквозь призму феномена лакунарности.

Ключевые слова: документирование, системное описание лексики исчезающего языка, последние носители языка, субстратные топонимы, топонимикон Приамурья, лакуны.

Доминирующей мировой тенденцией в современном цивилизованном мире является глобализация – процесс политического, идеологического, экономического, финансового, социального и культурного сближения ведущих экономически развитых демократических стран мира, сопровождаемый выработкой согласованной политики во всех областях мировой жизни. В условиях глобального общества языковые проблемы также становятся глобальными и требуют иного, чем раньше, решения.

В целом языковые изменения осуществляются при взаимодействии причин внешнего и внутреннего порядка. Причем основа для изменений заложена в самом языке, где действуют внутренние закономерности, причина которых – их движущая сила – заключена в системности языка. Но своеобразным стимулятором этих изменений является фактор внешнего порядка – процессы в жизни общества и мира в целом. Язык и общество, как пользователь языка, неразрывно связаны, но при этом они имеют свои собственные, отдельные законы жизнеобеспечения, которые в современном мире поставили под угрозу будущее целого ряда языков.

Точное количество языков в мире установить трудно, и данные, приводимые разными учеными, колеблются от 3000 до 10–12 тысяч. Полагают, что на конец XX в. на планете насчитывалось примерно около семи тысяч живых языков, из которых в ближайшее десятилетие сохранится не более 600. На каждом из остальных говорят по несколько тысяч человек, у 46 языков осталось по одному носителю [9: с. 203]. Языков, имеющих «обеспеченное будущее», из общего количества сохранившихся, не более трёх-четырёх десятков [9: с. 67]. Количество языков в мире неуклонно сокращается, и эту тенденцию приходится признать естественной, объективной и необратимой. При этом языки стремительно сокращаются за счет перехода малых и бесписьменных народов на языки крупных наций. В будущем продолжится и, возможно, усилится тенденция к сокращению числа языков – малые и бесписьменные народы будут быстрее переходить на языки более крупных народов, на которых они получают доступ к современному информационному пространству и образованию.

Осознание того, что исчезновение языков, особенно языков малочисленных народов, превращается в современном мире в лавинообразный процесс, заставляет исследователей по-новому взглянуть на приоритеты лингвистики. ЮНЕСКО установлено, что ежегодно в мире погибает 10–12 маргинальных языков. Все чаще в качестве первоочередной неотложной задачи выдвигается документация исчезающих языков: они погибнут, и документировать будет попросту нечего.

Трагическую судьбу стремительно исчезающих языков разделил и язык эвенков Амурской области. На эвенкийском языке в РФ говорит одна из малочисленных (миноритарных) народностей – эвенки (устаревшее название *тунгусы*, иногда *орочоны*). По существующей классификации языков мира, эвенкийский язык относится к тунгусо-маньчжурской семье, которая делится на три группы: тунгусскую или северную (эвенкийский, эвенский, негидальский, солонский), амурскую, или южную (нанайский, ульчский, удэгейский, ороцкий и орокский) и маньчжурскую» [5: с. 6]. Н.Я. Булатова отмечает, что большинство тунгусо-маньчжурских языков – бесписьменные или младописьменные языки охотников, рыболовов и оленеводов Сибири. Все тунгусо-маньчжурские языки России имеют малое число носителей и повсеместно вытесняются русским, а в Якутии – якутским. По классификации Н.Я. Булатовой, «...желтулакский, зейский и селемджинский говоры относятся к восточному наречию эвенкийского языка, но к различным диалектам этого наречия: желтулакский – к верхнеалданскому, зейский – к учурско-зейскому, и селемджинский – к селемджинско-буреинскому урмийскому диалекту» [5: с. 11].

Всему миру известна «Красная книга языков мира», терпящих бедствие, учрежденная ЮНЕСКО в июне 1993 г. В настоящее время в списке аналогичной «Красной книги языков народов России» значится как миноритарный, маргинальный и язык амурских эвенков, который на сегодняшний день, будучи фактически не исследованным и до конца XX в. оставшийся системно не описанным, снижает свой социальный статус в пределах области, сужается сфера его употребления в качестве основного средства общения в эвенкийских посёлках.

Уходят из жизни последние носители древних говоров уникального языка. Многие обряды и традиции, веками связанные с оленеводством, охотой, рыболовством и сбором дикоросов, утрачиваются безвозвратно. В результате выходят из употребления целые пласты лексики, в которой отражены и запечатлены национально значимые и передаваемые тысячелетиями смыслы, зафиксировавшие часть исчезающей культуры.

Распространение средств массовой информации только на русском языке, тактика максимального обучения в школе на русском языке и минимального (2 часа в неделю) на родном эвенкийском, отсутствие в средних специальных и высших учебных заведениях области подготовки специалистов для нужд коренного народа, разрушение традиционной хозяйственной деятельности и экосистем в местах компактного проживания эвенков поставили национальный язык и культуру на грань исчезновения. Дети и молодежь не знают языка, этногенеза, традиций и истории своего народа. В школах компактного проживания аборигенов не хватает учебной и методической литературы на родных говорах, практически отсутствуют художественные национальные тексты и их лингвистический анализ. Учебники, написанные на полигусовском говоре эвенков Подкаменной Тунгуски, малопонятны амурским детям и требуют серьёзной научной и методической адаптации.

Центром экспертиз (СПб) и фондом национальных исследований (Москва) Научно-методический центр лингвистики и межкультурной коммуникации Благовещенского государственного педагогического университета зарегистрирован как ведущий в России по документированию и описанию языка амурских эвенков. Интенсивная работа по лексикографированию трёх стремительно исчезающих говоров началась в 2001 г. после обращения в Федеральное собрание, в Правительство РФ, лично к В.В. Путину, к губернатору Амурской области О.Н. Кожемяко. Нас услышали и поддержали. На выделенные средства состоялось восемь научно-исследовательских экспедиций в места компактного проживания эвенков. Словарные материалы отбирались по методикам Сектора тунгусо-маньчжурских языков Института филологии СО РАН (г. Новосибирск) и Сектора эвенкийской филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера (г. Якутск) в местах компактного проживания эвенков с помощью постоянно действующих информантов (последних носителей языка) – учителя эвенкийского языка Усть-Нюкжинской средней школы (с. Усть-Нюкжа Тындинского района, Амурской области) Мальчиковой Раисы Егоровны (умерла в 2007 г.), учителя эвенкийского языка Бомнакской средней школы (с. Бомнак Зейского района, Амурской области) Сениной Лидии Константиновны (умерла в 2009 г.) и жительницы с. Ивановского, Селемджинского района, Амурской области Соловьевой Лидии Афанасьевны, ныне здравствующей.

Необходимость создания диалектных словарей, отражающих особенности языковой картины мира региона или его отдельных территорий как хранителей диалекта, очевидна. Областные словари слу-

жат сохранению национального достояния русского и эвенкийского этносов, локально сосуществующих более ста лет на данной территории, и представленных лексико-фразеологическими системами русской и эвенкийской разговорной речи. Они отражают мир природы, быт, производственную сферу, социально-экономические и иные отношения эвенков и русских окраинной территории России, внутреннее состояние ее жителей, обогащают духовный мир современных амурчан.

На сегодняшний день проект по документированию исчезающего языка эвенков региона успешно завершён. Созданы и увидели свет «Словарь желтулакского говора эвенков Амурской области в двух частях» [1; 2], «Словарь зейского говора эвенков Амурской области» [3] и «Словарь селемджинского говора эвенков Амурской области» [4]. Вторая часть словаря подготовлена и существует в электронном варианте. С целью пополнения тезауруса словаря селемджинских автохтонов планируется серия экспедиций в места компактного проживания эвенков на территории Хэйлунцзянской провинции КНР, проживающих на противоположном берегу Амура. Предполагается, что активно функционирующий язык эвенков Китая сохранил группы слов, возможно, исчезнувших у российских эвенков. Запланированы совместные исследования с учёными Института культуры Приамурья Хэйхэского и тунгусоведами Бурятского госуниверситетов.

Редактирование словарей желтулакского и зейского говоров выполнила доктор филологических наук, заведующая Сектором эвенкийской филологии ИГиИПМНС СО РАН Варламова Галина Ивановна, которая является образованным представителем этноса амурских эвенков, хорошо знает и любит родной язык. Варламова Г.И. осуществила сбор дополнительного словарного и современного фольклорного материалов, вошедших в контексты и приложение словарей в виде статей высокой научной ценности: «Запреты и обереги амурских эвенков», «Имянаречение амурских эвенков», «Эвенкийские пословицы и поговорки», «Древний фольклор амурских эвенков» и др.

Материалы к предисловию словаря выполнены заведующим сектором тунгусо-маньчжурских языков Института филологии СО РАН доктором филологических наук, профессором Болдыревым Борисом Васильевичем, под руководством которого проведена работа по камеральной обработке словарного полевого материала, составлены проект словаря, словарные статьи, подобраны контексты ко многим словам.

Руководство и координацию деятельности всех участников проекта в течение десяти лет осуществляет доктор филологических наук, профессор БГПУ, академик РАЕН Быкова Гульчера Ваховов-

на, которая является автором, инициатором, организатором и научным куратором проекта документирования языка эвенков Амурской области. Материалы проекта по системному описанию исчезающего языка апробированы на конференциях в Санкт-Петербурге, Москве, Якутске, Новосибирске, Улан-Удэ. Участники конференций единодушны во мнении: язык и культура амурских эвенков являются уникальными в своем роде и представляют большую научную ценность. Не случайно коренные жители нашей области привлекают внимание французских, американских, канадских, голландских и других ученых. Рабочие материалы всех словарей, записанные Р.Е. Мальчакиной, Л.К. Сениной и Л.А. Соловьевой, а также собранные в экспедициях, представляют непреходящую культурную и лингвистическую ценность, поэтому переданы в государственный архив Амурской области. Там же находится более полутысячи единиц хранения документов, видеозаписей, речевых образцов, артефактов аборигенного населения, собранные во время экспедиций.

Ученые предполагают, что язык возник раньше таких важнейших явлений в истории человечества, как искусство: декорированным деревянным и костяным предметам – более 25 тысяч лет, наскальной живописи около 14 тысяч лет. Ареал распространения красочных петроглифов древних автохтонов, писаниц, охватывает огромную территорию Дальнего Востока (более 0,5 млн кв. км) между Яблоновым, Становым, Буреинским хребтами и долиной реки Амур. Тысячелетиями кочевали здесь амурские аборигены на принципах разумного, экологически грамотного потребления и воспроизводства природных ресурсов, поддерживая равновесие с окружающей средой. Информация о природных богатствах края, его ландшафтных особенностях, ритуальных мифохудожественных памятниках наскальной живописи, исторических событиях и т.д. закодирована в языке древнего этноса. Например, название реки *Селемджа* в переводе с др.эвенк. означает *железистая*. В бассейне именно этой реки современными геологами обнаружены железорудные месторождения. *Онони* – с эвенк. *онён* – рисунок. В долине Онони археологами исследованы и описаны более десятка писаниц с цветными наскальными рисунками. Река, по которой в 1650 г. Е.П. Хабаров вышел к Амуру, названа коренными жителями *Урка*, что означает *дверь*, а *Якодokit* – *дорога к якутам*.

Многочисленные географические названия, активно используемые амурчанами, представляют собой часть национальной системы концептов амурских аборигенов, положенной в ядерную часть языковой картины мира современного Приамурья. Зашифрованная в ней предыдущими поколениями

информация практически недоступна носителям русского языка – современным пользователям региональных топонимов. И потому слова *Селемджа, Олёмка, Уркима, Бомнак, Бардагон, Хорогочи, Гилуй, Чагоян* и многие сотни других, как показали проведенные нами широкомасштабные психолингвистические эксперименты, воспринимаются их массовым русскоязычным пользователем примерно как синтетические, выдуманные, ничего не обозначающие слова типа *агабак, яждец, чалтиш, кулдом, жертус, тьюзгру, чунбих, жунцаф* и др. Это аномальное явление для языка россиян, который искони подпитывался и обогащался национальными языками в условиях полиэтничности и многоязычия, можно устранить, если успеть системно описать язык амурских аборигенов, сохранив его и для будущих поколений этноса. Именно с этой целью в первую очередь и создавались диалектные двуязычные словари исчезающих говоров.

Таким образом, потеря эвенкийского языка чревата опасностью не только для малочисленного аборигенного народа нашей области. Представители древнего этноса создали уникальную языковую картину мира, ядром которой стали тысячи топонимов эвенкийского происхождения, вошедшие в словарный фонд носителей русского языка. Многочисленные географические названия, активно используемые современными амурчанами, представляют собой часть национальной системы концептов амурских аборигенов. Зашифрованная в ней предыдущими поколениями информация практически недоступна носителям русского языка. Это аномальное явление для пользователей топонимической лексики региона можно устранить, если на основе созданных диалектных словарей исчезающего языка создать комплексный топонимический словарь Амурской области. Интенсивная работа по исследованию субстратного на 80 % топонимикона проводилась нами одновременно с документированием исчезающих говоров. С этой целью разработан план-концепция топонимических исследований, теоретической основой которых стали защищенное в 2009 г. Е.Л. Калининой диссертационное исследование «Особенности адаптации субстратных топонимов в концептосфере языка-приемника (на материале ойконимии Амурской области)» 2009 г.) [6], монография «Механизмы концептуальной адаптации субстратных топонимов» (авторы Е.Л. Калинина, Г.В. Быкова, 2011 г.) [7], серия научных публикаций и пленарных докладов всероссийских и международных конференций сотрудников Научно-методического центра лингвистики и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВПО «БГПУ».

Получили высокую оценку ученых России диссертационные исследования преподавателей БГПУ

на материале эвенкийского и русского языков: О.Б. Пылаевой «Лакуарность лексико-семантического поля «Природа» (на материале русского и эвенкийского языков) [10]; Е.В. Мерекиной «Культурные концепты как ядерная часть языкового сознания малочисленного народа» (этнокультурологическое исследование языка малочисленных народов) [8] и др.

Проведенные исследования показали, что в условиях межкультурной коммуникации в этнокультурной среде Приамурья в сознании русских коммуникантов многочисленные слова эвенкийского происхождения, «облегченные» концептуальными и семантическими лакунами (пустотами), обедняют мышление массового пользователя, создавая нормативную разногласицу. Языковая картина мира русскоязычного населения Амурской области в виде её ядра – многочисленных топонимов эвенкийского (80 %) и славянского происхождения – останется ущербной, семантически немотивированной, если срочно не провести лингвистические исследования этого общеупотребительного пласта лексики с целью восстановления первичного значения всех региональных топонимов с опорой на эвенкийских информантов. На сегодняшний день регламентирующие справочники по топонимике Амурской области отсутствуют даже в пробном, сокращённом виде, что выражается в коммуникативном дискомфорте этнокультурной среды региона.

Лингвисты БГПУ собрали необходимые материалы для характеристики и мониторинга несбалансированной языковой ситуации в местах компактного проживания эвенков Амурской области. Общий вывод таков: в условиях исчезновения языка, культуры и автохтонного этноса в целом необходимо срочно приступить к широкомасштабному исследованию и лексикографированию субстратной топонимии региона с целью создания лингвистического, этимологического, культурологического, исторического, нормативного словаря топонимов, патронимов, гидронимов и оттопонимических прилагательных Амурской области

В 2010 г. сформирован всероссийский авторский состав будущего комплексного словаря географических названий Амурской области в двух томах: «Населенные пункты» (т. 1) и «Географические объекты» (т. 2). Это ответственный редактор, специалист по топонимическим словарям нового типа д-р филол. наук, профессор М.В. Горбаневский (г. Москва), канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой языков малочисленных народов Севера Бурятского госуниверситета Е.Ф. Афанасьева (г. Улан-Удэ), канд. филол. наук, доцент Хабаровского гуманитарного университета Е.Л. Калинина (г. Хабаровск), ведущий научный сотрудник

лаборатории рудогенеза Института геологии и природопользования ДВО РАН А.В. Мельников (г. Благовещенск) и др. Возглавляет и координирует лексикографический проект Центр лингвистики и межкультурной коммуникации БГПУ. Первый том словаря планируется издать в 2016 г., второй – 2017.

Мы убеждены – спасение любого вымирающего языка представляет большую научную и практическую ценность для всего человечества. Культура коренного народа заключает в себе принципы разумного, экологически грамотного, проверенного опытом многих поколений потребления, воспроизводства природных ресурсов и поддержания равновесия в природе. Потеря такого опыта и сформированных на его основе языка, обычаев, традиций, менталитета, культуры, уникального генофонда, наконец, станет невосполнимой утратой для всех жителей планеты Земля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь желтулакского говора эвенков Амурской области / Б.В. Болдырев [и др.]. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2009. – Ч. 1. – 608 с.
2. Словарь желтулакского говора эвенков Амурской области / Б.В. Болдырев [и др.]. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2010. – Ч. 2. – 235 с.
3. Словарь зейского говора эвенков Амурской области / Б.В. Болдырев [и др.]. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2011. – 425 с.
4. Болдырев, Б.В. Словарь селемджинского говора эвенков Амурской области / Б.В. Болдырев, Г.В. Быкова, Л.А. Соловьева. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – Ч. 1. – 463 с.
5. Булатова, Н.Я. Говоры эвенков Амурской области / отв. ред. О.П. Суник; АН СССР, Ин-т языкознания. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1988. – 168 с.
6. Калинина, Е.Л. Особенности адаптации субстратных топонимов в концептосфере языка-приемника (на материале ойконимов Амурской области): дис. ... канд. филол. наук / Е.Л. Калинина. – Благовещенск, 2009. – 239 с.
7. Калинина, Е.Л. Механизмы адаптации субстратных топонимов и феномен лакунарности / Е.Л. Калинина, Г.В. Быкова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2011. – 230 с.
8. Мерекина, Е.В. Культурные концепты как ядерная часть языкового сознания малочисленного народа (этнокультурологическое исследование языка малочисленных народов): дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Мерекина. – Барнаул, 2008. – 231 с.
9. Попова, З.Д. Общее языкознание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2004. – 205 с.
10. Пылаева, О.Б. Лакунарность лексико-семантического поля «Природа» (на материале русского и эвенкийского языков): дис. ... канд. филол. наук / О.Б. Пылаева. – Благовещенск, 2001. – 228 с.

РЕАЛИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В БОЛЬШОМ ОКСФОРДСКОМ СЛОВАРЕ

В.В. Кабакчи

Кабакчи Виктор Владимирович – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Финэк).

Контактный адрес: vkabakchi@gmail.com

В данной статье предпринимается попытка соотнести данные «интерлингвокультурологии», лингвистической дисциплины, исследующей язык вторичной культурной ориентации с тем, как английский язык вторичной культурной ориентации, используемый в приложении к русской культуре, представлен в Большом Оксфордском словаре (БОС, OED).

Ключевые слова: функциональный дуализм языка, внутренняя и внешняя культуры, культуронимы, идионимы, ксенонимы.

Интерлингвокультурология. «Интерлингвокультурология» (ИЛКология) – это лингвистическая дисциплина, которая изучает язык в его вторичной культурной ориентации [6: с. 4]. Краеугольным положением ИЛКологии¹ является двойственный характер языка, который, с одной стороны, является средством общения землян вообще, с другой стороны, это средство общения конкретной лингвокультурной общности. Будучи средством общения людей в условиях многоязычного мира, язык в первую очередь направлен в область своей, «внутренней» (internal) культуры. Вместе с тем язык необходимо использовать и в ориентации на внешний мир, т.е. в области «внешних» (external), иноязычных культур. Это свойство мы называем «функциональным дуализмом языка» [5].

Учитывая, что глобализация совпала с «глобанглизацией», т.е. с глобальным доминированием английского языка, и одновременно с ослаблением позиций русского языка, мы поставили перед собой задачу изучить возможности иноязычного распространения русской культуры с использованием ведущих языков мира, в первую очередь, с использованием английского языка. Поскольку серьезным препятствием в межкультурном общении являются так называемые языковые реалии, мы основное внимание направили на изучение возможности преодоления этого препятствия.

Вторичная ориентация языка. В общем плане проблема может быть представлена как «язык, обращенный в область иноязычной культуры» (Foreign-Culture-Oriented Language, FCOL). Наибольший интерес в эпоху «глобанглизации» представляет английский язык, обращенный в область иноязычной культуры (т.е. Foreign-Culture-Oriented English, FCOE). На протяжении нескольких десятков лет мы изучали языковые особенности частного случая этого феномена – английский язык, обращенный в область русской культуры (Russian-Culture-Oriented English, RCOE).

В целях получения объективных данных в качестве материала исследования мы выбрали оригинальные (непереводные) англоязычные описания русской культуры, созданные преимущественно носителями родного или (реже) второго английского языка. Это обширная сфера коммуникации, включающая в себя тексты самых разнообразных жанров: от сугубо научных монографий и статей по русской культуре, от пространных популярных культурологических произведений, художественных произведений, путевых записок и бесчисленных статей в газетах и журналах до путеводителей по России. Это тексты, охватывающие почти пять столетий. Достаточно сказать, что только один, наиболее авторитетный, англоязычный труд о России – *The Cambridge Encyclopedia of Russia and the Former Soviet Union* (1994) – в качестве «Further Reading» рекомендует более 500 работ в 14 различных областях русской культуры (the physical environment, the peoples, religion, history, art and architecture, language and literature, etc.), покрывая при этом отнюдь не все стороны культуры [8: с. 570–579].

Культуронимы. Итогом наших ИЛКологических исследований стало создание теории языка в его вторичной культурной ориентации на иноязычную (внешнюю) культуру. Центральной проблемой ИЛКологии является изучение процесса иноязычного наименования языковых реалий. Это сделало необходимым уточнить саму номенклатуру наименований элементов культуры.

Вербальные наименования элементов культур, независимо от их языка, мы обозначили термином «культуронимы». *Языковые реалии*, т.е. специфические культуронимы, мы обозначили термином «идиокультуронимы», разделив их на две группы: идионимы и ксенонимы. «Идионимы» – это идиокультуронимы данного языка, исходные наименования реалий, наименования «своей», «внутренней» культуры; например: «самовар», «Волга», «царь» – это идионимы русской лингвокультуры. Между тем «ксенонимы» – это иноязычные, «чу-

¹ ИЛКология – «Интерлингвокультурология».

жие» реалии; в частности, «samovar», «Volga», «tsar» – это ксенонимы-русизмы в рамках английского языка [4: с. 16–21]. Таким образом, основной задачей языка вторичной культурной ориентации является переход от идионимов языка описываемой культуры к соответствующим ксенонимам в тексте на языке описания этой культуры.

«Круг В. Гумбольдта». Известно многократно цитируемое высказывание В. Гумбольдта: «... каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [3: с. 80]. Наши исследования показали, что выход языка из привычной для него области внутренней культуры и вторжение в иноязычную внешнюю культуру неизбежно сопряжены с появлением в тексте элементов описываемой культуры, в первую очередь – соответствующих ксенонимов. Итогом нашего изучения RCOE стало создание англо-английского словаря англоязычных ксенонимов русской культуры, включающего 2500 ксенонимов-русизмов [11].

Языковые особенности ксенонимов. Иноязычное описание культуры, изучение FCOL – это специальная область знаний, близкая по своим характеристикам научному стилю. Это определяет основные характеристики ксенонимов, которые в значительной степени терминологичны [6: с. 28–40], и это особенно ярко проявляется в научных текстах: Mikhail Bogoslovskii's *Zemskoe samoupravlenie na russkom severe v XVII v. became central to any subsequent history of the North*, and Aleksandr Kizevetter's *Russkii Sever: rol' severnogo kraia evropeiskoi Rossii v istorii russkogo gosudarstva*, though hardly more than a booklet, pointed to important historical connections between central Russia and the North [13: с. 68].

Важным свойством ксенонимов следует считать их *обратимость*, т.е. установление однозначной связи между исходным идионимом и соответствующей формой его иноязычного выражения («балалайка» ↔ balalaika, «декабрист» ↔ Decembrist) [4: с. 48–52]. Идионим является исходным наименованием данного элемента культуры, и он первичен по отношению к иноязычным вариантам его обозначения, ксенонимам, которые в этом отношении следует считать вторичными.

Важная характеристика текста описания иноязычной культуры – его *доступность* адресату [4: с. 33–38], что заставляет авторов текста добиваться компромисса точности текста и его доступности. Это требование делает *калькирование* идионимов продуктивным способом образования ксенонимов наряду с *заимствованием*. Отсюда возникновение вариативных ксенонимов, чаще всего – сосуществование заимствований и гибридных

образований (chernozem / black earth; kol khoz / collective farm).

Большой Оксфордский словарь (БОС) признается наиболее авторитетным источником сведений о словарном запасе английского языка на протяжении тысячелетнего периода его развития. Этот словарь представляет английский язык в его диахронии. Не случайно его первоначальное название – *A New English Dictionary on Historical Principles* («Новый английский словарь, основанный на исторических принципах»). Словарь основывается на огромном эмпирическом материале и включает в свой словник лишь те слова, которые соответствуют по своей частотности критериям вербального отбора лексики. Иллюстративные цитаты расположены в хронологическом порядке, что позволяет установить исходное появление слова в тексте.

Первое издание словаря вышло в 1928–32 гг., второе и последнее «бумажное» издание вышло (с посвящением королеве Елизавете II) в 1989 г. С 2000 г. словарь существует в электронном варианте, что значительно упрощает нашу задачу проверки данных ИЛКологии.

Число ксенонимов различных культур по данным БОС. Первым и, пожалуй, самым главным наблюдением можно считать осязаемое присутствие ксенонимов-русизмов в БОС. К сожалению, словарь не даёт списком этот слой лексики. Правда, при обращении к заимствованному русизму, представленному в словаре, словарь даёт возможность «browse entries of similar origin», т.е. делает ссылку на вокабулы подобного же происхождения, в том числе и в сопоставлении с ксенонимами других культур. Вот данные по наличию в словаре заимствований из различных языков (список сокращённый):

латинский язык (Latin)	40 304
французский язык (French)	23 151
греческий язык (Greek)	8145
немецкий язык (German)	3479
итальянский язык (Italian)	2077
испанский язык (Spanish)	1728
японский язык (Japanese)	501
хинди (Hindi)	500
русский язык (Russian)	400
португальский язык (Portuguese)	393
китайский язык (Chinese)	325
чешский язык (Czech)	22
украинский язык (Ukrainian)	2

Однако к количеству русизмов – 400, следует относиться весьма осторожно, поскольку составители включили в это число множество этнонимов, которые никак к русизмам не могут быть причислены. Кроме того, там присутствуют научные термины, которые к культуронимам также нельзя отнести. Достаточно взглянуть на начало этого списка:

- 1) Abaza, 1693;
- 2) Abkhaz, 1686;
- 3) adaptogen, 1966;
- 4) Adjar, n. and adj. 1848;
- 5) Adyghe, 1799.

В то же время за рамками данного списка по каким-то причинам осталось множество ксенонимов-русизмов (более 80), которые, однако, появляются в словаре. Вот некоторые из них: Chekhovian < Church Slavonic < Commonwealth of Independent States < Kremlin < Pioneer < socialist realism < Spartakiad < Tolstoyan < tsarina | czarina < White Army < zek.

Ксенонимы даются порою без логической связи их вариантов. Так, приводится, например, в «списке 400» заимствование *Dekabrist* n. 1882, но отсутствует, на наш взгляд, более употребительный русизм *Decembrist*.

Практика английского языка вторичной культурной ориентации показывает относительную продуктивность модели «Russian doll» [6: с. 107–108]. БОС упоминает 62 русизма этой модели, в том числе такие весьма популярные ксенонимы: Russian America < Russian ballet < Russian bath < Russian Blue < Russian braid < Russian cigarette < Russian dinner < Russian doll < Russian Easter egg < Russian Empire < Russian Federation < Russian Formalism < Russian hat < Russian leather < Russian Revolution < Russian salad < Russian tea < Russian wolfhound.

Вместе с тем все эти русизмы не входят в «список 400». Вот почему у нас есть все основания полагать, что, согласно нашим наблюдениям, в словаре БОС в том или ином виде (базовое слово или часть словарной статьи) имеется более 600 русизмов.

«Открытие» Московии англичанами. Прямые контакты между русскими и англичанами установились в эпоху правления Ивана Грозного [1]. В 1553–54 гг. англичане отправили экспедицию в поисках пути в юго-восточную Азию вдоль Северного Ледовитого океана. После кораблекрушения Ричард Ченслер (Richard Chancellor, b.?-d.1556), в числе других спасшихся членов экспедиции, прибыл из Архангельска (англичане называли его тогда Archangel) в Москву. Иван Грозный, мечтавший о выходе к Балтийскому морю, приветствовал гостей и дал согласие на образование торговой компании, the Muscovy Company (OED: 1555), предоставив английским торговцам монополию. Наступил «медовый месяц» русско-английских контактов, когда число англичан, знавших русский язык, превышало число русских, знакомых с английским языком.

Ранние русизмы. Большой интерес представляют первые поступления в БОС. Вот самые ранние русизмы, включённые в этот словарь:

- 1) **Russ (Rus)** n. a1525 ...Russian ...;
- 2) **boyar**, n. 1555 ...A member of an order of Russian aristocracy;
- 3) **czar| tsar**, n. 1555 ...Hist. The title of the emperor of Russia;
- 4) **verst**, n. 1555 about two-thirds of an English mile ...;
- 5) **kvass**, n. a1556 A fermented beverage, rye beer ...

Естественно, что орфография того времени существенно отличается от современной. Вот, например, как тогда писали русизмы «царь» и «Москва»: *The Russian Ksar In Mosco* (Milton *Paradise Lost* 1667; OED1 Online 2013 **tsar**).

А в этом примере мы находим русизмы «Ока», «верста», «Москва»:

The ryuar oca, which is 20 versse distant from ye moscow; a verse is iii quarters of an yngleshe myle. (J. Stow in A. Jenkinson *Early Voy. Russia & Persia* c1571; OED1 Online 2013 **verst**).

Оказавшись в незнакомом мире, англичане сталкиваются с новыми элементами окружающей их действительности, заимствуя из русского языка их наименования: *Their beasts of strange kinds are the Losh [= elk], the Ollen, the wilde Horse.* (1591 G. Fletcher *Of Russe Common Wealth* iii. f. 10v; OED Online 2013 **losh**). *They held one tooth of a Morse ... at a roble.* (a1584 S. Borough in R. Hakluyt *Princ. Navigations*; OED1 Online 2013 **rouble**). Как видим, в первом предложении заимствуются русизмы «лось» и «олень», а во втором примере – «морж»: в английском языке, судя по всему, еще не сложились соответствующие наименования.

В текстах также отмечено таинственное слово «*Ribazuba*».

The fishe tooth (which they cal Ribazuba) ... (1591 G. Fletcher *Of Russe Common Wealth*; OED1 Online 2013: **Ribazuba**). Впрочем, при ближайшем рассмотрении оказывается, что речь идёт не о рыбе, а о клыках моржа.

Вся эта пёстрая инолингвокультурная лексика проходит через строгий фильтр межъязыковой практики, своеобразный естественный вербальный отбор. Так, на раннем этапе межкультурных контактов английский язык использовал не только русское слово «морж», но и русизм «икра» («*Ikary*»), который долгое время сосуществовал с соответствующим итальянским словом, пока последний не вытеснил русизм окончательно: *The Muscovites call it Ikary, and the Italians Cavaiar.* (1662 J. Davies tr. A. Olearius *Voy. & Trav. Ambassadors*; OED1 Online 2013 **ikary**).

Заимствуется в ранних текстах и русизм «нефть» («*Nefte*»), что указывает на то, что наши нефтяные богатства не возникли неожиданно: *This Oyle is blacke, and is called Nefte.* (c1575 G. Duckett in R. Eden *Martyr's Decades*; OED2 Online 2013 **nefte**).

Доля ксенонимов в Большом Оксфордском словаре. Английский язык постепенно осваивает мультикультурный континуум земной цивилизации. При этом следует иметь в виду, что составители словаря до самого последнего времени были ограничены в определении его объёма. Второе издание БОС содержало чуть более 300 тысяч словарных статей, которые описывали более 600 тысяч различных слов, включая и ксенонимы. Если считать, что существует около 7000 различных языков, отражающих разные культуры [12], большие и малые, и на долю каждой в среднем приходится, по крайней мере, 500 ксенонимов, то общее число ксенонимов в английском языке будет около 3 млн. Между тем из общего числа слов, представленных в БОС, по нашим подсчетам, на ксенонимы приходится чуть более 50 тысяч, а это значит, что словарь БОС фиксирует лишь 1,7 % всех существующих ксенонимов. Неудивительно, что за рамками БОС остаются многие русизмы, регулярно появляющиеся в англоязычных текстах о России, в том числе: *ataman* < < *banya* < < *Bolshoi* < < *Constructivism* < < *dekulakization* < < *elektrichka* < < *FSB* < < *Hermitage* (это слово появляется в БОС лишь в значении «а French wine») < < *Kievan Rus* < < *kulich* < < *marshrutka* < < *Peredvizhniki* (Wanderers) < < *skomorokhi* < < *Time of Troubles* < < *World of Art*².

Отставание лексикографической регистрации. Следует также принять во внимание неравномерность освоения английским языком внешних (иноязычных) культур, что уже очевидно из приведённых выше данных регистрации разноязычных ксенонимов. В результате лексикографы с большой осторожностью включают в словарь новых членов. Это хорошо видно на примере русизмов-новичков, впервые появившихся во втором издании БОС.

Так, например, во второе издание Большого Оксфордского словаря (OED2, 1989) вошли русизмы, которые, судя по дате их первого употребления, приводимого в словаре (ниже она приводится в скобках), ждали немало лет, прежде чем получили признание, в том числе: *ataman*³ (1835); *balaclava* (1881); *balalaika* (1788); *blin* (1889); *doukhobor* (1876); *duma* (1870); *omul* (1706).

Как видим, рекордсменом по длительности ожидания можно считать русизмы *omul* (283 года) и *balalaika* (201 год). Такой подход к включению слов в словарь с «запозданием» мы называем *лексикографическим отставанием в регистрации* (lexicographic registration lag) [4: с. 38–39]. Таким

образом, следует отличать *специальный* словарь ксенонимов, каковым, в частности, является словарь *The Dictionary of Russia* [11] с его 2500 ксенонимами, от словарей общего профиля (general purpose dictionaries), к которым относится и БОС. Отсюда различное число ксенонимов-русизмов, регистрируемых данными словарями.

Фактор лингвистичности Большого Оксфордского словаря. На составление словаря влияет его целеустановка, в частности лингвистичен он или энциклопедичен. БОС в значительной мере лингвистичен, хотя постепенно он и отступает от исключительности в этом подходе. Тем не менее избрание такой стратегии заставило составителей исключить, например, из его словаря ксенонимическую ономастику, в то время как в любой более или менее объёмной англоязычной работе по иноязычной культуре, в том числе и русской, значительная, а зачастую большая часть ксенонимов – это собственные имена. Между тем составители БОС предпочитают вводить не имена существительные, а образованные от них прилагательные:

- **Chekhovian**, adj. and n. (OED2 Online 2013: 1925): Of, pertaining to, or characteristic of the work of the Russian writer Anton Pavlovich Chekhov (1860–1904).

- **Dosto(y)evskian** adj. (OED2 Online 2013: 1925 **Dosto(y)evskian**) Of, or characteristic of, Dostoevsky or his works.

- **Tchaikovskian** adj. & n. [OED2 Online 2013: 1945] Of, pertaining to, or characteristic of Tchaikovsky or his style.

Естественно, такую трактовку мы обнаруживаем и в случае фамилии всемирно известного русского писателя Л.Н. Толстого:

- **Tolstoyan** adj. and n. (OED Online 2013 **Tolstoyan**: 1898).

Фактор регистрации ксенонима. С учётом строгого отбора, который составители предъявляют к кандидатам в словарь, следует считать значимым сам факт появления ксенонима-русизма в словаре. Так, впервые сталкиваясь с заимствованием *Dekabrist* и просматривая словарь БОС, данный вариант вызвал у автора сомнения, но существует правило лексикографов: «The lexicographer should make it clear to his staff that if there is doubt as to whether a context should be excerpted, it MUST be recorded. ... it is almost impossible to re-examine that which has not been excerpted» («Лексикограф должен объяснить тем, кто работает с ним, что если возникает сомнение относительно необходимости приведения контекста, он ДОЛЖЕН быть записан. ...практически невозможно подвергнуть повторному обследованию то, что не было выписано») [10: с. 57]. И буквально на следующий день автор столкнулся

² Курсив указывает на то, что данный русизм ещё не прошёл стадию ассимиляции.

³ Ксеноним *ataman* включен в качестве составной части статьи *hetman* без какого-либо разграничения этих различных реалий.

именно с этим заимствованием в письме читателя в редакцию журнала: Dear Sir: My wife and I are not only *Dekabristy* buffs, but we have visited the site portrayed in your article. [...] We found a major part of Eastern Siberia – including the sites of Decembrists exile – handsome terrain, much like New England. (A letter to the editor; *Smithsonian* Aug 1991).

Аналогичен русизм «(ne)kul'turny». БОС включает и утвердительную и отрицательную формы этого ксенонима: If one wants to abuse a Soviet citizen heartily, one calls him *nekulturni* – uncultured – which is at least equivalent to calling a man ‘a swine’ here. (*Internat. Affairs* 1932; OED2 Online 2013: *nekulturny*).

Лексикон «холодная война». Ксенонимы-русизмы, включённые в БОС, принадлежат к различным тематическим группам. Наиболее многочисленные: «администрация» – 29, «этнонимы» – 48, «кулинария» – 37, «религия» – 23, но более всего ксенонимов-русизмов вошло в группу «политическая лексика» – 117. При этом следует отметить, что большая часть таких ксенонимов приходится на советский период: *agitprop* <> *apparat(chik)* <> *Bolshevik* <> *cadre* <> *Cheka* <> *Comecon* <> *Cominform* <> *Comintern* <> *commissar* <> *commissariat* <> *Commonwealth of Independent States* <> *(democratic) centralism* <> *de-Stalinize* <> *deviation* <> *dialectical materialism* <> *dictatorship of the proletariat* <> *diversionist* <> *duma* <> *enemy of the people* <> *fellow-traveler* <> *Gay-Pay-Oo* <> *glasnost* <> *Gorbymania* <> *Gulag* <> *hammer and sickle*. И это только начало списка по алфавиту.

В эпоху «холодной войны» противостоящие идеологии употребляли различные наименования одних и тех же элементов политической жизни:

Soviet ideological approach	Western ideological approach
October Revolution	Bolshevik Coup
Soviet-Finnish War	Winter War
The Soviet-German Non-Aggression Treaty	the (secret) Molotov-Ribbentrop pact
Politbureau	Politburo
Great Patriotic War	Second World War
the Second Front	the Eastern Front
Socialist countries	Eastern Bloc
Soviet Union	Communist Bloc (or Soviet Bloc)
<u>Warsaw Treaty</u>	<u>Warsaw Pact</u>
CMEA	Comecon

Это не удивительно, если учесть, что в XX в. даже возникли специалисты по советской полити-

ке: *Sovietologists* (aka *Kremlinologists*). Подобные русизмы нередко получают нехарактерное для исходных идионимов толкование, например: **apparatchik** A member of the *apparat* n.; also, a Communist agent or spy. (OED2 Online 2013: 1941).

Слова английского языка под влиянием «холодной войны» переосмысляются, приобретая негативный оттенок: In communist jargon to be a *cadre* meant to be someone trained and ready to do anything, anywhere, for communism. (D. Hyde *I Believed* 1950; OED Online 2013 **cadre**).

Источники, которыми пользуется БОС, достаточно хорошо поясняют идеологическую установку составителей, например: R. N. C. Hunt. *Guide to Communist Jargon* (1957).

Мультилингвализация английского языка. Отдельно следует остановиться на одной особенности языка, обращённого в область внешнекультурного мира. Спецификой динамики БОС можно считать мультилингвализацию его словника, который, как мы уже имели возможность убедиться выше, всё более наполняется не просто иноязычными заимствованиями, а ксенонимами разнообразных внешних культур. Об этом пишет и один из редакторов второго издания этого словаря: «...Вокабуляр английского языка сейчас скорее объединен по типу федерации, чем централизован (*federated rather than centralized*). Никто не владеет всем богатством английского языка, но каждый говорящий на английском языке в определенной степени является «многоязычным» («*multilingual*») в рамках английского языка. Мы оказываемся компетентными в вариантах английского языка, которыми не пользуемся» («The English vocabulary is now federated rather than centralized. No one person's English is all English, but each English speaker is to some extent «*multilingual*» within English. We are competent in varieties of English in which we do not perform») [9: с. 501]. Фактически в рамках английского языка формируется язык глобального межкультурного общения. Причём интенсивно этот процесс начался со второго издания словаря в 1989 г.

В этой связи важно указать на интернациональный характер ксенонимов, для которых на межъязыковом уровне характерно то, что мы называем «ксенонимическим изоморфизмом» [4: с. 23–24]. Суть этого явления выражается в следующем. Поскольку важной составной характеристикой ксенонимов является их обратимость, они в значительной мере сопоставимы на межъязыковом уровне, в том числе и по отношению к ксенонимам так называемых «третьих культур», за рамками культур непосредственного межкультурного контакта. В этом нетрудно убедиться на материале таблицы.

Таблица

Ксенонимический изоморфизм на межъязыковом уровне

РЯ	АЯ	НЯ	ИспЯ
Боярин	boyar	Bojaren / Boljaren	Boyardo
Рюрик	Rurik / Riurik	Rurik / Rjurik	Riúrik / Rúrik
Киевская Русь	Kievan Rus'	Kiewer Rus	La Rus de Kiev
Ледовое побоище	Battle of the Ice / the Battle of Lake Peipus	Schlacht auf dem Peipussee	La Batalla del Lago Peipus
Скоморохи	The skomorokhs	Die Skomorochi	Los skomorojis
Смутное время	Time of Troubles	Smuta / Zeit der Wirren	El Período Tumultuoso / Época de las Revueltas / Tiempos Turbios
Староверы	Old Believers	Altgläubige	Viejos creyentes
Стрельцы	Streltsy	Strelizen	Los Streltsí
Великое посольство	The Grand Embassy	Die Große Gesandtschaft	La Gran Embajada
Табель о рангах	The Table of Ranks	Die Rangtabelle	La Tabla de rangos
Декабристы	Decembrists	Die Dekabristen	decembristas
Могучая кучка	The Five / The Mighty Handful / The Mighty Coterie	Die Gruppe der Fünf / Das Mächtige Häuflein	Los Cinco
Передвижники	Peredvizhniki / The Wanderers / The Itinerants	Peredwischniki	Peredvízhniki
Коллективизация	collectivization	Kollektivierung	colectivización
КГБ	KGB	KGB	KGB
Перестройка и гласность	Perestroika & Glasnost	Perestroika & Glasnost	Perestroika & Glasnost
Содружество Независимых Государств (СНГ)	Commonwealth of Independent States (CIS)	Gemeinschaft Unabhängiger Staaten (GUS)	La Comunidad de Estados Independientes (CEI)

Явление ксенонимического изоморфизма дополняется другим важным фактором: «ксенонимической реставрацией». Суть этого явления заключается в том, что в плане диахронии ксенонимы-русизмы, преодолевая ассимиляцию, максимально приближаются по форме к идионимам-прототипам [4: с. 23–24]. Подтверждение этому легко найти, анализируя форму ранних русизмов, приведённых выше. Можно привести очевидные случаи:

- «копейка» ⇒ *copeck* ⇒ *kopeck* ⇒ *kopek*;
- «Архангельск» ⇒ *Archangel* ⇒ *Arkhangel'sk*;
- «Севастополь» ⇒ *Sebastopol* ⇒ *Sevastopol*'.

Действительно, RCOE прошёл долгий путь стандартизации своей транслитерации, с тех пор как в 1600 г. Джоном Мерриком была сделана «транскрипция латинскими буквами» [1: с. 80]: *Me velikoe hospodare schare e velico knaze Buriss Phedorowich seeyaruse samoderzets ...*

Данный процесс особенно интересен, если учесть, что в функции языка, ориентированного в область иноязычной культуры (FCOL), фактически может выступать любой язык. Очевидно, однако, что малые народы чисто из прагматических соображений, в первую очередь, будут обращаться к

наиболее распространённым языкам международного общения – английскому, французскому, испанскому, немецкому, русскому... При этом острой окажется проблема стандартизация орфографии ксенонимов на межъязыковом уровне, поскольку процессы глобализации требуют максимального сближения их формы [7].

Этот процесс особенно интенсивно идёт в сфере топонимики, поскольку точность идентификации нужного географического названия особенно важна. Так, в своём руководстве по употреблению современного нормативного английского языка С. Гринбаум и Д. Уиткат отмечают, что в прошлом наблюдалась тенденция ассимилировать собственные имена, но сейчас такая практика претерпевает изменения: «...мы теперь стремимся произнести *Marseilles* и *Rheims* приблизительно так, как это делают жители этих городов, в то время как наши предки рифмовали их со словами *Wales* и *dreams*» («The English language anglicizes the pronunciation of placenames less than it did even a generation ago. Whether because of increased foreign travel or from a becoming increase in national modesty, we now try to pronounce *Marseilles* and *Rheims* more or less as

their citizens do, whereas our forebears made them rhyme with *Wales and dreams.*») [2: с. 289].

В заключение можно сделать вывод, что интенсивное распространение использования английского языка в ориентации на иноязычные культуры отвечает центристским тенденциям глобализации общения землян. Это очень сложное явление, которое нуждается в тщательном изучении. Тем более, что RCOE имеет большое практическое значение, поскольку может использоваться в целях иноязычной популяризации русской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев, М.П.* Английский язык в России и русский язык в Англии / М.П. Алексеев // Ученые записки ЛГУ. Вып. 9. – Л. : ЛГУ, 1944. – С. 77–137. – (Серия «Филологические науки»).
2. *Гринбаум, С.* Словарь трудностей английского языка. Специальное издание / С. Гринбаум, Дж. Уиткат. – М. : Longman – Русский язык, 1990. – 786 с.
3. *Гумбольдт, В. фон.* Избранные труды по языкознанию / В. фон. Гумбольдт ; под ред. Г.В. Рамишвили. – М. : Прогресс, 1984. – 397 с.
4. *Кабакчи, В.В.* Основы англоязычной межкультурной коммуникации / В.В. Кабакчи. – СПб. : РГПУ, 1998. – 228 с.
5. *Кабакчи, В.В.* Функциональный дуализм языка и языковая конвергенция / В.В. Кабакчи // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. Ч. 2. – СПб. : Тригон, 2005. – С. 164–175.
6. *Кабакчи, В.В.* Введение в интерлингвокультурологию [Электронный ресурс] / В.В. Кабакчи, Е.В. Белоглазова. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2012. – Режим доступа:

http://www.herzen.spb.ru/img/files/perevod/Publikacii/Kabakchi_vvedenie.pdf; (дата обращения 11 января 2015).

7. *Кабакчи, В.В.* Транслитерация русизмов в англоязычном описании русской культуры (к столетию поисков системы транслитерации русизмов) / В.В. Кабакчи, Н.Г. Юзёфович // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2007. – № 3(15). – С. 115–124.
8. Cambridge Encyclopedia of Russia and the Former Soviet Union, The / A.Brown, M.Kaser, G.Smith (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, UK, 1994. – 604 с.
9. *Weiner, E.S.C.* The Federation of English // The State of the Language / C. Ricks, L. Michaels (eds.) – London, Boston: Faber & Faber, 1990. P. 500-507.
10. Workbook on Lexicography. / R.R.K.Hartman (ed.). – Exeter, UK: University of Exeter. 1984. – 218 p.
11. *Кабакчи, В.В.* The Dictionary of Russia (2500 Cultural Terms): англо-английский словарь русской культурной терминологии / В.В. Кабакчи. – СПб. : СОЮЗ, 2002. – 576 с.
12. Ethnologue: Languages of the World, 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ethnologue.com/product/ethnologue-16th-edition>; (дата обращения 12 января 2014).
13. *Kaizer, D.H.* Ivan Nikolaevich Suvorov and the Vologda Archepiscopal Archive / Regional Schools of Russian Historiography. – Budapest: Russica Pannonica, 2007. – P. 68–81.

СОКРАЩЕНИЯ

- БОС – Большой Оксфордский словарь ⇔ OED.
CamEnc => *Cambridge Encyclopedia of Russia*.
FCOE – Foreign-Culture-Oriented English.
FCOL – Foreign-Culture-Oriented Language.
OED – *Oxford English Dictionary Online*. Copyright © 2013 Oxford University Press. <http://oxforddictionaries.com>.
RCOE – Russian-Culture-Oriented English.

ПОЛИТКОРРЕКТНЫЕ ЭВФЕМИЗМЫ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Н.И. Серкова

Серкова Нелли Исидоровна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: serkovanelli@gmail.com

Статья представляет сопоставительное изучение сегмента языковой картины мира, представленной эвфемистической лексикой, на базе словарей эвфемизмов русского и английского языков. В частности, изучаются первичные и вторичные номинации тематической группы Раса / Этнос в сопоставлении с Race / Ethnicity. Результаты демонстрируют больше тенденций к диверсификации, чем универсализации в представлении этого сегмента языковой картины мира, что объясняется социоисторическими, концептуальными и лингвистическими факторами.

Ключевые слова: сопоставительное исследование, языковая картина мира, эвфемизм, тематическая группа Раса / Этнос, первичные и вторичные номинации, политическая корректность.

Лексикография как отрасль языкознания, имеющая дело с описанием словарного состава языка, прошла долгий путь развития: от фиксирования и объяснения отдельных глосс (непонятных слов) и создания глоссариев (списков / сборников иностранных и трудных слов) и вокабулариев (сборников слов для учебных и др. целей) в дословарный период до разработки принципов лексикографической обработки слов и создания словарей различного объема и назначения для отдельных языков, пар и совокупностей языков в современный период развития лексикографии.

Современную лексикографию правомерно называют «научной» и «исторической», имея в виду, что она разработала большое разнообразие типологически и классификационно различающихся лексикографических ресурсов, основываясь на базовых принципах историчности, дескриптивизма и системности.

В контексте данной статьи важно отметить, что современная лексикографическая теория и практика развиваются не только в направлении совершенствования принципов и методов лингвистической обработки слов языка, но и направлены на развитие новых общенаучных комплексных подходов, имеющих целью представить через описание слова культурную идентичность народов, говорящих на этом языке. Соответственно на данном этапе составители словарей проявляют особое внимание к разработке совокупностей таких параметров, которые характеризовали бы объект словарного описания с учетом не только системы языка, но и особенностей национальной идентичности народа, его самосознания и его культуры.

В современной лексикографической практике проводится разграничение лингвистических (описывающих лингвистическую составляющую – лексические значения слов) и энциклопедических словарей (описывающих вещи, реалии, в иной терминологии – понятия / неязыковые единицы). Кроме того, выделяются словари, сочетающие в себе черты лингвистических и энциклопедических словарей, например, лингвострановедческие (содержащие этнокультурно-историческую информацию) и лингвокультурологические / лингвоэнциклопедические, в которых описываются языковые единицы в контексте культуры.

Более того, исследователи говорят о формировании относительно новой отрасли лексикографии – лингвокультурологии, представляющей собой современный этап развития «словарной индустрии», базирующейся на синтезе филологии и культуры [4]. Среди представляющих лингвокультурологию называют новые словари, описывающие различные фрагменты языковой картины мира, например, «Словарь оценок внешности человека» В.М. Богуславского [1], «Константы русской культуры: Словарь русской культуры: Опыт исследования» Ю.С. Степанова [8], «Словарь православной церковной культуры» Г.Н. Складневской [7], «Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь» И.С. Брилевой, В.В. Красных и др. [5], «Русская языковая модель мира: Материалы к словарю» А.Д. Шмелева [11] и др.

В случае словарей эвфемизмов, по нашему мнению, мы имеем дело со словарями лингвокультурологического типа: объектом описания в них является языковая единица, а цель при проработке словарного описания языковой единицы состоит в раскрытии особенностей понимания обозначаемого референта носителем данного языка, представителем данного социума.

Так, составитель первого словаря эвфемизмов русского языка Е.П. Сеничкина замечает, что предлагаемый ею словарь «призван не только описать значения слов, используемых в функции эвфемизмов, но и помочь носителям современного русского языка сделать свою речь этически и эстетически приемлемой, коммуникативно оправданной» [6: с. 3]. Здесь указывается на обусловленность эвфемизмов нормативно-ценностными установками социума. Если в толковых словарях даются описания слов, принятые преимущественно в рамках «прямой коммуникации», то словари эвфемизмов раскрывают особенности их эвфемистического использования в рамках «непрямой коммуникации», при попытке завуалировать стигматичный антецедент, смягчить напряженность в случаях общения на деликатные или социально чувствительные темы, тем самым расширяя наше знание о представлениях носителей языка о социокультурных языковых предпочтениях.

Эвфемизмы называют «заменными словами», т.е. употребляемыми взамен других, которые по каким-либо причинам, часто этического характера, считаются неприемлемыми в некоей речевой ситуации. Среди характеристик, отличающих их от неэвфемизмов, Е.П. Сеничкина называет следующие признаки: *обозначение нежелательного денотата* (характеризующегося негативной оценкой), *семантическая неопределенность / редукция* (в результате акцентирования смягчающих сопутствующих признаков вместо негативных доминантных), *улучшение характера денотата* (выбор наименования, имеющего по сравнению с заменяемым словом более положительный денотат), *формальный характер улучшения денотата* (что позволяет, несмотря на эти замены, легко идентифицировать подразумеваемый предмет / явление) [6: с. 7].

Последние исследования показывают, что эвфемистические номинации могут быть не только прямыми / косвенными обозначениями (имена собственные в значении нарицательных, метафорический перенос, слова с обобщенной семантикой, слова-определители с «диффузной» семантикой, сокращенные словосочетания), но и прямыми обозначениями, к каким относятся, например, научные термины, иноязычная лексика, аббревиатуры.

Встречающиеся в речевой практике эвфемизмы различаются в науке по разным основаниям: исторические и современные, эвфемизмы литературного языка и внелитературной (в том числе обценной) лексики, бытовые (используемые в межличностном общении) и социальные эвфемизмы (используемые в различных социальных сферах), эвфемизмы-табуизмы и факультативные эвфемизмы (обусловленные нежестким запретом), языковые (системные) и функциональные эвфемизмы и др.

Этот языковой ресурс оказался востребованным в XX в. – феноменом политической корректности.

Как мировоззренческое явление политическая корректность возникла в англоязычных странах, прежде всего в США, в 60-е гг. XX в. В наиболее общем виде это явление описывают как совокупность идеологических принципов и практических действий по решению языковых проблем, направленных на повышение статуса непривилегированных, ограниченных в социальном плане слоев населения, социальных групп, расовых, национальных и других меньшинств. Востребованными оказались языковые средства, которые не могли бы обидеть или нанести оскорбление представителям дискриминируемых групп. В этом смысле можно вести речь о группе политкорректных эвфемизмов в рамках разряда эвфемистической лексики.

В данной статье используются «Словарь эвфемизмов русского языка» Е.П. Сеничкиной [6] и словарь эвфемизмов английского языка Р. Холдера «How Not To Say What You Mean. A Dictionary of Euphemisms» [12] – как «параллельные тексты», отражающие речевую практику носителей каждого из этих языков в социально чувствительных сферах. Целью исследования является выявление групп политкорректных эвфемизмов, номинирующих непривилегированные либо дискриминируемые группы населения, и установление их места в соответствующих национальных картинах мира.

Как показывает изучение словарей, эти единицы представлены в обоих языках несколькими типами. Их можно группировать как нивелирующие языковое выражение дискриминации: (1) по мотиву расовой или этнической разнородности; (2) на основе гендерного противопоставления; (3) по мотиву возрастных различий; (4) по мотиву внешней непохожести; (5) по мотиву социальных различий; (6) по причине профессиональной инакости; (7) на основе ограниченности в деятельности по причинам физических, умственных или психических отклонений; (8) по причине отклонений от общепринятых морально-нравственных норм и девиантного поведения.

Соответственно политкорректные эвфемистические единицы можно представить как относящиеся к следующим тематическим группам: Раса / Этнос (Race / Ethnicity), Гендер / Сексуальные меньшинства (Gender / Sex Minorities), Возраст (Age), Внешность (Appearance), Социальное положение (Social Status), Носители непрестижных профессий (Those in Less Reputable Employment), Состояние здоровья / Умственные отклонения (Illness / Low Intelligence), Социально порицаемое действие (Anti-Social Behavior).

По нашим наблюдениям, в обоих языках количественно преобладают эвфемизмы последнего типа, обозначающие различные отклонения от об-

щепринятых морально-нравственных норм. Исторически эта тематическая группа является наиболее древней. Это выражается, в частности, в использовании большого количества регулярно выполняющих эвфемистическую функцию системных / языковых эвфемизмов (*powder* вместо (вм.) а *narcotic taken illegally*, *лежать на печи* вм. бездельничать), в том числе устаревших (с малой степенью эвфемизации), а также стертых эвфемизмов (*present* вм. а *bribe*, *благодарность* вм. взятка). Стоит также отметить, что если издревле сама тематика вызывала однозначно отрицательное отношение, в современный период налицо более толерантное отношение. Заменяющие инвективную или грубую лексику эвфемизмы нередко имеют несколько иронический либо иносказательный характер, будучи представленными фразеологическими единицами и коллокациями, базирующимися на метафоре, аллюзии, парафразе, аллитерации и др. (*промышлять* вм. воровать, *доброжелатель* вм. злопыхатель, *nutph of the pavement* вм. а prostitute).

Эвфемистическая лексика обозначенных групп играет заметную роль в обеспечении того, что пропагандируется в соответствующей культуре как политкорректное речевое поведение. В одной статье, однако, невозможно представить всю картину, особенно если иметь в виду сопоставление лингвокультур. Ограничимся сравнением одного фрагмента картины мира на примере лексики тематических групп *Rasa* / Этнос и *Race* / Ethnicity.

В словаре английских эвфемизмов Р. Холдера насчитывается около 300 единиц по теме *Race* / Ethnicity и в словаре Е.П. Сеничкиной порядка 50 единиц по теме *Rasa* / Этнос. Эти единицы представляют собой: (а) номинации проживающих в России и США расовых и этнических групп населения, (б) номинации, имеющие своими денотатами расовые и этнические проблемы, рассматриваемые в историческом и современном ракурсах.

В дальнейшем изложении ограничимся рассмотрением первой группы. Эта лексика в обоих словарях представлена именами собственными (в основном, названиями этноса – этнонимами) и именами нарицательными. Причем корпус имен нарицательных и производных прилагательных намного превосходит количество собственных имен и их дериватов. Этнонимы обозначают крупные (макроэтнонимы) или небольшие этнические группы (микроэтнонимы), названия местожителей, образующиеся от топонимов (этниконы), и, наконец, названия, образующиеся от имён обширных регионов (этнохоронимы). Некоторые примеры макроэтнонимов: *русский*, *Afro-American*; микроэтнонимов: *цыгане*, *West Britons*; этниконов: *москвич*, *a New Yorker*; этнохоронимов: *кавказцы*, *Asian people*.

Специфика имен нарицательных с эвфемистическим значением состоит в том, что они образуются в процессе и по правилам акта вторичной номинации. Сам процесс описывается в литературе как использование материального (фонетического) облика уже существующего слова в качестве имени для нового обозначаемого. Происходит семантическая транспозиция, или переосмысление слова, при сохранении его материального облика [9]. Это становится возможным благодаря подвижности лексического значения из-за нечеткости границ лежащего в его основе понятия [2].

Например, согласно словарю «Macmillan English Dictionary for Advanced Learners» [13], *brother* имеет следующие значения: '1. a boy or man who has the same parents as you, 2. *AmE spoken* used for talking in a friendly way to a man, 2a. used, especially by black people, for talking about a black man, 3. a man who is connected to you in some way and who you have feelings of friendship towards, 4. a man who is a member of a religious group. Однако словарь эвфемизмов Р. Холдера отмечает значение 'a black man who may resent a society dominated by whites' с пометами 'American' и 'Used in the black community'.

Знаменательно, что развитие эвфемистического значения может происходить не только в рамках слова, но и в рамках словосочетания как языковой единицы. Так, типичным эвфемистическим словосочетанием, согласно этому словарю, является *blue-eyed brother* со значением 'a white man who espouses black militant causes'.

Изучение словаря эвфемизмов Р. Холдера показывает, что эвфемия как социокультурный феномен отражает историю США как страны иммигрантов. В этническом составе населения США выделяются коренные народы и переселенцы из других стран, черные и белые американцы, имеющие за плечами совершенно разную историю, а также присутствует разнообразие смешанных расовых и этнических групп. Поэтому предлагаемая классификация базируется на различии следующих номинаций: именованная исконного населения, номинации потомков населения Африки, именованная других этнических групп, а также номинации, обозначающие смешение рас или *этнических групп*.

Рассмотрим эти группы подробнее.

Наименования исконных групп населения США не занимают большого места в словаре Р. Холдера. Среди этнонимов назовем *Native American*, *an American Indian*, *North American Indian ancestry*. Сравним их определения в толковом словаре и словаре эвфемизмов. В «The American Heritage Dictionary» [14] заголовочное слово *native* определяется как 'уроженец определенной местности либо потомок по роду' (being such by birth or origin); *Indian* – как ошибочное название (a misnomer) исконного населения, отра-

жающее понимание первых переселенцев в западное полушарие; предпочтительной считается номинация *Native American*, используемая не только в отношении индейцев, но и гавайцев полинезийского происхождения. Однако в Канаде и на Аляске предпочитается номинация *American Indian* для отличия индейцев от эскимосов.

В словаре Р. Холдера находим следующее толкование *Native American*: 'a person with North American Indian ancestry. For the transatlantic observer, a harsh usage which appears to disparage the greater part of those who were born in the United States and look upon it as their native land, quite apart from what the indigenous inhabitants of other American territories may feel'. Как видим, подтверждая происхождение индейцев от индейских племен, издавна населявших Северную Америку, автор фокусирует внимание на оценочной интерпретации «трансатлантического наблюдателя», который усматривает в этом употреблении ущемление интересов представителей других этнических групп, родившихся в США и считающих США 'their native land', независимо от того, как к этому может относиться коренное население «других» американских территорий. Из этого следует, что этническими группами населения США номинации исконных групп толкуются неоднозначно.

Среди вторичных номинаций исконных групп в словаре отмечены языковые единицы *indigenous*, *first people*. В толковом словаре «The American Heritage Dictionary» значение-основа *indigenous* описывается как 'occurring or living naturally in a particular area or environment; native', а его происхождение рассматривается как [LLat. *indigenus* < *indigena*, a native]. Согласно словарю Р. Холдера, в политкорректной речи рекомендуется употреблять именно *indigenous*, так как его «буквальный» синоним *native* имеет «неприятную колониальную коннотацию»: '*Indigenous* having remote ancestors from the territory where you live. Literally, native, a word which has unacceptable colonial connotations: Americans should celebrate 'Columbus Day' as *Indigenous People's Day* (Seitz, 1998)'.

Еще один пример вторичной номинации словосочетание *first people* с пометой *Canadian* толкуется, в отличие от библейского, как 'the descendants of the indigenous population. Not Adam and Eve but the aboriginal population of the country: The constitution is filled with modish catchphrases of the late 20th century, affirmative action, first people (natives), collective human rights, and the equality of male and female persons (*Daily Telegraph*, 23 October 1992, reporting a statutory innovation which the Canadian electorate rejected)'. Как видно из этого толкования, использование политкорректных внесений в конституцию страны, таких как *first people* для но-

минации коренного населения, оценивается журналистом *Daily Telegraph*, как, видимо, и электоратом, несколько иронически (modish catchphrases), а использование *natives* в качестве синонима к *first people* говорит о необщепринятости разграничения семантики *indigenous population* и *natives* (ср. выше).

Исследование группы номинаций потомков населения Африки в США показывает, что они составляют достаточно большую группу. Однако признаками, лежащими в основе эвфемистического значения этих номинаций, остаются обозначения цвета кожи, происхождения и цвета кожи, гендера и цвета кожи, рода занятий и цвета кожи, особенностей поведения и цвета кожи.

Признак «темный цвет кожи» превалирует и очевиден в следующих вторичных именованных: *blackbird* (*obsolete* a black African slave conveyed to America. The jargon of the whites engaged in the triangular trade); *non-white* (a person whose ancestry is not entirely white. Particularly those with black ancestry < ... > Howard (1977) described it as 'the latest silly extremity into which we have been forced by euphemism'); *visible* (of people, not white. Although white people have not somehow become *invisible* in societies where they form a majority: An Ad from Concordia University in Montreal, Canada, says it especially encourages applications from women, '*visible minorities*', and the disabled (*Daily Telegraph*, 17 February 1992); *a person of colour* (a black person); *coloured* (not exclusively of white Caucasian ancestry); *dark* (of people, having non-white ancestry. A usage by white people and not necessarily offensive. Also as *dark-skinned* or *dark-complected*. < ... > The noun *darker* to describe a non-white is objectionable); *light* (*American* not obviously black. The language of segregation or prejudice).

Признак «происхождение и темный цвет кожи» присутствует в следующих номинациях: макроэтнонимах *African American* (black. Another twist in the tortuous path of evasion where skin pigmentation is concerned) и *African-descended* (black. A euphemism not used of Egyptians, Moroccans, Boers, and many others of African descent); вторичных номинациях: *native* (black. Literally, as in Dr Johnson's definition, 'an original inhabitant', but extended in *Native American* a person with North American Indian ancestry); *the tarbrush* (partial descent from a non-white ancestor. If a brush is used for tarring, it will retain dark streaks when you seek to use it later for a lighter colour. The genes controlling dark skin pigmentation are also dominant < ... >. The use, once prevalent, especially among the British in India, is offensive); *tincture* (a partial descent from other than white ancestry. Literally, a pigment, and used offensively of those whose dark skin pigmentation indicates a non-white ancestor); *yellow* (*American* especially of a prostitute, of mixed black and white ancestry).

Originally, describing a light-skinned female slave, often used as a house servant. Also as *high-yellow*); *the N-word* (the word *nigger* < ... > is strictly taboo unless used by a black person).

Отметим, что здесь в некоторых случаях используется экспрессивно и эмоционально окрашенная лексика разговорной речи, например, слова с пометой *offensive*, *objectionable* или *the language of segregation or prejudice*.

Признак «род занятий и темный цвет кожи» присутствует в номинациях: *servant* (*obsolete American* a slave. An antebellum usage in the Southern states); *negro* (*obsolete* a slave. < ... > For nearly 300 years the word *negro*, a black person, has been in and out of fashion, sometimes being used as a euphemism for the taboo *nigger*. It is now definitely out); *black meat* (a black woman viewed sexually by a white man. Usually a prostitute); *black velvet* (a dark-skinned prostitute. Originally used by white British soldiers in India, but the pun became more widely accepted).

Признак «гендер и темный цвет кожи» проявляется в номинации: *sister* (*American* a black woman. Normally of African ancestry).

Признак «особенности поведения и темный цвет кожи» просматривается в антропонимах: *Uncle Tom* (a black man who defers unduly to whites. From the character in *Uncle Tom's Cabin, or, Life among the Lowly*, published in 1851); *Tom* (a black man who defers unduly to whites. A shortened form of *Uncle Tom*).

Эвфемистические замены обычно нацелены на сглаживание различий между большинством и меньшинством. Однако, как следует из этого материала, в основе всех вторичных номинаций в изучаемой группе лежит признак «темный цвет кожи», даже если он сопровождается другими признаками, как «род занятий» (как правило, общественно осуждаемый) или «особенности поведения» (подобострастное). Примером политкорректной эвфемизации условно могут считаться только этнонимы *African American* и *African-descended*, акцентирующие признак «происхождение» и вуалирующие (но не стирающие) признак «темный цвет кожи».

Среди наименований лиц других этнических групп находим этноним *West Briton* (*Irish* an Anglicized Irishman. Often Protestant, educated in England, and affecting the speech and manners of the British professional classes. Used derogatively by some other Irish people), а также этноним *Aryan* (without Jewish ancestry. Originally, 'a native or inhabitant of Ariana, the eastern part of ancient Iran' or 'a member of any of the peoples who spoke the parent language of the Indo-European (or esp. Indo-Iranian) family' (*SOED*). This was a Nazi classification in their anti-Jewish obsession).

Отметим также вторичные номинации: *wet-back* (*American* an illegal Mexican immigrant into the Unit-

ed States. At one time many swam across the border); *undocumented* (*American* illegal. Especially referring to Hispanic migrants into the United States working without Green Cards or other permits); *hillside men* (*obsolete Irish* outlaws. A 19th-century use when most of the population wished to be freed from English control but abhorred violence); *traveller* (*Irish* a habitual itinerant. Often gypsies, although it is also a way of life for many families without Romany blood. Also as *travelling community or people*); *new age travellers* (*British* vagrants. Itinerants who reject conventional attitudes to employment and trespass); *tinker* (*Irish* a gypsy or itinerant. At one time he made a living travelling from door to door mending pans).

Как следует из этих примеров, помимо реалий, иллюстрирующих проблемы американо-мексиканской границы, в американской эвфемистической лексике представлены также реалии, отражающие жизнь второй по значимости для США ирландской диаспоры (превосходит по численности число ирландцев в собственно Ирландии).

Следующую группу составляют номинации, обозначающие людей, имеющих смешанную родословную. Словарь содержит только нарицательные имена: номинирующие смешение белых и черных *fancy* (*obsolete American* an attractive young female slave. Usually a black person with some white blood who might be the mistress of an owner or overseer, or placed in a brothel), *salt and pepper* (*American* a black and a white person in a sexual relationship. In this offensive use, the male is usually black); белых и индийцев: *chi-chi* (of mixed white and Indian ancestry. A derogatory use. It means dirty in Hindi); *twelve annas to the rupee* (of mixed Indian and white ancestry. British Indian derogatory use of those of mixed race, especially if they pretended to be white); *rum-johnny* (the Indian mistress of a white man); евреев и немцев: *race defilement* (sexual relations between a non-Jewish German and a Jew. An early manifestation of Nazi persecution. < ... > Late in the Second World War, even friendship between a Jew and a non-Jew became a Nazi crime). Второстепенные по этно-культурной значимости группы обозначаются лексемой с обобщающим значением *marginalized* ('not belonging to a dominant racial or sexual group. Supposedly living on the edge of a society which does you no favours').

Подводя итоги этой части, отметим, что рассмотрение фрагмента «номинации расовых и этнических групп населения США» на базе словаря английских эвфемизмов показывает следующее: 1) основной расовой / этнической общностью, именованная которой затронута процессом политкорректной эвфемизации, являются афро-американцы, в меньшей степени – мексиканские и другие испаноязычные американцы и смешанные по этническому признаку группы; 2) в качестве замененных

слов используется как корпус собственных имен и их дериватов, так и превосходящий количественно корпус имен нарицательных и производных прилагательных; 3) в разряде этнонимов постоянно происходят обновления номинаций в связи с необходимостью соответствовать принципам политкорректности, принятым в заданных социальных рамках («параметризованном» общении); 4) для разряда вторичных номинаций характерно удержание оценочных коннотаций, о чём свидетельствуют многочисленные словарные пометы стилистического характера и что может объясняться отсутствием жесткого социального контроля разговорной повседневной речи.

Перейдем к рассмотрению фрагмента «номинации расовых и этнических групп населения России» на материале словаря эвфемизмов русского языка Е.П. Сеничкиной. В отличие от США, где, в связи с относительно короткой историей этой страны, можно провести линию разделения между коренными народами и переселенцами, в многонациональной России все населяющие её народы являются коренными, вошедшими в состав России вместе с населяемыми ими территориями. Поэтому выделяемые группы в рамках метанации различаются по этническому признаку: номинации лиц русской этнической группы (государствообразующий этнос), именованная представителей народов Кавказа и некоторых других регионов, номинации лиц еврейской этнической группы и обозначения лиц этнических меньшинств.

Наиболее многочисленными являются две группы этнокультурных номинаций: лиц еврейской национальности и представителей народов Кавказа и некоторых других регионов. Это можно объяснить проявлением вуалирования этнорелигиозной ксенофобии в отношении данных этнических групп населения. Исследователи отмечают, что иудаизм исторически был наиболее гонимой религией в России как на бытовом, так и государственном уровне, а Северный Кавказ, начиная с XVIII по XIX вв., известен как регион хронической конфликтности из-за столкновения основ кавказской горской цивилизации и русских государственных порядков [10].

Заголовочные единицы словарных статей представлены вторичными номинациями, этнонимами, аббревиатурами. Вторичные номинации, как правило, соотносятся с родовым понятием «национальность»: *национальность, наша национальность, ваша национальность, такая национальность, пятая графа, пятый пункт, наш*. Этнонимы: *еврейский, иудейский, семитский, израильский, семит, француз*; этнонимы в словосочетаниях: *русскоязычные писатели, еврейская национальность, лица еврейской национальности, лица кавказской*

национальности, лица армянской (узбекской, цыганской и т.п.) национальности; инициальные аббревиатуры (акронимы): *ЛКН, ЛЧН, ЛТН*.

Приведем примеры словарных статей, содержащих вторичные номинации в качестве заголовочных единиц.

Национальность – в.м. прям. наименования национальности. О нерусских. Соц. эвф. преимущ. в соч. с местоим. Прил., фикс. как эвф. XX–XXI вв. *Наша национальность. Вашей национальности. Такая национальность.* <...> // – Они всегда выгоду найдут: *такая национальность* // в.м. еврей // (PP); – Конечно, мы хотим невесту *нашей национальности* // в.м. татарку // (PP).

Пятая графа – в.м. прям. наименования национальности. Преимущ. о евреях, цыганах и кавказцах. Перен. соц. эвф., эвф. совет. (Мокиенко, 98 = эвф.). От записи в паспорте национальной принадлежности в пятой графе (Мокиенко, 98, 138–139; ТССРЯ, 645). Ср: *пятый пункт*.

Наш 1. – в.м. еврей. Разг. соц. эвф. речи русскоязыч. евреев. Фикс. как эвф. XX–XXI вв. (Сеничкина, 02 = эвф.). Прям. наименование национальности в рус. речи становится чуть ли не запретным. Так, слова еврей, еврейка в эпоху социализма проносились с понижением голоса (Сеничкина, 02). Именно ощущение говорящим отр. коннотации в назывании национальности создавало аналитические формы (Крысин, 96). <...> – Вот я до сих пор не женат. А у Вас на примете нет девушки, чтобы была *наша*? (PP: Разг. речь).

Наш 2. – в.м. прям. наименования национальности. Соц. эвф. речи нерусских, напр. татар, кавказцев и т.п.

Примеры словарных статей, содержащих этнонимы в качестве заголовочных единиц.

Израильский – в.м. еврейский. Перен. соц. эвф. *Израильской внешности. Израильского происхождения. Израильской наружности* и т.п. Она была несколько *израильского происхождения*; высокого роста, но ещё не сложилась, лицом же очень красива (М. Глинка. Записки – пример из БАСа, 5, 244).

Иудейский – в.м. еврейский. < лат. Judaeus < др. евр. – относящийся к еврейской истории, иудаизму, др. евр. jehudi – хвала Богу. Устар. соц. эвф. – Вам что угодно? – спросил он тоном, каким могут говорить только очень умные и солидные фармацевты *иудейского вероисповедания* (Чехов. Неосторожность) (БАС, 5, 596).

Семитский – в.м. еврейский. Инояз. соц. эвф. от библейского имени Сим – одного из сыновей мифического Ноя (СИС, 449). *Семитские черты, семитская внешность*. Некоторые, правда, глядя на моё лицо, пытаются отыскать в нём *семитские черты*, хотя мысль, что Иисуса Христа распяли мокша и эрзя – а именно на мордву приходится

вторая половина моей кровушки, – наверняка им покажется кощунственной (ВК. 04.14.01).

Семит – в м. еврей [Группа народов, населяющих или населявших Северную и Восточную Африку и Переднюю Азию, к которым относятся древние вавилоняне, ассирийцы, финикийцы и другие, а также современные народы: арабы, сирийцы, евреи, эфиопы. По имени Сима, по библейскому преданию, одного из трёх братьев – родоначальников племён на земле (БАС, 13, 633)]. Инояз. соц. эвф. – Жених у неё с высшим образованием, мальчик красивый. Но... *семит*... (РР).

Француз – в м. еврей. Разг. перен. ирон. в речи старш. поколения. Соц. эвф. речи горожан, фикс. как эвф. во втор. пол. XX в. Обозначение возникло на основе некоторого сходства еврейского и фр. произношения звуков, напр.: «р» – грассирующий, «носое» произношение звуков, а также некоторого сходства во внешности.

Примеры словарных статей, содержащих этнонимы в составе словосочетаний, в качестве заголовочных единиц.

Русскоязычные писатели – в м. писатели-евреи. Перен. ирон. соц. эвф., фикс. как эвф. с к. XX в. (Крысин, 04 = эвф.).

Еврейская национальность, лица еврейской национальности – в м. еврей. Фикс. как эвф. с посл. четв. XX в. (Крысин = эвф.). – Да, и Шопенгауэр – *еврейской национальности* (РР)

Лицо кавказской национальности – в м. человек с восточными чертами лица, нерусский, «принадлежащее к одной из наций или народностей Северного Кавказа или Закавказья и живущее, временно или постоянно, в каком-л. регионе России» (ТССРЯ, 322). Соц. эвф., фикс. как эвф. с 90-х гг. XX в. В наст. вр. – дезэвф. (Крысин = эвф.). Напряженность отношений между народами рождает у людей, выступающих публ. (у журналистов, полит. деятелей), боязнь неточным словом невольно способствовать межэтно. раздорам. Так, с недавних пор стали употр. описательные обороты *лица армянской национальности* и даже *лица кавказской национальности*, хотя такой национальности, как кавказец, не существует (Крысин, 04). Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ рекомендовала признать некорректным и неэтичным употребление в газетах терминов типа «лица кавказской национальности».

Лицо армянской (узбекской, цыганской и т.п.) национальности – в м. армянин (узбек, цыган и т.п.). Соц. эвф., фикс. как эвф. с к. XX в. в отношении представителей народов Кавказа, Средней Азии и некоторых других регионов в прессе (Крысин, 04 = эвф.).

Примеры словарных статей, содержащих инициальные аббревиатуры в качестве заголовочных единиц:

ЛКН (эл-ка-эн) – в м. нерусский, кавказец. Сокращ. от «лицо кавказской национальности». Соц. эвф. публ. речи, фикс. как эвф. нач. XXI в.; *ЛЧН* – в м. чеченец, чеченка. Сокращ. от «лицо чеченской национальности». Соц. эвф. публ. речи, фикс. как эвф. с нач. XXI в.; *ЛТН* – в м. таджик, таджичка. Сокращ. от «лицо таджикской национальности». Соц. эвф. публ. речи, фикс. как эвф. в нач. XXI в.

Как видим, большинство эвфемизмов, номинирующих представителей данных этнических групп, являются социальными, т. е. используются в параметризованном общении. Некоторые из них являются устаревшими, другие эвфемизмами-советизмами, связанными с реалиями СССР, третьи родились и употребляются в сфере современной публичной речи. Последние – это недавние образования (конец XX – начало XXI вв.), используемые для называния недостаточно устоявшихся и неоднозначно понимаемых понятий. Их скорее поэтому можно отнести к разряду терминоидов, не претендующих на точность значения и устойчивость в употреблении.

Следующая группа – номинации лиц русской этнической группы. К ним относятся следующие три:

Русскоязычный в м. *русский* [Тот, для кого русский язык является родным (ТССРЯ, 685)]. Соц. эвф., фикс. как эвф. с к. XX в. (Крысин = эвф.).

Этнороссиянин – в м. русский. Соц. эвф., фикс. как эвф. с к. XX в. (Васильев = эвф.). Еще относительно недавно в телевизионных текстах довольно часто фигурировало весьма туманное по семантике сущ. *этнороссиянин*, выступавшее как эвф. к слову русский. Напр.: «...переселение *этнороссиян* из бывших союзных советских республик». Новости. Останкино. 94.24.5). Однако совсем недавно стали намечаться иные тенденции, внешне свидетельствующие об отказе от псевдоэвф.: «О притеснениях же *русских* в Казахстане говорить (президенты РФ и Казахстана) не стали совсем» (Новости. ТВ–6. 98.07.07) (Васильев, 03).

ЛСН в м. *русский, славянин*. Сокращ. от «лицо славянской национальности». Соц. эвф. публ. речи, фикс. как эвф. в нач. XXI в.

Все три эвфемизма относятся, как видим, к концу XX или началу XXI вв., т.е. этимологически являются результатом перестроечно-реформаторского «переходного» периода. Это время характеризуется, в частности тем, что с распадом СССР русские ощутили себя расчлененным народом (хотя русская национальная идентичность присутствует на архитипическом уровне), а проживающие в бывших республиках – дискриминируемым этносом [3: с. 323].

Все эти эвфемизмы фиксируются как «социальные», т.е. используемые в различных социальных сферах, таких как публичная речь, официальные документы и т.д. Однако возникшие в России по осваиваемым (вслед за Западом) мотивам политкорректности, они, не успев укорениться в языке в силу своей семантической непрозрачности и необоснованности, воспринимаются общественным сознанием как «нелепые» эвфемизмы или псевдоэвфемизмы. Вот как оценивается, например, термин «этнороссияне»: «нельзя признать его обоснованным ни научно, ни политически. Такого этноса, как "россияне", никогда в истории России не существовало. Такой этнос не существует сейчас и – более того – не просматривается никаких предпосылок к его становлению и формированию в будущем» [3: с. 325].

Номинации, связанные с обозначением представителей этнического меньшинства, представлены в словаре двумя эвфемистическими единицами: *миноритарный* и *камчадалы*.

Миноритарный – в.м. малочисленный. О малочисленном языке с носителями до 50 тыс. человек, о «вымирающем» народе. Инояз. спец. лингв. эвф. по происх. и соц. эвф. лингв. речи, фикс. как эвф. с нач. XXI в.

Однако заметим, что в официальной документации продолжает использоваться термин «малочисленный», как, например, в документе «Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации» (утверждён постановлением правительства от 24.03.2000 г., последняя дата изменения 26.12.2011 г.).

Камчадалы – в.м. двоичники [Употреблявшееся в XVIII в. название коренного населения Камчатки – ительменов (МАС, 2, 25)]. Название плохих учеников, сидящих в классе на самых задних партах (на «камчатке»). Простор. перен. ирон. устар. яз. эвф.

В данной интерпретации эвфемизм *камчадалы* рассматривается как фигура речи (в.м. двоичники), в то время как его другое употребление (в.м. ительмены) относится к XVIII в. Стоит заметить, что сегодня в упоминавшемся выше документе *камчадалы* и *ительмены* рассматриваются как разные народы.

Подводя итоги этой части, отметим, что рассмотрение фрагмента «номинации расовых и этнических групп населения России» на базе словаря русских эвфемизмов показывает: 1) этнокультурные эвфемизмы отражают изменения в социокультурной жизни России, большинство из них родилось в советский и перестроечный периоды и отражает реалии этого времени; 2) основными этническими общностями, именованная которых затрону-

ты процессом политкорректной эвфемизации, являются еврейская этническая группа и этнические общности Северного Кавказа, в меньшей степени – этнические общности других регионов (в том числе русские) и мигранты; 3) в качестве замененных слов используются этнонимы, вторичные номинации и аббревиатуры; 4) в складывающейся новой реальности перестроечной России разряд политкорректных эвфемизмов неизбежно пополняется новыми языковыми единицами; однако их смысловая сфера еще находится в стадии становления и не является строго очерченной, и потому их использование в речи, хотя и соответствует принципам политкорректности (т.е. не является грубым или невежливым), вызывает у многих носителей языка скептическое отношение.

Вывод.

1. Описание языковых единиц в лингвокультурно-графических словарях базируется на учете важного фактора построения картины мира – исторически сложившегося национального менталитета, т.е. свойственного данному народу склада мышления, специфики национального самосознания и особенностей мировосприятия.

2. В современном материале (каковым являются исследуемые словари) в обоих языках прослеживается фундаментальная роль категории «свой»–«чужой/другой» не только в трактовках и оценках общностей людей, дискриминируемых по признаку расы, этноса либо социального статуса, но и (в связи с особенностями движения политкорректности) по признаку гендера, возраста, внешности, профессиональной инакости, физических, умственных или психических отличий, девиантного поведения.

3. Значительный интерес для лингвиста в понимании этнокультурной проблематики как сегмента национальной картины мира представляет изучение эвфемистических номинаций. Подвижность эвфемии и её отзывчивость на изменения, происходящие в том или ином социуме, богатство и легкость образования этнонимических номинаций, возможность переосмысления языковой единицы при неизменности её материального облика – все эти свойства эвфемизмов делают их гибким инструментом, фиксирующим в языке изменения в общественном сознании и национальной ментальности.

4. Сопоставительное изучение сегмента картины мира «номинации расовых и этнических групп населения» на материале словарей эвфемизмов английского и русского языков показывает, как сильно различаются эти «параллельные тексты», в связи с зависимостью языка от особенностей социально-исторического развития нации, реформ и преобразований в общественной и государственной жизни и государственной языковой политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богуславский, В.М.* Оценка внешности человека : словарь / В.М. Богуславский. – М. : АСТ: Торсинг, 2004. – 256 с.
2. *Гак, В.Г.* Лексическое значение слова / В.Г. Гак // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 261–263.
3. *Кортунов, С.В.* Национальная идентичность: Постигание смысла / С.В. Кортунов. – М. : Аспект Пресс, 2009. – 589 с.
4. *Лукьянова, Н.А.* Типология русских лингвистических словарей / Н.А. Лукьянова // Вестник НГУ. – Новосибирск : НГУ, 2005. – Т. 4. – Вып. 4. – С. 20–45. – (Серия «История, филология»).
5. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Вып. 1 / И.С. Брилева [и др.]. – М. : Гнозис, 2004. – 318 с.
6. *Сеничкина, Е.П.* Словарь эвфемизмов русского языка / Е.П. Сеничкина. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 464 с.
7. *Скляревская Г.Н.* Словарь православной церковной культуры / Г.Н. Скляревская. – М. : АСТ: Астрель, 2008. – 480 с.
8. *Степанов, Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академический Проект, 2004. – 992 с.
9. *Телия, В.Н.* Номинация / В.Н. Телия // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 336–337.
10. *Шевченко, О.М.* Ксенофобия в истории России: факторы формирования и доминирующие виды / О.М. Шевченко // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 5(21). – С. 322–326.
11. *Шмелев, А.Д.* Русская языковая модель мира: Материалы к словарю / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
12. *Holder, R.W.* How Not To Say What You Mean. A Dictionary of Euphemisms. – 3rd ed. – New York : Oxford University Press Inc., 2002. – 501 p.
13. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition / Eds. Michael Rundel, Gwyneth Fox. – Macmillan Publishers Limited, 2002. – 1692 p.
14. The American Heritage Dictionary. – Second College Edition. – Boston : Houghton Mifflin Company, 1985. – 1568 p.

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА С АНГЛИЙСКИМ В НАЗВАНИЯХ РОССИЙСКИХ ИНТЕРНЕТ-САЙТОВ

А.А. Ривлина

Ривлина Александра Абрамовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для социальных дисциплин, департамент иностранных языков Национального исследовательского университета Высшей школы экономики (г. Москва).

Контактный адрес: rivlina@mail.ru

Письменная система зачастую воспринимается как символ определенного языка и, вследствие национально-культурной обусловленности языков, как признак определенной культуры. В статье рассматриваются различные технические, лингвистические и социолингвистические факторы, которые обуславливают выбор английского или русского языков, латиницы или кириллицы в названиях российских Интернет-сайтов. Хотя большая часть из них не связана напрямую с факторами национально-культурной идентичности, существующая на сегодняшний день, благодаря последним инновациям, реальность использования обоих языков и обеих систем письма в Интернет-номинациях всех уровней создает возможность передачи широкого спектра символических смыслов, включая национально-культурные коннотации.

Ключевые слова: глобализация, билингвизм, бискрипталлизм / диграфия, выбор языка и выбор системы письма, компьютерно-опосредованная коммуникация, кодовое смешение и переключение, латинизация.

В описании культурно-языковых контактов не утихают споры по поводу угрозы, которую представляет собой глобализация английского языка для местных языков и культур. Основные аспекты общественной и научной дискуссии по этому вопросу в России обобщены, в частности, в журнале «Вопросы психолингвистики» № 1(17) за 2013 г. По большей части процесс глобализации характеризуется как представляющий угрозу для русского языка и русской культуры. Высказываются призывы к активным действиям, «если мы хотим сохранить свой язык и свою культуру и историю» [5: с. 142]. Такой подход вполне актуальный и обоснованный, если рассматривать его с точки зрения активно развивающейся сегодня социолингвистики глобализации [16], и все же в большей степени отражает лишь одну сторону проблемы, а также первоначальные, достаточно упрощенные представления о глобализации как об однонаправленном процессе унификации по американской модели и об английском языке как о языке-убийце, языке-колонизаторе и т.п. Если рассматривать глобализацию английского языка как особое явление в культурно-языковой истории человечества, то приходится признать, что она влечет возникновение совершенно новых культурных, социальных и языковых реалий, а они, в свою очередь, требуют парадигматического сдвига в трактовке современного состояния языка [16: с. 1–6]. Актив-

ные действия, которые в этой ситуации может предпринять лингвист, вне зависимости от занимаемой им общественной позиции, состоят в переосмыслении устоявшихся лингвистических и социолингвистических понятий и представлений, а также в разработке новых в свете процессов глобализации.

Одним из участков взаимодействия русского языка с английским, который вызывает озабоченность в плане сохранения национально-культурной идентичности, является его письменная составляющая, а именно усиливающаяся латинизация русскоязычных текстов. Негативная оценка этого процесса, а также мнение об избыточности, обусловленности модой и обреченности на забвение большинства возникающих в результате этого процесса речеупотреблений [6: с. 139–140] не в последнюю очередь связана с особой культурно-социальной значимостью письменной системы языка. Письменная система зачастую воспринимается как символ определенного языка и вследствие национально-культурной обусловленности языков как признак определенной культуры (ср.: «script as a cultural trait» [20: р. 122]). Именно поэтому, как пишет В.В. Кабакчи, «[к]ириллица – не просто система письменности, это органическая часть самобытности русской культуры» [4]. Значит ли это, что латиница, будучи ассоциативно связанной с глобальным английским и выступая в качестве симво-

ла глобализации, вестернизации, американизации, представляет угрозу для самобытности русскоязычной культуры? Мы уже писали [8–10], что более глубокий анализ взаимодействия русского языка с английским скорее свидетельствует о другом. В результате глобализации английского языка меняется его статус, он перестает восприниматься только как иностранный язык и часто используется в неанглоязычных контекстах в качестве дополнительного языкового ресурса для речетворчества, языковой игры и вариативности особенно в таких сферах, как реклама, средства массовой информации, поп-культура или лингвистический ландшафт. В России постепенно происходит формирование массового русско-английского билингвизма, который можно охарактеризовать как «лингвистический билингвизм» [11: с. 105], т.е. билингвизм, один из языков-компонентов которого не выполняет существенной коммуникативной роли в данном языковом коллективе, а так же как «минимальный», «начальный», «нарождающийся» билингвизм [26: с. 6–7] или «усеченный» билингвизм [16: с. 23]. В плане письменной составляющей можно говорить о формировании у большинства носителей русского языка навыков «графического билингвизма» [11: с. 49], определяемого как «диграфия» [11: с. 60] или «двуалфавитность/бискрипталлизм» [14: с. 652], т.е. использование двух систем письма, в данном случае, кириллицы и латиницы для графической языковой игры, стилистической вариативности и передачи разнообразных дополнительных смыслов. При этом необходимо понимать, что взаимоотношения языков и систем письма не всегда однозначны. Бхатия и Ритчи отмечают, что оценка объемов использования английского языка может оказаться «обманчивой», если игнорировать «английский язык в оболочке не-латинских письменных знаков» («English wrapped in non-Roman scripts») [15: с. 573]. И наоборот, примеры транслитерации местных языков латиницей, определяемые как «псевдо-английский язык на латинице» («pseudo-English in Roman characters») [22: с. 43], все больше становятся характерны для многих неанглоязычных стран в различных сферах, например, в сфере лингвистического ландшафта [13; 22]. Уникальность графической составляющей состоит в том, что смена системы письма в процессе коммуникации не всегда предполагает смену используемого языка, а развивающаяся в результате глобализации практика переключения письменного кода в обоих направлениях на основе англо-местной диграфии создает новые разновидности взаимодействия местных языков с глобальным английским, новые типы кодовых смещений/переключений и промежуточных явлений между языками, которые не всегда укла-

дываются в рамки привычных понятий теории языковых контактов [7; 8].

Одной из сфер наиболее важных с точки зрения исследования взаимодействия языков и их письменных систем является сфера компьютерного дискурса и Интернет-коммуникации. Английский язык доминировал в этой сфере с самого ее зарождения, в частности из-за того, что технически Интернет поначалу был ограничен обязательным использованием так называемого стандарта ASCII (American Standard Code for Information Interchange), основывавшегося на латинице. Эта техническая особенность во многих неанглоязычных странах дала толчок так называемой «компьютерно-опосредованной диграфии» [12: р. 359]. Данный термин обозначает использование в Интернет-коммуникации графических вариантов местных языков на латинице, таких как латинизированный греческий язык («LAG – Latin-alphabet Greek») [12] или арабский язык в стандарте ASCII («AA – ASCII-ized Arabic») [21]. Введение новых стандартов (Unicode, Punicode) со временем позволило использовать другие системы письма, и Интернет стал по-настоящему многоязычным [19], однако, по признанию большинства лингвистов, английский язык и латиница продолжают использоваться в компьютерном дискурсе шире, чем во многих других сферах.

На материале российского пространства Интернета различные аспекты взаимодействия русского языка с английским, а также взаимодействия кириллицы и латиницы затрагиваются в описании разных областей компьютерного дискурса, таких как Интернет-чаты, посты, Интернет-номинации сайтов, блогов, личных имен сетевого общения (ников) и др. Среди наиболее заметных публикаций последних лет по этой теме можно отметить [3].

Сфера наименования Интернет-сайтов представляет особый интерес с точки зрения исследования компьютерно-опосредованной диграфии, поскольку до недавнего времени названия Интернет-сайтов на уровне верхних доменных имен, таких как *.com*, *.net*, *.org* и др., оставались англоязычными. Только в 2010 г. были введены так называемые «интернационализованные национальные доменные имена верхнего уровня», IDNccTLDs – «internationalized domain names for country code top level domains», которые сделали возможным использование нелатинских алфавитов и даже неалфавитных систем письма в наименованиях национальных сайтов. Первые IDNccTLDs были зарегистрированы на арабском языке в Египте, Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратах и на китайском языке в Китае, Гонконге и на Тайване [2]. Первый кириллический национальный домен верхнего уровня *.рф* был зарегистрирован в

мае 2010 г., а первыми полностью кириллическими адресами стали *президент.рф* и *правительство.рф*.

Некоторыми специалистами тогда высказывалось предположение, что вскоре *.рф* превзойдет по количеству зарегистрированных на нем сайтов своего англоязычного предшественника, *.ru*. Однако сегодня, более четырех лет спустя, статистика свидетельствует об обратном: по данным на конец 2014 г. количество сайтов доменного пространства *.ru* превышало количество сайтов *.рф* почти в шесть раз – 4,86 млн и 0,84 млн соответственно [1]. Кроме того, многие российские сайты используют англоязычные домены верхнего уровня, такие как *.com*, *.net*, *.org* и даже старый национальный домен *.su* (означающий «Soviet Union»). Согласно статистике доля *.рф* относительно всех англоязычных адресов в российском Интернете едва превышает 13 %. Не вызывает сомнений, что это обусловлено в первую очередь техническими ограничениями: сайты с англоязычными адресами доступны для большего количества международных пользователей, включая тех, кто не знает русского языка и/или не имеет доступа к кириллице на компьютере. Однако внутри России доминирование англоязычных адресов русскоязычных сайтов, предназначенных для русскоязычных пользователей, очевидно, объясняется другими, собственно лингвистическими и социолингвистическими причинами.

По мнению автора, эти причины по большей части аналогичны тем, которые обуславливают все более широкое использование английского языка вне Интернет-коммуникации. В процессе глобализации все большую значимость приобретают не столько коммуникативные, сколько символические функции глобального английского языка, такие как передача коннотаций современности, инновационности, технического прогресса, престижности, а также чисто «технические» и «косметические» прагматические функции, такие как привлечение внимания, усиление запоминаемости за счет «инаковости» на фоне русскоязычного текста и многое другое (подробнее в [7–10; 15; 22]). Использование английского языка в этих функциях вне Интернета, например, в названиях российских фирм, торговых предприятий, товаров, брендов, естественно влечет его использование в названиях Интернет-сайтов, продвигающих эти фирмы, предприятия и товары. Например, вывеска парикмахерской в Москве: *Haircut express. Запись on-line на haircut-express.ru*. Использование англоязычного названия салона обуславливает использование англоязычного Интернет-адреса, а выбор доменного имени верхнего уровня *.ru* обусловлен потребностями эффективности Интернет-коммуникации, поскольку переход на русский язык потребовал бы дополнительного пе-

реключения регистра и замедлил процесс набора адреса на клавиатуре.

Помимо большого количества собственно англоязычных названий российских Интернет-сайтов, следует отметить, что большинство создаваемых в последнее время русскоязычных Интернет-адресов имеют англоязычные эквиваленты. Например, упоминавшийся выше сайт *правительство.рф* автоматически перенаправляет посетителей на созданный ранее англоязычный адрес *government.ru*, а сайт *президент.рф* имеет англоязычный дублирующий адрес *kremlin.ru*. По мнению автора, к данному типу двуязычной Интернет-практики применим термин, предложенный в рамках исследования лингвистического ландшафта, «дублирующий (сдвоенный, парный) мультилингвизм» («duplicating multilingualism»), т.е. параллельное, «омофоническое» использование в определенных коммуникативных ситуациях нескольких языков (о типологии мультилингвизма в теории лингвистического ландшафта [10; 13]). Мы полностью поддерживаем развиваемую Бэксаусом мысль, которую ранее высказала М. Ре, что «...дублирующее письмо предполагает существование в обществе массового билингвизма и индивидуального монолингвизма» [13: с. 34–35]. Параллельные англоязычные и русскоязычные адреса российских сайтов подтверждают тезис о зарождающемся массовом русско-английском билингвизме в современной России. Поскольку массовый билингвизм не предполагает обязательного билингвизма каждого из членов сообщества, практика дублирующего письма позволяет удовлетворить потребности тех пользователей, которые не могут или не хотят использовать английский язык. С точки зрения национально-культурного аспекта практика дублирующего билингвизма расширяет возможности выражения национально-культурной идентичности и со стороны пользователей, и со стороны создателей Интернет-номинаций: акцентирование российской идентичности символизируется за счет использования русского языка, а английский язык используется для передачи перечисленных символических смыслов, обусловленных глобализацией.

При этом необходимо помнить, что использование латиницы в названиях российских Интернет-адресов, как подчеркивалось выше, не обязательно предполагает использование английского языка. Как указывают Даннет и Херринг, статистика, свидетельствующая о доминировании английского языка в компьютерном дискурсе, может быть обманчивой [19: с. 4]. Зачастую то, что традиционно классифицируется как использование английского языка, на самом деле является результатом компьютерно-опосредованной диграфии, «псевдо-английским на латинице» или латинизированным вариантом местного языка. Компьютерно-опосредованная ди-

графия широко представлена в названиях российских Интернет-сайтов. Например, сайт магазина одежды больших размеров для женщин «Мечта поэта» доступен по двум адресам: один из них кириллический, полностью на русском языке, *мечтапоэта.рф*, и второй адрес на латинице *mechtapoeta.com*. На первом уровне в обоих случаях мы имеем дело с русским языком, только во втором адресе это транслитерированный, латинизированный русский. Вышеописанные символические смыслы передаются не за счет выбора языка, а за счет выбора письменной системы. Выбор русскоязычного доменного имени верхнего уровня *.рф* в первом примере и англоязычного *.com* во втором случае, как мы отмечали, обусловлен технической целесообразностью, поскольку позволяет экономить усилия и время на переключении регистров.

Визуальная символичность письма, помимо описанных коннотаций, связанных с национально-культурной символичностью местных письменных систем в противопоставлении с символичностью латиницы, обусловленной глобализацией английского языка в сфере компьютерно-опосредованной коммуникации, обладает дополнительными коннотациями. Как пишет Андросопулос, латиница, которая в силу технических причин доминировала в компьютерной сфере с момента ее зарождения, со временем «превратилась из технического ограничения в символ сферы, в которой она используется» [12: с. 359]. Хотя использование латинского алфавита больше не является технической необходимостью, приобретенные им коннотации символа компьютерно-опосредованной коммуникации являются дополнительным фактором широкого использования латиницы в Интернет-номинациях.

Еще один аспект, который необходимо затронуть в описании взаимодействия русского языка с английским в названиях российских Интернет-сайтов, связан с явлением билингвальной креативности и межъязыковой игры, которое сегодня характерно для многих неанглоязычных стран в разных сферах. Техническое развитие Интернета не только сделало возможным Интернет-общение на местных языках, но и позволило использовать в нем сложившиеся модели межъязыковой игры с кодовым смешением и переключением (подробнее о моделях графической межъязыковой игры [7]). В частности, в российских Интернет-номинациях широкое распространение получила модель русско-английского каламбура, в основе которого лежит обыгрывание межъязыковой омофонии русской отрицательной частицы *нет* и англоязычного названия домена верхнего уровня *.net*. Иногда это может быть модель с собственно кодовым переключением русского и английского языков: например, сайт *тайн.net*, название которого отражает

название одноименной телевизионной передачи «Тайн.net» на телеканале ТНТ. Однако чаще в Интернет-номинациях, в связи с описанными техническими причинами, используется переключение латинизированного русского языка и английского, например, сайт телепередачи *durnushek.net*, медицинские сайты *gepatitu.net* и *ojogov.net*, дорожный сайт *probok.net* и десятки подобных названий. Использование латиницы, а точнее, латинизированного русского языка, в подобных номинациях позволяет избежать необходимости переключения регистров, но при этом задействовать стилистические возможности креативного русско-английского кодового переключения и смешения для привлечения внимания, усиления запоминаемости названия, достижения определенного эстетического, художественного или шутивого эффекта.

Таким образом, использование английского и русского языков, латиницы и кириллицы в названиях российских Интернет-сайтов обусловлено целым комплексом взаимосвязанных технических, лингвистических (стилистические, риторические) и социолингвистических факторов, не детерминированных напрямую факторами национально-культурной идентичности. Тем не менее, существующая на сегодняшний день возможность использования обоих языков и обеих систем письма в Интернет-номинациях всех уровней создает возможность передачи широкого спектра символических смыслов, включая национально-культурные коннотации.

В заключение необходимо отметить, что, по мнению многих исследователей, процессы глобализации, в частности в рамках компьютерного дискурса, все больше смещаются в сферу письменной, или точнее сказать визуальной коммуникации. Глобализация английского языка протекает преимущественно в письменной форме, и именно поэтому одним из наиболее актуальных направлений в современной социолингвистике становится направление, получившее название «социолингвистика письменного многоязычия», в рамках которого письменная практика рассматривается как самостоятельный социолингвистический объект [17; 18; 23; 24; 25]. Так многие понятия и представления в исследовании билингвизма и многоязычия, контакта языков и их взаимодействия были выработаны на основе изучения устной коммуникации, поэтому не всегда применимы при описании многоязычного письма и нуждаются в дальнейшем развитии и уточнении [23: с. 4–5]. Как представляется, более пристальное внимание к письменной составляющей языкового контакта, включая исследование русско-английского графического билингвизма и компьютерно-опосредованной диграфии, позволит в будущем прояснить многие спорные вопросы языкового взаимодействия, а также те, которые связаны с сохра-

нением национально-культурного своеобразия языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Домены России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://statdom.ru>; (дата обращения 02.01.2015).
2. Интернационализованные доменные имена / Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/IDN>; (дата обращения 10.12.2014).
3. Колокольцева, Т.Н. Интернет-коммуникация как новая речевая формация : монография / Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2012. – 328 с.
4. Кабакчи, В.В. Кириллица против латиницы: великое противостояние [Электронный ресурс] / В.В. Кабакчи. – Режим доступа: <http://vorto.ru/statyi/kirillica-protiv-latinicy-velikoe-protivostoyanie>; (дата обращения 09.01.2015).
5. Кирилина, А.В. Глобализация и судьбы языков / А.В. Кирилина // Вопросы психолингвистики. – 2013. – № 1(17). – С. 136–142.
6. Маринова, Е.В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах : словарь-справочник / Е.В. Маринова. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2013. – 240 с.
7. Ривлина, А.А. О роли графического аспекта в изменении статуса современного английского языка в России / А.А. Ривлина // Учитель, ученик, учебник: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. Т. 2 ; отв. ред. О.Д. Вишнякова. – М. : КДУ, 2014. – С. 164–175.
8. Ривлина, А.А. ВИП и/или VIP? Лексическая вариативность в свете глобализации английского языка / А.А. Ривлина // Филологические науки : науч. доклады высшей школы. – 2014. – № 3. – С. 22–31.
9. Ривлина, А.А. Глобализация английского языка и формирование массового русско-английского билингвизма / А.А. Ривлина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 4. – С. 104–108.
10. Ривлина, А.А. Взаимодействие английского и русского языков в лингвистическом пейзаже современного русского города / А.А. Ривлина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2014. – № 2(42). – С. 110–115.
11. Словарь социолингвистических терминов / В.Ю. Михальченко (ред.). – М. : Ин-т языкознания РАН, 2006. – 312 с.
12. *Androustopoulos, J.* ‘Greeklsh’: Transliteration practice and discourse in the context of computer-mediated digraphia // Orthography as social action: Scripts, spelling, identity and power / A. Jaffe, J. Androustopoulos, M. Sebba, and S. Johnson (eds.). – Boston and Berlin: Walter de Gruyter, 2012. – P. 359–392.
13. *Backhaus, P.* Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo. – Clevedon: Multilingual Matters, 2007. – 158 p.
14. *Bassetti, B.* Bilingualism and writing systems // The Handbook of Bilingualism and Multilingualism / T. K. Bhatia, W. C. Ritchie (eds.). – Malden, Oxford, and Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. – P. 649–670.
15. *Bhatia, T. K.* Bilingualism and multilingualism in the global media and advertising // The Handbook of Bilingualism and Multilingualism / T.K. Bhatia, W.C. Ritchie (eds.). – Malden, Oxford, and Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. – P. 565–623.
16. *Blommaert, J.* The Sociolinguistics of Globalization. – Cambridge and New York : Cambridge University Press, 2010. – 213 p.
17. *Blommaert, J.* Writing as a sociolinguistic object // Journal of Sociolinguistics. – 2013. – № 17(4). – P. 440–459.
18. *Coulmas, F.* Writing and society: An introduction. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 230 p.
19. *Danet, B., Herring, S. C.* Introduction: Welcome to the multilingual Internet // The Multilingual Internet: Language, Culture, and Communication Online / B. Danet, S. C. Herring (eds.). – Oxford and New York: Oxford University Press, 2007. – P. 3–43.
20. *de Voogt, A.* The cultural transmission of script in Africa: The presence of syllabaries // SCRIPTA. – 2014. – № 6. – P. 121–143.
21. *Palfreyman, D., al Khalil, M.* «A Funky Language for Teenzz to Use:» Representing Gulf Arabic in Instant Messaging // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2003. – № 9(1). – URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1083-6101.2003.tb00355.x/full>; accessed November 29, 2014.
22. *Proshina, Z.* English and Asian flavor in Russian advertising of the Far East / Z. Proshina, I. Ustinova // Asian Englishes. – 2012. – № 15(2). – P. 30–59.
23. *Sebba, M.* Researching and theorizing multilingual texts // Language Mixing and Code-switching in Writing / M. Sebba, S. Mahootian, C. Jonsson (eds.). – New York and London: Routledge, Taylor and Francis Group, 2012. – P. 1–26.
24. *Sebba, M.* Multilingualism in written discourse: approaches to multilingual texts // International Journal of Bilingualism. – 2013. – № 17(1). – P. 97–118.
25. *Unseth, P.* The sociolinguistics of script choice: An introduction // International Journal of the Sociolinguistics of Language. – 2008. – № 192. – P. 1–4.
26. *Wei, L.* Dimensions of Bilingualism // The Bilingualism Reader / L. Wei (ed.). – London and New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2001. – P. 4–25.

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ТЕЛЕВИЗИОННОМ МУЗЫКАЛЬНОМ ШОУ «ГОЛОС»

Е.С. Гриценко

Е.В. Алешинская

Гриценко Елена Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, проректор по науке Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (г. Нижний Новгород).

Контактный адрес: egritsenko@lunn.ru

Алешинская Евгения Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Факультета экспериментальной и теоретической физики Национального исследовательского ядерного института «МИФИ» (г. Москва).

Контактный адрес: aleshinskaya_jane@yahoo.co.uk

В статье анализируется роль английского языка и смыслообразующий потенциал выбора между русским и/или английским языком, и/или другими локальными языками в дискурсивных практиках популярного телевизионного шоу «Голос». Раскрываются жанрово-специфичные мотивы выбора языка, в том числе конструирование идентичности, творческие установки музыкантов, ожидания публики, глобальная или локальная ориентация коммуникантов, семиотика мелодического и ритмического звучания музыки и слов.

Ключевые слова: социолингвистика, музыкальный дискурс, транслингвальная коммуникация, английский язык, лингва франка, жанр, языковая креативность.

В современной социолингвистике все большее внимание уделяется глобализационным процессам и их воздействию на популярную культуру. Влияние глобальных культурных потоков проявляется в широком распространении современных музыкальных жанров (джаз, соул, рок, хип хоп и др.), появлении локальных версий глобальных телевизионных шоу на национальных телевизионных каналах, широком использовании многоязычия в музыкальном творчестве и конструировании идентичности и в повсеместной экспансии английского языка, ставшего лингва франка современной музыки.

Роль английского языка в формировании локальных вариантов глобальных музыкальных жанров рассматривается учеными разных стран. В качестве примера можно привести исследования транслокального многоязычия в жанре хип-хоп (рэп) в Австралии [21], Канаде [23], Германии и Греции [7; 8], Франции [15], Венгрии [24], Бразилии [22], Японии [25], Южной Корее [19], Нигерии [20] и Танзании [16]. К настоящему времени данная область современного музыкального дискурса изучена, пожалуй, наиболее полно, тогда как другие сферы и жанры пока не получили должного освещения в научной литературе.

В статье исследуется использование английского языка в различных видах коммуникативных практик популярного музыкального телевизионного шоу «Голос». Обращение к данному материалу позволяет не ограничивать исследование рамками одного жанра, поскольку «Голос» представляет собой миниатюрную репрезентацию глобального музыкального дис-

курса в целом, объединяя различные виды дискурсивных практик и участников из разных стран.

1. Телевизионное шоу «Голос» как объект лингвистического анализа

Проект «Голос» представляет собой российскую адаптацию глобального формата музыкального конкурсного шоу «The Voice». Целью конкурса является отбор в ходе ряда этапов (раундов) наиболее талантливого универсального (разножанрового) вокалиста, который удостоится главного приза – контракта на выпуск альбома с международной звукозаписывающей компанией. К каждому новому раунду конкурсанты готовят музыкальный номер с помощью наставников – получивших признание профессиональных исполнителей различных музыкальных жанров. Наставники в ходе многочисленных репетиций и прогонов помогают конкурсантам в выборе музыкальных номеров и подготовке оригинальных, запоминающихся выступлений, а также выступают в качестве жюри во время выступлений конкурсантов.

Российская версия шоу «Голос» транслируется по Первому каналу – ведущей российской телевизионной сети как на территории России, так и в странах ближнего зарубежья. Видеозаписи выпусков первого сезона (октябрь 2012 г. – декабрь 2012 г.), второго сезона (сентябрь 2013 г. – декабрь 2013 г.) и третьего сезона проекта (сентябрь 2014 г. – декабрь 2014 г.), а также интервью с участниками конкурса находятся в открытом доступе на официальном сайте Первого канала (www.1tv.ru/voice).

Поиск «лучшего голоса страны» происходит в чetyре этапа – через серию слепых прослушиваний,

поединков («батлов»), «нокаутов» и живых выступлений (четвертьфинал, полуфинал и финал, которые показываются в прямом эфире). На первых трех этапах наставники решают, кто из конкурсантов их команды продолжит борьбу в следующем раунде, а кто покинет проект. На последнем этапе, помимо наставников, могут отдавать голоса за конкурсантов и телезрители в ходе смс-голосования. В финале только зрители решают, кто из четырех финалистов станет победителем вокального конкурса. Для того чтобы удивить наставников и завоевать голоса телезрителей, участники вокального проекта выбирают известные песни (хиты разных музыкальных эпох и стран) и дают им «новую жизнь», добавляя в свое выступление что-то свежее и оригинальное и тем самым раскрывая свою творческую индивидуальность.

Шоу «Голос» отличается от других локальных версий «The Voice» своим особым – международным – статусом. Население Российской Федерации этнически неоднородно, и некоторые участники представляют в проекте свои республики (Татарстан, Чечню и др.), их языки и культуру. Кроме того, организаторы приветствуют участие в шоу вокалистов из стран ближнего зарубежья: Белоруссии, Украины, Азербайджана, Грузии, Армении, Казахстана, Узбекистана, Киргизстана, Латвии, Эстонии, хотя в большинстве этих стран есть свои национальные версии «The Voice». И наконец, в «Голосе» могут выступать участники из других стран Европы, а также Африки, Америки и т.д. Так, во втором сезоне (2013) участвовали вокалисты из Италии, Мальдивских островов и США, и в третьем сезоне (2014) – из Камеруна, Франции, Великобритании и Уругвая. Таким образом, вокальный проект «Голос» дает богатый материал для изучения транслокального многоязычия в музыкальном дискурсе.

Поскольку конкурс транслируется по российскому телевидению и адресован прежде всего русскоговорящей аудитории, русский язык является в нем локальным лингва франка: он используется всеми участниками проекта и составляет основу для общения между представителями различных национальностей. Песни, исполненные на русском языке, обычно получают больше голосов телезрителей, поэтому зарубежные участники нередко выбирают русские песни, чтобы выразить свое уважение к принимающей стране и одновременно завоевать зрительские симпатии. Вместе с тем в коммуникативных практиках шоу ярко проявляется и глобальная экспансия английского языка, описанная еще Д. Кристалом [12]. Английский является языком большинства исполняемых на конкурсе музыкальных композиций, он используется наставниками и местными участниками для общения с зарубежными вокалистами, англоязычные термины и гибридные русско-английские формы широко представлены в повседневном профессиональном общении.

2. Теоретические основы и материал исследования

Материал исследования составили более 90 часов видеозаписей музыкальной программы «Голос» (и «Голос за кадром») на официальном сайте Первого канала (www.1tv.ru/voice) и <http://www.youtube.com/>, а также форумы и интервью с наставниками и участниками I, II и III сезонов на тех же Интернет-сайтах.

Методологической основой исследования являются (1) социолингвистика глобализации Я. Бломмаэрта и его концепция языка как транслокального мобильного ресурса и инструмента социального действия [10; 11], а также (2) принципы анализа дискурса(ов) глобализации Н. Файерклафа, его понимание жанра как «способа коммуникативного взаимодействия» [13: с. 24] и стиля как «способа выражения идентичности» [13: с. 21].

Музыка по своей природе связана с творчеством, созиданием, поэтому исследование многоязычия в музыкальном дискурсе невозможно без обращения к феномену билингвальной креативности (bilingual creativity), который Б. Качру определяет как продукт речевой деятельности, являющийся результатом владения двумя или более языками [18: с. 20]. Вслед за Р. Джонсом [17], мы полагаем, что при изучении дискурсивных аспектов языковой креативности требуется уделять внимание не столько самим языковым формам, сколько социальным контекстам, в которых они возникают, и социальным функциям, которые эти формы выполняют.

Для описания особенностей многоязычных дискурсивных практик в телевизионном музыкальном проекте «Голос» мы предлагаем использовать термин *translanguaging*, который может быть переведен на русский язык как «транслингвальная коммуникация» (ТЛК) или «трансязыковая практика». Термин «*translanguaging*» был впервые использован К. Уильямсом применительно к теории обучения билингвов и получил популярность, благодаря работам О. Гарсия, где он трактуется как использование средств различных языков с целью максимизации коммуникативного потенциала [14: с. 140]. С точки зрения педагогики, билингвизм (*bilingualism*) и транслингвальная коммуникация (*translanguaging*) имеют фундаментальное различие: в первом случае акцентируется различие контактирующих языков, во втором – на первый план выдвигается «функциональная взаимодополняемость языковых практик» [14: с. 158], при этом дискретность контактирующих языков нивелируется. О. Гарсия использует термин «*translanguaging*» для описания коммуникативного поведения детей-билингвов в американских школах, но эвристический потенциал данного термина может выходить далеко за пределы сферы образования.

Транслингвальную коммуникацию (translanguaging) можно рассматривать как концептуальную альтернативу билингвизму, который не всегда может отразить усложняющуюся динамику мультиязычной коммуникации в глобализующемся мире. По мнению О. Гарсия, в основе понятий билингвизма и транслингвальной коммуникации лежат разные взгляды на язык: билингвизм исходит из традиционного понимания языка как системы, в то время как ТЛК соотносится с социолингвистикой глобализации, которая рассматривает язык как «мобильный ресурс» [11]. Если билингвизм уходит корнями в традиционное для западной лингвистики представление о коммуникации, где монолингвизм является нормой, то ТЛК признает нормой многоязычие (гетероглоссию) – постоянную адаптацию индивида к многоязычным и многомодальным формам коммуникации. В этом смысле, в трактовке О.Гарсия, транслингвальная коммуникация выходит за пределы переключения кода, но при этом включает его.

3. Дискурсивные жанры телешоу «Голос»

Применительно к музыкальному дискурсу жанр можно определить как тип музыки (музыкальный жанр) и как тип текста (дискурсивный жанр). Музыкальные жанры (джаз, соул, фанк, рок, поп, хеви метал, хип-хоп) характеризуются специфическими приемами исполнения, особым инструментальным сопровождением, контекстом, содержанием, социальными функциями и пр. Дискурсивные жанры представляют собой языковые практики, связанные с определенным типом социальной деятельности: джем сешн, студийные записи, музыкальные CD, музыкальные интервью или рецензии, профессиональные форумы, научные публикации, райдеры, музыкальные контракты и т.п. [6]. Исследование дискурсивных жанров включает анализ языковых практик, собственных конкретным музыкальным жанрам (например, во время музыкальных репетиций или в музыкальных интервью), процесса создания музыки, деталей музыкальных выступлений и музыкальной семиотики (способов и средств создания и выражения смысла в музыке). Таким образом, в музыкальном дискурсе дискурсивные жанры и музыкальные жанры тесно связаны и переплетены друг с другом.

Вокальный конкурс «Голос» состоит из нескольких жанров, которые соотносятся с разными стадиями «жизни» музыкального продукта: 1) «созданием музыкального продукта»; 2) «готовым музыкальным продуктом»; 3) «распространением/ продвижением музыкального продукта» и 4) его «восприятием/оценкой» [2]. Каждый выпуск шоу содержит несколько циклов, которые, в свою очередь, включают: представление конкурсанта(ов) ведущим, видео презентацию конкурсанта(ов) с фрагментами репетиций и ярких моментов шоу, выступление конкурсанта(ов) и его последующее обсуждение наставниками.

Фрагменты репетиций показывают процесс создания конкурсантами и наставниками музыкального продукта (песни). Выступление с песней в очередном выпуске программы – это презентация готового музыкального продукта. Продвижение и распространение музыкального продукта включает представление песни и конкурсанта(ов) ведущим с целью привлечения и поддержания интереса телезрителей. На последней стадии «восприятия/оценки музыкального продукта» наставники обсуждают выступления конкурсантов, давая оценку их профессионализму и оригинальности, комментируя их голосовые возможности, преимущества и недостатки конкретного выступления в рамках шоу, а также дают конкурсантам рекомендации для дальнейшего профессионального роста.

В статье анализируются четыре дискурсивных жанра: репетиции (создание музыкального продукта), выступления (готовый музыкальный продукт), конференс (продвижение музыкального продукта) и обсуждение выступлений (восприятие/оценка музыкального продукта).

4. Текстовые и контекстуальные элементы жанра

В рамках критического жанрового анализа В.К. Бхатиа [9] жанры понимаются как конфигурации внешних и внутритекстовых факторов. Внутритекстовые факторы включают типы действий (или цели действий), коммуникативные технологии, уровень формальности, место коммуникации, тип коммуникации, нормативные ожидания, социальные роли и социальные отношения между коммуникантами. Внешние факторы представлены типом, структурой и стилем текста, использованием профессионально-ограниченной лексики (термины, профессионализмы, профессиональный жаргон) и невербального языка [2].

Репетиции, выступления, объявление номеров (конференс) и обсуждение выступлений в шоу «Голос» характеризуются разными комбинациями перечисленных выше признаков. В данной статье мы остановимся на тех признаках, которые помогают понять, с какой целью и каким образом участники конкурса используют русский и/или английский языки на разных стадиях шоу. К ним относятся тип действия, тип коммуникации, социальные роли и отношения, профессионально-ограниченная лексика и невербальный язык.

Социальные агенты шоу «Голос» – это не только наставники и конкурсанты, но и зрители в зале, телезрители, музыканты оркестра, помощники наставников и ведущий шоу. На различных этапах шоу представлены разные социальные агенты и социальные отношения. Так, во время репетиций в качестве социальных агентов выступают конкурсанты, наставники, их помощники, аккомпаниаторы; между конкурсантами наблюдаются горизон-

тальные отношения, а между конкурсантами и наставниками – вертикальные. Наоборот, во время обсуждения выступлений конкурсантов, помимо наставников и самих конкурсантов, в общение вовлечены зрители в зале, ведущий и музыканты оркестра, поэтому отношения между коммуникантами становятся более сложными.

Участники музыкального проекта «Голос» различаются уровнем музыкальных и вокальных компетенций и делятся на профессионалов (наставники, конкурсанты с музыкальным образованием, музыканты оркестра и т.п.), полупрофессионалов (конкурсанты, не имеющие музыкального образования) и непрофессионалов (зрители в зале, телезрители, ведущий). Соответственно в некоторых дискурсивных жанрах используется больше профессионально-ограниченной лексики, чем в других. Так, репетиции характеризуются использованием значительного числа музыкальных терминов, профессионализмов и музыкального жаргона; выступления и объявление номеров (конферанс) нацелены на непрофессиональную публику и поэтому содержат меньшее количество профессионализмов и терминов (или вовсе их не содержат).

Коммуникация в шоу «Голос» мультимодальна. В выступлениях конкурсантов вербальный язык (тексты песен, комментарии наставников, речь ведущего, обращение конкурсантов к наставникам и публике и т.п.), музыка/звук (мелодии песен, аранжировки, ритм), язык тела (контакт глазами, жесты, движения) и визуальные элементы (одежда, декорации, освещение и т.п.) сливаются в единую музыкальную композицию, где музыка (мелодия) зачастую определяет вербальный язык.

5. Транслингвальная коммуникация в шоу «Голос»

Цель транслингвальной коммуникации в конкурсе – максимизировать коммуникативный эффект. Элементы английского и русского языков сливаются в едином речевом потоке и могут взаимодействовать с другими языковыми кодами. При этом интенсивность трансязычных практик, как показало проведенное исследование, существенно различается от жанра к жанру.

Репетиции. Стадия «создания музыкального продукта» состоит в отработке песни, которую конкурсанту(ам) предстоит исполнить на сцене перед зрителями и исполнение которой наставникам и телезрителям предстоит в дальнейшем оценить. Во время репетиций конкурсанты вместе со своими наставниками выбирают известные песни и творчески адаптируют их, стараясь привнести что-то новое, индивидуальное и оригинальное, что позволило бы полнее продемонстрировать голосовые возможности конкурсанта и вызвать одобрение и поддержку со стороны других наставников и телезрителей.

Конкурсанты и наставники обладают профессиональными знаниями структуры песенных композиций, стилистических приемов, музыкального материала в различных жанрах и т.п. При обсуждении музыкальных деталей и особенностей создания музыки широко используется музыкальная терминология итальянского или англоязычного происхождения. Итальянские термины в основном относятся к классической оперной музыке и довольно часто используются в речи профессионалов для обозначения характеристик голоса (*фальцет, сопрано, тенор* и т.п.) и техник вокального исполнения или игры на музыкальных инструментах (*легато, стаккато, крещендо, кантабиле* и др.). Однако для создания запоминающегося музыкального номера современного эстрадного жанра (например, джаз или рок-вокал) используется терминология англоязычного происхождения. К числу англицизмов относятся большая часть терминов, обозначающих жанры современной музыки (*соул, фанк, ар-эн-би, джаз, хип хоп* и т.д.), структурные элементы музыкальной композиции (*сэмпл, риф, бридж, интро, аутро*) и техники пения (*вокализ, скэт, гроул, скрим, битбокс* и т.п.) [1].

Кроме музыкальной терминологии, участники вокального шоу широко используют в неформальном общении профессиональный музыкальный жаргон – гибридный (суб)язык, к котором смешиваются англоязычные музыкальные термины и русскоязычные аффиксы и флексии, например: *свинговать* ('to swing'), *джазить* ('to jazz'), *скэтить* ('to scat'), *битбоксить* ('to beatbox'), *прифанкованный* ('funky'), *драйвовый* ('driving'), *банда* ('band'), *батлы, батлов, батлам* ('battles'), *батлиться* ('to battle') и т.д. В жаргонизмах подобного рода элементы английского и русского языков несут разную коннотативную нагрузку. Английский корень коннотирует принадлежность глобальному музыкальному миру, в то время как русский язык выражает локальность и фамильярность. В целом можно сказать, что глобальный английский в российском музыкальном дискурсе выполняет семантическую и семиотические функции. С одной стороны, он заполняет лексические лакуны, являясь источником наименований современных музыкальных феноменов, а с другой – индексирует современность и профессионализм [3]. Хотя в программах «Голос» и «Голос за кадром» зрители не могут видеть репетиции к выступлениям конкурсантов в полном объеме ввиду их профессиональной конфиденциальности, но даже коротких фрагментов репетиций достаточно для подтверждения огромного престижа английского языка в современном музыкальном дискурсе и его ключевой роли в общении между вокалистами и музыкантами сегодня.

Выступления конкурсантов. Язык, на котором исполняются песни в рамках вокального конкурса, часто становится предметом споров в шоу «Голос», отражая тем самым дискурсно-специфичные языковые идеологии и личные предпочтения участников и организаторов проекта.

Песни в шоу, как правило, исполняются на русском, английском или на родном языке участника. По правилам конкурса, чтобы быть понятным русскоязычной аудиторией, каждый вокалист за время участия в проекте должен исполнить хотя бы одну песню на русском языке. Исполнение песен на русском языке всемерно поощряется организаторами конкурса, однако, несмотря на это, сравнение количества песен на русском и английском языках, исполняемых в I и II сезонах проекта, выявило, что англоязычный материал превалирует над русскоязычным. Так, в первом сезоне 46 % исполняемых конкурсантами песен были на русском языке. Во втором сезоне, несмотря на настойчивые попытки организаторов усилить роль русского языка в шоу, количество песен на русском языке уменьшилось до 38 %, а количество песен на английском языке увеличилось с 46 % (I сезон) до 51 %. При этом число песен на других языках также выросло с 9 % в первом сезоне до 11 % – во втором сезоне.

Объяснение этой тенденции отчасти дано в комментарии одного из наставников во время обсуждения выступлений конкурсантов. Так, в десятом выпуске второго сезона проекта «Голос» известная исполнительница музыки в этно- и фолк-стиле Пелагея так пояснила причину выбора языка песни для своего подопечного:

«Когда мы в России, мы должны петь по-русски. Единственная проблема в том, что на русском мало хороших песен».

Этот тезис развил другой наставник – популярный поп-исполнитель и профессиональный джазовый музыкант Леонид Агутин, сославшись на англо-американские истоки современных музыкальных жанров:

«Всем, кто как бы берет на себя смелость по приказу наставника петь на русском языке, это всегда сложно, именно в вокальном конкурсе. Что поделать, мы вторые, мы всегда после. Эту музыку изначально кто-то изобрел там, и мы уже подобрали свою такую субкультуру, в ней живем. Но когда мы говорим о современном голосе, вообще вокале современном, эстрадном, мы, конечно, опираемся на западные образцы. И когда мы поем по-русски, нам сложновато».

Согласно мнению наставников и конкурсантов шоу, из-за более узкого диапазона и меньшего разнообразия мелодических рисунков, популярные русскоязычные песни не позволяют максимально раскрыть голосовые возможности. Для этого гораз-

до больше подходят англоязычные композиции в жанрах соул, джаз и ритм-энд-блюз. Мелодическое и ритмическое разнообразие джаза и соула создают неповторимую основу для вокальных импровизаций. Вместе с тем, как показывает анализ мнений зрителей на форуме «Голос», для русскоязычных зрителей важен прежде всего смысл песен, они хотят понимать и чувствовать эмоции, передаваемые в песне. Для большинства зрителей, русские песни характеризуются большой содержательностью и особым смысловым наполнением.

Мнение аудитории особенно важно на этапах «живых» выступлений, когда проводится зрительское голосование. Поэтому на протяжении всего проекта конкурсанты и их наставники ищут баланс между демонстрацией широких голосовых возможностей и гарантией зрительского понимания и поддержки. Одной из стратегий, которую участники используют в рамках вокального конкурса, является исполнение популярных песен на английском, французском, испанском, итальянском и т.д. языках в первых раундах соревнования и выбор русскоязычных композиций в четвертьфинале, полуфинале и финале конкурса, когда к голосованию приступают зрители.

Еще одна стратегия – добавлять к композициям на иностранных языках фрагменты (куплеты и/или припевы) в переводе на русский язык. В таких случаях предпочтение отдается известным мюзиклам, как «Chicago», «Jesus Christ Superstar» или «Notre-Dame de Paris», которые уже переведены на русский язык и пользуются огромным успехом у российской публики.

Кроме того, чтобы пробудить интерес наставников и продемонстрировать свою индивидуальность, некоторые конкурсанты выбирают этнические песни или билингвальные композиции, сочетающие русский и какой-либо другой язык (например, татарский, грузинский). В большинстве таких случаев использование русского языка объясняется стремлением быть понятным публике, а использование другого языка подчеркивает этническую идентичность исполнителя.

Транслингвальная и музыкальная креативность могут дополнять друг друга, когда конкурсанты и их наставники объединяют в одну композицию музыкальные фрагменты разных мелодий на разных языках. Одним из ярких моментов финала первого сезона шоу «Голос» (2012) была композиция «Нагет», когда известная песня на арабском, исполненная Пелагеей и ее подопечной Эльмирой Камимуллиной из Татарстана, послужила ритмической и тональной основой для нескольких этнических песен на татарском и русском языках. На этапе поединков во втором сезоне (2013 г.) два этнических грузина Нодар Ревия и Георгий Меликишвили дополнили русскую песню «Туда» фрагментом традиционной полифо-

нии из грузинской народной песни «Mgzavtuli». В третьем сезоне (2014 г.) на этапе «нокатуттов» восторженный интерес как у публики, так и у наставников вызвало оригинальное сочетание англоязычной песни «Around the World» с армянской народной песней «Сары гелин» в исполнении Айгюн Аскеровой, сопровождавшееся звучанием армянского народного инструмента «нагара».

Подобное «двухуровневое» воплощение языковой и музыкальной креативности выходит за рамки традиционного понимания жанровых норм в музыкальном выступлении. Смешение английского с другими национальными языками можно рассматривать как инструмент локализации глобальных музыкальных жанров [4], а смешение языка и музыки актуализирует этнический фокус глобальных творческих устремлений. Таким образом, мульти-модальное преломление транслингвальной коммуникации добавляет новые смысловые и звуковые оттенки к многоязычной мультикультурной музыкальной палитре телешоу «Голос».

Представление музыкальных номеров (конферанс). Стиль ведущего Дмитрия Нагиева является одной из «визитных карточек» вокального конкурса «Голос». Ведущий выступает в шоу сразу в нескольких ролях: он представляет участников на сцене, следит за соблюдением регламента шоу, развлекает публику шутками, поддерживает интерес к происходящему на сцене и общается с участниками проекта, их семьями, друзьями и наставниками. На протяжении трех сезонов Д. Нагиев последовательно придерживался выбранного им вербального стиля, представляющего собой креативный «сплав» формальных и неформальных трансязычных практик. При этом транслингвальная составляющая имиджа ведущего стала одной из стилиобразующих черт жанра «конферанс» в рамках шоу.

Будучи ведущим на телевизионном канале, который смотрят более 250 миллионов русскоговорящих зрителей во всем мире, Д. Нагиев использует русский язык (локальный лингва франка), время от времени перемежая его англоязычными словами и фразами, например: «*Это проект Голос on the First Channel*» и т.п. Поскольку понимание зрителей – важнейшее условие успеха ведущего, его «усеченный» языковой репертуар обычно включает общеизвестные английские слова: *ma'am, ladies and gentlemen, please*. Так, ведущий обращается к оркестру со словами «*Маэстро, плиз*», а успешно выступившую участницу приветствует словами: «*Добро пожаловать на борт, мээм*». Чтобы развлечь участников и зрителей проекта, ведущий иногда «играет» английским и русским языками для создания комического эффекта. Так, во втором сезоне на этапе «поединков», представив двух участниц баттла (Тину Кузнецову из России и Кармен Мокси

из США), к российской участнице он обратился на английском «*Are you ready?*», а к участнице из США – на русском: «*Ты готова?*». В приведенных примерах иноязычные элементы несут минимальную семантическую нагрузку, однако, их смыслообразующий потенциал включает социокультурные коннотации современности и престижа, являясь частью конструирования имиджа ведущего.

Обсуждение выступлений. Данный жанр музыкального дискурса реализуется на коммуникативном уровне «профессионал – непрофессионал», где специальная терминология и профессиональный жаргон используются гораздо менее интенсивно, чем, во время репетиций. Вместе с тем и в этом жанре широко представлены гибридные слова и англицизмы, используемые для выражения симпатии («*Он такой трушный!*»), благодарности («*Я уважаю абсолютно каждого, потому что they're fantastic, you know*»), сопереживания («*If I were Градский, я бы не знал, что делать*»), эмфатизации эмоций («*Спасибо вам за то, что вы такая sensitive*»). Анализ функциональных особенностей англицизмов в обсуждениях выступлений показал, что в данном жанре английский язык может служить средством эвфемизации. К примеру, один из наставников, извиняясь за то, что не повернулся к талантливому вокалисту во время «слепых» прослушиваний переходит на английский: «*I am so sorry*». Иногда переход на английский помогает сгладить коммуникативный конфликт, как в нижеприведенной реплике одного из наставников, обращенной к ведущему: «*Дим, прям rease*».

Английский язык используется в общении с иностранными участниками, не знающими русского языка. При этом имеет место перенос в англоязычную речь российских участников особенностей русскоязычной фонетики, грамматики, лексики, а также лингвокультурных особенностей русского языка. В специальной литературе данный феномен получил название Russian English [5]. Исследование показало, что отдельные коммуникативные сбои, связанные с трансференцией и/или различным уровнем владения английским языком, довольно быстро устраняются коммуникантами посредством перефразирования, повторов, использования музыкальной терминологии (которая в большинстве случаев англоязычная) или путем переключения на другие модальности (мелодия, жесты).

Заключение

Транслингвальная коммуникация является неотъемлемой частью современного музыкального дискурса; ее функционально-прагматическая направленность определяется особенностями жанра и социального контекста. В музыкальном шоу «Голос» транслингвальная коммуникация семиоти-

чески нагружена и принимает различные формы на разных стадиях «жизни» музыкального продукта.

Профессиональное общение конкурсантов-вокалистов и наставников во время репетиций насыщено англицизмами, имеющими статус терминов и профессиональных жаргонизмов. Повседневная транслингвальная коммуникация на уровне (фрагментов) предложения более характерна для обсуждения выступлений вокалистов и концеранса. Часть музыкальных выступлений характеризуются креативным смешиванием текстов (куплетов) на разных языках в разных мелодических формах. При этом трансязычная практика помогает связать текст и мелодию в музыкальном дискурсе.

Если использование русского языка в музыкальных композициях обеспечивает понимание, то английский язык преимущественно выполняет семиотическую функцию; его смыслообразующий потенциал определяется языковыми идеологиями, циркулирующими в современном российском обществе. При этом в разных жанрах шоу роль английского языка различна: он может способствовать оптимизации профессиональной коммуникации во время репетиций, конструировать глобальную и локальную идентичность вокалистов во время выступлений, выполнять имиджевую функцию в жанре концеранса, выражать различные отношения и эмоции в обсуждении выступлений.

Таким образом, исследование жанрово-специфичных практик музыкального дискурса свидетельствует о том, что английский язык все глубже входит в русскоязычное коммуникативное пространство как мощный семантический и семиотический ресурс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешинская, Е.В. Современный американский музыкальный термин: лингвистический статус и специфика / Е.В. Алешинская // Вестник Чувашского университета. – 2007. – № 4. – С. 128–132.
2. Алешинская, Е.В. Теоретико-методологические основы разграничения жанров профессионального дискурса / Е.В. Алешинская // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 5 (31). – С. 5–23.
3. Гриценко, Е.С. Английский язык как семиотический ресурс в современной российской повседневности / Е.С. Гриценко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2014. – № 2 (42). – С. 27–31.
4. Гриценко, Е.С. Языковые особенности рэпа в аспекте глобализации / Е.С. Гриценко, Л.Г. Дунашева // Политическая лингвистика. – 2013. – № 2(44). – С. 141–147.
5. Прошина, З.Г. Russian English: Pride or prejudice? (Русский английский: гордость или предубеждение) / З.Г. Прошина // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 2014. – № 6. – С. 15–25.
6. Aleshinskaya, E. Key components of musical discourse analysis / E. Aleshinskaya // Research in Language. – 2013. – Vol. 11. – Is. 4. – P. 423–444.
7. Androustopoulos, J. Language and the three spheres of hip hop / J. Androustopoulos // Global linguistic flows: Hip hop

cultures, youth identities, and the politics of language / Ed. by H.S. Alim, A. Ibrahim and A. Pennycook. – New York and London: Routledge, 2009. – P. 43–62.

8. Androustopoulos, J. Multilingualism, ethnicity, and genre: The case of German hip-hop / J. Androustopoulos // Languages of global hip hop / Ed. by M. Terkourafi. – London, New York: Continuum Press, 2010. – P. 19–44.

9. Bhatia, V.K. Interdiscursivity in professional communication / V.K. Bhatia // Discourse and communication. – 2010. – Vol. 21. – Is. 1. – P. 32–50.

10. Blommaert, J. Commentary: A sociolinguistics of globalization // Journal of sociolinguistics. – 2003. – Vol. 7. – № 4. – P. 607–623.

11. Blommaert, J. The sociolinguistics of globalization. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2010. – 230 p.

12. Crystal, D. English as a global language. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 150 p.

13. Fairclough, N. Language and globalization. – London: Routledge, 2006. – 200 p.

14. Garcia, O. and Wei L. Translanguaging: Language, bilingualism and education. – Palgrave Macmillan, 2014. – 176 p.

15. Hassa, S. Kiff my zikmu: Symbolic dimensions of Arabic, English and Verlan in French rap texts // Languages of global hip hop / Ed. by M. Terkourafi. – London, New York: Continuum Press, 2010. – P. 44–66.

16. Higgins, C. From da Bomb to Bomba: Global Hip Hop Nation language in Tanzania // Global linguistic flows: Hip hop cultures, youth identities, and the politics of language / Ed. by H.S. Alim, A. Ibrahim and A. Pennycook. – New York and London: Routledge, 2009. – P. 95–112.

17. Jones, R.H. Creativity and discourse // World Englishes. – 2010. – Vol. 29. – Is. 4. – Pp. 467–480.

18. Kachru, B.B. The bilingual's creativity // Annual Review of Applied Linguistics. – 1985. – Vol. 6. – P. 20–33.

19. Lee, J.S. Globalizing Keepin' it Real: South Korean hip-hop Playas // Languages of global hip hop / Ed. by M. Terkourafi. – London, New York: Continuum Press, 2010. – P. 139–161.

20. Omoniyi, T. «So I choose to Do Am Naija Style»: Hip hop, language and postcolonial identities // Global linguistic flows: Hip hop cultures, youth identities, and the politics of language / Ed. by H.S. Alim, A. Ibrahim and A. Pennycook. – New York and London: Routledge, 2009. – P. 113–138.

21. Pennycook, A. and Mitchell, T. Hip hop as dusty foot philosophy: engaging locality // Global linguistic flows: Hip hop cultures, youth identities, and the politics of language / Ed. by H.S. Alim, A. Ibrahim and A. Pennycook. – New York and London: Routledge, 2009. – P. 25–42.

22. Roth-Gordon, J. Conversational sampling, race trafficking, and the invocation of the Gueto in Brazilian hip hop // Global linguistic flows: Hip hop cultures, youth identities, and the politics of language / Ed. by H.S. Alim, A. Ibrahim and A. Pennycook. – New York and London: Routledge, 2009. – P. 43–62.

23. Sarkar, M. «Still reppin por mi gente»: The transformative power of language mixing in Quebec hip hop // Global linguistic flows: Hip hop cultures, youth identities, and the politics of language / Ed. by H.S. Alim, A. Ibrahim and A. Pennycook. – New York and London: Routledge, 2009. – P. 139–158.

24. Simeziane, S. Roma rap and the Black Train: Minority voices in Hungarian hip hop // Languages of global hip hop / Ed. by M. Terkourafi. – London, New York: Continuum Press, 2010. – P. 96–119.

25. Tsujimura, N. and Davis, S. Dragon ash and the reinterpretation of hip hop: On the notion of rhyme in Japanese hip hop // Global linguistic flows: Hip hop cultures, youth

identities, and the politics of language / Ed. by H.S. Alim, A. Ibrahim and A. Pennycook. – New York and London: Routledge. 2009. – P. 179–194.

ОСОБЕННОСТИ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СФЕРЕ ФАСТ-ФУДА: РУССКО-НЕМЕЦКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

А.И. Едличко

Едличко Анжела Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Контактный адрес: ang299@yandex.ru

Статья посвящена особенностям гастрономического дискурса в области фаст-фуда. Проанализированы основные вербальные способы репрезентации гастрономической информации на русских и немецких сайтах кафе быстрого питания. Выявлены различные лексические, морфологические и синтаксические средства, стилистические приемы, с помощью которых реализуется позитивная эмоциональная оценка рекламируемых блюд.

Ключевые слова: гастрономическая лексика, гастрономический / глоттонический дискурс, коннотации, персуазивное значение, интенсификаторы, креолизованные тексты.

Гастрономия играет с древних времен одну из самых важных ролей как в жизни отдельного человека, так и нации в целом. Несмотря на это, в России тема еды считалась почти неприличной для нашей культуры. А.В. Павловская, указывая на эту антиномию, отмечает, что «говорить на тему еды – пошлость, мещанство, показатель отсутствия духовных интересов, свидетельство низкого интеллектуального уровня. Во всем этом есть удивительное противоречие – важнейший вопрос жизни, волнующий всех и каждого, находится чуть ли не под запретом» [18: с. 7].

Тем не менее в последние десятилетия наблюдается возросший научный интерес к гастрономической теме, о чем свидетельствуют многочисленные исследования, проводимые в различных отраслях гуманитарных наук: истории (в рамках направления «История повседневности»), культурологии, теории межкультурной коммуникации, лингвистики и др. В различных областях гуманитарных знаний защищаются кандидатские диссертации по гастрономической тематике, выпускаются учебно-методические пособия, издаются словари кулинарной лексики. Следствием масштабности разноплановых исследований в названной области стал I Международный научно-практический симпозиум «Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира», проведенный в октябре 2014 г. на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова. Гастрономическая система нации рассматривается как важный компонент национальной идентичности и как особый код невербальной коммуникации в рамках исследований по культурологии [10; 23] и теории межкультурной коммуникации [14]. При этом подчеркивается, что еда, выступающая в гастике¹ как особая культурема, обладает определенным се-

миотическим статусом и проявляет специфику культуры определенной нации [14: с. 19].

Исследователи относят гастрономический (кулинарный) код культуры к одному из базовых, поэтому в современной лингвистической науке появилось множество работ, связанных с гастрономической лексикой и выполненным в рамках различных лингвистических направлений – прагмалингвистики, когнитивной лингвистики, дискурсивной лингвистики, лингвосомиотики, лингвокультурологии, этнолингвокультурологии и др. Значительное количество исследований посвящено комплексному изучению лексических единиц, а именно системному и функциональному анализу единиц семантического поля «Пища/Еда». Знаки пищи и ее компоненты именуется как *кулинарно-гастрономическая лексика*, *кулинаремы*, *кулинаронимы*, *кулинарные культуремы* [19: с. 315–390], *трофонимы* (от греч. *τροφή* – еда и *ὄνομα* – имя) [12: с. 5], *глоттонимы* (лат. *gluttonare* – есть, питаться, поглощать пищу). Термин *глоттонимы* введен в научный оборот волгоградским лингвистом А.В. Оляничем. Интерес исследователей вызывают этнолингвокультурные особенности русского и иноязычных этносов [1–3; 8; 11–13; 16; 21]. Сопоставительные исследования лингвосомиотических и лингвокультурных систем гастрономической коммуникации народов представляют собой структурный, семантический и стилистический анализ кулинарной лексики, образных средств языка (гастрометафор, фразеологизмов с кулинарным компонентом) и этнолингвокультурную характеристику русского, англо-, немецко-, персидско-, калмыцкоязычного и др. этносов. Ученые приходят к выводу, что исследования культуры народа, языковой картины мира этноса носят комплексный характер и требуют непременно изучения гастрономической лексики, которая «отражает этические и эстетические представления народа о мире» [13: с. 5].

¹ Гастика (или густика) – наука, изучающая вкусовые ощущения, знаковые и коммуникативные функции пищи и напитков [9: с. 89].

Внимание лингвистов направлено также на дискурсивные и жанровые особенности гастрономии: исследуется гастрономический (глуттонический) дискурс, понимаемый как «особый вид коммуникации, связанный с состоянием пищевых ресурсов и процессами их обработки и потребления» [17: с. 168] и как «процесс коммуникативно-прагматической деятельности человека» [21: с. 119]. Также рассматриваются семантико-синтаксические свойства и прагматические характеристики жанра «кулинарный рецепт» в поваренных книгах, СМИ, произведениях художественной литературы [4; 15; 22].

Как известно, глобализация активно изменяет мир и затрагивает практически все сферы общественной жизни. Не случайно процесс всемирной американизации, который коснулся не только политики, экономики, культуры и языков, связан с так называемой макдональдизацией, что указывает на важную роль гастрономического кода культуры в распространении глобализации. Результатом гастрономической глобализации является «всемирная деллокализация продуктов питания» [23: с. 444], что приводит к интернационализации гастрономической лексики. Неотъемлемой частью современной «культуры питания» в каждой стране стал фаст-фуд, исследованию дискурсивных особенностей которого посвящена данная статья.

Не вызывает сомнения тот факт, что целью текстов, размещенных на сайтах кафе быстрого питания, является побуждение адресата к принятию решения о необходимости приобрести определенный гастрономический продукт. Для достижения этой цели используются определенные персуазивные техники, к которым относятся, по словам А.В. Голоднова, «конкретные операции выбора и комбинирования, тематического оформления и текстового кодирования коммуникативных действий под контролем соответствующей стратегической цели» [7: с. 102]. При этом достижению цели может способствовать комбинирование различных компонентов. Презентационность и привлекательность продуктов и блюд достигается с помощью как невербальных, так и вербальных средств. К первым относятся красочные фото- и видеопрезентации блюд, событий, довольных людей. Вербальная составляющая включает в себя различные лингвистические средства, также привлекающие внимание клиента. Рассмотрим подробнее вербальные способы репрезентации гастрономической информации на русских и немецких сайтах фаст-фуда.

Как известно, одним из отличительных признаков самобытности русского языка (в сравнении, например, с немецким) является категория деминутивности. Деминутивные суффиксы имеют бинарную структуру, поскольку они сочетают в себе семантический и прагматический компоненты. Номинации с уменьшительно-ласкательными суффиксами

несут в себе положительное оценочное значение: *булочка, грибочки, палочки, кусочек, оладушек, ломтик, огурчик, сухарик, крылышки* и т.д. Деминутивы используются в прецедентных текстах, выполняя аттрактивную и эмоциональную функции, одновременно являясь средством выражения симпатии, например: *Макфлури. Любовь с первой ложечки* (ср. с фразеологизмом «любовь с первого взгляда»).

Поскольку к признакам прецедентного текста относятся, прежде всего, узнаваемость большинством членов социума и экспрессивность, различные прецедентные единицы (как правило, фразеологизмы) используются в немецком языке для привлечения внимания и интереса реципиента: *Prime Chicken Filets. Da läuft einem das Wasser im Mund zusammen²: hochwertiges und lecker gewürztes 100 %-iges Hähnchenbrustfilet [...]. Hamburger Royal TS. Adel in aller Munde³.*

Позитивная эмоциональная оценка рекламируемых блюд реализуется с помощью прилагательных-интенсификаторов, содержащих положительную коннотацию (рус. *вкусный, питательный, ароматный, свежий, нежный, сочный, аппетитный, оригинальный, румяный, вкусный, отборный*; нем. *aromatisch, köstlich, saftig, fruchtig, echt, cremig, knusprig, lecker, herzhaft-lecker, gut, unwiderstehlich*). Как показывают примеры, эмоциональность выражают многочисленные определения как распространяющие элементы синтаксического уровня: рус. *Все наши салаты изготовлены из самых лучших и натуральных ингредиентов: сочных свежих овощей, нежнейшей курицы, настоящего ароматного пармезана, хрустящих пшеничных сухариков*. Нем. *Eine edle Sauce, kaiserlich-knackiger Salat, noch mehr feines Rindfleisch und zwei noble Tomatenscheiben.*

В текстах также используются прилагательные, имеющие нейтральные ингерентные коннотации (*натуральный, классический, молодой*), однако, прагматика высказывания придает им определенный положительный коннотативный потенциал, эксплицируя сему «качество» в микроконтексте. Этому способствует дистрибуция названных слов, включающая положительные номинации (*свежий, тончайший, безупречный, незабываемый, настоящий, необыкновенный, оригинальный, berühmt*): рус. 1. *Ведь свежие и натуральные ингредиенты, тончайшее тесто и безупречная рецептура – это и есть то, из чего складывается незабываемый вкус настоящей итальянской пиццы.* 2. *На этой странице вы сможете выбрать как пиццы, изготовленные по классическим старинным рецептам, так и необыкновенные оригинальные пиццы.* Нем. *Für Puristen: Unsere berühmte Tomatensauce und echter Mozzarella-Käse.*

² рус. *слизки текут.*

³ ср. *In aller Munde sein* – быть у всех на устах.

Эффект доверия клиента достигается также благодаря лексемам «специальный», «исключительный», «особенный», которые достаточно часто используются в русских текстах рекламы фаст-фуда, указывая на особую исключительность предназначения конкретного продукта для клиента, например: 1. **Специально** для Вас с этой весны доставка шашлыка будет осуществляться круглосуточно в любой день недели, включая праздники и му. 2. Каждое блюдо готовится **исключительно** из свежих и натуральных продуктов **специально** для вас. 3. **Особенный** вкус сэндвичу придают три кусочка сыра «эмменталь», два ломтика помидора, свежий салат, лук и пикантный соус «Гриль».

Для привлечения внимания рецепиента используются различные девиационные именные образования (в основном, прилагательные). С их помощью создается иллюзия наличия у продукта определенных особенных характеристик. Эти формы интенсифицируют смысл высказывания, придают содержанию определенную эмфатичность, ср.: рус. *Та же пицца, только итальянстей.* нем. *Der extra Dreh aus kakaoigen Keks-Stückchen und weißer Vanillecreme-Füllung und unserer leckeren Schokosauce. Richtig schokoladig: luftiger, kleiner Biskuitkuchen mit feiner Schokolade.* При этом стоит указать на частотность употребления названных немецких лексем *kakaoig* и *schokoladig* вероятно, приобретающих статус узуальной нормы. Также нельзя не согласиться с мнением, что «девиации отражают когнитивные особенности картины мира, свойственные данному этносу и не мешают взаимопониманию коммуникантов» [20: с. 125–126].

Известно, что композитообразование является самым продуктивным способом словообразования в немецком языке. Мотивами для образования и употребления композитов в речи могут служить различные факторы: номинация при отсутствии в языке необходимого наименования, языковая экономия, усиление выражения, замена немотивированного слова мотивированным, замена устаревших выражений новыми, устранение синтаксической неоднозначности, потребность в акцентировании смыслов и др. [6: с. 22–27]. В немецких текстах употребляется большое количество прилагательных-композитов, первый компонент которых усиливает аттрактивное воздействие на клиента, сообщая дополнительную информацию о легкости, сочности, нежности продукта (*luftig-leicht, saftig-schokoladig, fruchtig-cremig, knusprig-dünn, luftig-locker, feurig-fruchtig*).

Компаративные интенсификаторы, т.е. прилагательные в сравнительной и превосходной степени (рус. *нежнейший, тончайший, вкуснейший, наилучший*; нем. *beste, schönste, coolste, wichtigste, berühmteste*) в сочетании с наречиями *nur/только, noch/еще* и неопределенным местоимением *viel/много* и др. выполняют в тексте оценочную функцию и

служат для интенсификации высказывания и аргументации, например: рус. 1. Суши – **самое знаменитое** блюдо традиционной японской кухни. *Попробуйте изумительное сочетание ароматных шампиньонов, нежнейшей моцареллы и классического томатного соуса на тонком итальянском тесте.* Нем. *Apfeltasche. Und das Beste: Sie sieht nicht nur gut aus, sondern schmeckt noch viel besser!*

В текстах, посвященных фаст-фуду, активно используются причастия/депричастия, относящиеся к гастрономической тематике (*жареный, прожаренный, пропаренный, панированный, заправленный, вспененный, украшенный / erfrischend, gegrillt, hausgemacht, belegt, gefüllt, überbacken, gehobelt, serviert, gerieben*), например: рус. *Вкусные, обжаренные в растительном фритюре и слегка посоленные палочки картофеля.* Нем. *Luftig-leichter Teig gefüllt mit Nutella und karamellisiert überbacken mit Zucker.*

Обращают на себя внимание антонимы с семантикой «температура» (горячий чай – холодная кола, холодное молоко – горячий какао), «плотность» (плотная пенка – нежный кофе), «размер» (большие креветки – кусочек (деминутив)) и др., усиливающие положительный прагматический потенциал высказываний, ср.: рус. *Можно выбрать салат на любой вкус: сытный или легкий [...]* Нем. *Schake Schoko groß. Schake Vanille klein.*

Квантитативные интенсификаторы, выраженные числительными, подчеркивают, с одной стороны, интенсивность признака: рус. *Два рубленых бифитекса из натуральной цельной говядины с двумя кусочками сыра «Чеддер» на карамелизованной булочке, заправленной горчицей, кетчупом, луком и двумя кусочками маринованного огурчика.* Нем. *Unsere 5 knusprigen Chicken Wings aus saftigem Hähnchenfleisch mit würziger Marinade sind die Überflieger der Saison.*

С другой стороны, использование числительных конкретизирует и стереотипизирует информацию. Помимо этого, с их помощью предпринимаются попытки достичь доверия клиента, указывая на высокий процент качества блюда, ср.: рус. *Это сэндвич с большим, рубленым бифитексом из 100 %-ной говядины на большой булочке с кунжутом.* Нем. *Alles umgeben von einem Weizenbrötchen aus 100 Prozent IP-Suisse-Mehl.*

К глаголам, используемым в текстах фаст-фуда, относятся глаголы действия, а самым распространенным приемом на синтаксическом уровне является употребление императивных предложений, которые побуждают рецепиента к выполнению желания, совета, рекомендации. Смысловое содержание, использование временных обстоятельств (напр. *jetzt – сейчас*) может придавать таким предложениям значение приказа: *Probieren jetzt unsere erfrischenden Iced Fruit Smoothies in 3 leckeren Sorten.*

Прагматика императивных предложений включает такие параметры как социальное равенство

адресанта и адресата, что определяется неформальной коммуникативной ситуацией: *Питайся правильно! Рассчитай энергетическую ценность блюд с помощью калькулятора!*

Эллиптическое побудительное предложение, в котором действие является имплицитным, имеет также эмоциональную окраску, усиленную в приведенном ниже примере использованием лексемы «*бесплатный*»: *Бесплатный кофе на завтрак!*

Экспрессивные возможности существительных (наряду с прилагательными) проявляются в компаративных предложениях. К примеру, в приведенных ниже предложениях со сравнительными *wie*-адъективами (*wie/как*) сравнительная *wie*-конструкция входит в состав «адъективное словосочетание (превосходная степень) + метафорическое сравнение»: *Pommes Frites sind wie beste Kumpels – einfach immer dabei. Pommes Frites sind wie beste Freunde: Einfach da, wenn man sie braucht... Egal, wie spät es ist.*

В приведенных выше примерах наблюдается равенство признаков сравниваемых объектов *Pommes Frites* (картофель фри) – *Kumpels, Freunde* (друзья), проявляемых с помощью персонификации. При этом понятия *Kumpels, Freunde* (друзья) конкретизируются, что достигается с помощью прилагательного в превосходной степени *beste* (*beste Kumpels, beste Freunde*). Также вербализуются общечеловеческие представления об эталоне друга (который всегда рядом, если в нем нуждаются), что указывает на высокую степень проявления признака: *einfach immer dabei; Einfach da, wenn man sie braucht... Egal, wie spät es ist.*

Использование тропов, как известно, характерно для различных типов текста. Для интенсификации положительной оценки объекта в гастрономическом тексте нередко используется оксюморон, например: *Насладитесь изысканной простотой и утонченностью самой классической и популярной из всех существующих пицц – великолепной пиццы Маргариты.*

Приписываемая блюду (явлению) позитивная оценка часто осуществляется благодаря использованию метафорического переноса: рус. *Новое лицо любимой доставки.* Нем. *Ein knuspriger Start in den Tag: der ofenfrische Kornspitz von McDonald's.*

Эмоциональную выразительность и экспрессивность высказывания усиливают различные фигуры речи, например, повторы. Как отмечает А.Б. Бушев, «повторы создают стойкую картину приемлемости информации, отождествляются с определенным автоматизмом восприятия» [5: с. 60]. Повторы добавляют определенную порцию как предметно-логической, так и дополнительной, прагматической информации. Регулярная повторяемость наблюдается в исследуемом материале как на морфемном, так и на лексическом уровнях: рус. *В баре – no nape! Собирай звезды! Загадывай желания!* Нем. *Klingt französisch,*

schmeckt paradiesisch [...]. American Fries. Extra groß, extra kross, extra lecker [...].

Интенсификация положительной оценки продукта достигается благодаря использованию топонимов и их дериватов, выступающих в качестве желательных характеристик для потребителя: рус. *Вкус сезона. Биф а-ля Рус с беконом. Перье, минеральная вода с газом – известная марка натуральной минеральной воды из источника Перье, который находится в долине Вергезы.* Нем. *Rindfleisch 100 % aus Deutschland! Melange. Typisch österreichisch. Eine leckere Waffel gefüllt mit Sundae Glacé aus Schweizer Milch.*

Для достижения персуазивной цели адресанта на сайтах фаст-фуда активно используются креолизованные (или поликодовые) тексты, включающие как вербальные, так и невербальные маркеры интенсификации. Так, в приведенных креолизованных текстах на сайтах МакДональда наблюдаем гармоничное сочетание визуальной презентабельности блюд, логотипа компании и языкового компонента, ср. рус. репрезентативы с повторами: *Просто каша. Просто великолепно* (рис. 1) и нем. имплицитные директивы: *Frisch für dich!* (рис. 2).

Рис. 1

Рис. 2

Важную прагматическую роль выполняет также эстетическая демонстрационность текста, когда детально описывается состав и внешний вид блюда, ср.: рус. *Чикен Бекон. Сочная куриная котлета, хрустящий бекон, жареный лук, салат, сыр, пикантный соус. И все это на квадратной булочке с кунжутом и кусочками бекона.* Нем. *BBQ Bacon Classic. Der ist neu: Frische Tomate, knackiger Salat, dazu bestes Rindfleisch, knuspriger Bacon und typisch, rauchige Barbecue Sauce. Dieser Burger verspricht absolutes Barbecue-Feeling bei jedem Bissen.*

Помимо этого, аттрактивным потенциалом обладают контексты, в которых имеется дополнительная информация о содержании калорий в том или ином блюде.

Рассмотрев особенности гастрономического дискурса на материале сайтов фаст-фуда, можно отметить, что одной из его установок является привлечение клиента и убеждение принять решение о покупке предъявляемого продукта. Характерной чертой гастрономического текста в исследуемой области является положительная презентация определенного блюда.

Для воздействия на реципиента используются как невербальные, так и вербальные средства, приобретающие выраженное персуазивное значение. Созданию положительного имиджа продукта способствуют различные вербальные маркеры: компаративные и квантитативные интенсификаторы, тропы, фигуры речи. Эмфатический характер придают высказываниям лексические единицы с позитивными оценочными ингерентными и адгерентными коннотациями, лексемы с семантикой уникальности (специфичности), интернациональные лексемы, деминутивы, девиационные именные образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алхайдри, Б.Х.Х. Кулинарно-гастрономическая субстантивная лексика в образном употреблении : автореф. ... канд. филол. наук / Б.Х.Х. Алхайдри. – Воронеж, 2013. – 21 с.
2. Боваева, Г.М. Лингвокультурная специфика этнических пищевых предпочтений (на материале глоттонических номинаций калмыцко-, русско- и немецкоязычных этносов) : автореф. ... канд. филол. наук / Г.М. Боваева. – Казань, 2012. – 22 с.
3. Бойчук, А.С. Развернутые гастрономические метафоры русского языка как отражение актуальных социокультурных тенденций [Электронный ресурс] / А.С. Бойчук // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». – 2011. – № 4 (14). – Режим доступа: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1325227531.pdf>; (дата обращения 05.12.2014).
4. Буркова, П.П. Кулинарный рецепт как особый тип текста (на материале русского и немецкого языков) : автореф. ... канд. филол. наук / П.П. Буркова. – Ставрополь, 2004. – 29 с.
5. Бушев, А.Б. Языковые феномены политического дискурса / А.Б. Бушев // Теория коммуникации и прикладная коммуникация : вестник Российской коммуникативной ассоциации ; под ред. И.Н. Рогозиной. – Вып. 2. – Ростов н/Д.: ИУБиП, 2004. – С. 52–71.
6. Вацунин, В.С. Субстантивные сложные слова в немецком языке / В.С. Вацунин. – М. : Высш. шк., 1990. – 159 с.
7. Голоднов, А.В. Персуазивная стратегия самопрезентации адресанта в риторическом метадискурсе (на примере немецкоязычного объявления о вакансии и рекламного объявления) / А.В. Голоднов // Прагмалингвистика и практика речевого общения : сб. науч. тр. междунар. науч. конф. – Ростов н/Д., 2008. – С. 101–111.
8. Данилова, В.А. Фразеологизмы с кулинарным компонентом в контексте гастрономического кода немецкой национальной культуры / В.А. Данилова, Г.И. Данилова // Studia Linguistica. – 2010. – С. 128–135.
9. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова [и др.] ; под ред. М.Г. Лебедево и З.Г. Прошиной. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 632 с.
10. Загряжская, Т.Ю. Франция в культурологическом аспекте / Т.Ю. Загряжская. – М. : Стратегия, 2007. – 192 с.
11. Капелюшник, Е.В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка: автореф. ... канд. филол. наук / Е.В. Капелюшник. – Томск, 2012. – 21 с.
12. Кирсанова, Е.М. Прагматика единиц семантического поля «Пицца»: системный и функциональный аспекты (на материале английского и русского языков) : автореф. ... канд. филол. наук / Е.М. Кирсанова. – М., 2009. – 27 с.
13. Махдии, М.К. Лексико-семантическое поле «еда» в персидском и русском языках: автореф. ... канд. филол. наук / М.К. Махдии. – Душанбе, 2014. – 24 с.
14. Молчанова, Г.Г. Традиции гасистики как отражение национальной и региональной идентичности / Г.Г. Молчанова // Вестник Московского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 9–19. – (Серия 19 «Лингвистика и межкультурная коммуникация»).
15. Москалюк, Г.С. Становление типа текста «кулинарный рецепт»: на материале немецкоязычных кулинарных собраний XIV–XVI вв. : автореф. ... канд. филол. наук / Г.С. Москалюк. – СПб., 2005. – 17 с.
16. Николаева, О.В. Интеграция этнических концептосфер в новозеландскую концептуальную картину мира / О.В. Николаева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2009. – № 1(21). – С. 47–53.
17. Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса : монография / А.В. Олянич. – Волгоград : Парадигма, 2004. – 507 с.
18. Павловская, А.В. Съедобная история моей семьи / А.В. Павловская. – М., 2013. – 560 с.
19. Прошина, З.Г. Английский язык и культура народов Восточной Азии / З.Г. Прошина. – Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2001. – 476 с.
20. Прошина, З.Г. Лингвоконтактология: статус, проблемы, перспективы / З.Г. Прошина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2005. – № 1(5). – С. 124–128.
21. Файзуллина, И.И. Номинации гастрономического дискурса: отражение в языковом сознании жителей полиэтничного города / И.И. Файзуллина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 5(3). – С. 118–125.
22. Фонтанский, Г. Лингвистическая характеристика одного жанра: русский кулинарный рецепт / Г. Фонтанский // Linguistica Silesiana. – 1990. – № 11. – С. 99–114.
23. Шевлякова, Д.А. Доминанты национальной идентичности итальянцев / Д.А. Шевлякова. – М. : Университетская книга, 2011. – 496 с.
24. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.citypizza.ru>
25. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.mcdonalds.ru>
26. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.mcdonalds.at>
27. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.mcdonalds.ch>
28. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.mcdonalds.de>
29. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.pizzafab.ru>
30. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.pizzahut.de>
31. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.pizzasushiwok.ru>
32. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.tanuki.ru/>
33. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.yakitoriya.ru>

34. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://xn--h1aakne2ba.com/shashlik.html>

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ОПОСРЕДОВАННЫЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Н.С. Мулладжанова

Мулладжанова Наталья Сергеевна – преподаватель Новосибирского государственного университета.

Контактный адрес: nataliachernikova@yandex.ru

В данной статье рассматривается влияние английского языка как *lingua franca* на современный русский научный дискурс на примере терминологий физических и химических наук. В частности, приводятся примеры опосредованных англоязычных заимствований, которые отражают процессы языковой и культурной интерференции.

Ключевые слова: язык, культура, заимствование, термин, опосредованное заимствование, язык-посредник, ELF.

В настоящее время не вызывает сомнений, что «язык и культура неразделимы, язык – важнейший компонент культуры, культура – обязательный компонент языка» [12: с. 99]. Данное утверждение можно считать лингвистической аксиомой. Язык – это не только главный инструмент формулирования мыслей и передачи информации, но и хранитель культуры. Язык отражает реальные условия жизни народа, его самосознание, опыт, знания, мировоззрение и менталитет, т.е. язык не может существовать вне культуры, так как он наполнен культурно-специфическими элементами окружающего мира. Понятийная система всякого языка определяется его «генетическим профайлом», т.е. историей цивилизации, в которой происходило его развитие [2: с. 37]. Однако и культура умирает без языка, ведь именно с помощью языка передаются ценности и мудрость народа, «...иначе говоря, для нас существует только та история, которую "видит язык", являющийся, очевидно, наиболее универсальной системой фиксации представлений как в синхронии, так и в диахронии» [2: с. 13].

Схожую идею высказывает известный британский ученый Д. Кристал, который пишет о том, что «language has no independent existence, living in some sort of mystical space apart from the people who speak it. Language exists only in the brains and ears and hands and eyes of its users» [15: с. 7] («язык не имеет самостоятельного существования, не живет в некоем мистическом пространстве в отрыве от говорящих на нем людей. Язык существует только в умах, ушах, руках и глазах своих пользователей»). Язык не существует в отрыве от носителей и от культуры, ведь именно посредством языка дети познают культуру: «It is the first and foremost through language that the culture is transmitted to the child» [17: с. 40] («Именно через язык в первую очередь культура передается ребенку»). Таким образом, язык передает и хранит культурные ценности народа. Американские ученые Л. Самовар и

Р. Портер описывают взаимосвязь языка и культуры через функцию архивирования: «Language is the archives of history» [18: с. 13] («Язык – это архив истории»). Итак, язык имеет несколько важнейших функций: формулирование мыслей и коммуникация, сохранение культурного достояния народа, распространение и передача культурных ценностей, отражение и фиксация явлений действительности.

Важно отметить, что язык связан с культурой не только в диахронии, но и синхронии. Так, согласно С.Г. Тер-Минасовой, «язык – свидетель культуры», так как в нем запечатлены те социальные изменения, которые претерпевает культура [11]. Сегодня одной из наиболее ярких и динамичных тенденций и в культурном, и в языковом пространствах является процесс заимствования. Это связано, в первую очередь, с глобальными интеграционными процессами в современном мире, а также с ускорением технического прогресса и интенсивной дифференциацией сфер человеческой деятельности [6]. Заимствование предполагает перемещение элементов одного лингвокультурного пространства в другое. В сфере науки заимствуются новые методы и разработки, в сфере техники новые инструменты и устройства, в сфере компьютерных технологий новые коды, программы, языки программирования, в сфере образования новые подходы и методики и т.д. Список можно продолжать бесконечно. В любой сфере или отрасли усиливаются процессы взаимодействия, ускоряется развитие, а вместе с тем происходит активный информационный обмен и заимствование. При языковом заимствовании перемещающимися элементами являются «единицы различных уровней структуры языка – фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики, семантики. Все эти заимствования находятся в некоторой иерархической зависимости» [5: с. 24]. Действительно ни морфологическое, ни фонетическое, ни синтаксическое, ни семантическое заимствование невозможно без лексического заимствования, «без накопления в языке иностранной лексики, характеризующейся определен-

ными общими структурными признаками» [5: с. 25]. Сегодня большая часть лексических заимствований приходит в русский язык из английского языка, поскольку «благодаря распространенности и широкому употреблению в мире, английский язык приобрел статус глобального языка международной коммуникации, используемого в самых различных сферах общественной жизни» [7: с. 11].

Следовательно, современным языком международного общения является английский. «...Выполняя роль языка международного общения, английский язык функционирует как язык-посредник, или *lingua franca*», обслуживая различные области жизнедеятельности человека [7: с. 12]. В одной из недавних работ британских ученых, посвященных подробно изучению данного вопроса, дается следующее определение английскому языку как *lingua franca* (ELF): «English as a lingua franca entails contact between speakers from varying linguacultural backgrounds, which can take place in a fully extensive range of domains and functions» [14: с. 22]. То есть ELF – это язык-посредник при взаимодействии носителей разных языков и культур в различных коммуникативных условиях и средах. При этом необходимо отметить, что «...через языковое посредничество английский язык выполняет одну из важных функций – транскulturализации, знакомства народов мира с культурами других народов» [7: с. 12]. Именно поэтому ELF характеризуется как «...глобальный, мультикультурный, полиэтничный, плюрицентрический и т. п.» [8: с. 78].

Английский язык является основным международным языком науки: он используется при проведении международных конференций и семинаров, а также при публикации статей. В результате активизации международного сотрудничества научного сообщества количество новых терминов, которые создаются на базе английского языка, продолжает расти. Следовательно, англоязычные заимствования активно проникают и закрепляются не только в обиходном языке, но и в терминологиях. При этом заимствованные английские термины в русскоязычных терминологиях могут иметь различную форму: собственно (материально) заимствованные термины, кальки и термины-транспланты. Согласно С.В. Гринева-Гриневичу, «материально (собственно) заимствованные термины – термины, форма которых заимствована из других языков», а кальки – это «термины с заимствованной словообразовательной или синтаксической структурой, возникшие в результате перевода по морфемам иноязычных слов» [1: с. 61]. Наконец термины-транспланты (в классификации С.В. Гринева-Гриневича «варваризмы») – это «иностранные слова, употребляемые в устной или письменной практике, но, как правило, фор-

мально не ассимилированные» [1: с. 159]. То есть – это термины с заимствованной структурой, которые в принимающем языке не ассимилируются и полностью сохраняют свою исходную форму, включая иноязычное написание.

Однако есть и еще один тип заимствований, которые не столь очевидны, но требуют не меньшего внимания – опосредованные заимствования. Под опосредованным заимствованием понимается такой вид лексического заимствования, при котором происходит не прямой перенос исходного элемента в принимающий язык, а через язык-посредник. То есть заимствование происходит по схеме: «язык–источник – язык–посредник – язык–приемник» [4: с. 1]. Опосредованное заимствование «осложняется влиянием языка-посредника, конкурирующего с языком-источником» [8: с. 78]. Языком-источником могут служить древние языки науки – греческий и латинский, а в качестве языка-посредника выступает английский как *lingua franca* (ELF). Получается, что термины не напрямую заимствуются из английского языка, но их применение может быть мотивировано распространенностью данного варианта термина в английском языке. Такой термин, вероятно, уже существовал в русском языке на одном из этапов его развития, но, чаще всего, уступал место национальному аналогу. Сегодня опосредованно заимствованные термины вновь начинают активно использоваться либо в качестве дублетов русскоязычных вариантов, либо в виде родовых понятий, обладающих специфическими коннотациями и коммуникативными контекстами употребления.

В химической и физической терминологиях, наиболее кодифицированных и стандартизированных терминосистемах, встречаются примеры опосредованных заимствований. Большая их часть – это межотраслевые термины, употребляемые и в химических, и в физических науках. Они были выявлены в результате анализа 100 статей по химии, опубликованных в междисциплинарных русскоязычных журналах «Успехи химии» и «Журнал структурной химии», и 60 статей по физике, опубликованных в научных журналах «Успехи физических наук» и «Механика жидкости и газа». При исследовании проводился отбор англоязычных заимствований всех типов, включая опосредованные заимствования. После этого при помощи инструмента Google Books Ngram Viewer изучалась частота употребления данных терминов в статьях. Кроме того, с помощью Google Books Ngram Viewer были построены графики распространенности и использования отобранных терминов по годам [16]. Примером может служить межотраслевой термин «инициировать» (в словосочетании «инициировать процесс/реакцию») (рис. 1).

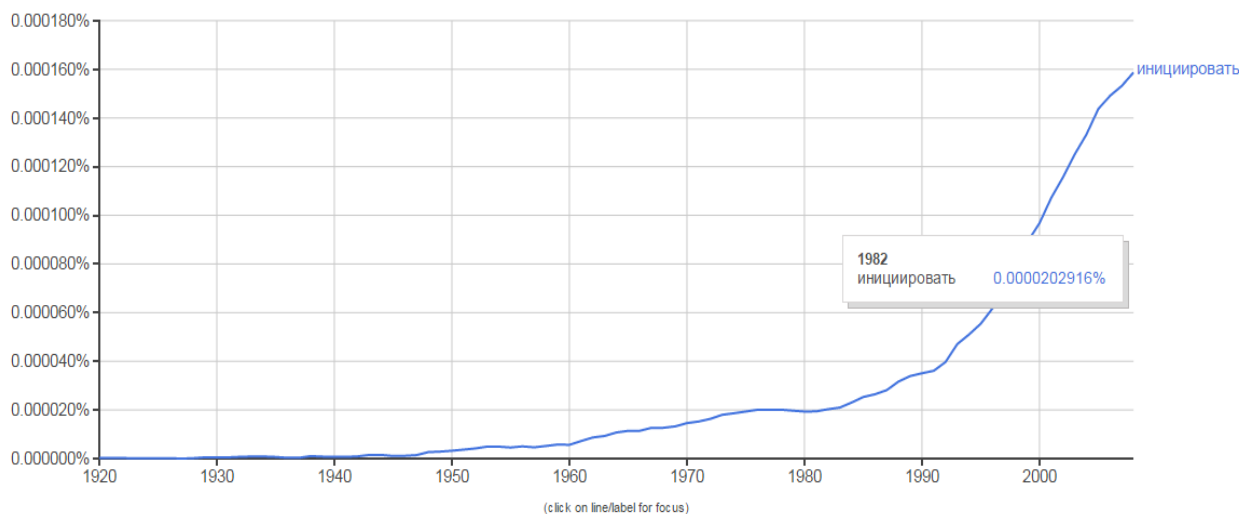

Рис. 1. График частотности употребления термина «инициировать» в русскоязычных публикациях с 1920 по 2008 гг.

На рис. 1 видно, что впервые этот термин стал употребляться в русскоязычных статьях в конце 1940-х гг. Частота его применения незначительно увеличивалась на протяжении последующих 50 лет. Однако после 1990 г. мы можем наблюдать резкий скачок в распространенности данного термина, при этом до 2008 г. его частотность продолжала расти. Можно предположить, что это связано с усилением роли английского языка и его проникновением в русский научный дискурс. Термин «инициировать» образован от латинского «*initiare*» – «начинать» – в соответствии с нормами русского языка и правилами передачи латинских морфем и лексем [13]. Значит этот термин не заимствовался из английского языка в той форме, в которой он существует в соответствии с нормами английского языка «*initiate*», а лишь вновь приобрел широкую распространенность благодаря часто употребляемому английскому термину. На это указывает и схожая сочетаемость терминов в научных статьях: «инициировать процесс/действие/реакцию» и «*initiate a process/ action/reaction*». При этом в русском языке есть автохтонный термин со схожим значением и сочетаемостью: «запустить» процесс/реакцию. Оба термина продолжают существовать и использоваться, но термин «инициировать» носит научный и интернациональный характер, тогда как термин «запустить» также является общеупотребительным словом, которое относится к разговорной лексике: с размаху бросать что-либо в кого-либо или во что-либо, засовывать руку или руки внутрь чего-либо, впускать кого-либо куда-либо [10]. Следовательно, можно заключить, что английский язык как ELF влияет на популярность и частоту применения интернационализмов, которые существуют в обоих языках – русском и английском.

Другим примером может служить термин «аппроксимация». Данный термин имеет следующее словарное значение: «приближение; приближенное

выражение каких-либо величин (или геометрических объектов) через более простые величины» [9]. Часто термины «аппроксимация» и «приближение» используются как синонимы. «Аппроксимация» образован от латинского слова «*approximare*» – «приближаться», в то время как термин «приближение» имеет русскоязычное происхождение. Рассмотрим график частоты употребления данной пары терминов-дублетов (рис. 2).

На рис. 2 мы видим, что до конца 1920-х гг. термин не использовался в русских научных статьях, хотя судя по форме, этот термин был заимствован именно из латинского языка в соответствии со всеми требованиями транскрипции и транслитерации. Более многозначное понятие «приближение», имеющее, помимо специального, и общеупотребительное значение, широко применялось русскими учеными. Начиная с 1960-х гг. и до 2000 г., частотность употребления термина «аппроксимация» значительно возросла, но такое же увеличение мы наблюдаем и для термина «приближение», что, вероятно, связано с развитием вычислительных методов в целом (рис. 3).

На рис. 3 уже заметно некоторое изменение: при общем снижении количества публикаций, в которых используются эти два термина, начиная с 2004 г. частотность употребления термина «аппроксимация» начала постепенно возрастать, а частотность употребления термина «приближение» продолжает падать. Эта тенденция, возможно, связана с влиянием английского языка, в котором в этом значении используется термин «*approximation*», который имеет тот же латинский корень. Хотя автохтонный термин «приближение» по-прежнему является более распространенным и явно превалирует в исследованном материале, интернациональный термин «аппроксимация» начинает все чаще использоваться в статьях в том же значении под влиянием английского как основного международного языка.

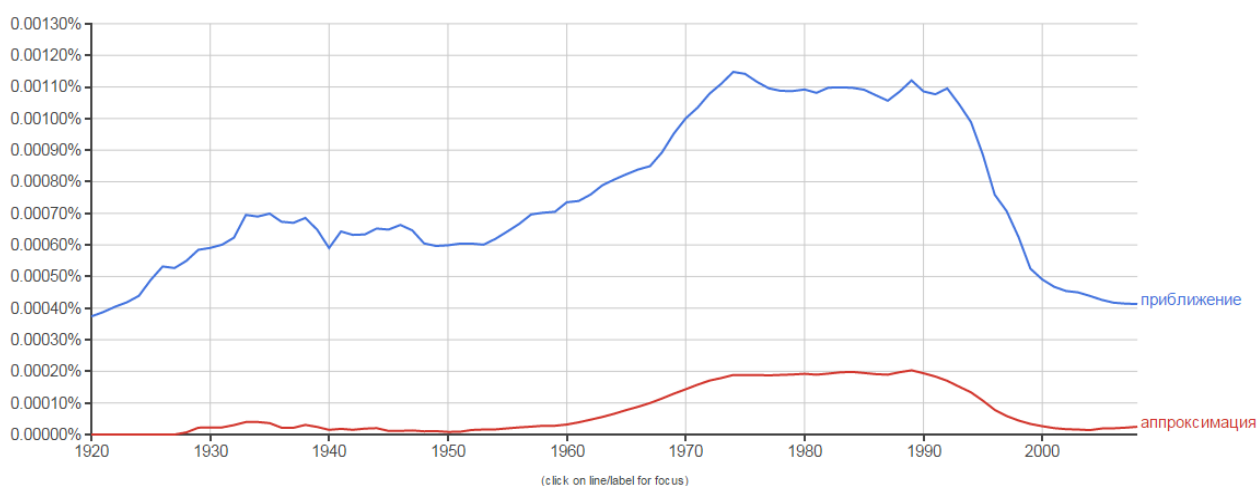

Рис. 2. График частотности употребления терминов «приближение» и «аппроксимация» в русскоязычных публикациях с 1920 по 2008 гг.

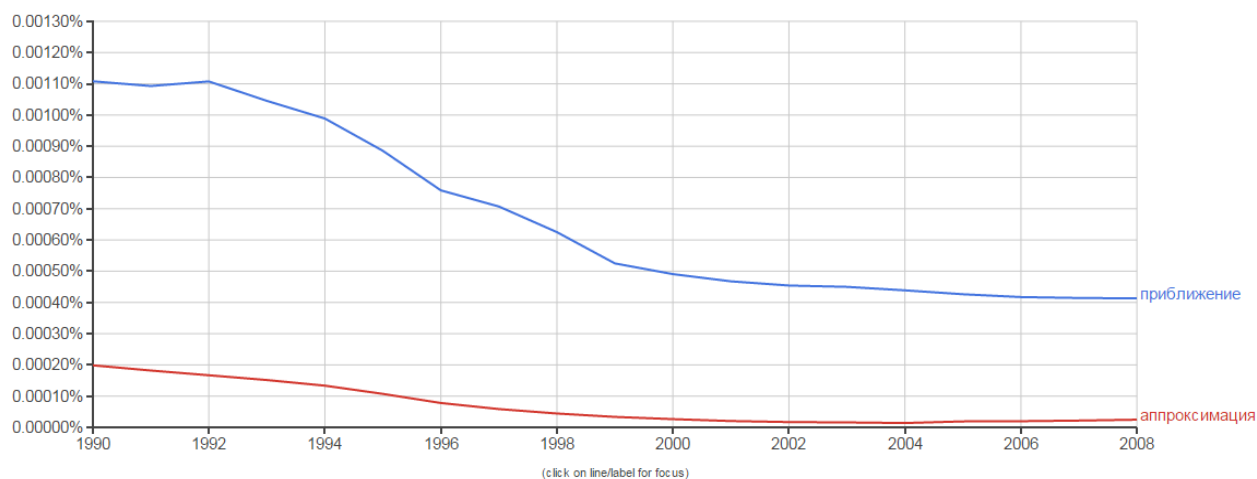

Рис. 3. График частотности употребления терминов «приближение» и «аппроксимация» в русскоязычных публикациях с 1990 по 2008 гг.

Можно привести еще один похожий пример. В русском языке есть термин «вещество-предшественник», который имеет то же значение, что и «прекурсор», термин латинского происхождения (лат. «praecursor» – «предшественник») [13]. Английский язык также заимствовал данный термин в виде обозначения «precursor», которое сегодня широко используется. Вероятно, именно распространенностью данного термина в английском языке обусловлено использование термина «прекурсор» в рамках современной русской химической терминологии (рис. 4).

На графике на рис. 4 представлена история использования термина «прекурсор» в русскоязычных публикациях с 1920 по 2008 гг. Можно наблюдать, что этот термин активно использовался в военные годы, затем произошел резкий спад, и с начала 1950-х гг. его частотность начинает медленно возрастать. После небольшого снижения в начале 2000-х гг. виден резкий скачок вверх, т.е. популяр-

ность этого термина значительно возросла. Объяснить это можно доминированием англоязычных публикаций, в которых используется термин «precursor». Также необходимо отметить, что заимствованный термин обладает определенным преимуществом по сравнению с русским термином. Термин «предшественник» имеет широкую семантику и применяется в самых различных сферах (сельское хозяйство, дипломатия, информационные технологии и пр.), что делает его межотраслевым термином. В то же время «прекурсор» – однозначный собственно химический термин. В этом отношении «прекурсор» является более предпочтительным термином в рамках химической терминологии, чем, вероятно, и объясняется его заимствование и применение. Однако наш анализ статей по химии показал, что, хотя термин «прекурсор» встречается все чаще в русскоязычных статьях, пока предпочтение все же отдается русскому варианту.

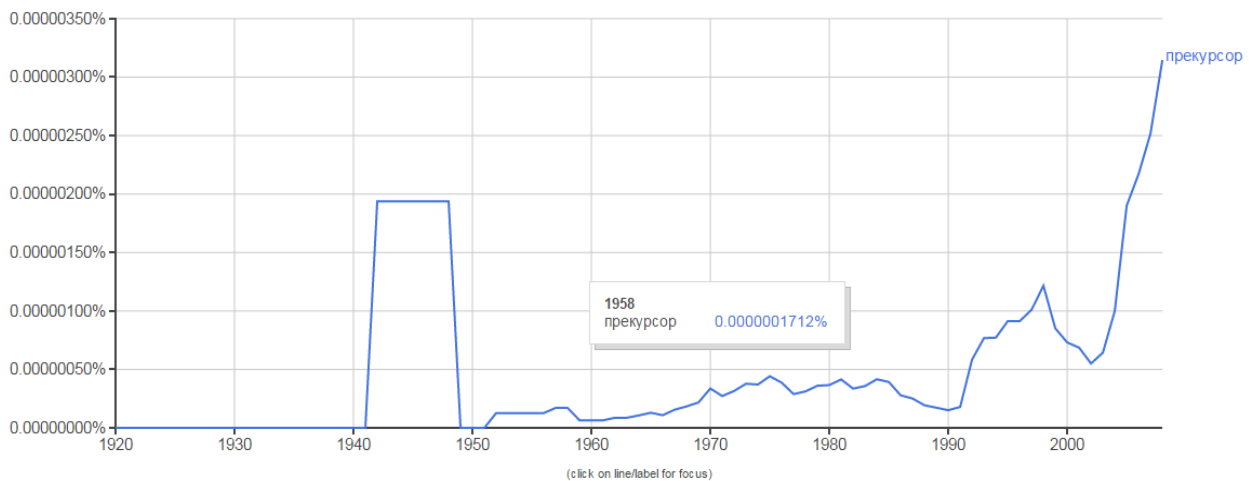

Рис. 4. График частотности употребления термина «прекурсор» в русскоязычных публикациях с 1920 по 2008 гг.

Таким образом, мы можем наблюдать различные изменения, которые претерпевает современный русский научный дискурс под воздействием английского языка. В этом отношении опосредованные терминологические заимствования особенно интересны, поскольку они не очевидны, «подсознательны». Они показывают, насколько активно русскоязычные ученые используют английский язык и англоязычные термины при наличии русскоязычных аналогов. Помимо непосредственных заимствований, под влиянием ELF вторую жизнь в русском языке получают латинские и греческие интернационализмы. Однако все языковые изменения являются лишь отражением тех глобальных процессов, которые происходят в современном обществе. По выражению Е.С. Гриценко, «наряду с экономической, политической и культурной интеграцией, все шире осознается языковая (дискурсивная) составляющая глобализации, осуществляющая экспансию идей, которые формируют социальный контекст современного мира» [3: с. 27]. То есть в целях мировой интеграции требуется общий международный язык, и им стал английский. Поэтому можно говорить о триумфальном шествии английского языка по миру, а вместе с ним и элементов культуры и сознания, которые он хранит и передает.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гринева-Гринева, С.В.* Терминоведение / С.В. Гринева-Гринева. – М.: Академия, 2008. – 304 с.
2. *Головановская, М.К.* Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских / М.К. Головановская. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 376 с.
3. *Гриценко, Е.С.* Английский язык как семиотический ресурс в современной российской повседневности / Е.С. Гриценко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – № 2(42). – 2014. – С. 27–30.
4. *Крат, М.В.* Прямые и опосредованные заимствования в английском языке [Электронный ресурс] / М.В. Крат. – Режим доступа: – <http://www.pglu.ru/lib/>

publications/University_Reading/2012/V/uch_2012_V_00023.pdf; (дата обращения 03.01.2015).

5. *Крысин, Л.П.* Русское слово, свое и чужое / Л.П. Крысин // Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
6. *Маринова, Е.В.* Иноязычные слова в русской речи конца XX–начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е.В. Маринова. – М., 2008. – 44 с.
7. *Прошина, З.Г.* Английский язык как посредник в коммуникации народов Восточной Азии и России: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / З.Г. Прошина. – М., 2002. – 40 с.
8. *Прошина, З.Г.* Китайско-русское взаимодействие через английский язык как посредник / З.Г. Прошина // Вестник МГОУ. – № 4. – 2012. – С. 78–85. – (Серия «Лингвистика»).
9. *Словарь иностранных слов [Электронный ресурс].* – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/5249/; (дата обращения 12.01.2015).
10. *Современный толковый словарь русского языка Ефремовой [Электронный ресурс].* – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/166222/>; (дата обращения 11.01.2015).
11. *Тер-Минасова, С.Г.* Война и мир языков и культур: учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2008. – 344 с.
12. *Тер-Минасова, С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2008. – 264 с.
13. *Энциклопедический словарь [Электронный ресурс].* – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/>; (дата обращения 13.01.2015).
14. *Cogo, A., Dewey, M.* Analysing English as a Lingua Franca. A corpus-driven investigation. – London: Bloomsbury Academic, 2012. – 216 p.
15. *Crystal, D.* English as a global language. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 212 p.
16. *Google Books Ngram Viewer.* – <https://books.google.com/ngrams/>; (дата обращения 28.12.2014).
17. *Halliday, M.A.K.* Language as social semiotic // Language and literacy in social practice. – Great Britain: Short Run Press, 1994. – P. 23–43.
18. *Samovar, L.A., Porter, R.E., McDaniel, E.R.* Intercultural communication. A reader. – USA: Wadsworth, 2011. – 528 p.

РОССИЯ В МУЛЬТИЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АТР: РЕЧЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА ЯЗЫКЕ-ПОСРЕДНИКЕ*

В.Л. Завьялова

М.А. Колесниченко

Завьялова Виктория Львовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (о. Русский, п. Аякс).

Контактный адрес: zavyalova.vl@dvfu.ru

Колесниченко Марина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (о. Русский, п. Аякс).

Контактный адрес: kolesnichenko.ma@dvfu.ru

Статья посвящена социолингвистическим аспектам использования английского языка в качестве посредника в общении между Россией и странами АТР. Выделяется категория мультилингвокультурного пространства АТР, обладающего как объективной лингвоэтнокультурной гетерогенностью, так и стремлением к всеобъемлющей интеграции через язык-посредник. Предлагаются пути совершенствования образовательных стандартов в обучении английскому языку в российских вузах.

Ключевые слова: социолингвистика, русско-английский билингвизм, лингва франка в АТР, образование в межкультурном пространстве.

В активно развивающемся полиэтническом Азиатско-Тихоокеанском регионе, который является средоточием контактов не только языков и культур, но и цивилизаций Востока и Запада, проблемы межязыкового и межкультурного взаимодействия являются особенно актуальными. Формирующееся в результате такого взаимодействия мультилингвокультурное пространство АТР имеет особые структурные и функциональные характеристики, определяющиеся объективной лингвоэтнокультурной гетерогенностью, и в то же время стремлением к всеобъемлющей интеграции посредством языка-посредника. Выделение категории общего мультилингвокультурного пространства АТР представляется возможным на основании критерия использования в регионе общего языка-посредника, поскольку общность языка является культурной универсалией¹, присущей некоторому сообществу людей. Языковая ситуация в АТР отлична от европейской, поскольку характеризуется не только этнокультурологической дистантностью, но и генетической, а также типологической разнородностью, а следовательно, взаимной непонятностью многочисленных языков и диалектов. Более того, если большинство языков Европы получили в лингви-

стической литературе детальное описание генетических, типологических и ареальных черт, то, например, родственные связи некоторых сосуществующих и имеющих достаточно высокие коммуникативные ранги азиатских языков (в частности, корейского и японского²) до сих пор окончательно не выявлены или не доказаны³ [9: с. 26].

Английский язык выступает как связующий элемент в межкультурной коммуникации России и стран АТР и, являясь инструментом трансляции их культуры, характеризуется этнокультурным своеобразием лексического состава, значительную долю которого составляют культурные реалии [11]. Индивидуальны и социально-прагматические аспекты речевого взаимодействия коммуникантов в АТР на языке-посреднике, включающие специфику их речевого поведения в тех или иных ситуациях и сферах общения (например, стратегию и тактику

² Согласно статистическим данным, приведенным В.В. Ивановым, по числу говорящих на том или ином языке, употребляемом как первый, на японском языке говорят 125 млн чел. (общее число говорящих – 126 млн чел.), на корейском – 75 млн чел. (общее число говорящих – 78 млн чел.) [7: с. 91].

³ Корейский и японский определяются как генеалогически изолированные языки, условно относящиеся к алтайской языковой семье (корейско-японской группе); имеют общность морфологических и синтаксических признаков: оба языка агглютинативны, модель порядка слов – SOV [8; 9; 14; 15].

* Исследование выполнено при поддержке ДВФУ, проект № 14-08-05-14-и.

¹ О понятии языка как культурной универсалии см. [2; 13].

смены речевых ролей, сознательный выбор языковых и речевых средств в зависимости от социального статуса собеседников и т.д.).

Насущные потребности межкультурного взаимодействия в современном мире диктуют необходимость поиска новых подходов к изучению проблем взаимодействия языков и культур в ряду новейших социолингвистических, сравнительно-типологических, нейро-, психо- и лингвокультурологических, лингводидактических и других исследований. Как отмечает Г.М. Вишневецкая, «языковая вариативность, вызванная контактом английского языка со множеством языков мира, заслуживает пристального внимания ученых главным образом потому, что социальный эффект этого явления весьма важен» [1: с. 1].

На фоне существующего полилингвизма, а также специфики ареального распределения языков, мощные процессы глобализации и субрегиональной интеграции в АТР определяют выбор и использование английского языка в качестве *приоритетного коммуникативного инструмента* регионального интер- и интракультурного взаимодействия, понятного всем участникам межкультурного диалога. Как следствие, жители России, а также большинства других стран АТР, на сегодняшний день владеют более чем одним языком. Традиционно в АТР преобладает модель билингвизма по схеме: *национальный язык + английский язык-посредник*, хотя многие люди владеют тремя и более языками. В приграничных регионах преимущественная языковая модель *национальный язык + иностранный приграничный + английский язык-посредник*. Главной особенностью функционирования английского языка в АТР, в том числе и в России, является тот факт, что для большинства жителей региона он не является родным и даже вторым языком и используется исключительно в статусе институционального языка и, в большей мере – языка-посредника.

В условиях интенсификации многосторонней партнерской деятельности представителей России со своими ближайшими соседями в АТР – Китаем, Японией и Кореей – достижение взаимопонимания в контексте общения на английском языке-посреднике выступает залогом успешного сотрудничества. Однако многочисленные опросы российских граждан, имеющих опыт англоязычного общения с носителями восточно-азиатских языков в том или ином контексте (деловые переговоры, работа на международных конференциях, учебный процесс, бытовое общение и другие коммуникативные ситуации), свидетельствуют о том, что взаимное непонимание и коммуникативные сбои возникают достаточно часто. В большинстве случаев причиной появления сложностей в общении является специфическое «азиатское» (или «восточное»)

звучание английской речи (азиатский акцент), при котором даже общеупотребительные слова и выражения нередко изменены до неузнаваемости. Например, географические названия (топонимы) зачастую произносятся носителями восточно-азиатских языков в речи на английском языке так, как они звучат в их родных языках: *Россия* – кит. яз. *Èluósī*, яп.яз. *Roshia*, кор.яз. *Leosia*; *Москва* – кит. яз. *Mòsikē*, яп.яз. *Mosukuwa*, кор.яз. *Moseukeuba*; *Владивосток* – кит. яз. *Fù lā dí wò sī tuō kè*, яп.яз. *Urajiosutoku*, кор.яз. *Bulladiboseutokeu*; *Хабаровск* – кит. яз. *Hāba luō fu sīkè*, яп.яз. *Habarofusuku*, кор.яз. *Habalobseukeu*⁴ и т.д. Подобные трансформации фонетического облика слова (фразы), обнаруживаемые в речи носителей языков Восточной Азии на английском языке, могут представлять собой реальные коммуникативные помехи в межкультурном взаимодействии на лингвафранка между представителями России и стран АТР.

Комплексное изучение специфики ведения партнерского диалога на английском языке-посреднике в таком специфическом регионе мира, как АТР представляется актуальным еще и потому, что Дальнему Востоку, согласно стратегии Правительства РФ по развитию Дальневосточного региона и Забайкалья, до 2025 г. отводится роль интегративной платформы в процессах глобализации, протекающих в АТР.

Изучение и детальное описание особенностей функционирования региональных разновидностей английского языка, в том числе русской региональной разновидности английского языка, выявление причин и следствий этнокультурного своеобразия, специфики кодового переключения и других характеристик английской речи русских и билингвов стран АТР жизненно важны для выработки методик обучения российских переводчиков-коммуникантов, преподавателей английского языка, а также других специалистов, чья профессиональная деятельность связана с межкультурным общением. Межкультурная компетенция русскоязычных коммуникантов должна включать способность посредством английского языка выступать в роли проводников внутригосударственных стандартов, ценностей, идей, богатого этнокультурного наследия, т.е. быть эффективными участниками коммуникативной глобализации. Как справедливо отмечает К. Чейз-Данн, коммуникативная глобализация «сжимает время и пространство, создает условия для функционирования глобальной экономики,

⁴ Для передачи слов китайского, японского и корейского языков используются системы романизированной транскрипции *пиньинь*, *ромадзи* и *новой корейской системы романизации 2000 (Revised Romanization of Hangeul)* соответственно.

приносит новое качество в социальное, культурное и политическое пространство» [19: с. 7].

В этой связи крайне важно понять изменения роли английского языка в глобальном масштабе, которые закономерно повлекли за собой и изменения в его статусе. Эти изменения в полной мере отражаются и на специфике преподавания английского языка в России и за рубежом, существенно трансформируя всю парадигму процессов обучения и овладения английским языком. Изучив литературу по данному вопросу, можно отметить, что изменения касаются терминологических аспектов статуса самого английского языка, а также статуса вариантов английского языка как эталонов в процессе обучения.

До недавнего времени общепринятым считалось условное деление английского языка на три вида: английский язык как родной язык (*English as a Native Language (ENL)*), для тех, кто говорит на нём с рождения – носители английского языка; английский язык как второй язык (*English as a Second Language (ESL)*), выступающий как официальный язык для общения внутри государства, где, наряду с родным языком, официально функционирует и английский язык; английский как иностранный язык (*English as a Foreign Language (EFL)*), используемый для внешнего общения между носителями английского языка и теми, для кого он не является родным, а также в коммуникации между неносителями.

Начиная с середины прошлого столетия, в результате глобального распространения английского языка на мировой арене, он приобрел новый статус – Международный английский язык (*English as an International Language (EIL)*) или мировой английский язык (*World English*). Позднее был введен термин *английский язык как посредник в международном общении* или *английский как лингва франка* (*English as Lingua Franca (ELF)*), что отражает современную ситуацию общения, когда неносители английского языка используют его в общении друг с другом. На сегодняшний день эти термины используются как взаимозаменяемые [25: с. 339]. Согласно Дж. Дженкинс, термин *English as a lingua franca* имеет ряд преимуществ: данный термин отражает причину, по которой английский язык изучают в настоящее время во всем мире; выдвигается идея «принадлежащий сообществу» в противоположность идее «иностранный, чуждый»; подчеркивается мысль о том, что у людей есть что-то общее, а не различное; подразумевается, что в смешении языков нет ничего противоестественного, в связи с этим акцент не является чем-то неправильным, а скорее выступает признаком языковой идентичности, принадлежности к тому или иному языковому сообществу; латинское наименование символично снимает вопрос о принадлежности английского

языка англоязычным или кому-то еще и делает его достоянием каждого [22: с. 10–11].

В зарубежной социолингвистике существуют и другие термины для обозначения английского языка как посредника – *Global English, General English, Literate English, International English*. В отечественных изысканиях параллельно с вышеуказанными переводными терминами появляется термин *английский язык межкультурного общения (АЯМО)* [5]. Суть заключается в том, что большинство терминов объединяются концептуализацией некоего абстрактного и одновременно институционализованного стандарта английского языка, ядерного элемента сложного концепта «международный английский язык», в некотором смысле, инвариантного ядра, необходимого для сохранения условий взаимопонимания всех участников международного диалога в разных контекстах: между носителями многочисленных национальных вариантов, между носителями национальных вариантов и неносителями, говорящими на региональных разновидностях английского языка (*World Englishes*).

В качестве нового социально-лингвистического явления английский как лингва франка (Международный английский язык/АЯМО) требует определения его системы, языковой и социальной нормы. Представляется, что терминологические изыскания относительно статуса, роли, пользователей английского языка основываются на неоднозначности самого понятия *Международный английский язык*. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, Международный английский язык выступает как лингвистическое обобщение, включающее множество региональных разновидностей английского языка, между которыми больше общего, чем различий, а с другой стороны, он признается разновидностью английского языка, имеющей свои черты и своих пользователей [10: с. 30]. В рамках плюроцентрического подхода, мы признаем существование разнообразных вариантов и региональных разновидностей английского языка, которые обладают чем-то схожим (общим ядром), позволяющим называть их английским языком. При этом, вслед за В.В. Кабакчи и Е.В. Белоглазовой, считаем свойство культурной ориентации, т.е. адаптацию «*вербального арсенала в соответствии со спецификой окружающего мультикультурного мира*», основным атрибутом английского языка международного общения [5: с. 23].

Следует отметить некогда широкое направление исследований, направленных на обнаружение и описание «ядра», свойственного всем вариантам и разновидностям английского языка (*English as a lingua franca – ELF*). На основе эмпирических данных, полученных в результате сравнения и сопоставления различных вариантов и разновидностей

английского языка, зарубежные ученые предлагали создать систему английского языка как лингва франка, в которую включались бы компоненты наиболее значимые в процессе международного общения на английском языке. Существуют многочисленные корпусные исследования английского как лингва франка, например, *Vienna-Oxford International Corpus of English (VOICE)* [25], *Academic Settings (ELFA) Corpus* [23] и другие, которые вносят существенный вклад в развитие и становление языковой системы английского как языка международного общения. Однако было бы преждевременным утверждать, что на сегодняшний день такая система полностью разработана, унифицирована, стандартизирована и единодушно принята международным лингвистическим сообществом⁵.

Краеугольной в исследованиях как отечественных, так и зарубежных учёных становится проблема статуса английского языка как родного в качестве эталона в процессе обучения [3; 24; 25]. Дебаты в этой области сводятся к определению нормы или стандартов обучения английскому языку в условиях межкультурной коммуникации. В отечественной науке понятие языковой нормы имеет твердое теоретическое обоснование и является крепким фундаментом в процессе обучения иностранному языку. Под языковой нормой понимают «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации» [20: с. 337]. Иначе говоря, в отечественном языкознании норма прескриптивна. Отечественная наука только возвращается к проблеме существования интернациональности английского языка и его вариативности в глобальном масштабе. Н.И. Гусева по этому поводу отмечает, что зарубежная лингвистика, а также теория и методика преподавания английского как языка международного общения является более гибкой и стремится к «демократизации общественного мнения» путем формирования такого языкового варианта, который удовлетворял бы интересы различных социальных групп [3: с. 83].

Как справедливо отмечает З.Г. Прошина, «...учитывая различия региональных вариантов и разновидностей английского языка, необходимо дифференцированно относиться к языковым нормам. Так, английский язык, присущий его носителям, ориентируется на эндонорму, выработанную внутри этого варианта. Варианты английского языка как официального (второго) в иноязычной среде ориентируются на энзонормы, создаваемые с учетом инноваций, свойственных речи местных обра-

зованных слоев населения. Варианты английского языка как иностранного опираются на экзонормы, т.е. внешние нормы, присущие носителям английского языка и реализуемые с учетом культурно-языковых особенностей местного населения» [10: с. 72]. Как следствие, в международной практике преподавания английского языка как иностранного продолжают ориентироваться на известные стандартные варианты (британский или американский), тем не менее, изучая и учитывая языковые черты региональных разновидностей английского языка. В этой связи мы солидаризируемся с теми учеными, которые предлагают, на наш взгляд, переходный компромиссный вариант в условиях международного общения – применять термин «модель». Отличие между нормой и моделью состоит в том, что норма несёт идею правильности, а модель – идею соотносимости и руководства [22; 25]. Учитывая дифференцированный подход к вариантам и разновидностям английского языка как моделям обучения можно говорить об эндонормативной, экзонормативной и энзонормативной моделях. В таком случае у изучающих английский язык в различных регионах мира появляется право выбора более предпочтительного варианта или разновидности английского языка.

Можно констатировать, что внутри каждого региона современного мира имеют место разновидности английского языка, которые, обладая общими характеристиками для всех разновидностей данного региона, вместе с тем сохраняют национальную лингвокультурную идентичность. Коммуникация на языке-посреднике внутри макрорегиона (Европа, Азия, Латинская Америка и т.д.) осуществляется значительно легче, нежели между микрорегионами, именно потому, что население стран, входящих в макрорегион, имеет много общего в области языка, истории, культуры. При этом отношение к уровню языковой компетенции на английском языке и определению его норм в разных странах, в частности в России и странах АТР, неоднозначно. Подобная ситуация показывает, что глобализация требует вариантов английского языка, имеющих большое сходство с английским «Внутреннего круга». Многие авторы считают, что гравитация к вариантам «Внутреннего круга» остается неизменной. Так, в Японии, например, британский и американский стандарты являются популярными. В Японии учебники английского языка, одобренные Министерством образования Японии, основаны на американском варианте английского языка. Вместе с тем имеет место желание, исходящее от авторитетных лингвистов, – освободиться от так называемого *Native Speakerism* и создать «японский английский», т.е. самостоятельный вариант английского языка довольно легкий для

⁵ Идея выделения общего ядра английского языка как лингва франка теряет свою актуальность, будучи одним из идеологических расхождений между парадигмами *ELF* и *WE*.

овладения и свободного использования [18]. В Республике Корея в обучении английскому языку в настоящее время преобладает американский стандарт. В Китае, в частности в Харбинском технологическом университете (английское отделение), Даляньском университете иностранных языков и других вузах, обучение также тяготеет к американскому стандарту⁶. Отметим, что и в России обучение английскому языку как иностранному традиционно основывается на вариантах «Внутреннего круга», а именно британском и американском.

Каждый региональный вариант английского языка, включая русский, является результатом влияния не только пространственных, но и лингвистических, социальных, культурных, исторических и других факторов. Поэтому только системная оценка всей причинно-следственной парадигмы может объяснить уникальность социолингвистической ситуации в мультилингвокультурном пространстве АТР, где происходит смешение автохтонных и мирового (английского) языков. Смешение языков в настоящей работе трактуется, вслед за Ю.С. Степановым, как важнейший фактор языковых изменений, который проявляется в столкновении двух социальных групп [16].

Некоторые авторы проводят различие между социолингвистическим статусом английского языка как в определенном регионе в целом (например, в Европе, в Азии и т.д.), так и в каждой из стран региона. Изучение материалов по функционированию английского языка в Европе показывает, что английский язык в этом регионе – это английский «Расширяющегося круга», и что это европейский английский, который широко используется в общении между представителями «Внутреннего», «Внешнего» и «Расширяющегося» кругов [5: с. 51; 10; 11; 12]. Английский язык, функционирующий в России и в странах АТР, также относится к языкам «Расширяющегося круга», но представляет собой особую разновидность – английский, характеризующийся специфическими способами актуализации культурного компонента и отличающийся от европейского по звучанию, по семантике лексических единиц, а также по способам грамматической организации⁷.

⁶ См. работы по исследованию звучащей английской речи носителей китайского языка В.Л. Завьяловой и М.А. Колесниченко [4; 6].

⁷ Несмотря на тот факт, что языки стран АТР характеризуются генетическим и типологическим разнообразием, можно утверждать, что варианты звучания английского языка в данном регионе будут характеризоваться некоторым сходством, поскольку коммуниканты в зоне совместного общения стремятся к унификации даже родных для них языковых систем. В этой связи интересно рассуждение Р.О. Якобсона о ситуации межнационального общения на ДВ России в начале прошлого столетия, согласно которому жители Дальнего Востока в общении с китайцами на рус-

Выделяются, в частности, региональные разновидности английского языка: русская, корейская, японская, китайская и т.д.

Отметим, что социолингвисты изучают вопросы использования вариантов и разновидностей английского языка в коммуникативных целях, т.е. анализируют процесс выбора оптимального варианта речевого взаимодействия для построения социально корректного высказывания, путем выявления самого механизма отбора социально существенных вариантов, выявляют критерии, лежащие в основе этого выбора, языковые и социальные нормы, определяющие речевое поведение в целом. Обнаружение данных социолингвистических факторов непосредственно связано с определением мер, принимаемых государством для трансформации или сохранения имеющегося функционального распределения языков, для внедрения новых или сохранения прежних языковых норм, т.е. с языковой политикой. Это связано с тем, что современный формат социально-экономических отношений, где доминируют сильнейшие экономики США, Европейского Союза, Китая, России, Бразилии, Индии и других стран, а также изобилует разнообразие видов и отраслей международной производственной деятельности и сферы услуг (включая образовательные, культурные и медиауслуги), диктует необходимость поиска стратегий взаимовыгодного сотрудничества и взаимопонимания. В этой связи в качестве глобальной коммуникативной стратегии неизбежно становится использование языка-посредника, понятного всем (или большинству) взаимодействующих социальных групп.

Современный мир характеризуется признаком глобального билингвизма, т.е. изменилась не суть билингвизма, а его функциональный аспект. Каждый народ, включая жителей России, сталкивается с необходимостью использования английского языка в качестве *вторичного средства своего национально-культурного самовыражения* [5: с. 50–51]. И, как следствие, современное российское образование в сфере изучения английского языка должно учитывать социолингвокультурную специфику функционирования английского языка как посредника межкультурной коммуникации.

В качестве механизмов оптимизации межкультурного диалога представителей России на языке-

ском языке заметно подстраивают его фонетически к китайскому языку [21]. При этом в ситуации более тесного контакта стремление к унификации коммуникативного инструмента приводит к формированию фонологических союзов между соседними языками, в результате чего формируется некий общий язык (междиалектный) – для осуществления интранационального взаимодействия, или смешанный – для обслуживания межнациональных связей [21].

посреднике в мультилингвокультурном пространстве АТР можно предложить следующие шаги:

1. Необходимо проводить корпусные лингвистические исследования вариантов и разновидностей английского языка, используемых в АТР с целью обнаружения ядерных языковых черт, способных сформировать нормативную базу, позволяющую оптимизировать процесс коммуникации на английском языке между представителями России и жителями Азиатско-Тихоокеанского региона.

2. Следует осуществлять системный мониторинг современных языковых процессов в странах АТР, вызванных взаимодействием культур Востока и Запада, исследовать социально-экономические условия функционирования английского языка в странах АТР, опираясь на междисциплинарный подход, предполагающий применение методологического аппарата социолингвистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, общего языкознания, когнитивной лингвистики, психолингвистики, нейролингвистики, нейрофизиологии и лингводидактики.

3. Целесообразно проводить в рамках реализации программ кадрового развития вузов и иных образовательных учреждений РФ иноязычную переподготовку профессорско-преподавательского состава, способных к внедрению инновационных методов обучения иностранному языку и научно-исследовательской работы на уровне федеральных государственных и международных стандартов. Формирование иноязычной коммуникативной и межкультурной компетенции у обучающихся [17] должно строиться на основании развития следующих базовых составляющих:

а) *лингвистическая иноязычная компетенция*, предполагающая овладение фонетическими, лексико-грамматическими, орфографическими и другими языковыми средствами в рамках специально отобранных тем, сфер и коммуникативных ситуаций, а также практическими навыками в говорении, аудировании, чтении, письме и переводе;

б) *социолингвистическая (дискурсивная) компетенция*, требующая развития навыков и умений организации речи для решения конкретных коммуникативных задач в различных социокультурных контекстах. Это предусматривает обращение к деятельностному подходу к обучению, где английский язык выступает не только как объект изучения, но и инструмент для решения учебных, профессионально-ориентированных и социокультурных задач;

в) *лингвосоциокультурная (межкультурная коммуникативная) компетенция*, в рамках которой у обучающихся формируются умения транслировать культуру своей страны, а также использовать знания о культуре, традициях и реалиях других стран в контексте межкультурного общения на ан-

глийском языке-посреднике с целью эффективного участия на мировой арене.

В качестве рекомендаций по разработке инновационных методик обучения языку международного общения возможно включение *следующих направлений* (при подготовке российских специалистов в сфере межкультурного общения):

1) разработку в образовательных учреждениях специализированных программ обучения навыкам делового общения на лингва франка с учетом языковой и культурно-политической специфики международных контактов на Дальнем Востоке России и в странах АТР;

2) формирование и внедрение в учебный процесс переводческого корпуса параллельных текстов в различных научных и профессиональных сферах, на базе англоязычных докладов представителей стран АТР на международных конференциях и их переводов;

3) обязательное включение аспекта обучения специалистов-международников, готовящихся к работе с целевой аудиторией Восточной и Юго-Восточной Азии (представителями стран: КНР, Южная Корея, Япония, Вьетнам, КНДР, Таиланд и др.), лингвосоциокультурным компетенциям;

4) обучение специалистов-международников стратегиям переключения и навыкам культурно-языковой адаптации в ситуациях, где английский является: а) языком национального общения; б) лингва франка, включая стратегии предотвращения и разрешения коммуникативных конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишневецкая, Г.М. Межкультурная коммуникация, языковая вариативность и современный билингвизм [Электронный ресурс] / Г.М. Вишневецкая // Педагогический вестник Ярославского государственного педагогического университета. – № 1. – 2002. – Режим доступа: www.yspu.yar.ru/vestnik/number/13/ (дата обращения 29.11.2014).
2. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
3. Гусева, Н.И. Еще раз о норме (норма звучащей речи английского языка в контексте международного общения) / Н.И. Гусева // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей; отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М. : Диалог-МГУ, 2000. – Вып. 12. – С. 78–87.
4. Завьялова, В.Л. Английский язык в Китае: особенности просодического строя : монография / В.Л. Завьялова. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. – 178 с.
5. Кабакчи, В.В. Введение в интерлингвокультурологию : учеб. пособие / В.В. Кабакчи, Е.В. Белоглазова. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2012. – 252 с.
6. Колесниченко, М.А. Просодический аспект английской речи носителей китайского языка в межкультурном диалоге : монография / М.А. Колесниченко. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. – 216 с.
7. Иванов, В.В. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему / В.В. Иванов. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.

8. *Мазур, Ю.Н.* Грамматика корейского языка. Морфология. Словообразование: Теоретический курс / Ю.Н. Мазур. – М. : Муравей Гайд, 2004. – 310 с.
9. *Мечковская, Н.Б.* Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков / Н.Б. Мечковская. – М. : Флинта: Наука, 2001. – 312 с.
10. *Прошина, З.Г.* Английский язык и культура народов Восточной Азии / З.Г. Прошина. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 476 с.
11. *Прошина, З.Г.* Перекресток. Англо-русский контактологический словарь восточноазиатской культуры / З.Г. Прошина ; под ред. Л.П. Бондаренко и Дун Чжэнминь. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. – 580 с.
12. *Прошина, З.Г.* Лингвоконтактология: статус, проблемы, перспективы / З.Г. Прошина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – Хабаровск. – 2005. – № 1(5). – С. 124–128.
13. *Смокотин, В.М.* Язык всемирного общения и этнокультурная идентичность: комплементарность в условиях глобализации : автореф. дис...д-ра филол. наук / В.М. Смокотин. – Томск, 2011. – 365 с.
14. *Солнцев, В.М.* Введение в теорию изолирующих языков / В.М. Солнцев. – М. : Восточная литература РАН, 1995. – 352 с.
15. *Солнцева, Н.В.* Проблемы типологии изолирующих языков / В.М. Солнцев. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1985. – 254 с.
16. *Степанов, Ю.С.* Основы языкознания / Ю.С. Степанов. – М. : Просвещение, 1966. – 271 с.
17. Направление подготовки 035700 «Лингвистика» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.linguanet.ru/umo/Standarts-lingua (дата обращения 07.12.2014).
18. *Хино, Н.* Английский как международный язык в преподавательской практике. Методический анализ преподавания АМЯ в действии / Н. Хино // Личность. Культура. Общество. – 2012. – Т. 14. – Вып. 3 (73–74). – С. 155–163.
19. *Чейз-Данн, К.* Глобализация – всемирный капитализм? / К. Чейз-Данн // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература ; РАН ИНИОН. Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем. – Отд. Азии и Африки. – М., 2007. – № 1. – С. 7–12. – (Серия 9 «Востоковедение и африканистика: РЖ»).
20. Языкознание // Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с. ; статья НОРМА. – С. 337–338.
21. *Якобсон, Р.О.* О теории фонологических союзов между языками // Р.О. Якобсон // Избранные работы. – М. : Прогресс, 1985. – С. 92–104
22. *Jenkins, J.* The Phonology of English as an International Language / *J. Jenkins.* – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 258 p.
23. *Mauranen, A.* The corpus of English as a lingua franca in academic settings / *A. Mauranen* // TESOL Quarterly. – 2003. – № 37(3). – P. 513–527.
24. *Pakir, A.* Standards and Codification for World Englishes // World Englishes 2000: Selected papers presented at the Third International Conference on World Englishes, held at the East-West Center Honolulu. Dec. 19–21, 1996. / *A. Pakir; L. Smith, M. Forman* (eds.). – Honolulu: College of Languages, Linguistics and Literature, University of Hawaii and the East-West Center, 1997. – P. 169–181.
25. *Seidlhofer, B.* English as a lingua franca / *B. Seidlhofer* // English Language Teaching Journal. – 2005. – Vol. 59 (4). – P. 339–341.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УЧЕБНОГО ДИСКУРСА УРОКА ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В РОССИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

С.А. Данилова

Данилова Светлана Александровна – старший преподаватель кафедры профессионально-ориентированного перевода, аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: SvetlanaD67@mail.ru

В статье с позиции социолингвистики рассматривается устный учебный дискурс урока иностранного языка в одном из российских университетов как двуязычное взаимодействие между преподавателем и студентами, при котором язык является не только средством, но и целью обучения. Анализируется затранскрибированный корпус фрагментов дискурса уроков английского языка с целью определения коммуникативных и дидактических функций кодовых переключений в дискурсе отечественного преподавателя и студентов.

Ключевые слова: учебный дискурс, речевое взаимодействие, билингвизм, учебное двуязычие, языковая компетенция, кодовые переключения, интерференция, смешение кода.

Дискурс учебной коммуникации стал предметом исследования зарубежных и отечественных лингвистов и педагогов-теоретиков с середины 1960-х и начала 1970-х гг., а первые значительные достижения были сделаны, когда исследователи получили возможность записывать и изучать аудиозаписи взаимодействия в классе (D. Hymes, N.A. Flanders, C. Cazden, J. Vera, J.J. Gumperz, R. Jacobson, J. Sinclair). Интерес к данной теме растет с каждым годом, появляются все новые исследования в рамках таких областей лингвистического знания, как социолингвистика, психолингвистика, нейролингвистика, этнолингвистика, лингвистика текста, теория речевых актов, анализ дискурса и риторика.

Существует множество интерпретаций термина «учебный (педагогический) дискурс» в зависимости от методологических подходов авторов исследований. Так, с позиции социолингвистики учебный дискурс является институциональным, представляющим «речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов» [4: с. 190–191].

Педагогическая лингвистика рассматривает учебный дискурс «как семиотический процесс производства и интерпретации учебных текстов в целостной, замкнутой коммуникативной ситуации, погруженной в сферу организованного обучения» [3: с. 4]. В качестве объекта частной теоретической и учебной дисциплины «Педагогическая риторика» А.К. Михальская описывает педагогический дискурс как речевое поведение в том классе речевых ситуаций, для которых природа коммуникативного события определяется как «обучение и воспитание в профессиональной и образовательной деятельности» [7: с. 171].

Цель нашей работы – рассмотреть с позиции социолингвистики особенности устного учебного дискурса урока иностранного языка (ИЯ) в высшем учебном заведении России и функции кодовых переключений в дискурсе отечественного преподавателя.

Дискурс урока ИЯ отличается от других учебных коммуникаций тем, что язык на уроке является не только средством, но и целью обучения, а взаимодействие между преподавателем и студентами происходит в рамках учебного двуязычия. По определению У. Вайнрайха, билингвизм (двуязычие) представляет собой «практику попеременного пользования двумя языками. Лица, осуществляющие эту практику, называются двуязычными или билингвами» [1: с. 22]. В большинстве работ исследователи ставят знак равенства между понятиями искусственного и учебного билингвизма, но мы считаем, что эти термины не являются эквивалентными. Учебный билингвизм, по нашему мнению, это двуязычие в процессе усвоения ИЯ в условиях учебной коммуникации, в то время как искусственный билингвизм – это результат усвоения ИЯ.

Отличительной особенностью любого учебного дискурса является «принципиальное неравенство участников общения. Их роли строго разграничены и детерминированы социальным статусом» [5: с. 41]. Преподаватель выбирает тему урока, речевые стратегии, определяет очередность и продолжительность участия студентов в коммуникации. На уроке ИЯ это неравенство еще больше усиливается тем, что участники взаимодействия обладают разным уровнем владения ИЯ.

Принимая во внимание степень владения иностранным языком, Е.М. Верещагин дает следующую классификацию билингвизма:

1. Рецептивный (воспринимающий) билингвизм, при котором человек приблизительно понимает

иноязычную речь, при этом практически не говорит и не пишет.

2. Репродуктивный (воспроизводящий) билингвизм, когда билингв не только воспринимает иностранный язык, но и способен повторить прочитанное или услышанное.

3. Продуктивный (творческий) билингвизм. Билингв свободно говорит и пишет на другом языке [2: с. 23–25].

Используя эту классификацию при анализе коммуникации урока ИЯ, можно сказать, что учебный дискурс урока ИЯ в высшем учебном заведении – это взаимодействие между продуктивным и репродуктивными (реже рецептивными) билингвами с целью повышения языковой компетенции последних.

Большой вклад в исследование проблемы двуязычия внес Л.В. Щерба. Он писал о чистом двуязычии, когда «член двух взаимно исключаящих друг друга групп никогда не имеет случая употреблять два языка попеременно» [11: с. 314] и смешанном двуязычии, «при нем нормально происходит в той или иной степени смешение двух языков, их взаимопроникновение» [11: с. 314]. Л.В. Щерба полагал, что при изучении иностранного языка предпочтительнее чистое двуязычие, так как в этом случае «второй язык оказывается, с одной стороны, более автоматизированным и, следовательно, более успешно выполняющим свою непосредственную задачу, а с другой стороны, менее подверженным деформирующему влиянию первого языка». Но ученый отлично понимал, что невозможно добиться чистого двуязычия при учебном взаимодействии, так как такое двуязычие «требует больших усилий и возможно лишь путем организации с детских лет искусственного иностранного окружения», и более того он подчеркивал, что «чистое двуязычие лишено образовательного значения» [11: с. 317]. Л.В. Щерба также был одним из первых, кто говорил о влиянии родного языка (РЯ) на изучаемый и неизбежности его использования в обучающем дискурсе: «...некоторое торможение по отношению к иностранному со стороны родного неизбежно и не представляет ничего страшного: это есть естественная трудность при изучении иностранного языка» [11: с. 318].

Важной характеристикой двуязычной учебной коммуникации, как и любого другого билингвального дискурса, является взаимодействие РЯ и ИЯ, основными формами которого являются интерференция, переключение и смешение кода. У. Вайнрайх определил интерференцию как «случай отклонения от норм данного языка, появляющиеся в речи двуязычных носителей в результате их знакомства с двумя или несколькими языками» [1: с. 22]. Интерференция встречается на всех уровнях языка: фонетическом, лексико-семантическом и грамматиче-

ском. Она в большинстве случаев связана с типологическими различиями РЯ и ИЯ, а также с отсутствием естественного языкового окружения. Основная причина фонетической интерференции – это отсутствие некоторых звуков изучаемого языка в родном. Так, например, для русских студентов большую трудность представляют такие звуки английского языка, как [θ], [ð], [w]. Неправильное их произношение приводит к искажению смысла высказывания и недопониманию в процессе коммуникации. *I think* (я думаю) у многих звучит как *I sink* (я тону). Лексико-семантическая интерференция – это отклонение от норм словоупотребления, связанное с несовпадением объема значений слов в ИЯ и РЯ. Например, англ. «obligation» – русск. «обязательство», англ. «accurate» – русск. «точный». Грамматическая интерференция связана с различием грамматического строя языков. Например, в английском языке в вопросительных предложениях используется инверсия, а в русском – свободный порядок слов, а вопрос показывает интонация. Отсюда типичная ошибка студентов – отсутствие вспомогательного глагола или глагола-связки перед подлежащим. Кроме этого, в английском языке у неодушевленных существительных отсутствует категория рода, поэтому студенты нередко заменяют такие существительные местоимениями «he, she» в соответствии с родом этих существительных в русском языке. *I've seen a new film. I like him.*

Кодовые переключения являются неотъемлемой частью любой двуязычной коммуникации, в том числе и учебного дискурса урока ИЯ. Хотя термин «кодовые переключения» давно хорошо известен в научной литературе благодаря исследованиям в лингвистической антропологии и социалингвистике, которые стали отправной точкой для последующего изучения этого явления, однако, долгое время не существовало единого мнения относительно определения самого термина «кодовые переключения». Очень многие в социалингвистике придерживались определения переключения кода, похожего на определение М. Хеллера: «использование более чем одного языка в процессе одного коммуникативного эпизода» [14: с. 1]. П. Ауэр и К. Майерс-Скоттон, несмотря на то, что имели разные точки зрения на причины переключения кода, тем не менее, дали похожие определения этого явления. П. Ауэр говорит о «переменном использовании более чем на одного языка» [12: с. 1], а К. Майерс-Скоттон упоминает «использование двух или нескольких языков в одном разговоре» [15: с. vii]. Исследователи также часто цитируют Дж. Гамперца, определившего кодовые переключения, как «сопоставление в рамках одного речевого обмена отрывков из речи, принадлежащих двум разным грамматическим системам или подсистемам» [13: с. 59].

В работах отечественных лингвистов приводятся похожие определения. Например, Г.Н. Чиршева пишет, что кодовые переключения – это «использование единиц разных уровней одного языка (морфем, слов, словосочетаний, предложений) в высказывании на другом языке» [10: с. 63].

Некоторые ученые (P. Gardner-Chloros, С.М. Riehl, М. Sebba, К.А. Woolard) не видят необходимости разделять понятия «кодовые переключения» и «кодовые смещения» и используют только термин «кодовые переключения» во всех случаях перехода с одного языка на другой. К. Майерс-Скоттон «считает, что введение, наряду с кодовыми переключениями, термина «смещение кодов» вносит ненужную путаницу в проблему» [9: с. 49]. Другие исследователи (P. Auer, Sh. Poplack, М. Meechan, P. Muysken), напротив, считают, что это разные явления. Они противопоставляют их с позиции структурно-лингвистических и психоллингвистических критериев. Если сравнивать эти два понятия, учитывая место изменения кода, то кодовые переключения – это смена кода «в пределах высказывания между предложениями и синтагмами» (интерсентенциальный переход), а кодовые смещения – это переход в пределах предложения (интрасентенциальный) [9: с. 29].

Словарь социоллингвистических терминов дает следующие критерии отличия: «при смещении кодов говорящий использует фразы и слова чужого языка; грамматическая структура одного языка подчиняется грамматической структуре другого языка. При переключении кода говорящий полностью переходит с одного языка (или языковой подсистемы) на другой язык (подсистему)» [6: с. 164].

С позиции психолингвистики (Clune M., Myers-Scotton C., Lipski J.M., Kolers P.) кодовые переключения – это мотивированный, осознанный, намеренный переход с одного языка на другой, а кодовые смещения – немотивированный, произвольный, непреднамеренный переход.

На протяжении многих лет в лингводидактике под влиянием прямых методов обучения ИЯ считалось недопустимым использование РЯ на уроке ИЯ. Многие исследователи признают, что «доминировало мнение об использовании ресурсов двух и более языков как о некоем недостатке, обусловленном небрежностью или неспособностью к высказыванию мысли на одном языке» [8: с. 65], а кодовые переключения и смещения рассматривались как результат низкой языковой компетенции. В настоящее время исследователи не так категоричны, и «билингвизм и билингвальная речь считаются скорее нормой, нежели исключением» [8: с. 65]. Если преподаватель и студенты имеют общий РЯ, то кодовые переключения практически неизбежны в классе, и их можно рассматривать как естествен-

ный компонент двуязычного поведения. Использование кодовых переключений на уроке может дать студенту пример двуязычного поведения, при котором кодовые переключения рассматриваются как приемлемый способ коммуникации.

Рассмотрев основные теоретические понятия ценные для нашей работы, мы переходим к практическому анализу двуязычного дискурса. На данном этапе исследования мы ограничиваемся изучением только коммуникативных и дидактических функций кодовых переключений, а под кодовыми переключениями понимаем любой переход с ИЯ на РЯ в ходе учебного взаимодействия. Мы используем прагматический подход к изучению двуязычной коммуникации урока ИЯ, который основывается на исследовании функционирования языка в коммуникативном контексте.

Практическим материалом для данной работы стал корпус фрагментов устного учебного дискурса практических занятий по ИЯ со студентами 1–3-го курсов Дальневосточного федерального университета, обучающимися по различным гуманитарным направлениям (лингвистика, регионоведение, политология, востоковедение).

При анализе фрагментов дискурса уроков ИЯ, нами замечено, что больше всего случаев кодовых переключений в речи преподавателей приходится на перевод незнакомых слов. Очевидно, преподаватели прибегают к прямому переводу для экономии времени и речевых усилий.

Пример 1.

T: Do you know all the words here?

S: Ну... Almost.

T: What do you mean?

S: Scold.

T: Oh, scold. It's like to yell, to shout at somebody, *кричать, ругаться на кого-либо*.

Пример 2.

T: Sorry to interrupt you. Hazelnut in Russian... What's the Russian for hazelnut? *Фундук*. Have you ever eaten it? Have you ever cracked it? Was it easy for you to crack it?

Пример 3.

T: Primorsky region is subject to typhoons. Do you understand what it means? When a place is subject to something, it means something is likely to happen there. In Russian it would be *«подвержен чему-то»*.

Нередко преподаватели используют кодовые переключения для уточнения языковых особенностей кода общения – метаязыковая функция кодовых переключений (языковой комментарий речи).

Пример 4. (При анализе текста преподаватель использует кодовые переключения с ИЯ на РЯ, а также с РЯ на ИЯ)

T: I want to give you the English term for that. But probably the Russian term... How do we call the

metaphor that lasts for one sentence or maybe for the all part of the text? Haven't you studied it yet? *Еще не брали? Как она называется? Вы брали ее на русском или на английском?*

S: На русском.

T: На английском она называется *extended metaphor or prolonged metaphor*, а на русском как называется?

S: Развернутая метафора.

T: *А развернутая...* And here she uses it. Because in the text you see she says...

Пример 5.

T: Where can you meet business people?

S: At conferences, meetings...

T: What sorts of meetings? Meetings can be «*собрания*». Where do companies present their goods?

S: At trade fairs, presentations...

Большой процент кодовых переключений в дискурсе преподавателя – это исправление ошибок. РЯ используется, когда необходимо обеспечить точное понимание студентами объяснений, для компенсации языковых трудностей.

Пример 6.

T: Not bad... but you've made some mistakes... *Так, давайте, «за несколько дней до». Вы сказали: «Before few days», а надо: «A few days before» – наоборот. ... теперь предместье – in the suburbs of LA – должен быть артикль.*

Эмоционально-оценочная функция кодовых переключений реализуется в дискурсе, когда преподаватель переключается на РЯ, чтобы выделить кого-либо из студентов, похвалить, прокомментировать ответ. Часто такие переключения можно рассматривать как немотивированные. Они могут быть связаны с высокой эмоциональностью преподавателя или показателем дружелюбной атмосферы на занятии.

Пример 7.

T: OK, thank you, Masha. *Молодец. Хорошо. Thank you very much, a good translation. Машиа продемонстрировала очень хорошую технику перевода.*

Фатическая функция – это функция установления и поддержания контакта при взаимодействии преподавателя и студентов. Кодовые переключения сигнализируют о дружелюбных и доверительных отношениях между преподавателем и студентами, о подсознательном стремлении преподавателя сделать условия обучения менее формальным для установления эмоционального контакта между участниками взаимодействия, чтобы студенты чувствовали себя комфортнее на уроке.

Пример 8 (после просмотра видеоролика).

T: OK. What caused the quarrel?

S1: Я только одну фразу понял.

T: *С ругательством?* OK. OK. My congratulations on April First Day. That was a joke on

you. This is fake English. This is how English sounds to non-native speakers. A special example for you how they perceive English. For pure reasons of demonstrating how it sounds to non-speakers.

S2: So, there were no real words?

T: No. There were only interjections.

S1: Когда смотришь какой-нибудь американский фильм, также воспринимается.

T: That's right. That's right. *Или британский фильм, когда молодежь говорит, ты чувствуешь, что ничего не понимаешь. Словом насладились.* OK. Let's work.

Функция контроля дисциплины. В случаях, когда преподаватели хотят сделать замечание студентам, они очень часто переходят на РЯ. Смена кода наряду с изменением интонации и использованием других вербальных и невербальных средств, оказывает наиболее эффективное воздействие на студентов.

Пример 9.

T: Now make up some questions to ask your fellow students about their eating habits. *Что за шуршание? О продуктах заговорили, и сразу по сумкам полезли. Тихо.*

Инструкции (комментарии к заданиям). По нашим наблюдениям некоторые преподаватели при объяснении домашнего задания часто переходят на РЯ.

Пример 10.

T: OK. Let's stop here. Remember that we are at question number four. Your home assignment for the next class would be mmm.. yes to do one more reading assignment, reading number three. I want to explain it. Just for you to understand how to do it. So please open it. *Это последний текст в этом юните... Ваша задача прочитать текст и сделать таблицу всех аргументов за и против. Плюс в задании написано, что вам нужно добавить several arguments of your own. Все понятно? На следующем уроке мы будем работать с этими таблицами.* OK. See you on Monday.

В последнем примере мы видим также цитатную функцию кодовых переключений. Когда преподаватель переключается с РЯ на ИЯ, используя фразу из текста задания (*several arguments of your own*).

Таким образом, анализируя затранскрибированный нами двуязычный дискурс урока ИЯ, мы заметили, что кодовые переключения с ИЯ на РЯ присутствуют в дискурсе большинства преподавателей. Только один из десяти преподавателей, чей дискурс мы анализировали, не использовал РЯ на уроке английского языка. Кодовые переключения выполняют ряд дидактических и коммуникативных функций: перевод незнакомых слов, объяснение языковых особенностей и трудностей, контроль дисциплины, исправление ошибок и оценка работы студентов, объяснение заданий, установление контакта со студентами. Хотя в целом переход на РЯ можно считать эффективным элементом двуязыч-

ного общения, но некоторые, рассмотренные нами случаи кодовых переключений нельзя считать оправданными. Несмотря на многочисленные работы, посвященные учебному дискурсу, тема англо-русских кодовых переключений в рамках учебного двуязычия в высших учебных заведениях России изучена еще недостаточно. Поэтому мы видим большие перспективы для дальнейшего исследования билингвального дискурса российских преподавателей и студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вайнрайх, У.* Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. – Киев: Вища школа, 1979. – 263 с.
2. *Верещагин, Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е.М. Верещагин. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 160 с.
3. *Габидуллина, А.Р.* Жанры педагогического дискурса / А.Р. Габидуллина // Мова і культура. – Вип. 6. – Т. VII. – Киев, 2003. – С. 174–182.
4. *Карасик, В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2002. – 389 с.
5. *Карасик, В.И.* О категориях дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. тр. – Волгоград-Саратов : Перемена, 1998. – С. 185–197.
6. *Кожемякина, В.А.* Словарь социолингвистических терминов / В.А. Кожемякина, Н.Г. Колесник, Т.Б. Крючкова. – М.: ИЯРАН, 2006. – 312 с.
7. *Михальская, А.К.* Педагогическая риторика / А.К. Михальская // Речевое общение: специализированный вестник ; под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск, 2006. – Вып. 8–9. – С. 170–173.
8. *Ривлина, А.А.* О некоторых особенностях и лингвистических проблемах процесса формирования массового русско-английского билингвизма / А.А. Ривлина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 1(37). – С. 61–66.
9. *Чиршева, Г.Н.* Двуязычная коммуникация / Г.Н. Чиршева. – Череповец : ГОУ ВПО ЧГУ, 2004. – 190 с.
10. *Чиршева, Г.Н.* Кодовые переключения в общении русских студентов / Г.Н. Чиршева // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж, 2008. – С. 63–79.
11. *Щерба, Л.В.* К вопросу о двуязычии / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 313–318.
12. *Auer, P.* Bilingual conversation / P. Auer. – Amsterdam : John Benjamins, 1984. – 348 p.
13. *Gumperz, J.* Discourse Strategies / J. Gumperz. – Cambridge : Cambridge University Press, 1982. – 240 p.
14. *Heller, M.* Codeswitching: Anthropological and sociolinguistic perspectives / M. Heller. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1988. – 278 p.
15. *Myers-Scotton, C.* Social Motivations for Codeswitching: Evidence from Africa / C. Myers-Scotton. – Oxford: Clarendon Press, 1993. – 177 p.

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

РОССИЯ И РУССКИЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ КИТАЙЦЕВ

Фэн Юй

Фэн Юй – аспирант Благовещенского государственного педагогического университета (научный руководитель доктор филологических наук, профессор, академик РАЕН, член Союза журналистов России Г.В. Быкова).

Контактный адрес: lera.feng@mail.ru.

В статье рассматривается образ России и русских в языковом сознании современных китайцев. С этой целью автор, используя социалингвистические методики (анкетирование и лингвистическое интервьюирование) обратилась к респондентам разных возрастных групп четырех провинций КНР. По итогам проведенного исследования автор делает вывод о том, что отношение китайцев к России и русским положительное.

Ключевые слова: ценность, образ России и русских, добрососедские отношения, языковая картина мира.

Центральным понятием аксиологии – науки о ценностях – является понятие *ценность* – это отношение между представлением субъекта о том, каким должен быть оцениваемый объект, и самим объектом. Если объект соответствует предъявляемым к нему требованиям (является таким, каким он должен быть), он считается хорошим, или позитивно ценным; объект, не представляющий ни хорошим, ни плохим, считается безразличным, или ценностно нейтральным [12].

Базовыми ценностями для большинства народов мира являются сам человек, его жизнь, здоровье, отношения между людьми; дом, семья, родители, отношения между поколениями; высокие духовные качества (трудолюбие, интеллигентность, гуманизм, доброта и т.д.) и высокие человеческие чувства и эмоции (дружба, любовь, сострадание, жалость и т.п.); сама планета Земля, природа, ее красота; культура народа (быт, обычаи, традиции); искусство, язык народа и др. Особо важной для всех народов ценностью являются отношения между государствами (мир, взаимопомощь, взаимопонимание), аккумулированные в языковом сознании людей в виде стереотипов.

«...Этнические стереотипы влияют на этнические симпатии-антипатии, на национальные установки, определяют характер межэтнического взаимодействия. Весьма существенный, если не решающий вклад в формирование представлений о России и русских у европейцев, ставших стереотипными, внес барон Сигизмунд Герберштейн, австрийский дипломат, дважды побывавший в XVI в. в Московском государстве» [10: с. 235]. Его книга «Московия» (первое издание вышло в 1549 г.) впервые познакомила европейцев с жизнью и обы-

чаями далекой России, и многие его суждения до сих пор живы в культурной памяти европейцев. Н.В. Уфимцева указывает, что, оставаясь на позициях этноцентризма, Герберштейн был пристрастным наблюдателем и заложил основы некоторых, ставших постоянными, заблуждений. Именно Герберштейн отразил представление о русских как о варварах, о диком народе. У русских все хуже, чем у европейцев. Еще один стереотип, сформированный Герберштейном, касается характера власти великого князя московского, которую он характеризует как безграничную (тоталитарную в современной терминологии). Во всех позднейших записках иностранцев о русском государстве этот тезис никогда не оспаривался. Представление о забитости и безгласности русских женщин также было сформировано Герберштейном. Еще одно общее место культурного сознания европейцев – свободно бегающие по улицам русских городов медведи (стойкость этого представления просто поразительна) – также является плодом богатой фантазии Герберштейна. Медведь стал для западно-европейцев символом «дикой» России. Однако для самих россиян и китайцев – это положительный образ. «Символом России за рубежом является медведь. Он «визитная карточка» крупнейшей политической партии «Единая Россия». Изображение медведя в русской печатной рекламе Китая не редкость» [5: с.141]. Проведенные нами в четырех провинциях КНР исследования показали, что изображение этого животного воспринимается китайцами как положительное.

Германия среди современных стран относится к России с наиболее пристальным вниманием. Массмедиа «...формируют общественное мнение в от-

ношении России и в конечном итоге определяют её образ в современной Германии. В этом образе, к сожалению, явно преобладают негативные черты... Является фактом, что вся современная германская система образования от школы до университета в большей степени способствует созданию враждебного, нежели дружественного образа России» [2: с. 7, 11, 47]. При этом образ России в современной Европе и США с каждым годом все более ухудшается. Н.В. Уфимцева, ссылаясь на статьи английской газеты «The Independent», испанской газеты «El Pais» и другие зарубежные источники, приходит к выводу, что под видом объективности и непредвзятости большинство авторов статей в западной прессе создают гипертрофированно негативный образ России [10].

«Мониторинг позволяет говорить о "сильной" и "слабой" сторонах образа России в масс-медийном пространстве Арабского мира. Сильную сторону формируют такие факторы, как отсутствие исторической вражды и дружеские отношения между Россией (СССР) и арабскими странами, сильный лидер, традиционно вызывающий уважение на Востоке ... Слабый и отрицательный образ России оказывается связан коррупцией, вероломностью и двойственностью политики и стратегии России, российско-израильскими отношениями» [1: с. 24].

В ином ключе идет формирование образа России в современном китайском социуме. Отношения между Россией и Китаем начали развиваться ещё в XVII в., когда в 1689 г. был подписан *Нерчинский* договор. При разном политическом раскладе сил тесные связи между двумя соседствующими государствами никогда не прекращались. В условиях глобализации и стремительного сближения экономики, культуры и политики между нашими странами русско-китайское взаимодействие сегодня фактически определяет статус обеих стран как мировых держав. Именно поэтому добрососедские отношения обуславливают мирное сосуществование русского и китайского народов, которое базируется на взаимопомощи, взаимопонимании и всё расширяющихся экономических и культурных связях, а также на уровне личных контактов.

Армине Акопян отмечает, что причину развития отношений России с Китаем сирийское «Amprress» видит в провале проевропейского курса России в ущерб отношений с азиатским регионом. Во второй части развернутой статьи «Что тебе известно о России?» российско-китайские отношения рассматриваются сквозь призму реакции на них со стороны США [8] ... Этот же исследователь приходит к выводу, что «...Стабильность в регионе, система ПРО НАТО и США, экономическое сотрудничество и увеличение расходов на оборону, в том числе и на стратегические ядерные силы – это те сферы, в которых сходятся интересы России и Китая» [1: с. 18].

С развитием отношений между Россией и Китаем все больше китайских исследователей направляли свое внимание на соседнее государство, пытаясь создать наиболее полное представление об истории, экономике, традициях, культуре, быте загадочного русского государства [4: с. 5; 7: с. 245; 13: с. 120].

«Представления о мире всегда даны в рамках некоторой культурно-исторической системы значений – определенной социальной среды, общности, культуры. Система значений, которую человек получает от предшествующих поколений, в том числе и через художественную литературу, фольклор, не только обеспечивает процесс усвоения человеческого опыта, но и создает условия для восприятия мира и формирования образов мира» [3: с. 29].

Образ – это ментальное отражение объектов или явлений в сознании человека, представление, отмеченное индивидуальным восприятием и индивидуальным отношением. Образ представляет собой различные признаки, его составляющие являются результатом чувственного восприятия и сознательного отбора [6: с. 53]. Образ страны – это комплекс объективных взаимосвязанных между собой характеристик государственной системы, ее экономических, географических, национальных, культурных, демографических и других признаков. Такой образ зависит от объективных характеристик страны. Например, всему миру известно, что Россия – это государство в Восточной Европе и Северной Азии, с огромной территорией, богатой ископаемыми, и сравнительно небольшим населением (менее 150 млн). Столица – Москва, президент – Путин.

Образ страны по данным параметрам не зависит от мнений и точек зрения людей, он объективен. Целенаправленно формируемый образ страны создает у народа и глав государств положительное или негативное мнение под влиянием не только объективных, но и субъективных факторов. Информацию о соседней стране население получает в основном через средства массовой информации и в процессе межкультурных контактов, а также из других источников.

Международный образ страны – это отражение, в котором страна может увидеть себя со стороны и, возможно, внести коррективы в свою внутреннюю и внешнюю политику и поведение [9: с. 10]. Д.А. Тишкова предупреждает, что формирование образа – сложный и длительный по времени процесс и обычно не является адекватным отражением реального прообраза страны, потому что в его формировании важную роль играют стереотипы и ассоциации. Различные социальные и политические группы и институты участвуют в процессе формирования образа страны. Самой активной группой являются государственные структуры, которые заинтересованы в создании благоприятного

образа государства. С этой целью используются печатные и электронные СМИ, другие каналы воздействия. В настоящее время благодаря Интернету воздействие на сознание других народов многократно возрастает. Положительный образ помогает государству общаться и выстраивать международные отношения, играя основополагающую роль в межкультурной коммуникации. Он важен для благоприятного имиджа страны, увеличения ресурсов, проведения экономических, культурных и других реформ. Если же образ отрицательный, то взаимодействие затрудняется, при этом эффективность международной политики и деятельности ухудшается.

Предпринятое нами исследование ставит своей целью выяснить, каков образ России и русских в национальном языковом сознании китайцев и как он отражен в языковой картине мира последних. В течение июня-августа 2013 г. мы провели анкетирование и лингвистическое интервьюирование 150 жителей провинций Цзилинь, Хэйлунцзян, Чжэцзян и Фуцзянь Китайской Народной Республики. Социолингвистический эксперимент поставлен в трёх возрастных группах китайцев, градация которых проводилась по методике Левинсона: первая группа реципиентов (до 25 лет), вторая группа (26–50 лет), третья группа (старше 50 лет) [11: с. 13].

Нас интересовал вопрос: «Когда и откуда Вы впервые услышали о России?» Среди первой группы опрошенных (до 25 лет) 81 % узнали о России в детстве, 7 % в школе, 11 % – не помнят, 1 % – узнали о соседней стране будучи взрослыми, в том числе – 41 % из книг, 15 % от членов семьи, 30 % – из СМИ, 14 % – из других источников, например из популярной в Китае игры «Русский квадрат». Таким образом, большинство молодых китайцев узнали о России и русских в детстве.

Среди второй группы (26–50 лет), ответы распределились следующим образом: 95 % узнали в детстве; 5 % – взрослыми, в том числе 50 % в школе; 14 % – из СМИ; 17 % – от членов семьи; 22 % – из других источников, например, от друзей или в силу проживания в приграничном с Россией районе и т.д. Таким образом, о России и русских взрослое население Китая информировано в основном также довольно рано – с детских лет.

Среди третьей группы (старше 50 лет) ответы разделились: 50 % узнали о России в детстве; 50 % – взрослыми. При этом 60 % – информированы СМИ; 20 % – от членов семьи; 10 % – в школе и 10 % – на службе. Таким образом, половина опрошенных пожилых респондентов узнали о России будучи взрослыми.

Второй вопрос: «Из каких источников Вы получаете информацию о России и русской культуре?» – является продолжением первого.

Среди первой группы (до 25 лет): 8 % – из газет; 26 % – телепередач; 30 % – Интернета; 20 % – художественных произведений; 7 % – общения с русскими; 9 % – других источников, например из учебников. Среди второй группы респондентов (26–50 лет): о России узнали 15 % из газет; 27 % – телепередач; 28 % – Интернета; 23 % – художественных произведений; 6 % – общения с русскими; 1 % из других источников. Среди третьей группы опрошенных (старше 50 лет): 11 % из газет; 44 % – телепередач; 17 % – Интернета; 11 % – художественных произведений; 11 % – общения с русскими; 6 % – других источников.

Третий наш вопрос звучал так: «Какими Вы представляете себе русских? (внешность, привычки, характер, образ жизни, отношение к труду, традиции, как отдыхают?)». На это вопрос получены самые разнообразные ответы.

Среди первой группы (до 25 лет): 48 % считают, что русские красивые, особенно женщины, у них белая кожа, золотые волосы, высокий рост, у русских крупная фигура; 30 % респондентов считают, что большинство русских пьяницы. Не только русские мужчины, но и женщины предпочитают алкоголь, поэтому водка, по мнению китайцев, является неизменным атрибутом россиян. При этом каждый из указанных респондентов вспомнил о водке в первую очередь. Так, 22 % опрошенных считают, что у русских прямой и открытый характер; 26 % считают русских нерадивыми, они не любят трудиться, но если работают, то добросовестно. Продукты, которые производили русские, достаточно хорошего качества. Интервьюируемые единодушны во мнении, что у русских много выходных дней, отдых для них важнее работы.

Среди второй группы (26–50 лет): 57 % считают, что русские красивые, особенно женщины, у них белая кожа, светлые волосы, высокий рост и крупная фигура; 23 % считают, что русские любят пить, в России пиво, водка и вино весьма популярны; 31 % респондентов считают, что у русских прямой и открытый характер; 13 % – уверены, что русские наслаждаются жизнью, у них разнообразный досуг, они охотно и много посещают концерты, музеи, театр, кино и т.д. У них комфортная жизнь. 7 % считают, что русские нерадивы и не любят трудиться; 4 % считают русский народ талантливым в пении и танцах, которыми обычно сопровождаются народные гуляния, свадьбы, праздники; 1 % опрошенных ничего не знают о русских.

Реципиенты третьей группы (старше 50 лет): 35 % считают, что русские красивые, особенно женщины, у них белая кожа, светлые волосы, высокий рост и крупная фигура; 25 % респондентов отмечают у русских прямой и открытый характер;

25 % – считают, что хлеб и картофель – главные продукты питания русских.

Таким образом, большинство опрошенных считают русских красивыми, с прямым, открытым, жизнерадостным характером. Респонденты из числа молодежи и взрослых отмечают склонность русских к алкоголю.

На четвертый вопрос «Назовите известные Вам факты, события, имена, связанные с Россией» – были получены самые разнообразные ответы.

Так, 56 % респондентов отметили *Путина* или события, которые связаны с Путиным. Например, половина из них знают о его разводе, большинство сказали Путин – человек, который проводит твердый курс. Ответ *холодный климат* занимает второе место – 30 %; *большая территория* тоже 30 %; очень известное историческое событие *распад СССР* стоит на третьем месте – 22 %; *отношение между Россией и Китаем* – 11 %; *Сталин* – 11 % и *Ленин* – 7 %.

Ответы второй группы также разнообразны, но *Путин* тоже занимает первое место – 41 %; 20 % ответили, что военная мощь России велика; 23 % сказали что *Москва* – слово, которое приходит в голову, когда упоминают Россию, и 16 % – считают главным городом России *Санкт-Петербург*; 20 % знают *Октябрьскую революцию*; 14 % знают о *распаде СССР*; *холодный климат* – 17 %; *большая территория* – 19 %; *Сталин* – 12 % и *Ленин* – 16 %.

Среди третьей группы (старше 50 лет) получены более однообразные ответы: 40 % сказали, что ничего не знают; 40 % ответили, что Россия имеет *холодный климат и большую территорию*; 30 % упомянули *Путина*; 20 % упомянули русскую историю, имея также в виду *распад СССР*.

Проведенные опросы выявили объективные и предвзятые представления китайцев о России и русских. Анализ полученных ответов показывает, что китайцы всех возрастов считают русских красивыми, с открытым характером, много времени отдающих досугу, живущих беззаботно, частично склонных к алкоголю (с точки зрения молодежи и людей среднего возраста). Россия представляется китайцам большой по территории страной с холодным климатом и высоким военным потенциалом. В Китае хорошо известен Президент России В.В. Путин, частично Ленин и Сталин, а главным политическим событием китайцы считают распад СССР.

По мнению автора, подобный образ России и русских в сознании китайцев в основном зависит не только от подачи информации по каналам Интернета, телевидения и СМИ, но и под влиянием длительных экономических и культурных связей двух стран-соседей, положительно воздействовав-

ших на массовое сознание китайцев в прошлом и настоящем. Это, например, строительство КВЖД и г. Харбина, Русско-японская война, избавившая китайский народ от произвола милитаристской Японии, современные конструктивные отношения, направленные на развитие обеих стран. Чтобы получить объективный и более непредвзятый образ России и русских в языковой картине мира китайцев, нами проводятся дальнейшие исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акопян, А.* Россия в оценках арабских СМИ: Аналитический доклад / А. Акопян. – М. : АНО «ЦСОиП», 2013. – 38 с.
2. *Белов, В.Б.* Образ современной России в Германии / В.Б. Белов, И.Ф. Максимычев // Образ современной России в Германии : доклады Института Европы. – М. : Ин-т Европы РАН: Рус. сувенир, 2010. – 66 с.
3. *Воробьева, К.И., Атюнина, В.С.* Образ успеха в русской языковой картине мира / К.И. Воробьева, В.С. Атюнина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2007. – № 4. – С. 29–37.
4. *Гуо, Ли* История и положение гуманитарного сотрудничества Китая и России / Гуо, Ли // Изд-во Хэй Лунцзян, 2013. – 276 с. (*郭力 中俄人文合作的历史与现状*, 2013) (на кит. яз.).
5. *Ковальчук, А.М.* Символы русской (этнокультурной) идентичности в печатной рекламе соотечественников в Китае / А.М. Ковальчук // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 1. – С. 140–146.
6. *Меграбова, Э.Г.* Единство противоположностей как основа образа Китая в журнале «NEWSWEEK» (лингвистический аспект) / Э.Г. Меграбова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 1. – С. 53–57.
7. *Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений* / под ред. А.В. Лукина. – М., 2013. – 754 с.
8. Сирийский СМИ «Dampress» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dampress.net/?page=show_det&category_id=62&id=32322&lang=ar (дата обращения 13.10.2013).
9. *Тишкова, Д.А.* Образ России и русских в восприятии представителей других культур / Д.А. Тишкова // Краеведение Приамурья. Сборник науч. трудов. – Благовещенск, 2012. – С. 9–22.
10. *Уфимцева, Н.В.* Русские – свои или чужие: взгляд европейцев / Н.В. Уфимцева // Бытие в языке : сб. науч. тр. к 80-летию В.И. Жельвиса ; под науч. ред. д-ра филол. наук, проф. Т.Г. Кучиной. – Ярославль, 2011. – С. 234–237.
11. *Шаповаленко, И.В.* Возрастная психология / И.В. Шаповаленко // Психология развития и возрастная психология. – М. : Гардарики, 2004. – 394 с.
12. Энциклопедии & Словари: Философский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/philosophy/Cennost-2621/> (дата обращения 22.01.2015).
13. *Янь, Вэй.* Исследование стратегии российских ресурсов и сотрудничества энергоресурсов Китая и России / Янь Вэй. – Изд-во Северо-восточного университета, 2013. – 146 с. (*严伟, 俄罗斯能源战略与中俄能源合作研究* 2013.) (на кит. яз.).

АССОЦИАТИВНЫЕ РЕАКЦИИ РУССКИХ И КИТАЙЦЕВ НА СТИМУЛ «ПТИЦА»

Хань Чжипин

Хань Чжипин – аспирант кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета (научный руководитель доктор филологических наук, профессор, академик РАЕН, член Союза журналистов России Г.В. Быкова).

Контактный адрес: misha.xan@bk.ru

В условиях расширяющегося сотрудничества между Россией и Китаем вопросы взаимодействия населения обеих стран в поликультурной среде приобретают первостепенную важность. Проблемы взаимного непонимания, коммуникативные неудачи и культурные конфликты в значительной степени обусловлены наличием существенных культурных различий, что порождает в определённых случаях несовпадающие реакции представителей разных этносов. В данной статье представлены результаты исследования ассоциативных реакций на стимул «птица», выявлены и описаны ассоциативные лакуны, отражающие национальное своеобразие культуры и языка русского и китайского этносов.

Ключевые слова: ассоциация, зооним, коннотация, лакуна, национальная специфика, символ, стимул, этнос, языковое сознание.

В этнически обособленных социумах России и Китая веками складывались определённые национальные способы мышления, сознания и поведения в пределах каждой из культур, запечатлённые и аккумулированные в русской и китайской языковых системах и отражённые в языковой картине мира каждого из народов. «Всякое изучение национального своеобразия, – указывает В. фон Гумбольдт, – не использующее язык как вспомогательное средство, было бы напрасным, поскольку только в языке запечатлён весь национальный характер» [3: с. 303]. Язык интегрируется в материальную, духовную культуру, причем знания людей о том, как происходит «картирование» языка в культуре по большей части неосознанные. Итальянский лингвист А. Грамши писал, что язык – «одновременно и живой организм, и музей ископаемых жизни и цивилизации» [8: с. 124].

В процессе нарастающей глобализации между Россией и Китаем складываются всё более тесные отношения, в ходе которых межкультурная коммуникация приобретает особенно важную роль. Взаимодействие языковых сознаний разных этносов (русского и китайского) происходит в результате контактирования наций, на которое оказывают влияние различные факторы: географические, политические, социально-экономические, культурные, языковые и другие. З.Г. Прошина отмечает: «...Вместе с тем ориентация на межкультурную коммуникацию предполагает не только умение воспринимать другие культуры и корректно реагировать на них. Участники процесса межкультурной коммуникации интересны друг другу именно своей культурой» [9: с. 16]. Это один из факторов притяжения и взаимодействия русских и китайцев.

Благовещенск – административный центр Амурской области, которая занимает 391,900 км² на юге

Дальнего Востока России и является крупным административным, культурным, научным и промышленным центром Дальнего Востока. Хотя население города не превышает 250 000 человек, Благовещенск часто называют «воротами в Китай», благодаря его уникальному географическому расположению на границе с Китайской Народной Республикой.

Соседний китайский город Хэйхэ находится по другую сторону реки Амур. Два города разделяют всего 800 метров. Это единственное место в России, где два иностранных населённых пункта расположены так близко друг к другу. Много китайских компаний работает в Амурской области в сфере культуры, строительства, сельского хозяйства, лесной промышленности и туризма, осуществляется широкий безвалютный обмен студентами, аспирантами и преподавателями.

В условиях поликультурной среды приграничья проблемы взаимного непонимания представителей соседствующих культур, обострения коммуникативных неудач и культурных конфликтов, сложности нахождения оптимальных стратегий межкультурного диалога обусловлены наличием существенных культурных различий и объективным существованием феномена национальной специфики языковых единиц, порождающих в определенных случаях несовпадающие реакции. Ю.А. Сорокин в связи с этим отмечает: «В качестве исходных условий процесса лакунизации/лакунарности следует рассматривать не что иное, как межличностное общение» [12: с. 3]. Поэтому для более эффективного осуществления культурного обмена в процессе русско-китайского взаимодействия необходимы широкомасштабные исследования ассоциативных реакций русских и китайцев на одни и те же вербальные стимулы (слова), что позволит выявить и описать ассоциативные лакуны, отражающие

национально-специфическое своеобразие языка и культуры каждого из народов.

Ассоциация (лат. *assotiatio* – соединение) – возникающая в опыте индивида закономерная связь между двумя содержаниями сознания (ощущениями, представлениями, чувствами и т.п.), которая выражается в том, что появление в сознании одного из содержаний влечет за собой и появление другой [1: с. 42]. Явление ассоциации было хорошо известно в античности и подробно описано Платоном и Аристотелем, хотя сам термин *ассоциация* предложен Дж. Локком. Другими словами, *ассоциация* – это связь между психологическими явлениями, образуемая при определенных условиях, при коей актуализация (восприятие, представление) одного из них влечёт за собой появление другого [11: с. 52]. Психофизическая основа ассоциации – условный рефлекс.

Не имеет смысла изучать всю массу полученных ассоциаций. Еще менее оснований существует для изучения чисто индивидуальных ассоциаций, носящих субъективный характер и не поддающихся учету. Поэтому для нас представляют интерес лишь стойкие ассоциации, которые порождены национальной внеязыковой действительностью и спецификой национального мышления, т.е. ассоциации, существующие у преобладающего большинства носителей русского или китайского языка.

Множество слов в любом языке окружено эмоциональными ассоциациями, которые исследователи называют коннотативными (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, И.А. Стернин) или эмотивными (И.В. Томашева). «Национально-специфические элементы культуры, отразившиеся в языке её носителей, которые либо не замечаются (не понимаются), либо понимаются неполно представителями разных культур при контакте» Г.В. Быкова называет ассоциативными (эмотивными) лакунами [2: с. 54]. Весь ассоциативный потенциал народа аккумулируется в языке и передается в другие поколения. Именно поэтому в учении «создателя современной философии языка» и общего языкознания Вильгельма фон Гумбольдта язык определяется как абсолютный и подвижный горизонт мира его носителя – народа; как средство взаимодействия общего и единичного опыта. Язык в понимании Гумбольдта предстаёт живым противоречивым единством и индивидуального и коллективного (народного), данного и творимого, свободы речи и необходимости языковой системы [7: с. 15].

Гумбольдт отмечал, что материальная и духовная культура воплощается в языке; всякая культура национальна, её национальный характер отражен в языке посредством особого видения мира: «разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения её» [4: с. 312], которые обнаруживаются в первую очередь на

уровне ассоциаций. Наибольшее расхождение в ассоциативных реакциях отражено в представлениях людей о животном мире. Роль животных в жизни человека всегда была исключительно велика, особенно на ранней стадии развития человечества, когда люди и звери сосуществовали в естественном соседстве: животные включались в социальную иерархию, которая представлялась как особая ипостась человека. Поэтому в каждом языке есть зоолексика – группа слов, включающих в себя слова, обозначающие животных, насекомых и птиц [6: с. 7–8]. Внешность и повадки обитателей русской и китайской фауны в основном не имеют различий. В их описании совпадают и некоторые представления о характере людей по ассоциации с поведением представителей животного мира. Это нашло отражение в языках и культурах двух народов, где одни признаки совпадают, другие имеют существенные различия.

Для того чтобы признать то или иное слово ключевым словом культуры необходимо, чтобы оно было общеупотребительным, частотным, функционировало в составе фразеологизмов, пословиц, поговорок и т.д. В наиболее древнем слое языка – пословицах и поговорках как ступках народной мудрости – отображаются особенности поведения людей, свойства человеческого характера на основе их сравнения с разнообразными животными и птицами. «...О распространенности и некоторой универсальности фразеологизмов с названиями животных свидетельствует тот факт, что в языках всего мира они активно используются в качестве образной характеристики человека, обладают высоким коннотативным потенциалом» [6: с. 3].

Так, многие свойства человеческой души и характера нашли отражение в следующих пословицах с компонентом «птица»: о посредственном, никчёмном, ни на что не способном человеке, который по своим взглядам, интересам и т.п. отошёл от других людей и не примкнул к другим, говорят: «Ни пава, ни ворона» [14: с. 218]. В Китае такого человека характеризуют словами: 高不成, 低不就 (*С хорошей работой не справится, а плохой не хочет*).

Болтливому и глупому, который торопится с суждениями, предупреждают в России: «Слово – не воробей, вылетит, не поймаешь», а в Китае: 一言既出, 驷马难追 (*Вылетевшее слово и на четверке коней не догнать*). Предостережением высокомерным людям, не ценящим любовь и заботу родных и друзей, звучат русские поговорки: «От ворон отстала, и к павам не пристала», «Не летать вороне в высокие хоромы».

О людях, преувеличивающих опасность, русские говорят: «Стреляная ворона и куста боится», а в Китае: 一朝被蛇咬, 三年怕井绳。 (*Один раз укусит змея – три года будешь бояться колодезной верёвки*).

Несоразмерность применяемых действий отражают пословицы обеих стран: «*Стрелять из пушки по воробьям*» и 杀鸡用牛刀 (*Резать курицу большим тесаком*). Хвастливого человека характеризует поговорка: «*Коль найдёт ворона розу, мнит себя уже соловьём*». Хвастовство часто сопровождается глупостью и притворством. Таким людям дают оценку пословицей: «*Ворона в павлиньих перьях*». В Китае об этом же самом говорят: 乌鸦不要笑猪黑 (*Ворону не следует насмехаться над чёрной свиньей*).

Часто в пословицах звучат не только предостережения, но и советы, нравоучения, впитавшие в себя вековую мудрость русского народа: «*Бей сороку и ворону, сокола убьёшь*»; «*Бей сороку и ворону, добьёшься и белого лебедя*» [5: с. 41].

Совет не замахиваться сразу на большие дела, познавать жизнь шаг за шагом, а, накопив опыт, добиваться успеха и в больших делах звучит в пословицах: «*Воробьи торопились да маленькими уродились*» и 欲速则不达 (*Склонному к скороспелому успеху трудно достичь цели. Поспешишь – людей насмешит*). О взаимопомощи, поддержке среди людей одного круга говорится: «*Ворон ворону глаз не выклюет*» [5: с. 73]. Подобное суждение содержится и в китайской пословице: 官官相护 (*Все чиновники покрывают друг друга*).

Многие пословицы не только отражают особенности поведения людей в различных жизненных ситуациях, но и параллельно дают указание на правильность выбора. В пословице «*Ворона за море летала, а ума не стало*» содержится намёк на то, что и в родном крае можно выучиться и стать нужным человеком. Пословицы отражают и отношение к своей родине, вызывают к патриотическим чувствам. Тоска по отчизне, национальное самосознание сквозят в пословице «*На чужой сторонешке рад своей воронушке*».

Человеческие ценности обычно утверждаются путем сравнения птиц и человека, причем в русском и китайском языках одинаково используется приём антитезы. Например: «*Красна птица перьем, а человек ученьем*»; «*Красна пава перьем, а жена мужем*»; «*видна птица по полёту*». 鸟贵有翼, 人贵有智 (*птица дорога крыльями, человек – умом*); 鸟美的是羽毛, 人美的是学问 (*птица красна перьями, человек – учением*); 鸟美在羽毛, 人美在勤劳 (*птица прекрасна перьями, человек – трудолюбием*); 闻音知鸟, 闻言知人 (*Человека узнаёшь, услышав его речь; птицу узнаёшь, услышав её пение*) [18: с. 262].

И в Китае, и в России люди издавна и постоянно наблюдали за явлениями природы, особенностями поведения животных и птиц. Благодаря этому родились народные приметы. 喜鹊

堂前叫, 不久有客到 (*Коль перед домом кричат сороки – жди гостей*). У русских отсутствует представление о сороках – вестниках хороших новостей. У русскоязычного жителя России такое представление вызовет недоумение, потому что у русских сорока – символ сплетен: «*Болтливый, как сорока*»; «*Сорока на хвосте принесла*» – так говорят, когда не хотят сказать, откуда известна новость. В данном случае особенности чужой культуры могут быть неадекватно интерпретированы либо не поняты реципиентом, т.е. имеет место культурологическая лакуна, когда требуется особое пояснение, чтобы быть понятым.

В Китае по-прежнему активно употребляются пословицы, отражающие вековую мудрость человечества: 鸟则择木, 木岂能择鸟。 (*Птица выбирает дерево, а не дерево – птицу*) 人过留名, 雁过留声 (*Гуси, пролетая, оставляют шум, люди, умирая, оставляют славу*) [18: с. 279]. У русских подобные пословицы отсутствуют.

В русской культуре крупная перелетная птица журавль (鹤) ассоциируется с весной, а в Китае – с долголетием и выдающимся человеком. Для китайцев болотные утки-мандаринки (鸳鸯) – символ супружеской верности и семейного счастья, тогда как в русском языке это слово коннотативно не окрашено, им просто называют красивых болотных птиц. Вот так русская девочка Даша Волкова из Амурской области с восторгом пишет об этих водоплавающих:

*Не стреляйте в утку-мандаринку,
Дайте ей, красавице, цвести!
Посмотрите на неё и сами
Убедитесь – глаз не отвести!* [17: с. 201].

В указанных случаях налицо абсолютные ассоциативно-культурологические лакуны в обоих языках.

Четкие и постоянные оценочные коннотации несут метафорические переносы в направлении «птицы → человек». Цель этих переносов – приписать человеку некоторые признаки, которые всегда или почти всегда имеют оценочный смысл, так как перенос на человека признаков животных сам по себе подразумевает оценочные коннотации.

Таким образом, анализ древних текстов пословиц и поговорок с компонентом *птица* в русском и китайском языках убеждает в том, что многие пернатые обладают символическим значением и определяют национальную специфику ассоциативного мышления каждого народа. «В современных мифологических рассказах у русских фигурируют, как правило, реально существующие птицы: *сороки*, облик которых чаще всего принимают ведьмы, *ласточка*, которая, пролетев под брюхом коровы, может лишить ее молока; *ворон* как предвестник несчастья; в мифологических приметах – *кукушка*,

опять-таки *ворон, аист* и другие; часто упоминается просто птичка, пташка, птаха» [15: с. 157].

С целью получения ассоциативных реакций русско-китайских респондентов на стимулы *ворон* (乌鸦), *сорока* (喜鹊) и *ласточка* (燕子) мы провели свободный ассоциативный эксперимент среди 60 носителей русского языка на территории России в городе Благовещенске Амурской области и такого же количества носителей китайского языка на территории Китая в городе Харбине провинции Хэйлуцзян. Возрастная градация опрошенных проводилась по методике Левинсона, описанная в книге И.В. Шаповаленко «Возрастная психология» [16: с. 294]. В связи с предъявленным стимулом для реципиентов групп «Юность», «Средняя зрелость» и «Поздняя зрелость» предлагалось назвать первое пришедшее на ум слово. Среди всех опрошенных русских и китайцев получены следующие результаты (табл. 1).

Таблица 1

Ассоциативные реакции на слово *ворон* (乌鸦)

Русские	Китайцы
чёрный – 22 %;	плохое дело – 35 %;
птица – 15 %;	несчастье – 28 %;
фильм – 10 %;	чёрный – 10 %;
крылья – 5 %;	птица, кошмар, неудача,
небо – 5 %;	летать, небо, сорока, рот,
гнездо – 5 %;	ворони другие – 27 %
клюв – 5 %;	
песня – 5 %;	
мудрый, цвет, голова,	
кар и другие – 28 %	

Во всех русских группах встречается ассоциативная реакция в виде слов *песня* и *чёрный*. Это связано, по мнению автора, с широким распространением русской народной песни «Чёрный ворон». Часто встречаются слова-реакции, которые описывают внешний вид ворона: *чёрный, голова, клюв, крылья, серый*. Опрошенные реагировали словом *фильм*. Вероятно, они смотрели фильм, в названии которого употребляется слово *чёрный*: «Чёрные волки», «Чёрный ястреб», «Женщина в чёрном», «Чёрный дрозд», «Чёрный ворон» и др. У некоторых словом-реакцией было звукоподражание *кар-кар* – звук, издаваемый вороной и зафиксированный в русской лексической системе.

Данные реакции на слово *ворон* получены у жителей г. Благовещенска Амурской области в мае 2013 г. Таким образом, в сознании современных русских, проживающих в крайнем регионе России, где вороны достаточно редки, зафиксированы частотные реакции: *чёрный, птица, фильм, крылья, небо, гнездо*. Они отличаются от словесных реакций, полученных более десяти лет тому назад от жителей центральной России и отраженных «Рус-

ским ассоциативным словарём»: *чёрный* – 57; *птица* – 6; *летит* – 4; *ворона, каркает, старый, считать* – 2; *белый, богатырь, вороной москвич, галка, год, грязный, грязь, деревянный, долголетие, зло, злой, играет во трубу, кличка, клюв, конь, красив, лес, несчастье, пасмурная погода, птичка, синий, смерть, страх, чернота, чёрный ворон, чёрный цвет, Эдгар По* [10: с. 118]. В представлении жителей центральной России (это место исконного обитания данных пернатых) *ворон: чёрный, грязный, предвестник несчастья, смерти, зло, злой*.

У китайцев *чёрный ворон* (*чёрная ворона*) означает зло, коварство, неудачу и провалы в делах, об этом гласит и китайская народная мудрость: *天下老鴉一般黑* (*Вороны везде чёрные*), т.е. все плохие люди одинаковы. *老鴉窝里出凤凰* (*В вороньем гнезде рождаются фениксы*), т.е. и в семье бедняков может появиться выдающийся человек. *乌鸦嘴* (*Клюв вороны*) – так в Китае говорят о человеке, приносящем плохие новости.

Таким образом, ассоциативные реакции русских, проживающих в центральной части России и китайцев на стимул *ворон* частично совпадают (*зло, несчастье*). Однако у русских полностью отсутствуют ассоциации *коварство, провалы в делах*, что обнаруживает частичные абсолютные ассоциативные лакуны относительно китайского языкового сознания. По результатам опроса современных благовещенцев выявлены абсолютные ассоциативные лакуны сравнительно с реакциями харбинских реципиентов (табл. 2).

Таблица 2

Ассоциативные реакции на слово *сорока* (喜鹊)

Русские	Китайцы
белобока – 34 %;	счастье и радость – 55 %;
птица – 20 %;	птица – 10 %;
бело-чёрная – 12 %;	любовь – 10 %;
воровка – 10 %;	сказка, свидание, тради-
болтуня, болтушка – 10 %;	ция, обычай, гнездо,
и другие – 8 %	дерево и другие – 25 %

В Китае *сорока* символизирует удачу и считается «птицей удовольствия». Сорока фигурирует во многих фольклорных преданиях и суевериях. Две сороки рядом символизируют супружеское счастье. Стрёкот сороки предвещает появление гостя или хороших новостей. Три сороки, сидящие на дереве в лучах солнечного света, символизируют скорый успех в трёх делах; двенадцать сорок обозначают двенадцать добрых желаний. Маньчжурская легенда гласит, что сорока села на основателя династии и помогла ему обмануть врагов, которые его преследовали. С тех пор сорока стала священной птицей [13: с. 62].

В России же *сорока* – это птица, символизирующая болтливость, склонность к воровству и

сплетням. Отсюда в русском языке закрепились и до сих пор активно функционируют речевые обороты и фразеологизмы: «*Болтлива как сорока*», «*Стрекочущая сорока*», «*Вороватая сорока*», «*Всякая сорока от своего языка погибает*»; «*Сорока скажет вороне, ворона борову, а боров всему городу*»; «*Сорока на хвосте принесла*».

При сопоставлении полученных реакций русских Благовещенска и Харбина обнаружено полное несовпадение ассоциаций у русских и китайцев на стимул *сорока*, т.е. выявлены абсолютные ассоциативные лакуны (табл. 3).

Таблица 3

Ассоциативные реакции на слово ласточка (燕子)

Русские	Китайцы
птица – 24 %;	весна – 26 %;
небо – 20 %;	летит – 20 %;
весна – 14 %;	гнездо – 18 %;
гнездо – 10 %;	дождь – 15 %;
летит – 10 %;	птица – 8 %;
дождь – 8 %;	воздушная змея – 5 %;
внучка и другие – 14 %	ребенок, чёрная, симпатичная и другие – 8 %

В качестве третьего словесного стимула мы использовали слово *ласточка*. Многолетние наблюдения за поведением ласточек и в России, и в Китае стали основанием для совпадающих примет, воплощённых в эквивалентных по смыслу поговорках. В Китае *ласточка* является символом весны. Считается хорошей приметой, если она сойдёт гнездо под карнизом вашего дома, потому что это принесёт вам счастье и удачу. Но в Японии ласточка символизирует предательство и неверность, потому что она часто меняет свою пару [13: с. 144].

Многолетние наблюдения русских и китайцев совпадают в приметах: 燕低飞，雨到来。(Ласточки летают низко к дождю). 燕高飞，天要好。(Ласточки летают высоко – быть хорошей погодой). 燕来种田，雁来过年。(Ласточки прилетели – пора сеять, прилетели гуси – пора встречать праздник весны).

Таким образом, *ласточка* вызывает почти полностью совпадающие у китайцев и русских реакции, поэтому при опросах мы не выявили различий в ассоциациях русских и китайцев. Следовательно, в данном случае наблюдается полное отсутствие ассоциативной лакунарности.

Проведённые в Благовещенске (РФ) и Харбине (КНР) исследования ассоциативных реакций на стимулы *ворон*, *сорока* и *ласточка* подтверждают, что в зоонимах концентрируется и отражается национальная специфика ассоциативного восприятия хорошо известных в обеих локальных культурах птиц.

Выявленные особенности напрямую связаны с теми или иными культурными традициями соседствующих стран и потому могут совпадать либо не совпадать: одни и те же явления вызывают разные или одинаковые ассоциации у представителей культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой психологический словарь ; под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – 3-е изд., доп. и перераб. – СПб. : Прайм – Евроникс, 2006. – 672 с.
2. Быкова, Г.В. Внутряязыковая лакунарность в лексической системе русского языка / Г.В. Быкова. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 1998. – 220 с.
3. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. фон. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1984. – 450 с.
4. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 451 с.
5. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – 9-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2002. – 544 с.
6. Козлова, Т.В. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных / Т.В. Козлова. – М. : Дело и сервис, 2001. – 208 с.
7. Мотовникова, Е.Н. Язык общества и языки общественности / Е.Н. Мотовникова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2004. – № 2. – С. 13–23.
8. Пак, С.М. Личные имена как маркеры социально-психологических категорий / С.М. Пак // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2004. – № 3. – С. 124–129.
9. Прошина, З.Г. Глобальность и локальность английского языка в образовательных системах азиатских стран / З.Г. Прошина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2012. – № 3. – С. 14–19.
10. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов [и др.]. – М. : Астрель: АСТ, 2002. – 784 с.
11. Словарь психолога-практика / сост. С.Ю. Головин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Харвест, 2001. – 976 с.
12. Сорокин, Ю.А. Лакуны: ещё один ракурс рассмотрения / Ю.А. Сорокин // Лакуны в языке и речи : сб. науч. тр. ; под ред. Ю.А. Сорокина, Г.В. Быковой. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2003. – С. 3–11.
13. Форти, С. Символы : пер. с англ. Н. Гончарук, М. Почкина / С. Форти // Энциклопедия. – М. : РОСМЭН-ПРЕСС, 2005. – 256 с.
14. Фразеологический словарь / под ред. Т.Н. Гурьевой. – М. : Мир книги, 2003. – 384 с.
15. Черепанова, О.А. Культурная память в древнем и новом слове: Исследования и очерки / О.А. Черепанова. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2005. – 331 с.
16. Шаповаленко, И.В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология) / И.В. Шаповаленко. – М. : Гардарики, 2004. – 349 с.
17. Я люблю эту землю... Стихи и проза жителей Благовещенского района Амурской области. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – Вып. 2. – 232 с.
18. 俄汉汉语谚语手册 / 沈受君, 韩晶石主编. 哈尔滨 : 黑龙江大学出版社, 2010. (Шэнь Шоуцзюнь. Словарь русско-китайских и китайско-русских пословиц / Шэнь Шоуцзюнь, Хань Цзиншию. – Харбин : Изд-во Хэйлунцзянского гос. ун-та, 2010. – 365 с.).

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ КАЛЬКИРОВАНИЕ РУССКОЙ ОБСЦЕННОЙ ЛЕКСИКИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: РЕАКЦИЯ НОСИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Э. ЛИТМАН)

А.А. Кравчук

Кравчук Алена Андреевна – преподаватель Факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Контактный адрес: kravchucklion@gmail.com

В статье рассматриваются случаи употребления бранной лексики в транслингвальном романе Э. Литман и реакция на калькирование русских бранных слов на английский язык носителей русского, английского и китайского языков. Передача эмоционально и культурно окрашенной лексики при помощи прямого перевода помогает в создании культурного фона повествования, но может служить препятствием для понимания авторского замысла.

Ключевые слова: транслингвальная литература, калькирование, стилистика текста, восприятие текста.

Введение: обоснование темы работы

Некоторые русские слова, записанные латиницей, вошли в список «безэквивалентной лексики», реалий русской культуры и уже не нуждаются в семантизации при употреблении в речи: *sputnik*, *perestroika*, *vodka* и т. п. Однако бранные слова и сленг зачастую вызывают трудности при коммуникации, если в тексте или речи не присутствует отдельное пояснение их значения, в частности потому, что коннотации в разных языках могут иметь разные оттенки значения.

Данная работа посвящена исследованию реакции носителей различных языков, читающих по-английски, на случаи употребления бранных слов в романе Эллен Литман «The Last Chicken in America» («Последний цыпленок в Америке»). Эллен Литман – американская писательница русско-еврейского происхождения. В 1992 г. вместе с родителями она иммигрировала в Америку в возрасте 19 лет. Первые шесть лет своей жизни в новой стране Литман посвятила изучению программирования и даже работала по специальности. Но в 1998 г. она поступила в Сиракузский университет и в 2004 г. окончила его, получив степень магистра искусств (Master of Fine Arts). В настоящий момент она является доцентом университета Коннектикута и возглавляет программу подготовки по направлению «Литературное творчество» (Creative Writing Program).

В основе сюжета романа лежат рассказы о жизни общины русско-еврейских эмигрантов в небольшом американском городке, которые пытаются адаптироваться к новой среде обитания. В частности, они посещают языковые курсы, что позволяет читателю сделать вывод, что английским языком герои владеют слабо, особенно старшее поколение, а значит, в семье они общаются на своем родном языке – русском. Для того чтобы полнее охарактери-

зовать героев как людей, с трудом принимающих новый образ жизни, и показать их новый статус – иммигрантов, а также чтобы передать ностальгию героев по родине, автор вводит в их речь просторечия и заимствования из русского языка, которые просто транслитерируются на латинице. В сюжете романа и описании героев встречаются автобиографические черты (например, одна из девушек собирается поступать в университет Питтсбурга, чтобы изучать программирование, как и сама Литман), однако, говорить, что тоска героев по родине полностью отражает чувства автора, невозможно. То же самое утверждает и сама Э. Литман в своем интервью [11: с. 237]: она признает, что некое сходство персонажей со знакомыми ей людьми, конечно, есть, но большинство событий сюжетной линии (а значит – мотивация поступков героев и их чувства) являются полностью вымышленными.

Роман Эллен Литман относится к новому направлению литературы, к так называемой «контактной», или «транслингвальной литературе». Расширяя теорию языковых контактов, Бадж Качру [10: с. 22] приходит к выводу, что контактная литература – это следующая ступень языковых контактов, когда языки взаимодействуют не при непосредственной коммуникации двух людей, а в тексте, созданном одним человеком. Исследователь относит к контактной литературе произведения, написанные на языке, который автор изучает как второй или иностранный. Такие произведения не могут быть отнесены ни к чисто «английской традиционной литературе», ни к традиционной литературе родного языка автора, т.е. такие произведения имеют как лингвистические, так и культурологические отличительные черты. Более того, некоторые исследователи (например, А. А. Ривлина) отмечают, что калькирование, наряду с прямой вставкой иноязычного

заимствования, может считаться одной из особенностей русско-английского билингвизма [5: с. 63, 64]. Это более характерно для носителей русского языка, употребляющих в речи или даже художественном произведении английские слова или их элементы, однако можно предположить, что «обратное калькирование», т.е., вставка русской кальки в англоязычный текст могла бы стать чертой русскоязычного автора, пишущего на английском языке. В данной статье рассматривается транслитерация и калькирование русских бранных слов как лингвистическая особенность английского языка романа Э. Литман.

Связь менталитета и способа его проявления в речи признавалась лингвистами с XIX в., когда Вильгельм фон Гумбольдт отметил, что «разделение человеческого рода на народы и племена и различие их языков и диалектов взаимосвязаны, но находятся также в зависимости от третьего явления более высокого порядка – воссоздания человеческой духовной силы во все более новых и часто более высоких формах» [2: с. 85–86]. Поздние различные исследователи спорили о том, что первостепенно: язык или культура (Э. Сепир и Б. Уорф [6], А. Вежбицкая [1], С.Г. Тер-Минасова [4] и др.). Однако для настоящего исследования достаточно лишь факта, что эта связь существует и она неоспорима.

«Особенности менталитета – один из факторов, который мешает тем, кто изучает второй язык как иностранный достигнуть уровня владения языком, близкого к уровню носителя. Английский язык носителя языка – это язык людей, проживающих в определенных странах. Некоторые изучают английский язык из-за желания ассоциироваться с людьми и культурой англоговорящих стран – возможно, наиболее многочисленной подобной группой являются иммигранты. Однако львиная доля тех, кто учит английский язык в качестве иностранного, не хотели бы рвать связь со своими национальными особенностями культуры и менталитета и вливаться в сообщество носителей английского языка»¹, как сообщают в предисловии авторы учебника «English as an international language» [9: с. 12]. Одной из возможностей выражения принадлежности к иной культуре (в частности – субкультуре) являются не только фразеологические единицы (поговорки и пословицы, характерные для определенного языка), но и бранные слова и сленг. Таким образом, появление англоязычных калек от привычных русских ругательств в речи иммигрантов в романе выглядит совершенно оправданно с точки зрения стилистики текста и характеризует героев как своеобразных «бунтарей», не влившихся в новое культурное сообщество.

Это не первое литературное произведение с подобным стилистическим приемом: его можно

наблюдать у Энтони Бёрджесса в романе «Заводной апельсин». М. Ю. Федосюк в своих статьях [7; 8] подробно описывает заимствования русских слов для создания совершенно нового, искусственного англоязычного сленга. Для семантизации незнакомых слов писатель использует целый ряд приемов: прямое пояснение; семантизацию через окружающие слова или знакомые синонимы; пояснение через широкий контекст. Однако хотя слова и становятся однозначно понятными («thes² very big build-up shoulders (pletchoes we called them)» [77: с. 344], и используются для показания иной культуры (а скорее – субкультуры «...надцатилетних»³), русские заимствования в произведении не используются по прямому назначению, т.е. не передают использования русского языка в иноязычной ситуации общения. Э. Литман пользуется схожими литературными приемами (например, прямо поясняя: «kubozhestvo – a weak person», «obuza – deadweight», или же подбирая яркую характеристику поступков героев после описания какой-либо ситуации в сюжете), но, в отличие от искусственно подобранного сленга Э. Бёрджесса, в произведении Э. Литман русские слова действительно обретают культурный подтекст, и калькирование становится стилистическим приемом, помогающим создать «русскость» атмосферы романа.

Реакция носителей различных языков на калькированные русские бранные слова: эксперимент

Стилистический прием может быть признан удачным лишь в случае его однозначного понимания читателем текста. Бранные слова, наряду с фразеологизмами, пословицами и поговорками, очень ярко выделяют культурный компонент текста. Чтобы точно понять смысл употребленного бранного слова следует учитывать культурологические особенности страны и эпохи, в рамках которых разворачивается повествование. В романе Литман присутствуют кальки бранных слов, характерных для современной русской речи.

Для определения реакции на них носителей различных языков был проведен социолингвистический эксперимент. Было отобрано три группы участников по 10 человек: первая – состояла из носителей китайского языка, которые владели английским и русским языком на достаточно высоком уровне (B1–C1); во вторую (смешанную) вошли носители китайского языка (восемь человек), а также носители английского и турецкого (по одному человеку) языка, которые не владели русским

² Здесь и далее в примерах сохранены орфографические и грамматические особенности источника.

³ Термин из статей М. Ю. Федосюка [7; 8].

¹ Перевод с английского языка автора статьи.

языком, либо владели им слабо. Третью группу представляли носители русского языка, владеющие английским языком на достаточно высоком уровне (B2 и выше). Возраст участников эксперимента составил 20–25 лет, что примерно соответствует возрасту героев романа Э. Литман, т.е. описанные в романе проблемы взаимоотношений были достаточно близки участникам эксперимента. Уровень владения участниками эксперимента языками определялся исходя из их успеваемости по языковым предметам, а также на основе требований к учащимся определенного курса (все участники – студенты вузов или недавно закончившие вуз).

Участникам было предложено ознакомиться с отрывком из романа Э. Литман следующего содержания: *«I start crying and tell them everything. My mother sits down on the edge of my bed and my father on the chair next to it, and they comfort me, smooth my hair, ask questions. I explain about my stomach and nausea, and they call me silly. It's probably nothing, they say, probably stress, but just in case we'll make an appointment on Monday. And him? We don't need him. He is a goat»* [11: с. 32]. В целях эксперимента имена героев не упоминались и были заменены местоимениями. Этот отрывок – не единственный в романе, где автор семантизирует слово через широкий контекст (например, словосочетание «silly tearpot» – «глупый чайник» объясняется через безуспешные попытки героя совершить простое действие – отослать заявки). Выбранный отрывок содержит бранное слово «козёл», но в разных языках оттенки его негативного значения могут отличаться. Проверялось, уловят ли участники эксперимента – носители разных языков – нетипичные для них (типично-русские) коннотации.

После прочтения отрывка участники ответили на следующие вопросы: «каково отношение автора к герою, называемому «him»?», «почему автор называет героя «goat»?» и можно ли определить национальность автора; а также то, является ли автор текста «профессиональным писателем» или же скорее автор – студент, пишущий на английском языке. Также участники имели возможность дать пояснение к выбранному варианту ответа.

Все опрошенные верно определили отношение автора к герою как «негативное» и связали его со словом «goat» в отрывке, что означает, что иноязычная калька не прошла незамеченной. Однако точно определить национальность автора смогли только носители русского языка, носители других языков не могли с уверенностью ответить на данный вопрос, однако, большая часть (14 из 20) полагала, что автор, как минимум, не носитель английского языка. Среди названных причин многие опирались на странность появления бранного слова «goat» как такового, и, в частности, в данном кон-

тексте. На этот факт обратили внимание и некоторые носители русского языка, владеющие английским на достаточно высоком уровне. Опираясь на словарное значение слова «goat» в качестве ругательного («A lecherous man» либо же «A stupid person; a fool» Br. informal – Oxford online dictionary [12]), они комментировали это следующим образом: «Носитель языка выбрал бы иное ругательное слово, так как «goat» в данном контексте показывает лишь часть своего смысла – «соблазнитель», но для не-носителя русского языка не показывает оттенок значения «мерзавец», характерный для данного языка». То есть для не-носителей языка фразы «We don't need him. He is a goat» выглядят как «Он нам не нужен, он всего лишь казанова (соблазнитель)», а для носителей русского языка они имеют однозначный смысл «Он мерзавец». Это означает, что важная часть смысла слова для не-носителей русского языка может быть утеряна.

Очевидно, этот факт помешал не-носителям языка точно сформулировать, почему же автор выбирает для своего героя именно такую характеристику. Наиболее частотный вариант формулировки у носителей русского языка следующий: «Он повел себя некрасиво (подло, аморально), когда бросил девушку, возможно, забеременевшую от него». Примерно так же сформулировал свой ответ и носитель турецкого языка: «Он повел себя недостойно», очевидно, под влиянием мусульманской культуры, где козел характеризуется как «нечистое животное». Другие не-носители русского языка сочли, что либо «он» повел себя «легкомысленно, не думая о последствиях своего любовного приключения» (7 из 19), либо «он всё равно ничем не сможет помочь и только упрямо станет всё отрицать (по мнению отца девушки)».

Передача бранного слова «козел» в других литературных произведениях

Как показал эксперимент, даже некоторые носители русского языка ожидали увидеть в англоязычном тексте произведения другое бранное слово в типично-русском значении «негодяй».

Если проследить употребление бранного слова «козел» в литературных произведениях, доступных при помощи запроса в национальный параллельный корпус русского языка (пара – русский/английский) [3], можно убедиться, что англоязычные авторы-носители, как правило, действительно выбирают иные лексические единицы для передачи слова «козел» именно в значении «мерзавец».

Как правило, слово «goat» либо употребляется в прямом значении «животное»: *He shine it under a big tree an down at the bottom is a goat – big ole billygoat, standin' there pawin' the ground* – Под большим деревом в центре двора оказался большой черный козел, он фыркал и рыл землю копытцами

(У. Грум «Форрест Гамп»)⁴ или же при описании мифических созданий, имеющих черты козла, например, фавн в романах о Нарнии К.С. Льюиса описывается как «that goaty little creature» – «это козликотипное существо». Также в этом случае часто используется сравнение с горными козлами, например: to spring up the rough steps as nimbly as a goat – резво, как горный козел, взбираться по грубым ступеням (Дж.Р.Р. Толкиен «Властелин колец: две крепости»); I will climb it <the slope> like a goat – Взберусь, как козел, climbing down into the gorge like a goat – спускался в ущелье, словно горный козел (Э. Хемингуэй «По ком звонит колокол») или же используется аллюзия на упрямство или неуклюжесть козла, как например в переводе отрывка из «Приключений Незнайки и его друзей»: She was dancing, but he was just leaping about like a goat, stepping on her toes and knocking into everybody – На самом деле танцевала одна Синеглазка, а Незнайка прыгал как козел, наступал Синеглазке на ноги и все время толкал других (в переводе Маргарет Уэтлин). Как показывает последний пример, перевод слова «козел» в значении «животное» характерен как для переводов с английского языка на русский, так и наоборот [3].

В бранном контексте слово «goat» употребляется либо в значении «развратник»: He winked so lecherously that Granma thought he had spoken and retorted, «Shut up, you sinful ol' goat.» – Дед весьма похабно подмигнул, и бабка, решив, что он сказал какую-нибудь непристойность, прикрикнула на него: – Замолчи, греховодник! Старый козел! (Дж. Стейнбек «Гроздь гнева»); либо в значении «идиот, глупец»: Pompous goat, isn't he? – Какой высокопарный козел, верно? (М. Митчелл «Унесенные ветром») [3].

Если же рассматривать ситуации, в которых носитель русского языка употребил бы слово «козел», можно заметить, что набор лексических единиц будет совсем другой. Так, например, перевод романа Л. Вайсбергер «Дьявол носит Прада» дает буквально типичный пример использования слова «козел» в русском культурном значении: «Она бы еще как захотела, чтобы ты ушел, если бы только она была в нормальном состоянии, ты, козел!» – закричала я, покрываясь холодным потом при мысли, что у Лили – а так наверняка и было – была интрижка с этим парнем. Однако в оригинальном английском тексте нет слова «goat»: «She would want you to leave if she happened to be conscious, you asshole!» I screamed, horrified that Lily had – in all likelihood – had something with this guy. Роман У.

Грума «Форрест Гамп» тоже может дать несколько ярких примеров: «That low-down polecat,» Mama say. «I should of knowed better than to run off with a protestant. – А, этот паршивый козел! – говорит мама. – И надо было мне сбегать с протестантом!; she say, «Cause he is a nogood bastid like all the rest,» – она отвечает: «Потому что он вонючий козел, как и все остальные мужики!» [3].

Приведенные примеры показывают, что русско-му бранному слову «козел» в значении, рассмотренном в ходе эксперимента («подлец, обманувший женщину»), соответствуют три английских эквивалента: «asshole», «polecat» и «bastid». Всего же бранных эквивалентов в параллельном корпусе можно найти семь: помимо указанных выше, есть также такие эквиваленты как «fart», «buster», «crook», и «oaf». Для обозначения коннотаций слова «козел», свойственных именно русскому языку, в англоязычной литературе прямая калька не применяется.

Заключение

Таким образом, можно отметить, что общая негативная окраска бранных слов может быть семантизирована через контекст и ясно видна даже не-носителям русского языка. Однако уловить оттенок коннотации люди, плохо знакомые с узусом употребления подобных слов в речи носителя, зачастую не способны. Кроме того, семантизация через общую ситуацию в повествовании («He is goat» через рассказ родителям о неудаче с парнем и возможной беременности), а также с помощью авторского пояснения смысла кальки (ubozhestvo – a weak person) может даже исказить оттенок значения. Из-за слабого понимания именно заложенного глубинного культурного смысла теряется «яркость» языковой единицы: для носителя русского языка такая характеристика героя является значимым моментом текста, для не-носителя – скорее одним из фоновых эпитетов, которые отмечаются, как положительные или негативные, но не вызывают столь же ярких эмоций. Подобная реакция читателя на лексическую единицу может привести к неверному пониманию авторского замысла (например, неявно выраженной кульминации в произведении). Передачу эмоционально окрашенных слов (к которым безусловно относится категория бранной лексики) с помощью кальки можно считать осознанным авторским приемом, но его следует применять с осторожностью, чтобы правильно расставить акценты в тексте. Вне определенной культуры бранная лексика и сленг даже при наличии понятного контекста либо прямого объяснения будут вызывать трудности для понимания. В то же время в понятном контексте иностранная калька воспринимается органично, как одна из особенностей авторского стиля, и общая окраска лек-

⁴ Все примеры англоязычного текста и их переводы отобраны из национального перекрестного корпуса русского языка (языковая пара: русский-английский) [3].

сической единицы позволяет сформировать правильное отношение к герою.

Выбор калькирования как способа передачи эмоционально окрашенных и культурно нагруженных единиц в художественном произведении должен быть тщательно продуман автором, чтобы не допустить искажения и утраты оттенков смысла. Неверный выбор лексической единицы может привести к неправильному или неполному пониманию описываемой ситуации, что, в свою очередь ведет к неверной реакции на текст и непониманию авторского замысла. Однако в то же время калька в тексте привлекает внимание читателя, служит маркером иной культуры, требует более вдумчивого прочтения текста, как от читателей, знакомых с инокультурным контекстом, так и от читателей, не владеющих языком и культурой калькированной лексической единицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежибицкая, А. Русский язык [Электронный ресурс] / А. Вежибицкая // Язык. Культура. Познание. – М. : Русские словари, 1996. – С. 33–88. – Режим доступа: http://philologos.narod.ru/ling/wierz_rl.htm (дата обращения: 9.10.2014).
2. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода (Извлечения) / В. фон. Гумбольдт // История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. I. Раздел II ; В.А. Звегинцев. – М. : Просвещение, 1964. – С. 85–104.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/search-para-en.html> (дата обращения: 05.12.2014).
4. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур / С.Г. Тер-Минасова. – М., 2007. – 334 с.
5. Ривлина А.А. О некоторых особенностях и лингвистических проблемах процесса формирования массового русско-английского билингвизма / А.А. Ривлина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 1(37). – С. 61–66.
6. Уорф, Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б.Л. Уорф // История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. II. Раздел VI ; В.А. Звегинцев. – М. : Просвещение, 1965. – С. 198–224.
7. Федосюк, М. Ю. Молодежное аргю в романе Энтони Берджесса «Заводной апельсин» / М.Ю. Федосюк // Язык: изменчивость и постоянство : сб. статей к 70-летию Л.Л. Касаткина. – М. : ИРЯ РАН, 1998. – С. 337–347.
8. Федосюк, М.Ю. Русское слово в английском тексте (о языке романа Энтони Берджесса «Заводной апельсин») / М.Ю. Федосюк // SLOWO. TEKST. CZAS. – SZCZECIN. – 1996. – С. 143–146.
9. English as an international language. – London: the British Council, Printing and Publishing Department, 1978. – 69 p.
10. Kachru, Braj B. The Bilinguals' Creativity / Braj B. Kachru // Annual Review of Applied Linguistics. – 1985. – № 6. – P. 20–33.
11. Litman, Ellen. The Last Chicken in America: a novel in stories / Ellen Litman. – New York : W. W. Norton & Company, 2007. – 237 p.
12. Oxford Online Dictionary, статья «goat» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/goat> (дата обращения: 9.10.2014).

КОГНИТИВНО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ВЕРБАЛИЗАЦИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

СПОСОБЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КСЕНОНИМОВ-ЗАИМСТВОВАНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ, ОБРАЩЁННОМ В РУССКУЮ КУЛЬТУРУ (на материале англоязычного лексико-семантического поля «История и культура Санкт-Петербурга»)

И.А. Серова

Серова Инна Александровна – соискатель учёной степени кандидата филологических наук, старший преподаватель кафедры экономического английского языка Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактный адрес: inna.serova@mail.ru

Изучая проблему передачи культуронимов в АЯМО (РК), можно констатировать, что сегодня наблюдается тенденция к ксенонимической реставрации, которая идёт по пути использования ксенонимов-заимствований. Этот способ удовлетворяет основным критериям качества передачи культуронимов в переводе – ксенонимической точности и ксенонимической обратимости. Однако возникает вопрос о доступности восприятия ксенонимов-заимствований, который решается путём параллельного подключения комплексных средств концептуализации. В данном исследовании предпринята попытка оценить адекватность различных средств концептуализации ксенонимов-заимствований в практике гида-переводчика.

Ключевые слова: английский язык межкультурного общения, ориентированный в область русской культуры – АЯМО(РК), культуроним, идионим, ксеноним, одомашнивание, остранение, ксенонимическая реставрация.

Введение

В последнее десятилетие идея однополярного мира во главе с США утратила свою популярность в политике, экономике и в общественной жизни. «Глобанглизация» порождает сопротивление давлению англосаксонской лингвокультуры, размыванию культурных и языковых границ. «Неизбежный подсознательный этноцентризм, особенно в сочетании с традиционно трепетным отношением русскоязычной культуры к родному слову, часто порождает восприятие «чужого слова» как «чуждого», «неправильного», представляющего угрозу для «своей» системы ценностей, что ведет к его отторжению» [5: с. 88]. Одновременно с этим приходит понимание, что принадлежность к Западной культуре не является единственно возможным способом существования. Освобождаясь от западно-центристских настроений, необходимо вырабатывать новые стратегии развития. В настоящее время ставятся новые задачи и перед лингвистами. «...В самом деле, мы живем в период, когда особую актуальность получили междисциплинарные исследования, когда вопросы языка рассматриваются в неразрывной связи с вопросами культуры, для которой слово стало важнейшим средством выражения. В связи с этим полипарадигмальное рассмотрение культурно-языковой взаимосвязи, предполагающее множественность подходов к означенным пробле-

мам, стало насущной потребностью научных изысканий и обобщений» [4: с. 10].

В центре внимания специалистов начала XXI в. оказалась межкультурная коммуникация, научная дисциплина, находящаяся на стыке целого ряда наук: филологии, социолингвистики, теории языковых контактов, когнитивистики, этносоциопсихолингвистики. Проблемами иноязычного описания культуры занимается новое направление в теории и практике межкультурной коммуникации – интерлингвокультурология. В последнее время появилось большое количество исследований письменных текстов иноязычного описания русской культуры – научных, научно-популярных, художественных текстов; публикаций, появляющихся в СМИ. Большой интерес вызывает также исследование путеводителей, как особого типа текста в межкультурной коммуникации. Однако устные тексты (деловое общение, затрагивающее русскую культуру; работа гида-переводчика; лекционная деятельность; англоязычное радио и ТВ, направленные за рубеж) не достаточно хорошо исследованы.

Сегодня для человека, желающего познакомиться с русской культурой с помощью английского языка, существует масса возможностей – от чтения научно-популярных изданий и художественных произведений, просмотра телевизионных передач и фильмов до непосредственно поездок в Россию, где ино-

странные туристы прибегают к помощи путеводителей или профессиональных гидов. Основным препятствием для иностранца, желавшего лично познакомиться с русской культурой, долгое время оставался визовый режим, действовавший в нашей стране. Но Постановлением правительства «Об утверждении Положения о пребывании на территории Российской Федерации иностранных граждан» пассажиры круизных судов, стоянка которых в российском порту не превышает 72 часов, могут пребывать на территории нашей страны без визы, если они организованы в группу и сопровождаются лицензированным гидом [3]. Как правило, туристы, организованные в группы и сопровождаемые гидом, не пользуются путеводителями. Профессиональный гид готов круглосуточно отвечать на интересующие их вопросы. В этих условиях роль гида, как проводника русской культуры, значительно возрастает; а иностранные туристы, в свою очередь, открыты для всего нового и представляют собой заинтересованного в русской культуре слушателя. Трудно ожидать, что иностранные туристы будут знакомиться с русской культурой посредством русского языка, поэтому создание информации о русской культуре на ведущих языках международного общения (ЯМО), в первую очередь, на английском языке (АЯМО) приобретает особую важность.

Теория межкультурно-языковых контактов показывает, что всякий, столкнувшийся с нашей культурой даже через «фильтр» иностранного языка, погружаясь в глубины русской культуры, обязательно знакомится с наименованиями элементов этой культуры. А тот, кто пытается говорить о нашей культуре на иностранном языке, неизбежно сталкивается с проблемой поиска иноязычных соответствий ключевым культуронимам. В связи с вышесказанным представляется интересным исследовать устные тексты иноязычного описания русской культуры в работе гидов-переводчиков по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, так как именно профессиональные гиды-переводчики с помощью АЯМО, обращённого в область русской культуры, – АЯМО(РК) – снимают культурный барьер, возникающий при общении разноязычных коммуникантов, внося тем самым весомый вклад в развитие интерлингвокультурологии. В настоящей статье мы попытаемся выявить особенности передачи специфических элементов русской культуры, для которых в английском языке нет готовых наименований и оценить адекватность средств, привлекаемых при традиционном и внутреннем переводе для описания внешней (русской) культуры на английском языке.

Теоретическая база исследования

Гид-переводчик в рамках межкультурной коммуникации занимается особым видом переводческой деятельности «прямым межкультурным диа-

логом», в ходе которого он является одновременно источником информации, участником общения и переводчиком, осуществляя так называемый «внутренний перевод». Гид-переводчик, создавая текст иноязычного описания русской культуры, сам осуществляет языковые операции, связанные с передачей специфики русской культуры. Автор строит текст исключительно с учетом конкретной коммуникативной ситуации, с оглядкой лишь на специфику адресата и особенности жанра, без оглядки на оригинальный текст, стиль которого необходимо сохранить, по той простой причине, что такого текста нет. Таким образом, гид-переводчик сам принимает решения о выборе способа наименования специфических элементов русской культуры [2].

В.В. Кабакчи и Е.В. Белоглазова предложили классификацию применяемых на практике способов образования ксенонимов. Среди них – заимствования, калькирование (лексическое и семантическое), гибридные образования, описательные обороты, использование полионима, т.е. слова, типичного для многих культур, замена русскоязычного идионима англоязычным аналогом и замена русскоязычного идионима родовым понятием (гипонимия). Все эти способы имеют различную степень номинативной точности, доступности описания и межъязыковой обратимости. Процесс выбора для русских идионимов-прототипов соответствующих ксенонимов-коррелятов в значительной мере определяется спецификой конкретной коммуникативной ситуации и коммуникантов (адресанта и адресата). Выбор подхода, помимо лингвистических факторов, определяется также и экстралингвистическими – культурными, общественно-политическими, экономическими и социальными факторами.

Попробуем взглянуть на проблему через призму таких подходов, как «одомашнивание vs. остранение» [6]. При «одомашнивании» гид-переводчик стремится адаптировать «текст» к принимающей культуре. Положительным фактором такого подхода является то, что рассказ гида становится более доступным для понимания туриста, но стиливое своеобразие утрачивается безвозвратно. Стратегия «остранения» вводит слушателя в мир исходной культуры. Эта стратегия дает возможность обогащения английского языка новыми лексическими единицами. Для «одомашнивания» и «остранения» есть и другие термины – «доместикация» и «форенизация», и уже сама эта терминологическая дихотомия дает нам пример того, что представляет собой это явление. Выбирая русизм, гид форенизирует термин для иностранных туристов, делает его более самобытным и колоритным; доместицируя термин, мы адаптируем его, делаем более понятным представителям другой страны, но лишаем его

яркости, точности, национального колорита. Исходя из коммуникативной ситуации – пребывание иностранных туристов в культурной столице России и цели коммуникации – знакомство с историей и культурой Санкт-Петербурга, представляется необходимым выбрать стратегию остранения, путём введения соответствующего способа образования ксенонимов.

Рассмотрим теперь коммуникантов. В адресате нас не интересует пол, возраст, профессия и профессия. Для нас релевантен только параметр культурной заинтересованности и вовлечённости адресата в русскую культуру. Заинтересованность очевидна. Люди приехали в Россию и заказали экскурсию, таким образом, они представляют собой благодарную аудиторию для популяризации русской культуры, истории и искусства. Они жаждут «экзотизмов», которые при межкультурной коммуникации являются носителями очень существенной информации. Было бы непростительно подвергать эту информацию искажению при ассимилирующем переводе. Но насколько вовлечен адресат в русскую культуру? Насколько осведомлён о ней? Большая часть туристов имеет весьма поверхностное представление об иноязычных, особенно удалённых культурах. Выбор стратегии внутреннего перевода зависит также и от того, как адресант понимает нужды адресата. Гид-переводчик отнюдь не готовит туристов к тому, чтобы в дальнейшем оперировать ксенонимической лексикой, т.е. ориентирует их на пассивную форму коммуникации, на простое опознание ксенонимов. В данном случае совершенно не уместно domestizieren русские идионимы из академических соображений, облегчая их запоминание, ориентируя на дальнейшую активную форму коммуникации.

Итак, исходя из специфики коммуникативной ситуации и коммуникантов, а также из сущности общественно-политического момента, остраняющая стратегия передачи специфических наименований русской культуры является предпочтительной.

Однако выбор в пользу русизмов, несмотря на то, что придаёт яркость и колоритность рассказу, затрудняет его понимание. «Осознание этого приводит к распространению комплексных стратегий введения ксенонимов, основанных на параллельном подключении различных средств концептуализации» [2: с. 72]. Остраняющая стратегия внутреннего перевода заключает в себе множество приёмов, основанных на сочетании комплекса способов концептуализации вводимого ксенонима.

В.В. Кабакчи утверждает, что «заимствование – это наиболее частотный и универсальный способ образования ксенонимов» [2: с. 84], так как он гарантирует уверенную обратимость и формальную

точность идионима-прототипа. В этом заключается его преимущество. Однако этот способ имеет и ряд недостатков. Заимствования непонятны рядовому адресату, трудны для запоминания и воспроизведения. «...Для специалиста, возможно, будет достаточно и непрозрачной, заимствуемой формы, которую в случае надобности, он сможет найти в словаре и уточнить правильность своего понимания. Однако большинство текстов стремятся выйти за рамки узкой группы специалистов, дублируя непрозрачные наименования другими способами внутреннего перевода» [2: с. 70]. В живой, коммуникативной практике ксенонимы-заимствования нуждаются в концептуализации. Исходя из тезиса Е.В. Белоглазовой о том, что непрозрачные наименования дублируются другими способами внутреннего перевода, наложив его на типологию способов образования ксенонимов, предположим, что существует пять стратегий концептуализации ксенонимов-заимствований:

- Заимствование + описательный оборот.
- Заимствование + калька.
- Заимствование + аналог.
- Заимствование + полионим.
- Заимствование + родовое понятие.

Е.В. Белоглазова, однако, предполагает, что средства концептуализации тяготеют к одной из двух стратегий: подключение аналога и описательного оборота.

Следующий пример призван продемонстрировать предпочтительность остраняющей стратегии внутреннего перевода путём заимствования и дальнейшую концептуализацию этого заимствования различными способами или комплексом этих способов. Группа туристов отправляется в театр на оперу русского композитора А.П. Бородина «Князь Игорь». Принимая во внимание вышеперечисленные факторы (специфика коммуникативной ситуации и адресат, общественно-политический фактор), гид, скорее всего, предпочтёт ассимилированному, одомашненному, традиционному «Prince Igor» остранённый вариант «Knyaz' Igor» (kniaz, knjaz – проблемы транслитерации оставим за рамками этой статьи). Помимо лингвистических, гид должен обладать также энциклопедическими знаниями: *либретто* оперы написано по мотивам памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве»; опера проникнута национальным духом, что подчёркивается грандиозностью народных сцен с мощным звучанием хора. Эти экстралингвистические факты скорее всего заставят гида пойти по пути ксенонимической реставрации (т.е. приближение ксенонимов по форме к оригиналу-прототипу) и отказаться от общепринятого, доме-

стицированного «Prince Igor», что по сути является англоязычным аналогом русского идионима. Но, как известно, аналоги «лишь приблизительно передают значение исходного слова и в некоторых случаях могут создать не совсем правильное представление о характере обозначаемого ими предмета или явления» [1: с. 102]. В самом деле, ну какой же он (Князь Игорь) принц? Мы же не называем русских царей королями. Ассимилированная замена русскоязычного идионима «Князь Игорь» англоязычным аналогом «Prince Igor» грешит неуверенной языковой обратимостью и не точностью ксенонимической номинации, поскольку также уверенно в английском языке ассимилирована замена идионима-прототипа «Великий князь» ксенонимом-коррелятом «Grand Duke». Итак, необходимость ксенонимической реставрации (как одного из направлений остраняющей стратегии) очевидна. «...В то же время следует оговориться, что реставрация – это длительный процесс, так как ассимилированные варианты, освящённые традицией, отступают неохотно» [2: с. 71]. Остаётся только надеяться, что с помощью гидов-переводчиков в том числе, *Knyaz'*, а не *Prince* (также как и *Tsar*, а не *King*) займёт достойное место в ряду ассимилированных ксенонимов-заимствований.

Окончательно выбирая стратегию остранения способом введения заимствования «*Knyaz' Igor*», гид сталкивается с проблемой концептуализации введённого ксенонима. Привлекая свои эксталингвистические знания гид может пояснить, что «*Knyaz' is a Russian title denoting a royal nobility rank*», используя таким образом способ концептуализации ксенонима «*Заимствование + описательный оборот*». Здесь также можно было бы использовать способ «*Заимствование + аналог*»: «*Knyaz'*, от *Prince Igor*». Можно также перестраховаться и использовать оба эти способа: «*Knyaz' is a Russian title denoting a royal nobility rank. It is usually translated into English either as Prince or less commonly as Duke, however, both terms do not represent a sufficiently accurate translation*»

Следует оговориться, что степень пропитанности текста русизмами может быть весьма различной. Гиды ограничиваются чаще всего тем, что в полной мере вводят ксеноним с пояснениями в каком-то одном месте, далее же чужеродные вкрапления присутствуют как изюм в кексе, придавая аромат и вкус. Наибольшая степень концептуализации ксенонима достигается чаще всего в самом начале, когда турист только начинает наталкиваться на непривычное. Дальше эти вкрапления используются для достижения различных целей: придания рассказу аутентичности, стилизации текста,

для того чтобы подчеркнуть межкультурные различия и противопоставить персонаж остальным, для создания комического эффекта, что зачастую немаловажно в группе людей, приехавших на отдых.

Исследование

Рассмотрим возможные варианты концептуализации ксенонимов-заимствований, с целью выявления наиболее часто встречающихся. Поскольку исследование ещё не завершено, и автор находится на стадии накопления практического материала, рассмотрим лишь несколько ситуаций, в которых гиды-переводчики по Санкт-Петербургу и области номинируют культуронимы соответствующими ксенонимами-заимствованиями, а затем концептуализируют их (таблица).

Ситуации:

1. Часть пешеходной экскурсии от Храма Спаса-на-Крови до Дворцовой площади проходит через Дворы Капеллы. **Проходные Дворы и Дворы-колодцы** – неотъемлемая часть архитектуры нашего города.

2. Гуляя в Царском Селе по Екатерининскому Парку и объясняя назначения многочисленных построек, гиды обычно рассказывают про Верхнюю Ванну – **баню** для царской семьи и про здание Нижней Ванны, являвшейся «Кавалерской Мыльней», в отличие от «Мыльни Их Высочества».

3. Посещение музея Банный корпус в Нижнем парке Петергофа ещё более подробно знакомит туристов с русской баней. Одна из комнат этого музея так и называется – **парилка**.

4. Кстати, всего в 30 минутах от Санкт-Петербурга по дороге из Петергофа расположен этнографический парк – «Русская деревня Шуваловка», на территории которой располагаются: традиционная русская **изба**, русская баня, кузница, гончарная мастерская, скотный двор, кафе «Иван-Чай» и ресторан «Крапива».

5. Экскурсия «Соборы Санкт-Петербурга» включает в себя не только рассказ об убранстве соборов, но и об истории религии в России, начиная с дохристианского периода, когда язычники-славяне верили в добрых и злых духов природы (берегинь и упырей). **Домовой** – это душа дома, кровитель строения и живущих в нём людей. Сразу за домом начинался лес, который определял весь уклад жизни древних славян. Идя в лес, надо было быть готовым к встрече с лесным духом – **Лешим**. Водным божеством был **Водяной** – обитатель рек, озёр и ручьёв. До сих пор эти персонажи встречаются в русских народных сказках, преданиях и легендах.

6. Русский музей – кладёз культуронимов. Возьмём для примера **икону и передвижников**.

Способы концептуализации ксенонимов-заимствований

Идионим-прототип	Ксеноним-заимствование	Концептуализация с помощью				
		описательный оборот	калька	аналог	полионим	родовое понятие
Дворы, дворы-колодцы	dvory	Tall yards where the light filters down from a narrow mouth formed by steep banks of flats on all sides	–	yards	Common area	yards
Баня	banya	Banya is one of the oldest Russian traditions. It is a Russian type of sauna, a kind of steam bath. A Russian banya has a special room, where a large amount of hot steam is created with the help of water and hot air	–	Sauna (Finland)	bath	bath
Парилка	parilka	The banya's main element, which can get so hot, that it makes the Finnish sauna look wussy in comparison	–	steam-room	steam-room	steam-room
Изба	izba	Traditional Russian countryside dwelling made of logs, part of conventional Russian farmstead	–	Log-cabin (Canada)	Hut, cottage	house
Домовой	domovoy	According to ancient Slavic belief, a house spirit. It doesn't evil unless angered by family's poor keep of the household, dirty language or neglect	–	Goblin Hobgoblin	House spirit	spirit
Леший	leshny	According to ancient Slavic belief, a forest spirit which regulates and assigns prey to hunters. It enjoys misguiding humans, but it is also known to keep grazing cattle from wandering too far into the forests and getting lost	–	Satyr faun	Wood spirit	spirit
Водяной	vodyanoy	According to ancient Slavic belief, a water spirit which regulates and assigns prey to fishermen. When angered, the vodyanoy breaks dams, washes down water mills, and drowns people and animals	–	afank	Water spirit	spirit
Икона	icon	A conventional religious image typically painted on small wooden panel and used in the devotions of Eastern Christians		Holy image, Cults image, Sacred image	Religious image	image
Передвижники	peredvizhniki	A group of Russian realist artists who in protest at academic restrictions founded The Society for Travelling Art Exhibitions in 1870	The Wanderers, The Itinerants		Traveling artists	Realist artists
Народная воля	Narodnaya Volya	Was a Russian <u>left-wing, terrorist</u> organization	Peoples will	–	Terrorist organization	Terrorist organization

Наблюдения и предварительные выводы на основании изучения сводной таблицы по способам концептуализации ксенонимов-заимствований могут быть следующими:

1. В поисках аналога русскому идиониму-прототипу зачастую приходится прибегать к помощи культуронимов, закреплённых за специфическими элементами других культур и уже ассимилированных в английском языке. Например: аналог русской **бане** – *Finish Sauna*, русской **избе** – *Canadian Log Cabin*, а русскому мифологическому **лешему** – *Satyr* из древнегреческой мифологии.

2. Практически не используется концептуализация ксенонима-заимствования с помощью кальки. И это логично, так как «калькирование – это опосредованное заимствование, когда заимствуется

не материальный знак, а либо воспроизводится лексическая модель (лексическая калька) – *Old Believer*, либо на уже существующее слово распространяется под влиянием иностранного слова значение последнего (семантическая калька) – *the Hermitage*. Не случайно в англоязычной лингвистике чаще используется термин «translation loan» [2: с. 92]. Отсюда следует, что способ концептуализации ксенонима «заимствование + калька («translation loan») – это по сути «масло масляное». Исключения составляют названия организаций (**Передвижники**, **Народная Воля**), аналогов которым в Западной истории нет. В этих случаях калька берёт на себя функцию аналога, и это логично, так как аналоги зачастую заимствуются в АЯМО из

других культур (см. вывод № 1). Соответственно калька здесь – это аналог из русской культуры.

3. Зачастую при концептуализации ксенонима-прототипа с помощью родового понятия не хватает мощности и яркости. Это очень приблизительная, слабая, некачественная концептуализация. Например, и **домовой**, и **леший**, и **водяной** – это просто *spirits*.

4. Из таблицы наглядно видно, что полионим – чуть-чуть расширяет родовое понятие. Например, родовое понятие *spirits* расширяется полионимами – *house spirit, wood spirit, water spirit*.

5. Иногда трудно провести различие между аналогом, полионимом и родовым понятием. Например, что есть аналог к слову **banya** – *sauna* или *bath*? И является ли *bath* – полионимом или родовым понятием? Имеет смысл объединить эти три способа концептуализации в один и назвать его, допустим, «аналог». В качестве аналога может быть не один вариант, а несколько: **izba** – *house, hut, cottage, log cabin*.

Заключение

В настоящее время в АЯМО (РК) отмечается тенденция к стратегии остранения культуронимов способом ксенонимической реставрации. Ксенонимическая реставрация, в свою очередь, идёт по пути использования ксенонимов-заимствований, концептуализированных подключением аналога и описательного оборота. Исходя из того, что основными критериями качества передачи культуронимов в переводе являются ксенонимическая точность и

ксенонимическая обратимость, вышеописанная тенденция – наиболее качественный способ образования культуронимов. Но несмотря на процесс реставрации, вследствие которого разрыв между ксенонимами и их прототипами в исходной культуре сокращается, общей стратегии передачи культуронимов пока не хватает последовательности и целенаправленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов, Л.С. Язык и перевод. (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. – М. : Международные отношения, 1975. – 240с.
2. Кабакчи, В.В. Введение в интерлингвокультурологию : учеб. пособие / В.В. Кабакчи, Е.В. Белоглазова. – СПб. : Изд-во СПГУЭФ, 2012. – 252 с.
3. Об утверждении Положения о пребывании на территории Российской Федерации иностранных граждан – пассажиров круизных судов [Электронный ресурс] : постановление Правительства Российской Федерации № 532 от 28 августа 2003 года. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2003/09/03/kruizinostrantsy.html> (дата обращения 19 января 2015).
4. Прошина, З.Г. Предисловие к выпуску «Культурно-языковая полипарадигма» / З.Г. Прошина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2011. – № 4(32). – С. 10.
5. Ривлина, А.А. Языковой контакт в «наивном» мета-языковом отражении (на материале взаимодействия современного русского языка с английским) / А.А. Ривлина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2011. – № 4(32). – С. 85–90.
6. Эко, У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / У. Эко. – СПб. : Симпозиум, 2006. – 574 с.

ДВА ВИДЕНИЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ПРОЦЕССА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЗНАЧЕНИЙ

Цзинь Тао

Цзинь Тао – кандидат филологических наук, доцент Российского университета дружбы народов (г. Москва).

Контактный адрес: jintao-m@yandex.ru

В статье с помощью сравнительного анализа выявляется основной фактор, влияющий на различия метафорического применения моделей перемещения «покрытие расстояния» и «через/сквозь» для репрезентации непространственных отношений в русском и китайском языковом сознании. Этот фактор связан с видением последовательности процесса: в русском языковом сознании превалирует локальное видение внутри отдельного действия-события, а в китайском – глобальное, акцентирующее последовательность цепочек действий-событий.

Ключевые слова: видение мира, модели перемещения, репрезентация непространственных отношений, последовательность процесса.

Язык не разделим с культурой. Эдуард Сепир отметил, что «...язык [является] символическим руководством к пониманию культуры» [6: с. 162]. С установлением антропоцентризма в научной парадигме лингвистики перед нами открываются новые перспективы для углубления понимания культуры в целом и национальной культуры в частности. О субъективном характере языка писал В. Гумбольдт еще полтора века назад: «...вся работа по субъективному восприятию предметов воплощается в построении и применении языка. Ибо слово возникает как раз на основе этого восприятия; оно есть отпечаток не предмета самого по себе, но его образа, созданного этим предметом в нашей душе» [4: с. 80]. Конечно, в языке воплощается не только субъективное восприятие предметов, которые физически существуют в окружающем мире, а восприятие всего, что имеет значение для человека. Сегодня в изучении языка все большее внимание исследователей привлекает выявление через значения слов тех субъективных, обусловленных культурой факторов, которые, главным образом, обеспечивают формирование смысла, зачастую неосознанного, носителями языка, но само собой разумеющегося в среде единого социально-культурного пространства. Появилось множество работ, посвященных выделению ключевых слов для реконструирования ключевых идей национальной (русской) культуры [2; 3; 5]. Таким образом, язык становится руководством к пониманию культуры как мироощущения и видения мира.

В этой связи как никогда актуален сопоставительный анализ разных языков, и, по мнению автора, для изучения видения мира очень важен вопрос о выборе групп ключевых слов, по которым будет осуществлен такой анализ. Критерием отбора стал тот факт, что для языка чрезвычайно важна концептуализация пространственных отношений. Ее

значимость продиктована тем, что пространство – это та реальность, с которой и начинается познание мира человеком: объект, его местоположение и движение в пространстве являются неотъемлемой частью повседневной деятельности человека. Более того, моделирование пространственных отношений служит основой для моделирования непространственных отношений. «Пространственные отношения многообразны. Они используются для моделирования невидимых миров» [1: с. 368]. И об этом ярко свидетельствуют языковые данные. В частности, в русском языке почти все 19 глагольных приставок имеют «пространственное происхождение». Из них 15 образуют глаголы, репрезентирующие перемещение человека в пространстве – *перейти, пройти, обойти, зайти, войти, выйти, сойти, взойти, дойти, подойти, отойти, уйти, пойти, прийти, разойтись*. Сами эти глаголы имеют множество переносных значений, что опять же говорит о применении моделей пространственных отношений для фиксации восприятия более абстрактных понятий. В китайском языке аналогичную функцию также выполняет группа грамматически значимых глаголов перемещения. В древнем китайском языке существовало множество самостоятельных глаголов перемещения, но со временем произошло их разделение: некоторые потеряли свой глагольный статус и превратились в служебные слова (аналоги предлогов); другие остались глаголами, репрезентирующими движение с точки зрения его способа (ходить, плавать, бегать и т. п.). А 12 из них стали так называемыми комплементами направления, которые присоединяются к глаголам и придают значение «результативности» [7: с. 35]. Эти комплементы сами по себе являются глаголами, способными репрезентировать движение в физическом пространстве, а их переносные значения, а также значения их комбинаций с другими глаголами

ми, затрагивают далеко не только восприятие пространственных отношений.

Сходство в применении глаголов перемещения в обоих языках свидетельствует о наличии общего принципа когнитивного механизма: перемещения в физическом пространстве абстрагируются в некие модели в языковом сознании, которые применяются и для репрезентации непространственных отношений. А различие в количестве этих глаголов в обоих языках уже говорит о том, что не все возможные модели перемещения одинаково значимы для двух культур, а расхождения в возможностях репрезентации разных непространственных отношений с применением схожих, на первый взгляд, моделей перемещения также являются результатом культурной вариативности видения мира.

Сначала уточним объекты, которые мы выбрали для сравнительного анализа в рамках настоящего исследования.

Фиксаторы моделей «покрытие расстояния», «через / сквозь» и «мимо» в русском и китайском языках

В русском языке существует, по крайней мере, три отдельных глагола, которые употребляются для акцентирования траектории перемещения в физическом пространстве. Это глаголы *перейти*, *пройти*, *обойти*. В отличие от детализированного подхода к восприятию траектории, продемонстрированного русским языком, отношение к траектории перемещения в китайском языке оказывается крайне обобщенным: только один элемент 过⁴ ориентирован на траекторию перемещения. Однако среди всех грамматически значимых глаголов перемещения у 过 отмечается наиболее высокая степень грамматизации значения. Помимо значения результативности, которое придает 过 действию в качестве компонента, 过 участвует в образовании темпорально-аспектуальной системы китайского языка.

Анализируя комбинации 过 с различными глаголами, означающими способы передвижения (человека, животных или механизмов, имеющих моторно-двигательную систему), мы можем выделить следующие модели перемещения:

1) модель «покрытие расстояния» (траектория передвижения покрывает определенное расстояние, перемещение схематически может быть представлено так \curvearrowright);

2) модель «через / сквозь» (на пути перемещения существует ориентир, который имеет собственные пространственные границы и классифицируется как некая среда, траектория проложена через или сквозь него; перемещение схематически может быть представлено так $\overrightarrow{\text{---}}$);

3) модель «переход» (на пути перемещения существует ориентир, воспринимаемый как препят-

ствие; ориентир расположен перпендикулярно по отношению к направлению движения; перемещение схематически может быть представлено так $\overrightarrow{\perp}$);

4) модель «обход» (на пути перемещения существует ориентир, воспринимаемый как крупный объект, продолжение перемещения возможно только при его обходе; перемещение схематически может быть представлено так $\overrightarrow{\text{---}}\text{---}$);

5) модель «мимо» (на пути перемещения существует ориентир (объект или человек), траектория проложена «перед» ориентиром или рядом с ним; перемещение схематически может быть представлено так $\overrightarrow{\text{---}}\text{---}$).

Эти же модели перемещения, зафиксированные за 过, в схожем (но не идентичном) виде представлены русскими глаголами *перейти*, *пройти* и *обойти*, исключением является схема движения вокруг объекта, которая выделяется как отдельная модель в русском языковом сознании и фиксируется за *обойти*, но отсутствует в китайском.

Фиксатором моделей перемещения «покрытие расстояния», «через / сквозь» и «мимо» в русском языке является глагол *пройти*. Наблюдается сходство в значениях 过 (включая его комбинации с другими глаголами в качестве результативного элемента) и *пройти*, однако далеко не все значения *пройти* возможно передать с помощью 过 (в виде отдельного глагола или в виде комбинации с другими глаголами), а темпорально-аспектуальные значения 过 вообще специфичны и не имеют эквивалентов в русском языке. Иными словами, перед нами пример того, как в разной культурной среде схожие модели перемещения в физическом пространстве обладают разными возможностями для метафорической репрезентации более абстрактных понятий. В настоящей работе мы ограничимся рассмотрением вариантов применения моделей «покрытие расстояния» и «через / сквозь».

Репрезентация процессов в реальном пространстве

При применении 过 и *пройти* для репрезентации перемещения в физическом пространстве проявляются, главным образом, следующие различия:

1. При реализации перемещения по какому-то месту, в каком-нибудь направлении с намерением достичь какой-либо цели глагол *пройти* может с помощью соответствующего предлога эксплицировать и начальный пункт перемещения (ИП), и его конечный пункт (КП), а также траекторию и среду, по которой или через которую проложен путь. А 过 не имеет грамматической возможности эксплицировать ИП и КП, т.е. 过 не содержит в себе идею «оказаться в определенном месте после перемещения». Для репрезентации расстояния от какой-то точки в простран-

стве до другой требуется эксплицитная маркировка идеи «от и до». И маркировка чаще всего осуществляется с помощью счетного слова, которое подчеркивает конкретные границы объекта:

走过一条街 – буквально: ходить + 过 + один + счетное слово + улица.

Или же с помощью единиц измерения расстояния:

走过100公里的国道 буквально: ходить + 过 + сто + км + гострасса.

Речь идет о какой-то конкретной трассе, и 100 километров имеют точки начала и завершения расчета.

Следует отметить, что 过 в этих случаях не образует самостоятельного сообщения. Точный перевод этих примеров должен быть следующим: *Пройдя улицу...* и *Проехав 100 км по гострассе...*, т. е. покрытие какого-то расстояния оценивается как некий этап в процессе достижения цели, а не как само достижение цели.

过 оказывается «неспособным» для образования значения покрытия расстояния без маркированного начала и конца, подобно русским *Пройти два шага* и *Поезд прошел 100 км за час, где два шага и 100 км означают просто длину расстояния.*

2. В 过 не только не заложено представление об определенном объеме, порожденном благодаря наличию ИП и КП для *пройти*, но и отсутствует идея о «воздействии» на поверхность или среду, по которой или через / сквозь которую пролагается траектория перемещения. Соответственно у 过 нет таких значений, как «провести чем-нибудь по чему-либо с целью какой-то обработки, произвести какую-нибудь работу, действуя инструментом на известном пространстве» (*Пройти доску рубанком; Пройти граблями по грядке; Пройти картину мягкой кистью; Пройти потолок беллами*) и «продвигаясь в каком-то направлении, в толще чего-нибудь пробить (путь) или вырубить, разработать (участок какой-нибудь породы)» (*Пройти горный пласт; Метростроевцы прошли половину туннеля*). Эти значения показывают, что модели «покрытие расстояния» и «через / сквозь» в русском языковом сознании содержат идею «не пропускать ничего и последовательно пройти весь объем с начала до конца», а также идею «приложить (создать) путь в ходе перемещения благодаря усилию со стороны действующего лица».

Метафорическое применение моделей «покрытие расстояния» и «через / сквозь» в китайском языковом сознании

Отсутствие представления о ИП и КП в 过, по мнению автора, не случайное явление, а логическое следствие видения глобального процесса (в пространстве и во времени) как цепочки последовательных отрезков, при этом отрезки пути и отрезки

во времени метафорически сливаются воедино в языковом сознании. 过 указывает на прохождение одного из отрезков на фоне более глобального процесса. То, что каждый отрезок (участок пути в пространстве или какой-то период во времени) имеет свое начало и конец, задается не самим 过, а жизненным опытом человека. Такое видение последовательности глобального процесса отражается в метафоре «дорога – жизненный путь» и лежит в основе метафорического применения моделей «покрытие расстояния» и «через / сквозь» в китайском языковом сознании на всех уровнях.

Уровень первый: метафорическое применение комбинации 过 с глаголом, означающим способ движения. Выше мы уже приводили несколько примеров, когда 过 в качестве компонента к глаголу 走 (ходить) репрезентирует процесс в физическом пространстве. При метафорическом применении глагол 走 указывает уже не на конкретный способ движения, а на сложный комплекс действий и переживаний человека.

走过曲折的历程 буквально: 走过 + извилистый + служебное слово притяжательности + путь – *пройти сложный этап жизненного пути;*

走过一段坎坷 буквально: 走过 + один + счетное слово для обозначения расстояния и времени (отрезок) + ухабы, рытвины – *пройти через трудности, через жизненные испытания;*

走过不平凡岁月 буквально: 走过 + необычный, непростой + годы, время – *пройти непростые времена;*

走过风风雨雨 буквально: 走过 + ветер и дождь – *пройти невзгоды.*

Мы видим, что жизненный путь разделен в языковом сознании на отрезки, наподобие отрезков дороги, которые отмечены какими-то необычными переживаниями (чаще всего связанными с трудностями).

Метафора между жизненным путем и реальной дорогой в пространстве активизируется также в сочетании глагола 穿 (*чуань*¹ способ передвижения через / сквозь что-то) с 过:

穿过时空隧道 буквально: 穿过 + время-пространство + тоннель – *пройти сквозь время;*

穿过苦难岁月 буквально: 穿过 + горький, тяжелый + годы, время – *пройти сквозь невзгоды.*

Очевидно, время в языковом сознании метафорически локализуется не только как линия (стрела). Отрезок времени с наполняющими его событиями и переживаниями также представляется как трехмерная среда, а СКВОЗЬ нее проложен жизненный путь.

Уровень второй: применение моделей «покрытие расстояния» и «через / сквозь» для обозначения прохождения отрезка жизненного пути.

На этом уровне 过 выступает в качестве результативного элемента глаголов, которые репрезентируют способ времяпровождения. Эти комбинации уже не имеют отношения к реальному пространству, а целиком относятся к восприятию течения времени, наполненного событиями и переживаниями. Наличие множества глаголов, способных означать способ времяпровождения, само по себе говорит о том, что речь идет о нестандартном способе. В самом деле, в китайском языке только один глагол имеет возможность передать сам по себе ничем непримечательный способ времяпровождения. Глагол этот – 度 du^4 – изначально означает «мерить»: первоначально иероглиф имитирует раскинутые в стороны руки для создания меры длины [8: с. 488]. Можно констатировать, что в китайском языковом сознании просто так проводить время означает «мерить время».

И только этот глагол может быть использован в случаях, когда времяпровождение воспринимается как приятное. Все остальные глаголы указывают на то, что человек при времяпровождении испытывает разного рода трудности. Например:

挨 ai^2 – глагол означает в прямом смысле «подвергаться негативному воздействию (побоям, критике, насмешкам и т. п.)», и в значении «переживать какое-то время» глагол подчеркивает, что человек испытывает при этом большой дискомфорт из-за внешних условий (например, холод) или внутренних переживаний.

熬 ao^2 – глагол означает в прямом смысле «варить что-то долго на небольшом огне», ощущение о медленном затянутом процессе сохраняется и в значении «терпеть, переживать»: когда человеку некомфортно, течение времени может показаться очень медленным.

挺 tin^3 – глагол репрезентирует движение выпрямления части тела (шеи, спины), которое ассоциируется с ощущением проявления воли и стойкости. Благодаря этой ассоциации у глагола имеется значение «выдерживать, держаться, стерпеть».

躲 do^3 – в словаре числится только одно значение «укрываться, уклоняться». Но при сочетании с 过 активизируется потенциальная возможность данного глагола для репрезентации способа времяпровождения «проводить время, укрываясь от чего-то или кого-то».

忍 $жэнь^3$ – иероглиф состоит из двух частей: нож и сердце. Образ «принять нож в сердце» передает психическое усилие, проявленное человеком при столкновении с чем-то неприятным, тяжелым и бедственным – терпеть.

Как мы видим, эти глаголы многозначны и значение времяпровождения не является их прямым значением. В случаях с некоторыми глаголами из этой группы (например: 躲 do^3 и 忍 $жэнь^3$) значе-

ние «проводить время каким-то образом» даже не числится в их словарных статьях. Заложенное в 过 слияние восприятия прохождения отрезка пути в пространстве и прохождения отрезка времени становится основой для активизации значения (потенциального в некоторых случаях) способа времяпровождения для глаголов этой группы. При этом в качестве дополнения указывается определенный отрезок времени:

挺过严冬 буквально: 挺过 + суровая зима – *выдерживать суровую зиму*.

熬过苦日子 буквально: 熬过 + горькие дни – *пережить тяжелое время*.

При употреблении сочетания глаголов данной группы с 过 не только реализовываются пересмысленные модели «покрытие расстояния» и «через / сквозь», но также наблюдается метафорическая активизация модели «переход». Внимание при этом акцентируется не на отрезке времени, а непосредственно на том, что делает это время трудным:

度过危机 буквально: 度过 + кризис – *пережить кризис*;

熬过训练 буквально: 熬过 + тренировка – *вытерпеть тренировку*;

挺过过关 буквально: 挺过 + опасный + застава – *выдержать критический момент*.

躲过一劫 буквально: 躲过 + одна беда – *избежать беды*.

Следует отметить, что употребление сочетаний глаголов со значением способа времяпровождения с 过, по сути, опирается на ту же метафору «дорога – жизненный путь». Необычный временной отрезок, сопряженный с разного рода сложностями, так же как и сами эти сложности, рассматривается как составляющая часть жизненного пути, которая проходит или преодолевается со временем. 过 указывает не только на прохождение какого-то жизненного этапа, а также означает продолжение жизненного пути.

Уровень третий: формирование темпорально-аспектуальных значений у 过.

Многие китайские исследователи придерживаются мнения о том, что выделяются два темпорально-аспектуальных подзначения – 过₁ и 过₂. 过₁ обозначает «окончание, совершение действия», само действие может относиться и к прошлому, и к настоящему, и к будущему. 过₂ имеет значение «опыта», т.е. действие имело место в прошлом и стало «испытанным» для действующего лица, соответственно глагол + 过₂ может относиться только к прошлому [9; 11; 12]. 过₁ и 过₂ предъявляют разные требования к семантике действий, на совершение которых они указывают. Количество глаголов,

к которым может быть применено $\overline{\text{过}}_1$ меньше, чем количество глаголов, к которым может быть применено $\overline{\text{过}}_2$ (из 1032 часто употребляемых глаголов 698 может сочетаться с $\overline{\text{过}}_1$, а 958 – с $\overline{\text{过}}_2$). Кроме того, $\overline{\text{过}}_1$ не применим к прилагательным, а $\overline{\text{过}}_2$ – к большинству из них [11: с. 49]. $\overline{\text{过}}_1$ может присоединяться только к глаголам, которые репрезентируют действия, предполагающие наличие процесса его совершения, т. е. $\overline{\text{过}}_1$ не может обозначать совершение таких действий, которые реализовываются мгновенно [10: с. 109]. А $\overline{\text{过}}_2$ обозначает лишь события, которые по каким-то признакам должны быть выделены на фоне обыкновенных действий в повседневной жизни. То, что было совершено действие, которое повторяется изо дня в день (такое как есть, пить, спать), не передается с помощью $\overline{\text{过}}_2$. Применение $\overline{\text{过}}_2$ указывает на то, что с действиями должно быть связано что-то особенное, например, необычный объект, на который было направлено обычное действие (пробовать редкий деликатес или необычные напитки) или необычное обстоятельство, при котором было совершено действие. Это означает, что явно нельзя приравнивать $\overline{\text{过}}_2$ к формальному показателю прошедшего времени, им говорящий подчеркивает, что пройденные (испытанные) процессы обладают некой отличительной чертой, которая влияет на его отношение к тому, что интересует его (или его собеседника) в момент порождения речи.

Вышеизложенные семантические особенности говорят о том, что $\overline{\text{过}}$ представляет особый темпорально-аспектуальный вид, не имеющий эквивалента в русском языке. И этот особый вид, по сути, является абстракцией той же метафоры «дорога – жизненный путь»: перемещение по дороге, прохождение жизненного пути и ход времени имеет общий визуализированный ряд в нашем сознании. Дорога состоит из разных отрезков, жизненный путь представляет собой черед последовательных событий, а время для человека также наполнено расположенными по его оси событиями. И $\overline{\text{过}}_1$, и $\overline{\text{过}}_2$ возникают на фоне этого общего визуализированного ряда, их различия зависят от позиции, с которой человек рассматривает и воспринимает продолжающийся жизненный путь.

$\overline{\text{过}}_1$ и «в́идение изнутри»

Человек может позиционировать себя как действующее лицо, движущееся по жизненному пути во времени. В таком случае переживание события, в котором он принимает участие, метафорически отображается в сознании как динамический процесс прохождения отрезка дороги. Назовем такое восприятие, как «в́идение изнутри». При «в́идении изнутри» $\overline{\text{过}}$, подразумевающий перемещение от

одной точки в пространстве к другой, становится визуализатором совершения действия или события, которое и есть процесс от начальной точки во времени до другой точки – точки совершения. Таким образом, возникает темпорально-аспектуальное подзначение – $\overline{\text{过}}_1$. Особенность этого подзначения хорошо согласовывается с «в́идением изнутри».

Во-первых, «в́идение изнутри» возможно только тогда, когда действие или событие имеет «внутреннюю протяженность», т. е. должно продолжаться какое-то время. По этой причине круг глаголов, к которым может присоединиться $\overline{\text{过}}_1$, неширок. $\overline{\text{过}}_1$ не может обозначать совершение таких действий, которые реализуются мгновенно.

Во-вторых, «в́идение изнутри» само по себе не предполагает совершения действия. Причина кроется в том, что на первый план выступает именно ощущение самого перемещения к какой-то точке, а не достижение этой точки. Следовательно, глагол + $\overline{\text{过}}_1$ самостоятельно не образуют оконченого сообщения, а служат одним звеном в ряду последовательно совершаемых действий, т. е. «в́идение изнутри» предполагает одновременно еще и в́идение следующего этапа – смены на другое действие. Связь между действиями – временная последовательность.

В-третьих, «в́идение изнутри» не ограничивает себя абсолютными временными рамками. Ведь человек может мысленно перемещаться во времени и свободно поместить себя в любой процесс, который может относиться как к прошлому, так и к настоящему и будущему.

В-четвертых, «в́идение изнутри» требует, чтобы сам процесс был известен для конкретной коммуникативной ситуации, иначе помещение себя в какой-то неизвестный для собеседника процесс не может быть воспринято.

И последнее, «в́идение изнутри» предполагает обыденность действия или события, прохождение которого повторялось уже многократно, действующее лицо имеет полное представление о таком процессе, и его совершение ничем не примечательно: 我吃 $\overline{\text{过}}_1$ 就去 буквально: я + есть, кушать + $\overline{\text{过}}_1$ + и, сразу + пойти – Я пойду, как только поем.

$\overline{\text{过}}_2$ и «в́идение извне»

Человек может позиционировать себя как наблюдатель, занимающий точку во времени-пространстве «здесь и сейчас» и рассматривающий пройденный жизненный путь. При этом $\overline{\text{过}}_2$ становится маркировкой какого-то действия или события: было его прохождение, следовательно, оно занимает определенное место на жизненном пути, занимает какой-то промежуток или какую-то точку во времени в прошлом. Назовем такое восприятие «в́идение извне», и им продиктованы особенности подзначения $\overline{\text{过}}_2$.

Во-первых, «видение извне» подразумевает «оглядываться назад», т. е. воспоминание, глагол + 过₂, естественно, относится только к прошлому;

Во-вторых, «видение извне» не требует, чтобы у действия или события была внутренняя протяженность во времени. Непринципиально, занимает оно какой-то промежуток или же какую-то точку во времени в прошлом. Главная идея в том, что оно пройдено, было и оставило след в жизни. По этой причине 过₂ может употребляться не только с большинством глаголов, но и с прилагательными, которые способны обозначать состояния или переживания человека. Иными словами, 过₂ может маркировать то, что с точки зрения наблюдателя имело место в прошлом.

В-третьих, «видение извне» мотивировано. Для того чтобы наблюдатель с помощью 过₂ выхватывал какое-то совершенное когда-то действие или событие из прошлого, требуется импульс: что-то, происходящее сейчас, побудило его к воспоминанию. По этой причине отмеченное 过₂ событие является для собеседника новой информацией и имеет определенную причинно-следственную связь с тем, что происходит здесь и сейчас. Мотивированность 过₂ заключается также в том, что не все действия или события вспоминаются с его помощью: они должны чем-то выделяться из потока повседневных, часто повторяемых действий и событий. Например, когда 过₂ употребляется с глаголами, репрезентирующими обыденные и повторяющиеся действия, то сообщение состоится только тогда, когда указывается или подразумевается какой-то необычный объект, редко встречаемый для данного действия.

我吃过₂ буквально: я + есть, кушать + 过₂ – Я когда-то пробовал это (говорящий произносит эту фразу, когда речь идет о каком-то необычном продукте).

Метафорическое применение моделей «покрытие расстояния» и «через / сквозь» в русском языковом сознании

Для *пройти* в первоначальных моделях «покрытие расстояния» и «через / сквозь» репрезентации процесса в физическом пространстве заложена идея ИП и КП, а также идея о расстоянии между ними. Метафорически ИП и КП подразумевают начало и конец события во времени, а расстояние между ними – продолжительность события, т. е. *пройти* способен задать временные рамки для события. И мы видим, что модели «покрытие расстояния» и «через / сквозь» в русском языковом сознании применяются для репрезентации хода инициированного человеком события. При этом, кроме фактических факторов, таких как место и время прохождения события, естественной дополнительной информацией в высказывании становится

оценка процесса: *пройти гладко, отлично, оживленно, быстро, безболезненно, классно, успешно, эффективно, эмоционально, шумно, весело, живо, мило, тайно, в атмосфере..., в обстановке..., под знаком..., в каком-то стиле, с успехом, без восторгов, незамеченной для кого-то...* и т.п.

Языковые данные показывают, что при применении *пройти* для репрезентации хода подобного события наблюдается склонность к тому, чтобы ход события воспринимался как удачливый, успешный. Думается, что такое тяготение к пониманию успешности обусловлено тем, что совершенные движения с достижением КП само по себе подразумевает успешность. А в некоторых случаях идея об успешности и вовсе выступает на первый план: речь идет уже не о продлении какого-то события во времени, а о прохождении каких-то испытаний, трудностей или о контроле: *Дело прошло; Этот номер не пройдет.*

Представление о прохождении как о выдерживании каких-то испытаний или контроле не чуждо и для 过. Но в китайском варианте оно связано не с траекторией как таковой, а с наличием объекта-ориентира на пути. Объект-ориентир, подобно заставе на пути, является препятствием, прохождение через него метафорически указывает на преодоление трудностей, выдерживание испытаний. А в случае *пройти* вся траектория может быть представлена как путь для достижения цели, прохождения испытания и преодоления трудностей. И это не случайное отличие. Анализ репрезентации процессов в физическом пространстве уже выявил, что *пройти* содержит в себе видение о приложении траектории от ИП до КП, т. е. траектория создается в ходе движения. При таком видении весь процесс прохождения логично воспринимается как процесс проявления воли и преодоления трудностей.

Если рассматривать другие переносные значения *пройти* с точки зрения того, какие корреляции существуют между пространственными отношениями и непространственными, то нетрудно заметить, что в основном эти значения объединяются общей идеей о прохождении как о процессе выдерживания испытания. Различие этих значений зависит лишь от конкретной характеристики того или иного процесса:

1) процесс прохождения может быть отнесен к некому периоду на жизненном пути, имеющему начало и конец во времени и предполагающему выполнение человеком определенной социальной роли. С одной стороны, прохождение требует со стороны человека приложения усилия для выполнения обязательств или задач, с другой стороны, придает человеку опыт и знания.

На то он и прошел школу в Грозном – поживешь там, не такому научишься (Елена и Валерий Гордеевы. Не все мы умрем. 2002);

2) процесс прохождения воспринимается как состоящий из нескольких этапов (стадий, инстанций). И, как правило, каждый последующий этап предъявляет более высокие требования к движущемуся объекту.

Наша компания прошла через несколько этапов своего роста (Юрий Пургин. В поисках эффективного управления. 2002).

Ее недоумение быстро прошло через несколько аналитических стадий, и когда она догадалась, в чем дело, то на лице ее появилось очаровательное выражение поддельной иронической резиньки – ну что это, право, не знаю уж, чего теперь от вас и ждать (Геннадий Барабтарло. Окно с видом на комнату // Звезда. 2001);

3) процесс прохождения воспринимается как проложение пути через испытания, проверку, контроль.

Все прошли через Комиссию по новой медицинской технике при Минздраве РФ (Средство против боли // Вечерняя Москва. 2002.04.11).

Опытные образцы такой подсистемы успешно прошли испытания (Ф.М. Митенков. Судовая ядерная энергетика // Вестник РАН. 2003);

4) внимание сконцентрировано на КП, как месте прибытия после прохождения через испытания, отбор или контроль. Чаще всего в этом случае КП метафорически указывает на круг людей с определенными компетенциями или квалификациями.

Известно было, кто прошёл в отличники, кто оставлен на второй год (Людмила Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света (Казус Кукоцкого).

Как мы видим, при реализации общей идеи о прохождении как о процессе выдерживания испытания внимание может быть сфокусировано на разных составляющих процесса прохождения. Для значения 1) важна метафорическая трансформация всех составляющих компонентов: представление о ИП и КП трансформируется в понимание начала и конца во времени, а представление о траектории с достижением КП связано с представлением об успешном выполнении обязательств и задач. Для 4) на первый план выступает метафорическая трансформация представления о КП как о некоем коллективе из подобранных по какому-то признаку людей, одновременно присутствует понимание траектории с достижением КП как процесса выдерживания испытания. Для значений 2) и 3) внимание в основном акцентировано только на характеристике самой траектории: она может быть рассмотрена как процесс, состоящий из нескольких этапов или как неразрывный процесс.

Заключение

Наш анализ показывает, что метафорическое применение моделей «покрытие расстояния» и «через/сквозь» в русском и китайском языковом

сознании следует собственной внутренней логике. Различия в возможностях репрезентации тех или иных отношений с помощью *过* и *пройти*, включая пространственные и непространственные, в сущности, являются логическим следствием одного ключевого фактора. Для русского языкового сознания в первоначальной модели «покрытие расстояния» и модели «через/сквозь» (ее активной вариации, когда объект движется через/сквозь среду в одном направлении со временем) включены представления об ИП и КП, а для китайского – представления об ИП и КП не включены. От наличия КП зависит понимание процесса движения как процесса достижения конечной цели. В этом свете процесс движения становится процессом преодоления возможных препятствий, соответственно, на первый план выступает ощущение выдерживания испытаний, а также становится естественным понимание того, что путь к цели может не быть готовым, его надо проложить и создать по мере продвижения к цели. Наличие ИП и КП задает границы, определяет длину пути и в метафорическом плане порождает понимание определенной продолжительности во времени, когда речь идет о ходе событий, или же определенного объема, когда речь идет о взаимодействии с объектом. При этом существует понимание внутренней последовательности, т. е. траектория от ИП до КП может состоять из множества следующих друг за другом участков (этапов, стадий).

Для китайского языкового сознания понимание последовательности тоже чрезвычайно важно, но оно относится, прежде всего, не к внутренней последовательности отдельного действия или события, а к последовательности как цепочки действий и событий в целом. Очень существенную роль играет метафора «дорога – жизненный путь», т. е. глобальное представление о течении времени как цепочки следующих друг за другом временных промежутков, заполненной действиями или событиями. На этом фоне в модели «покрытие расстояния» и модели «через/сквозь» ИП и КП не зафиксированы, следовательно, не порождается понимание процесса прохождения как процесса достижения конечной цели, траектория понимается как уже существующая, а не создаваемая.

Итак, перед нами два видения последовательности процесса: локальное, акцентирующее последовательность процесса внутри отдельного действия-события; глобальное, акцентирующее последовательность цепочки действий-событий, которые составляют жизненный путь человека. Локальное видение последовательности процесса порождает метафорические сдвиги «определенное расстояние → определенная продолжительность во времени → определенный объем», «достижение КП в про-

странстве → достижение цели (ощущение успешности)», а также корреляцию между «прохождением» и ощущением выдерживания испытания. На фоне глобального видения последовательности процесса «прохождение» рассматривается как движение по подготовленному (жизнь, судьба) пути, за окончанием одного отрезка последует следующий. Для прохождения тяжелого этапа на этом пути требуется проявление со стороны человека терпения, выдержки или просто везения, а пройденные действия-события с определенным признаком, актуальным в момент высказывания, оцениваются как составляющие части цепочки действий-событий (в памяти остаются чем-то значимые действия-события).

Следует отметить, что оба видения присутствуют в русской и китайской культуре, подтверждение тому можно найти и на уровне лексики, и на уровне высказываний. Наш анализ пары *过* и *пройти* лишь показывает, что при формировании пространственных моделей «покрытие расстояния» и «через / сквозь» и их метафорическом применении в китайском языковом сознании превалирует глобальное видение процесса, а в русском – локальное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Два эскиза к «геометрии» Достоевского / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Язык пространств ; отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 368–384.
2. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М. : Языки русской культуры, 2001. – 288 с.
3. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
4. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 2000. – 400 с.
5. Зализняк, А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
6. Sapir, E. Selected Writings in Language, Culture and Personality / E. Sapir. – Berkeley: University of California Press, 1949. – 318 p.
7. 马云霞 汉语路径动词的演变与位移事件的表达. 北京 : 中央民族大学出版社, 2008. 8,625 印张. (Ма, Юйся. Эволюция глаголов перемещения в китайском языке и репрезентация перемещения / Ма Юйся. Пекин. – Изд-во Центрального ун-а народов, 2008. – 8,625 п.л. – На кит. яз.).
8. 汉字源流词典/谷衍奎编. 北京: 华夏出版社, 2003. 29,5印张. (Этимологический словарь китайских иероглифов / под ред. Гу Янькуй. – Пекин : Хуасяй, 2003. – 29,5 п.л. – На кит. яз.).
9. 孔令达 关于动态助词“过₁”和“过₂”//安徽师大学报(哲学社会科学版). 1986. № 4. 115–116 页. (Кун, Линда. О вспомогательных глаголах «过₁» и «过₂» / Кун Линда // Философия и гуманитарные науки : вестник Аньхуэйского ун-та. – 1986. – № 4. – С. 115–116. – На кит. яз.).
10. 孔令达 动态助词“过”和动词的类 // 安徽师大学报(哲学社会科学版). 1985. № 3. 104–120页 (Кун, Линда. Вспомогательный глагол «过» и типы глаголов / Кун Линда // Философия и гуманитарные науки : вестник Аньхуэйского ун-та. – 1985. – № 3. – С. 104–120. – На кит. яз.).
11. 张晓铃 试论“过”与“了”的关系 // 语文教学与研究. 1986. № 1. 48–57页. (Чжан, Сяолин. К вопросу связи между «过» и «了» / Чжан Сяолин // Обучение и исследование филологии. – 1986. – № 1. – С. 48–57. – На кит. яз.).
12. 刘月华 动态助词“过₂ 过₁ 了₁”用法比较 // 语文研究. 1988. № 1. 6–18页. (Лю, Юехуа. Сравнительный анализ вспомогательных глаголов «过₁, 过₂, 了₁» / Лю Юехуа // Исследование филологии. – 1988. – № 1. – С. 6–18. – На кит. яз.).

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

РУССКОЯЗЫЧИЕ КАК АКТУАЛЬНАЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРОБЛЕМА

У.М. Бахтикиреева

Бахтикиреева Улданай Максutowна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов (г. Москва).

Контактный адрес: uldanai@mail.ru

Статья посвящена описанию методологических затруднений при лингвокультурологическом исследовании русскоязычного художественного текста этнически нерусского автора. Несмотря на активные лингвистические изыскания в этом направлении постсоветские исследователи продолжают рассматривать этот феномен в рамках устоявшегося понятия «художественный (литературный) билингвизм». О необходимости обращения к таким понятиям, как транслингвизм (русскоязычие), транскulturация говорится в этой статье.

Ключевые слова: русскоязычие, транслингвизм, билингвизм, билингв, этнически нерусский автор, транскulturация.

– Ты русский, –
Утверждают знающие меня немцы.
– Ты – немец, – внушают мне знакомые русские.
– Я – никто, – говорю я на всякий случай.
И под циклопическими сводами пещеры
Летучие мыши эха
Испуганно вопрошают
– Кто?.. Кто?.. Кто?..

Александр Шмидт «Пещера»

Мужчина откашлялся и с сильным акцентом, но по-русски спросил: «А почему *ви* пишете не на родном языке? Как это можно? Ведь язык – дом мысли, как сказал Хайдеггер, и писать надо на языке предков. Какой же *ви* писатель, кхе-кхе, если и не знаете родного языка...»

Дина Дамиан.

Роман в новеллах «В вашем мире я прохожий».

И. В современном русском языкознании проблема *русскоязычия* как коллективного¹ коммуникативного, так и индивидуального творческого (художественного/ литературного транслингвизма) недостаточно исследована. В зарубежной лингвистике, в частности – английском языкознании заметно активизировался научный интерес к так называемой «контактной литературе»² [13; 16]. При-

чем автор термина «контактная литература» – американский лингвист индийского происхождения Бадж Б. Качру, рассматривает ее как один из

Thumboo, 2006). В настоящее время используется преимущественно по отношению к национальной (индийской, сингапурской, филиппинской и др.) литературе на английском языке, но может также относиться к литературе на других языках (например, афро-американская литература). Данный вид межкультурного творчества подвергается критике в связи с тем, что в нем видят предательство по отношению к родному языку и родной культуре; считают, что использование второго языка в полной мере не отражает все нюансы передачи родной культуры, что авторы-билингвы способствуют англизации /американизации своей культуры, творят в угоду лишь иностранному читателю. С другой стороны, бикультурная литература – своеобразное явление литературного мира, утверждающее свои собственные каноны (Braj Kachru, 2005) и отмеченное многими престижными премиями, включая Нобелевскую (например, Wole Soyinka, Нигерия и др.), Букеровскую (Salman Rushdie, Индия, Великобритания и др.). Термин «контактная литература» иногда критикуется из-за его колониальных ассоциаций. Также национальная литература на английском, французском или другом языке» [10: с. 186].

¹ Под этим понятием имеется в виду то немалое число нерусских билингвов на постсоветской территории, у которых в подавляющем большинстве сфер использования языка доминирует русский, а не этнический язык. По данным Вяч. Вс. Иванова, общее число говорящих на русском языке в мире составляет примерно 277 млн чел., из них около 167 млн употребляют его как первый [12]. Примерно 110 млн чел. – билингвы, т.е. этнически нерусские.

² Согласно «Словарю терминов межкультурной коммуникации», «контактная литература / кросс-культурная литература – термин индийско-американского социолнгвиста Баджа Качру (Braj Kachru, 1986) – Художественная литература, созданная на втором (неродном) языке, характеризующаяся симбиозом двух культур и литературных традиций (Edwin

результатов языковых контактов: «...**Языковые изменения в результате контакта языков** не ограничиваются грамматикой, лексикой, стилем и дискурсом. Они выходят за пределы данных уровней системы языка и **затрагивают литературное творчество представителей разных культур**» (выделено автором. – У.Б.) [13: с. 155].

В русистике принято считать, что **в условиях языкового контакта речь может идти лишь о коллективном билингвизме** (позиция авторитетного лингвиста, академика Б.А. Серебренникова). Одним из подтверждений этой позиции является отсутствие в известных отечественных бумажных и электронных ресурсах указания на то, что в результате языковых контактов рождается особый тип литературы, созданной писателями на приобретенном (не этническом) языке [10: с. 25–27]. В определенной степени недостаточная изученность обусловлена теми положениями, которые были сформулированы в социолингвистике (как разделе языкознания) советского периода в отношении русского и других национальных языков СССР [6; 8; 9]. И в самом деле, сложность, неоднозначность, противоречивость провозглашенных тезисов в период советского языкознания до сих пор остается камнем преткновения для исследователей. Опыт языковой политики и языкового строительства советского общества имел свои особенности. Сугубо идеологический тезис *о равноправии всех наций и языков*, тесно связанный с марксистским положением о *«расцвете и сближении наций»*; тезис *о русском как «втором родном»* (о «двух родных языках»), отнюдь не гарантировавший равновесный билингвизм; тезис *о разделении функций между русским и национальными языками*; тезис *о гармоничном и паритетном двуязычии в советском обществе*, априори не имевший выхода в практику повседневной жизни, были своего рода симулякрами³ советской языковой идеологии и языковой политики.

Наряду с этими идеологемами языкового строительства, существовали и другие, внедрявшиеся в практическую жизнь советского общества [1; 6; 8; 9]. Таким образом, основным содержанием языковой политики советского государства являлась гомогенизация общества. Государственным *de facto* становится русский язык: «...Поворот языковой политики в СССР был неизбежен, хотя он проводился жесткими методами, обычными для страны в то время. <...> При этом формально русский язык в

рамках всей страны не именовался государственным: помнили высказанную в иных исторических условиях точку зрения В.И. Ленина» [1: с. 17–18].

Периоду советской идеологии, политики и строительства в языковой сфере предшествовала языковая идеология и языковая политика Российской империи: «...Пожалуй, самой жесткой политикой в отношении многих языков меньшинств была в России, особенно в, казалось бы, либеральное царствование Александра II: например, в 1876–1905 гг. была запрещена публикация всякой литературы на украинском языке, польский язык изгоняется из учебных заведений и из любой официальной сферы. При этом в России (в отличие от Великобритании и Франции) жесткая политика совмещалась с большим количеством носителей языков меньшинств и для многих – с развитым национальным самосознанием» [2: 13].

В определенной мере «развитое национальное самосознание» «размывалось» в процессе смены графики, обуславливая так называемый «графический шок». Неслучайно современные лингвисты подвергают переосмыслению этот сегмент советского языкового строительства: «То бедственное положение, в котором оказались многие национальные языки СССР после стольких лет декларируемого благополучия и процветания, заставляет возвращаться к страницам истории, чтобы докопаться до первичных причин, вызвавших сегодняшнюю ситуацию, когда понадобилось принимать реанимационные меры. <...>. Представляется актуальной попытка воспроизвести истинную ситуацию с языком и заменами алфавита соответствующего периода для того, чтобы объективно оценить причины и последствия. По мнению автора, совершенно неправильно рисовать только черными красками отказ многих народов от арабского алфавита, а тем более – давать сугубо положительную оценку принятию русской графической системы» [8].

Кириллица – «русская графическая система», метод шапирографии, отмеченные выше тезисы-идеологеми заметно повлияли на диахроническую и синхроническую оси языковых систем национальных меньшинств. Не менее мощное влияние процессы языкового строительства оказали на языковое сознание этнически нерусских народов. Появления этнически нерусских билингвов, получавших образование на русском языке, стало закономерным следствием этих процессов. При этом само собой разумелось, что они владеют обоими языками в равной степени: симулякр «о двух родных языках» прочно укрепился в социолингвистике советского

³ «Симулякр» здесь понимается как характеристика, наряду с образами-копиями вещей, таких образов, которые далеки от подобия вещам и выражают фантазмы, химеры, фантомы, призраки, бред.

периода⁴. Подвергать сомнению паритетный (равновесный) билингвизм было «не модно» и не безопасно, хотя два языка в речевой культуре большинства образованных билингвов были неравновесные, диглосно-билингвальные отношения складывались в пользу русского языка. Асимметричное языковое контактирование ограничивало социальную нагрузку этнического языка, как следствие уменьшалось число компонентов системы его функций. Изменение социально-функциональной значимости языка в количественном отношении служило критерием неравнозначности взаимодействующих языков в качественном отношении. В этих обстоятельствах основные функции (этнического) языка: функция общения (коммуникативная), функция выражения мысли (экспрессивная), функция накопления общественного опыта (аккумулятивная) не выполнялись в полной мере.

Процесс нативизации (доминирования русского языка) коснулся нескольких поколений этнически нерусских граждан. Мотивационные предпочтения при выборе русского языка объяснимы, несмотря на конфликт между этнической и языковой идентичностями. Многие из этих образованных людей становились преимущественно транслингвами – русскоязычными, не владеющими письмом и говорением на этническом языке в той же степени, что и на русском. В условиях формирования новой идентичности – «советский человек» нередко были случаи «этнической размытости». Развивался семилингвизм. Люди, рожденные в межэтнических браках, отдавали свое предпочтение русскому языку, что также легко объяс-

нимо. Практически гибридизация на советский лад проходила достаточно успешно⁵.

Что касается индивидуального творческого (художественного) транслингвизма, то в советский период, как известно, мощно развивался и культивировался повсеместно тезис о «многонациональной советской литературе, русскоязычной национальной литературе, ускоренном развитии младописьменных литератур». Устоявшееся в это время понимание творчества этнически нерусского, но русскоязычного писателя обусловило их определение, в основном, как писателей-билингвов и в литературоведении, и лингвистике. Это вполне справедливо в отношении двух не равнодействующих языков в языковом сознании языковой личности писателя, но не совсем корректно в плане творческого выражения. Творчество на приобретенном языке (русском) и авторизованный или авторский перевод с этнического языка на русский суть не одно и то же.

С уходом в историю «советской общности» исчез и феномен «многонациональная советская литература». Почувствовавшие эти изменения исследователи русскоязычных текстов нерусских авторов и шире – *русскоязычной национальной литературы*, подвергали научной рефлексии этот уникальный феномен [2; 4; 7; 11; 14; 15; 20; 23; 24 и др.]. Попытки ответить на вопрос, как создается в исследуемом типе текстов особая национальная картина мира в «языковой оболочке» иной культуры, можно расценивать, как желание лингвистов разобраться и с собственным осмыслением своего бытия в эпоху «кризиса идентичностей».

Призывая изучать русскоязычные тексты нерусских авторов, ученые указывали на «**ту самую иллюзию «нерусского» видения мира в одежде русского слова**», на «типы образных ассоциаций – механизмы самых интимных, подсознательных психических реакций». Именно «они несут в себе доведённую до рефлекса родовую память этноса: они порождены условиями жизни – природой, бытом, трудом, нравами и теми ценностными представлениями, которые сложились за многие века. Это самые мельчайшие архетипы национального сознания» [15: 38].

II. Появление лингвистических исследований «пограничной» («контактной») литературы, свидетельствуют о том, что дисциплины, относимые к антропоцентрической парадигме современной науки о языке, позволяют рассматривать феномен

⁴ «Русский язык с успехом выполнял, выражаясь бюрократическим языком, возложенные на него обязанности и функции, что способствовало его широкому распространению за пределами исконного русскоязычного пространства СССР. Достойно сожаления, что в советское время ни руководство страны, ни социолингвисты глубоко не входили в языковые отношения и проблемы многоязычного государства, – скорее наоборот, она почти не опускалась с директивно-пропагандистского уровня. Отсюда главная ошибка советской социолингвистики, которая почти как заклинание бесчисленно раз повторяла клише "об окончательном решении этноязыковых проблем в СССР" [2]. А раз так, то и не имеет смысла глубоко "копаться" в реальности языковой жизни общества. Такая позиция привела в конечном счете к тому, что русский язык в значительной степени закрыл собою перспективу для других языков, что проявлялось в недостаточном внимании к ним или игнорировании их в тех или иных сферах жизни. "Прорыв" этой болезни проявился в так называемую "перестройку" второй половины 80-х – начала 90-х гг., которая не только не решила назревшие проблемы языковой жизни СССР, но и разрушила саму страну, принеся этим неисчислимые страдания миллионам людей» [9: с. 7].

⁵ Здесь мы опускаем объяснения о закономерности доминирования одного (государственного) языка в едином многонациональном государстве; о закономерности подчинения языку метрополии и объективно вынужденном асимметричном двуязычии, если какой-то народ в историческом процессе не смог самостоятельно отстоять свою независимость [5; 7].

творческой деятельности на ином языке с разных позиций. Вместе с тем, мы вынуждены признать, что исследователи таких текстов сталкиваются с методологическими трудностями. Обратимся к лингвокультурологическим установкам:

- «Культура живёт и развивается в "языковой оболочке"», поэтому особой областью исследований является «лингвокультурологический анализ текстов, которые как раз и являются подлинными хранителями культуры» [17: с. 63].

- «Текст становится предельно определенным, только если он будет рассматриваться в системе культуры, которой принадлежит» [18: с. 8].

Эти установки (в лингвокультурологии) с методологической точки зрения уязвимы. Очевидно, что в рамках методов и моделей отдельно взятой дисциплины или науки невозможно объяснить феномен таких текстов.

Обращение к работам исследователей – литературоведов убеждает в этом. Они также находятся в поисках надежных методологических установок при описании исследуемого объекта, включая попытки преодолеть «сопротивление материала» и найти адекватный термин для определения феномена творческого русско-инонационального двуязычия и транслингвизма/русскоязычия. Так, например, в своей докторской диссертации, посвященной содержательному описанию российско-немецкого художественного билингвизма, Е.И. Зейферт относит к *русскоязычным авторам* этнически нерусских поэтов и писателей, пишущих на двух или одном – русском языке, справедливо ссылаясь на тот факт, что феномен русскоязычных авторов не вполне осознанное научной мыслью явление. Сложность определения их контингента обусловлена *неоднозначностью их этнической идентификации*, поэтому вызывает разночтения сам термин «русскоязычные писатели». Русскоязычными являются и этнически русские, и нерусские писатели. Громоздкое определение «русскоязычный национальный писатель», как и определение «билингвальный писатель», также не совсем адекватно. Многие этнически нерусские авторы использовали в своей творческой деятельности только русский язык [11].

Более продуктивным, по мнению автора, является подход в докторском исследовании А.В. Подобрый. По ее мнению, язык, на котором написан текст, это базовое понятие, а культуры, на которые язык ориентирован – видовое. «...Понятие "русскоязычная литература" более широкое, оно включает в себя все инокультурные литературные ветви на русском языке. Поэтому она считает непродуктивным обращаться, например, к таким определениям, как "абхазо-русская литература, киргизо-русская и пр.", а берет за основу понятие "русскоязычная литература", "русскоязычный пи-

сатель"...». «Фактически подобное обозначение становится синонимом таких понятий, как "поликультурная литература", "пограничная литература", "билингволитература"» [19: с. 67].

Значительный вклад в понимание феномена русскоязычного текста вносят труды известного исследователя русскоязычной осетинской литературы И.С. Хугаева. Выявляя критерии такой литературы, ученый справедливо замечает: «...Даже те исследователи, которые официально стоят в оппозиции этой категории ("русскоязычие", "транслингвизм"), на деле вынуждены пользоваться ею, – ибо в противном случае они попадают (что прекрасно чувствуют сами, но предпочитают сомнительную последовательность исследованию собственных сомнений) в капканы стилистических и синтаксических тавтологий. Нередко, ссылаясь на Бродского, они говорят о "диктате языка"» [24: с. 4–5].

По И.С. Хугаеву, **национальная транслингвальная литература существует как таковая до тех пор, пока есть национальная литература на родном языке или хотя бы родной язык** (т.е., логика такова: наличие *транс-лингвизма* предполагает, как минимум, наличие некоего лингвизма; если нет лингвизма, – понятие «транслингвизм» теряет всякое реальное содержание) [23; 24]. В этом свете особый интерес приобретает **русскоязычная литература представителей малочисленных народов России, языки которых находятся на грани вымирания**. О языках этих народов см. подробнее недавно вышедшую монографию А.Л. Арефьева «Языки коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока в системе образования: история и современность» [3].

Труды И.С. Хугаева [23; 24] расширяют терминологический аппарат феномена русскоязычной (не русской) литературы, способствуют более глубокому пониманию феномена русскоязычия и национальной русскоязычной (транслингвальной) литературы. Некоторые методологические установки ценны возможностью их экстраполяции. Обогащенные онтологией иного ареала, они способны повысить эффективность лингвистических исследований, посвященных так называемых «ничейным» русскоязычным текстам.

Все вышесказанное касается текстов авторов, этническая принадлежность которых очевидна. Особого внимания заслуживают русскоязычные художественные тексты авторов без «маркированной этничности», которых нельзя считать «русскими по умолчанию» [21: с. 362].

Перспективной в этом направлении являются труды российского ученого и писателя – М.В. Глостановой, исследующей, в частности, постсоветскую литературу и эстетику транскulturации [20]. Отстаивая в разных работах эффективность транс-

дисциплинарного подхода, она подчеркивает, что в идеале такой подход «приведет к общенаучной систематизации дисциплинарных знаний, которые окажутся готовыми к совместному использованию в решении глобальных комплексных задач – как научных, так и практических. <...> В тандеме транскультурности и меж- и трансдисциплинарности заложена важная особенность переходных процессов современного знания. <...> Сегодня актуализируется подход, основанный на отказе от объект-субъектности и фокусировке на различных решениях той или иной проблемы, рассматриваемой с позиций разных дисциплин и разных ученых, для чьей жизни, как правило, носит не отвлеченно умозрительный характер, а является актуальной. <...> По сути, в транскультурных исследованиях идет разработка комплексного критического научного подхода к трактовке гуманитарных аспектов постнационального мира» [22: с. 92].

Транскультурация, по М.В. Тлостановой, основывается на динамическом **многообразии не этнокультурном, но эпистемологическом**, и предполагает новое осмысление явлений границ, миграций, полилингвильности, культурного многообразия и актуальных понятий транснациональных языков, дискурсов и традиций, вышедших на первый план в современных культурных процессах. Представляя особый тип пограничного мышления и сознания, **транскультурация не размывает различий между культурами, но привлекает к нему внимание, основывает на нем творческий игровой процесс смыслозидания. Это «...новый способ языкового мышления, порождающий новые отношения между языками и культурами, новое понимание перевода как коммуникации и новые субъектно-объектные и логические связи. В этом смысле она сознательно конституирует себя в противовес предшествующей эпистеме»** [22: с. 25].

III. Дальнейшие лингвистические исследования творчества на языке иной культуры, в том числе на русском языке, требуют новых подходов, новой логики, нового осмысления и описания. И это научная проблема, которая пока остается открытой в отечественной лингвистике, но чрезвычайно ценна для дисциплин, принятых относить к антропоцентрической парадигме современного языкознания: лингвокультурология, психо-(этнопсихо)-лингвистика, когнитивная лингвистика, этнолингвистика, межкультурная коммуникация, политическая лингвистика. В отдельности, в системе узконаправленных координат конкретной дисциплины ни одна из них не способна решить головоломки, которые им предъявляются «транслингвальными» текстами. Мультидисциплинарный подход (а в перспективе – трансдисциплинарный) становится методологи-

ческой основой. На современном этапе развития лингвистической науки он позволяет исследовать сложные комплексные проблемы одновременно на нескольких уровнях, поскольку представляет собой принцип организации знания, основанный на взаимодействии дисциплин при решении проблемы и существенно расширить фактическую полноту знания, его аккумуляцию – накопление.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алпатов, В.М.* Языковая политика в России и мире / В.М. Алпатов // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире : междунар. конф. (Москва, 16–19 сентября 2014 г.) (доклады и сообщения ИЯ РАН, НИЦ по национально-языковым отношениям). – М. : ТЕЗАУРУС – Языки Народов Мира. – 2014. – С. 11–24.
2. *Амалбекова, М.Б.* Феномен билингвальной личности публициста (лингвокогнитивный и сопоставительный аспекты) : автореф. дис. ... д-р филол. наук / М.Б. Амалбекова. – Астана, 2010. – 40 с.
3. *Арефьев, А.Л.* Языки коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока в системе образования: история и современность / А.Л. Арефьев. – М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014. – 488 с.
4. *Ауэзов, М.М.* Иппокрена. Хождение к колодецу времен / М.М. Ауэзов. – Алматы : Жибек жолы, 1997. – 170 с.
5. *Бахтикиреева У.М.* Русский – полинациональный язык? / У.М. Бахтикиреева // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2014. – № 2. – С. 16–30. – (Серия «Лингвистика»).
6. *Бахтикиреева, У.М.* Теория билингвизма в русском языкознании / У.М. Бахтикиреева // Лингвистика XXI в. : сб. науч. ст. к 65-летию юбилею проф. В.А. Масловой. – М. : Флинта: Наука, 2013. – Вып. 3. – С. 44–55. – (Серия «Концептуальный и лингвальный мир»).
7. *Бахтикиреева, У.М.* Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва : дисс. ... д-ра филол. наук / У.М. Бахтикиреева. – М., 2005. – 387 с.
8. *Выдрин, А.* Языковая политика в Узбекистане. Фитрат, Поливанов, Сталин и другие... [Электронный ресурс] / А. Выдрин. – Режим доступа: <http://www.fergananews.com/zvezda/vydrin.html> (дата обращения 04.01.2014).
9. *Дуличенко, А.Д.* Русский язык: от века XX к веку XXI... / А.Д. Дуличенко // Международный научный журнал «Филологические науки (Научные доклады высшей школы)». – 2013. – № 1. – С. 3–11.
10. *Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова [и др.] ; под ред. М.Г. Лебедко и З.Г. Прошиной. – М. : Флинта; Наука, 2013. – 632 с.*
11. *Зейферт, Е.И.* Жанровые процессы в поэзии российских немцев второй половины XX – начала XXI вв. : дис. ... д-ра филол. наук / Е.И. Зейферт. – М. : 2008. – 491 с.
12. *Иванов, Вяч.В.* Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. II (главы 11–21) / Вяч.В. Иванов. – М., 2004. – 208 с.
13. *Качру, Б.Б.* Мировые варианты английского языка: агония и экстаз : пер. Т.А. Иванковой / Б.Б. Качру // Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук. – М., 2012. – Т. XIV. – Вып. 4. – № 75–76. – С. 145–165.

14. Кремер, Е.Н. Художественный билингвизм и транслингвизм (Библиографический обзор) / Е.Н. Кремер // Гуманитарные исследования. – 2014. – № 1(49). – С. 61–67.
15. Лейдерман, Н.Л. Русскоязычная литература – перекресток культур / Н.Л. Лейдерман // Взаимодействие национальных художественных культур: литература и лингвистика (проблемы изучения и обучения) : материалы XIII науч.-практ. конф. словесников (Екатеринбург, 23–24 октября 2007 г.). – Екатеринбург : Словесник, 2007. – С. 38–49.
16. Малкольм, Я.Д. Репрезентация взаимодействия в устных рассказах аборигенов : пер. А.А. Ривлиной / Я.Д. Малкольм // Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук. – М., 2012. – Т. XIV. – Вып. 4. – № 75–76. – С. 165–179.
17. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
18. Мурзин, Л.Н. О лингвокультурологии, её содержании и методах / Л.Н. Мурзин // Русская разговорная речь как явление городской культуры ; под ред. Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург : АРГО, 1996. – 193 с.
19. Подобрий, А.В. Межкультурный диалог в русской малой прозе 20-х годов XX века : дис... д-ра филол. наук / А.В. Подобрий. – М. : 2010. – 303 с.
20. Тлостанова, М.В. Жить никогда, писать ниоткуда. Постсоветская литература и эстетика транскulturации / М.В. Тлостанова. – М., 2004. – 360 с.
21. Тлостанова, М.В. Залумма Агра : роман / М.В. Тлостанова. – М. : Спутник+, 2011. – 403 с.
22. Тлостанова, М.В. Транскulturные исследования. Демаркация новой дисциплинарной области и будущее гуманитарного знания / М.В. Тлостанова // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2012. – № 1. – С. 91–102. – (Серия «Философия»).
23. Хугаев, И.С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы / И.С. Хугаев. – Владикавказ : Ир, 2008. – 559 с.
24. Хугаев, И.С. О границах и критериях национальной транслингвальной литературы / И.С. Хугаев // Вестник Владикавказского научного центра. – 2013. – Т. 13. – № 1. – С. 2–6.
25. Словарь социолингвистических терминов / под ред. В.Ю. Михальченко. – М., 2006. – 312 с.
26. Словарь социолингвистических терминов / Э.Д. Сулейменова [и др.]. – Алматы : Казак универ-ті, 2007. – 330 с.
27. Студопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://studopedia.net/6_38003_yazikovie-kontakti-i-smeshenie-yazikov.html (дата обращения 19.12.2014).

ТРИ АМЕРИКАНСКИЕ ВАРИАЦИИ «ДАМЫ С СОБАЧКОЙ»

Е.М. Бутенина

Бутенина Евгения Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: butenina.em@dvfu.ru

В XX в. североамериканская малая проза, как и европейская, развивалась под знаком Чехова. При этом с конца прошлого века зарубежный диалог с русским классиком нередко принимает форму модернизации претекста. В статье анализируются три американские вариации «Дамы с собачкой» и особенности их взаимодействия с рассказом Чехова.

Ключевые слова: А.П. Чехов, «Дама с собачкой», модернизация, Джойс Кэрол Оутс, Бэт Лордан, Дэвид Минз.

Значимость жанров рассказа и новеллы для американской эстетики восходит еще к сформулированному Эдгаром По принципу целостности восприятия литературного произведения. В XX в. североамериканская малая проза, как и европейская, развивалась под знаком Чехова. Один из ведущих гарвардских критиков Гарольд Блум выделяет две традиции современного рассказа: импрессионистическую, идущую, по его мнению, от А.П. Чехова и Г. Джеймса, и фантазмагорическую, идущую от Ф. Кафки и Х. Борхеса [8: с. 65–66]. В конце XX и начале нынешнего века писательский диалог с классиками часто принимает форму модернизации претекста. Так появились и три американские вариации чеховского шедевра «Дама с собачкой». В статье анализируются особенности взаимодействия этих текстов с рассказом А.П. Чехова.

Первый рассказ принадлежит одной из крупнейших американских писательниц второй половины XX в. Джойс Кэрол Оутс (р. 1938). В сборнике «Браки и измены» (*Marriages and Infidelities*, 1972) Оутс создает современные версии четырех знаменитых текстов: «Смерть в Венеции» Томаса Манна, «Превращение» Франца Кафки, «Где я и жил и для чего» Генри Торо и «Дама с собачкой» А.П. Чехова. В одном из интервью она так пояснила свой замысел: «Это отдельные истории, но все они – выражение моей любви и необыкновенной преданности этим писателям. Можно сказать, что это мой духовный "брак" с ними или, скорее, наши "даймоны" в йейтсовском смысле» [7: с. 22]. По Йейтсу, Даймон – это некий голос из ниоткуда, второе «я» поэта, и «...человек и Даймон уголяют свой голод друг в друге» [2: с. 365]. Двойная метафора Оутс, с одной стороны, акцентирует ее установку на женский взгляд и женское письмо, а с другой – стремление к универсальности авторского видения.

Очевидным выражением литературной преданности Оутс стало сохранение ею названия претекста, основного сюжета и имени героини, а также

чеховских топосов и локусов¹. Для последних писательница использует современные американские аналоги: встреча героев происходит на курортном острове Нантакет, свидания – в номерах отелей, живет героиня в Огайо, провинциальном среднезападном штате, который в изображении Оутс, как заметила Маргарет Розга, лишен чеховской ироничности [14: с. 43].

В этих сохранных рамках особенно выразительны черты феминизации текста Оутс: ее история написана от третьего лица, но с точки зрения героини, а для передачи женской психологии повествование строится не хронологически, а циклически и ретроспективно. В популярной в США антологии для курса «Введение в литературу», составленной Майклом Мейером, рассказ Оутс следует сразу за рассказом Чехова как хрестоматийный пример интерпретации классической истории с другой точки зрения. Рассказ состоит из трех частей и начинается с кульминации: неожиданного приезда героя в город, где живет героиня, и их встречи в концертном зале. Вторая часть рассказывает об их расставании и снова воспроизводит кульминационную встречу, и еще раз эта встреча упоминается в третьей части, где за ней следует описание знакомства и возобновления отношений. Сложная композиция отражает смятение героини, а трижды описанная встреча после разрыва отражает женскую особенность многократно переживать сильные эмоциональные впечатления.

Знакомство героев Оутс обставлено как металитературная мизансцена: однажды Анна встречается на пляже мужчину с мальчиком и собакой, «золотистым ретривером». На следующее утро она видит их снова, и на этот раз новый знакомый несет

¹ Согласно филологической традиции, под «топосом» понимается открытое художественное пространство, а под «локусом» – закрытое. См., например, В.Ю. Прокофьева Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 11. С. 87–94.

блокнот и после нескольких приветственных фраз предлагает Анне нарисовать ее портрет. Она позирует, сидя на песке, а дружелюбный пес пристраивается рядом с ней. Затем мужчина предлагает ей выбрать понравившийся рисунок, и она выбирает тот, где собака забралась к ней на колени, а она сама «сидит очень прямо, глаза и брови четко очерчены, губы по-девичьи сжаты». «Дама с собачкой», – комментирует ее выбор мужчина [13: с. 170]. В.Я. Звизняцкий отметил, что в журнальной версии рассказа Оутс в этой фразе была ремарка «сказал, странно улыбаясь», удаленная из публикаций в антологиях и сборниках [15: с. 128]. Удаление этой ремарки следует логике поэтизации образа героя, увиденного глазами женщины и потому обладающего своим художественным видением.

При описании портрета Оутс полемизирует с Чеховым: если Гурову юная «угловатость» Анны Сергеевны поначалу казалась жалкой [6: с. 130], то героя Оутс явно привлекло что-то девичье в Анне, и она сама зачарована своим изображением, поэтому на первом свидании пытается «придать лицу выражение, которое увидела на этом рисунке углем». Потом, в «час, когда все решается», она пугается, что «этот незнакомец» перестанет видеть в ней «даму с собачкой», ощущает, как «красота стекает с лица, глаза тускнеют», и ей лучше остаться одной [13: с. 171]. Героиня Оутс помнит, каким безжалостным может быть мужское видение «павшей женщины», и ей хочется избежать взгляда, которым Гуров смотрел на Анну Сергеевну: «У нее опустились, завяли черты, и по сторонам лица печально висели длинные волосы, она задумалась в унылой позе, точно грешница на старинной картине» [6: с. 132].

Взятая американской Анной пауза определила ее сильную позицию в отношениях с современным героем, оставшимся безмянным. Перед началом романа она довольно холодно решается на «акт адюльтера», видя его каким-то материалистичным «достижением, которое оно привезет с собой в Огайо и в свой брак» [13: с. 171]. Когда наступает момент первого расставания, ей кажется, что она освободилась от возлюбленного, «скоро покинет его, и за несколько дней он станет прошлым, безличным прошлым...» [13: с. 165]. В концертном зале, куда герой неожиданно приезжает, чтобы увидеть ее, она останавливает его приближение качанием головы. Но дома, снова взглянув на портрет «дамы с собачкой», она решает пойти к нему на свидание в гостиницу.

В версии Оутс именно Анне предстоит преобразование, произошедшее с Гуровым. Из рассудочной особы, равнодушной к мужу, в котором, в отличие от Анны Сергеевны, у нее нет причин видеть лакея, она становится женщиной, способной на

настоящее чувство. Как и Гуров, американская Анна переживает озарение о своей любви, глядя в зеркало. Но, в отличие от чеховского героя, она смотрит не на себя, а на своего возлюбленного и понимает, что он и есть ее настоящий муж, ее судьба. Тогда лицо ее озаряется таким светом, что он изумленно спрашивает: «Чему ты так рада? Что случилось?.. Как ты можешь выглядеть такой счастливой? У нас нет на это права. Это потому...?», и она отвечает ему: «Да» [13: с. 175].

Описывая состояние своей героини в финальной сцене рассказа, Оутс упоминает ее мысль о том, что она «вела себя правильно, инстинктивно» [13: с. 175]. В.Я. Звизняцкий обоснованно определяет эту деталь, как и несколько нерешительных попыток самоубийства героини Оутс, «третьей Анны», полемикой писательницы с Толстым [15: с. 134]. Исследователь напоминает дневниковую запись Толстого о «Даме с собачкой»: «Люди, не выработавшие в себе ясного мирозерцания, разделяющего добро и зло [...] почти животные» [5: с. 9]. Оутс утверждает природное право женщины на счастье, и повторение в жизни ее героини событий толстовской и чеховской историй подчеркивает их контрастность с финалом американской версии о внебрачной любви.

Героиня Оутс после того, как будущий возлюбленный написал ее портрет, в мыслях называет его «мужчиной с собакой», и этот образ отзывается в коротком рассказе Бет Лордан «Мужчина с собачкой» (1999), удостоенном премии О. Генри 2000 г. Лордан создает своеобразное мини-продолжение чеховской истории, повествуя о немолодом мужчине и его несостоявшейся любви. Ее герою, американцу Лайлу, шестьдесят семь лет, и он давно женат на ирландке, которая уговаривает его в конце жизни вернуться на ее родину, в старинный город-графство Голуэй. В чужой стране его многое раздражает, но все же многое нравится, и к числу любимых занятий относятся прогулки с собакой, «длинношерстной таксой, красивой, женственной крошкой» [11: с. 78].

Однажды во время прогулки в начале марта Лайл встречает американскую пару средних лет, «которую летом и не заметил бы среди других туристов» [11: с. 78]. Он восхищается привлекательностью и естественностью женщины и отмечает болезненность мужчины. Через некоторое время он заговаривает с ними, и женщина со смехом признается, что они приняли его за ирландца и вообразили всю его жизнь. Новые знакомые, Лора и Марк, сообщили, что приехали в Ирландию на три недели и давно мечтали об этом отпуске. Тогда Лайл, тоже смеясь, замечает, что испортил им туристическую открытку, а простившись с ними, пытается представить себя глазами Лоры: «...свои пальто и шля-

пу, доброе стареющее лицо, аккуратную собачку, послушно идущую на поводке» [11: с. 79]. Как и в рассказе Оутс, у Лордан романтическая линия начинается с изображения, созданного объектом интереса героини/героя, но Оутс описывает реальный портрет, и его материальность ведет к реальности отношений, тогда как у Лордан и портрет, и возможность отношений остаются в воображении героя.

В последующие дни Лайл встречал своих новых знакомых почти каждое утро: «...Они всегда ходили под руку, и она, казалось, поддерживает его, больше для равновесия, чем для опоры, но что-то в их виде подсказало Лайлу, что и до болезни Марка они часто гуляли так старомодно, бок о бок» [11: с. 79]. Единение этой пары, несмотря на испытание тяжелой болезнью мужа, вызывает у Лайла тихое сожаление о собственной жизни. Слушая «...шум длинных подробностей» рассказа жены о возможном приезде их безалаберного сына в Ирландию, что потребовало бы оплату его билета, он думает о том, как «просто говорила Лора. Она спрашивала про День Святого Патрика, о том, как он будет праздноваться, пока Марк гулял впереди, неуверенно наклоняясь, чтобы подобрать мелкие ракушки» [11: с. 80]. Лайл стремится сохранить этот момент настоящего общения как редкую в его жизни ценность.

В третьем, подчеркнуто металитературном, американском варианте «Дамы с собачкой», рассказе Дэвида Минза «Читая Чехова» (2010), герои безымянные, и их роман начинается как само собой разумеющийся, давний сценарий, подробности которого уже неинтересны. Повествование Минза фрагментарно, короткие главки написаны то от первого, то от третьего лица и то с мужской, то с женской точки зрения. В первой главке сообщается, что тридцатипятилетний герой изучает теологию и работает почасовиком в страховой компании, где и встречает героиню. Статус «почасовика» определяет его жизненное кредо: готовясь стать священником, он заводит роман с замужней женщиной, но и ей не готов посвятить себя целиком.

Рецензент газеты «Чикаго Трибьюн» заметил, что «рассказ Минза кажется скорее мемориалом непосредственным страстям адюльтера, чем могилой для надежд внезапной любви» [9]. Однако непосредственности героини Минза как раз лишены и, напротив, словно разыгрывают пьесу для знающего зрителя: для чтения классика они располагаются на траве в нью-йоркском парке Риверсайд – суррогатном курорте большого города, – пытаясь ощутить себя частью традиции и на собственном опыте убедиться, «как прав был Чехов» [12: с. 78]. Закончив читать рассказ, герой сообщает героине, что «...как-нибудь вечером придет в Линкольн-центр, чтобы понаблюдать, как она с мужем будет слушать симфонию» [12: с. 78].

Мизансцене в парке недостает «собачки», и она предстает в самом несоответствующем этому определению облике. Неподалеку от места, где расположились герои, возле массивного мемориала президенту Гранту, какой-то мальчик дрессирует питбуля, поднимая пса за зажатую в его зубах палку для «укрепления челюстей» [12: с. 78]. Непривлекательность и агрессивность породы собаки и тяжеловесность фона, на котором она появляется, подчеркивают утрату красоты в современной истории любви. Если в рассказах Оутс и Лордан дружеские «собачки» способствовали знакомству героев, как и чеховский шпиц, то деформация этого образа у Минза становится одной из наиболее заметных примет переосмысления чеховского текста.

В чеховском рассказе белый окрас собачки неявно составляет контраст с серостью существования героини в городке С., где даже в «лучшем номере» в гостинице «весь пол был обтянут серым солдатским сукном и была на столе чернильница, серая от пыли», постель же была покрыта «дешевым серым, точно больничным одеялом» [6: с. 137–138]. А напротив дома Анны Сергеевны «тянулся забор, серый, длинный, с гвоздями», который Гуров сразу же возненавидел [6: с. 138].

Совсем другая цветовая гамма окружала героев в Ялте, где «...они гуляли и говорили о том, как странно освещено море; вода была сиреневого цвета, такого мягкого и теплого, и по ней от луны шла золотая полоса» [6: с. 130]. Джойс Оутс заменяет чеховскую приглушенную, закатную палитру на ослепительно солнечную, отразившуюся и в золотистом окрасе собаки, и в желтом шарфе, которым завязаны светлые волосы Анны в день знакомства героев. При этом писательница сохраняет чеховский вещественный символ губительного серого металла и доводит его до суицидального мотива: если Анна Сергеевна была вынуждена смотреть на серые гвозди забора, то американская Анна постоянно думает о лезвии бритвы и однажды даже проводит им по запястью.

В рассказе Бет Лордан довлеющая будничная серость создается за счет описания одинаковых дождливых мартовских дней, мимолетный контраст которым составляет лишь увиденная американцами радуга, яркая шаль Лоры и зеленые трилистники, которые жена Лайла прикрепляет и на ошейник его собаки, и на лацкан его пальто в честь дня Святого Патрика. Точность временного обозначения и финальная фраза рассказа о вновь начавшемся дожде подчеркивают мгновенность яркой вспышки в жизни героя и не оставляет надежды на развитие его слишком поздней встречи с возможной любовью.

Дэвид Минз наполняет свой рассказ холодным светом: его героиня замечает, что их история за-

кончится, и снова начнется, и будет длиться бесконечно, как «свет от звезды» [12: с. 78]. В их жизни нет ослепительного морского солнца, а лишь «низкое и холодное» солнце Нью-Йорка, сопровождаемое резким ветром [12: с. 82]. «Мягкий, желтый свет» в окне героини тянет к себе героя, но отгорожен от него сетчатой занавеской, и эта несколько раз упомянутая сетка создает аналогию с решеткой, которая препятствует счастливому финалу.

Во всех трех американских версиях «Дамы с собачкой» довольно явственно прослеживается и трансформация звуковой образности, которая пронизывала чеховский рассказ. Любовь Гурова начинается с воспоминаний, пробуждаемых природной или созданной человеком музыкой: «Доносились ли в вечерней тишине в его кабинет голоса детей, приготовлявших уроки, слышал ли он романс или орган в ресторане, или завывала в камине метель, как вдруг воскресало в памяти все...» [6: с. 136]. Наполненные звуками грезы кажутся Гурову все необходимым и после того, как «он долго ходил по комнатам и вспоминал, улыбался, и потом воспоминания переходили в мечты, и прошедшее в воображении мешалось с тем, что будет» [6: с. 136], он принимает решение ехать в С. В надежде на случайную встречу возле дома на Старо-Гончарной улице Гуров слышит «слабые, неясные» звуки «рояли», и эта неуловимость звуков и предположение, что играет Анна Сергеевна, создает новое напряжение его эмоциональных сил. Наконец, в момент встречи «под звуки плохого оркестра, дрянных обывательских скрипок» Гуров слышал свою музыку, и «сердце у него сжалось, и он понял ясно, что для него теперь на всем свете нет ближе, дороже и важнее человека...» [6: с. 138–139].

В американских вариациях чеховского рассказа музыка не звучит: Оутс описывает концертный зал, сцена которого еще пуста «в ожидании», и любовная история Анны наполнена лишь звуком гулких телефонных звонков в ее большом пустом доме и воспоминаниями о счастливом лае собаки на морском побережье. Практически все переживания героя Бет Лордан Лайла описываются под шум дождя и «бесконечных разговоров жены о дожде» [11: с. 85], от которых он спешит вырваться, как только осадки прекращаются. Музыка он мог бы услышать на параде в честь День Святого Патрика, куда направился в надежде встретить Лору, но по дороге стал случайным свидетелем сцены нервного срыва ее мужа, которого она пыталась утешить. За описанием этой сцены следует лаконичная финальная ремарка: «Дождь начался снова» [11: с. 85], и все остальные возможные звуки остаются за пределами текста.

Только у Дэвида Минза музыка включена в повествование, но в искаженном виде. Его рассказ начинается с описания игры карильона в церкви

Риверсайда, но по достижении комнаты героя «индивидуальное звучание колоколов смазывалось в одно целое», и он воспринимал лишь «вибрации, прижимаемая пальцы к стеклу» [12: с. 75]. Роман героев проходит под аккомпанемент грохочущих поездов метро, сальсы, звучащей на стоянках такси, и беззвучной музыки в наушниках прохожего в парке, при виде которого герои ощущают «некую тревогу от его глубокой погруженности в музыку, которую нельзя услышать ни сейчас, ни когда-либо» [12: с. 84].

В американской критике одной из самых авторитетных англоязычных работ о чеховском рассказе по праву признана лекция Набокова, который в начале напоминает своим слушателям, как «...Чехов входит в рассказ "Дама с собачкой" без стука. Он не мешкает. В первом же абзаце появляется главная героиня... И следом тотчас же является главный герой Гуров» [3: с. 333], а в конце автор приводит несколько особенных свойств, присущих чеховским рассказам. В их числе «точная глубокая характеристика», которая «достигается внимательным отбором и распределением незначительных, но поразительных деталей, с полным презрением к развернутому описанию, повтору и подчеркиванию, свойственным рядовым писателям. В любом описании каждая деталь подобрана так, чтобы залить светом все действие» [3: с. 340].

Современные американские писатели во многом восприняли чеховский опыт. Интертекстуальность проанализированных рассказов можно, вслед за швейцарским исследователем Лораном Женни, назвать «верификацией» чтения через письмо [10: с. 60] – формы модернизации, отражающей важную для современной литературы тенденцию прочтения классики. Герои современной американской прозы нередко читают Чехова – помимо проанализированных рассказов, можно также назвать романы Филипа Рота, Франсин Проуз, Гари Штейнгарта – и обнаруживают в них печально-иронические аналогии к своей жизни. Несмотря на деформацию многих человеческих ценностей в современном мире, для читателей Чехова остается надежда сохранить их и испытать озарения о смысле жизни и своего места в ней. Чеховское наследие служит этическим камертоном, необходимым для обозначения вечных ориентиров, и продолжает вызывать бесконечное эхо в мировой литературе как «дань уважения зарубежным писателям нашему искусству и признание его ценности, не музейной, а насущной и животрепещущей поныне» [1: с. 231].

ЛИТЕРАТУРА

1. Волгин, И.Л. Из России – с любовью? Русский след в западной литературе / И.Л. Волгин // Иностранная литература. – 1999. – № 1. – С. 231–239.
2. Йейтс, У.Б. Избранное : пер. Г. Кружкова / У.Б. Йейтс. – М. : Радуга, 2001. – 460 с.

3. *Набоков, В.В.* Лекции по русской литературе / В.В. Набоков. – СПб. : Азбука, 2012. – 448 с.
4. *Прокофьева, В.Ю.* Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы / В.Ю. Прокофьева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 11. – С. 87–94.
5. *Толстой, Л.Н.* Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 54. Дневники, записные книжки и отдельные записки, 1900–1903 / Л.Н. Толстой. – М. : Гос. изд-во, 1935.
6. *Чехов, А.П.* Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Т. 18. Дама с собачкой. 1898–1903 / А.П. Чехов. – М. : Наука, 1977. – С. 128–143.
7. *Bellamy, J.D.* The New Fiction. Interviews with Innovative American Writers / J.D. Bellamy. – Champaign, IL: University of Illinois Press, 1974. – 210 p.
8. *Bloom, H.* How to Read and Why / H. Bloom. – NY : Touchstone, 2001. – 283 p.
9. *Cheuse, A.* "The Spot" by David Means. Special Review to the Tribune. [Электронный ресурс] / A. Cheuse. – Режим доступа: <http://www.chicagotribune.com/lifestyles/books/chibooks-review-the-spot-means-story.html> (дата обращения 10.12.2014).
10. *Jenny, L.* The Strategy of Form / L. Jenny // French Literary Theory Today. A Reader / Ed. by Tzvetan Todorov. Trans. by R. Carter. – Cambridge : Cambridge University Press, 1982. – P. 34–63.
11. *Lordan, B.* The Man with the Lapdog / B. Lordan // The Atlantic Monthly. – 1999. – Vol. 283. – № 2. – P. 78–85.
12. *Means, D.* Reading Chekhov / D. Means // The Spot. A Collection of Short Stories. – NY : Faber and Faber, 2010. – P. 75–88.
13. *Oates, J.C.* The Lady with the Pet Dog / J.C. Oates // The Bedford Introduction to Literature / 3d ed. by M. Meyer. – Boston : Bedford Books of St. Martin's Press, 1993. – P. 163–175.
14. *Rozga, M.* Threatening Places, Hiding Places: The Midwest in Selected Stories / M. Rozga // Midwestern Miscellany. – 1990. – № 18. – P. 34–44.
15. *Zviniatskovsky, V.* Two Ladies with Two Dogs and Two Gentlemen (Joyce Carol Oates and Chekhov) / V. Zviniatskovsky // Chekhov Then and Now: The Reception of Chekhov in World Culture / Ed. J. Douglas Clayton. – NY: Peter Lang, 1997. – P. 125–136.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КСЕНОНИМОВ-РУСИЗМОВ В ЛИТЕРАТУРЕ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ

Е.В. Белоглазова

Белоглазова Елена Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории языка и переводоведения Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактный адрес: raemahet@gmail.com

В фокусе внимания автора находится новый поджанр фэнтези, жанрообразующей чертой которого является введение в текст аутентичного англоязычного произведения элементов русского лингвокультурного субстрата. В статье рассматриваются особенности введения писателями русизмов, проводится сравнение их функционирования в художественном и нехудожественном тексте и оценка эволюции их роли в концепции художественных произведений в последние полвека.

Ключевые слова: Tsarpunk, фэнтези, инолингвокультурный субстрат, ксеноним.

В эпоху глобализации, затрагивающей все сферы жизни общества, включая и язык, мало кого уже удивляет (хотя многих продолжает возмущать) экспансия англицизмов во все языки мира. Как бы мы его ни оценивали, этот процесс является симптомом размывания границ между языками и культурами, которые в силу интенсификации межъязыковых контактов постепенно утрачивают былую незыблемость и непроницаемость.

Однако в настоящей статье в фокусе нашего внимания оказываются не вышеназванные англицизмы и та противоречивая реакция, что они вызывают у представителей разных лингвокультур, отступающих под натиском английского языка международного общения (далее, АЯМО), но обратный процесс – проникновения в АЯМО элементов других языков, парадоксальным образом вызванный теми же процессами глобализации: к определенной открытости для заимствований АЯМО вынуждает его обращенность к внешним культурам. Однако далеко не все заимствования, находящие дорогу в АЯМО, оседают в нем. Будут ли заимствования восприняты АЯМО, зависит от множества факторов. И в любом случае, произойдет это не мгновенно.

По мнению Л.В. Малаховского и Л.Т. Микулиной, «признаком завершенности освоения следует считать лишь "использование слова в оригинальных источниках, особенно в художественной литературе"» [10: с. 59]. Прочитанный тезис можно развивать или оспаривать во множестве аспектов; мы же проверим его валидность на материале одного из жанров современной литературы, в котором ксенонимы приобрели неожиданно важное значение – фэнтези.

1. Фэнтези, славянское фэнтези, tsarpunk – к определению объекта исследования

Жанр фэнтези – симптом «мифологического уклона современной литературы» [2], связанного с тенденцией к эскапизму, поиску в искусстве спасения от будничности привычного окружающего

мира, т.е. речь идет об общекультурном феномене, уходящем корнями глубоко в психологию современного человека. Распространенность и востребованность жанра у читательской аудитории привлекла к нему и внимание исследователей, попытавшихся осмыслить его и дать ему определение.

Одним из самых видных исследователей жанра считается К. Хьюм, но ее определение фэнтези как отхода от конвенциональной реальности («any departure from consensus reality») [20: с. 20] вряд ли можно считать эвристичным, так как любое художественное произведение, даже историческое, создает альтернативный художественный мир. Другие исследователи вовсе отказались от жесткого определения жанра фэнтези, отмечая его диффузность [1; 13; 22], а также тот факт, что данный жанр, хотя и восходит к литературе романтизма, оформился столь недавно, что до конца не автономизировался и не обособился от смежных жанров [23]. Особенно размытой представляется граница между фэнтези и научной фантастикой, с одной стороны, и литературной сказкой, с другой. Поэтому основная масса исследователей осмысляют жанр фэнтези в привязке к уже изученным культурным явлениям. В частности, И.Г. Минерапова и В. Катан определяют фэнтези как особое направление фантастики; Э. Геворкян и Т.В. Тимошенко – как разновидность литературной сказки; И.В. Эйдмиллер и А.Ю. Лебедева – как особую форму трансформации мифа [11]; Е.В. Жаринов отмечает сходство фэнтези с утопией [2].

Не давая исчерпывающего представления об описываемом жанре, данные аналогии, несомненно, высвечивают его существенные черты, к которым также можно добавить следующие особенности:

- отказ от рационального обоснования законов устройства описываемого альтернативного мира;
- связь с мифологией объясняет тяготение к архетипам, лежащим в основе нашего миропони-

мания и представляющим собой наиболее простой способ введения читателя в незнакомый мир;

– моделирование реально не существующего мира строится на переосмыслении реального культурного фона; нередко таким фоном выступает определенная эпоха, достаточно далеко отстоящая от современности (чаще всего, средневековые [7].

Выбор в качестве фона определенной реально существующей культуры гораздо менее типичен – ведь конструируемый мир должен, по определению, контрастировать с миром реальным. Именно поэтому обращает на себя внимание особое место, которое играет русская культура в произведениях жанра фэнтези. При этом речь не идет о «славянской фэнтези» – особом поджанре, получившем распространение в российской литературе в конце XX века [11] под воздействием «...актуального в современном российском обществе идеолого-политического дискурса о национальных корнях, величии и древности нации» [8: с. 6], но о произведениях англоязычных писателей, очевидным образом с русской или, шире, славянской культурой не связанных. В то же время данное литературное явление, можно сказать, представляет собой поджанр не менее значительный, чем «славянская фэнтези», и уже предпринимаются попытки дать ему имя. Одним из вариантов стало название – «tsarpunk», авторство которого принадлежит Л. Бардугу, впервые применившему термин к первому роману *The Grisha Trilogy*, и определившему его как «...фэнтези, вдохновленный эстетикой, культурой, политикой и общественным устройством России начала 19-го века» («Tsarpunk¹ is fantasy that takes its inspiration from the aesthetics, culture, politics, and social structure of early 19th century Russia») [14]. Но уже сегодня значение термина расширилось за счет включения произведений, отталкивающихся от советской реальности, таких как *Wolfhound Century* П. Хиггинса. К. Валенте использует термин «mythpunk» [25]. Но этот термин включает более широкий круг фэнтези произведений, восходящих к мифологии любой культуры, т.е. менее подходит для целей настоящего исследования.

Таким образом, в фокусе нашего внимания находится поджанр фэнтези, именуемый tsarpunk, основанный на введении в англоязычное произведение жанра фэнтези русского лингвокультурного

субстрата, в связи с чем возникают следующие вопросы:

1) зачем в англоязычное произведение жанра фэнтези вводится русский лингвокультурный субстрат, каковы его функции?

2) каким образом он вводится, существуют ли отличия от реалистической литературы, обращенной к описанию русской культуры?

Для ответа на эти вопросы необходимо кратко остановиться на способах введения в текст инолингвокультурного субстрата и на его функциях, прежде всего, в художественном произведении.

2. Инолингвокультурный субстрат: определение, вербализация, функции

Инолингвокультурный субстрат (далее ИЛКС) – суть «...такие элементы текста <...>, появление которых объясняется влиянием языка описываемой иноязычной культуры» [6: с. 201]. В зависимости от множества факторов ИЛКС может принимать в тексте разные формы, варьирующиеся по степени выраженности привязки к исходной лингвокультуре, которая будет максимальной в случае неассимилированного заимствования и достаточно неявной в случае «натурализовавшихся» калек, уже в значительной степени утративших оттенок инородности. Тем не менее в случае ИЛКС мы неизменно имеем дело с элементами внешней (чужой) культуры, что и отражает внутренняя форма термина *ксеноним* (греческого *xenos*, «чужой» + «оним»), введенного для обозначения наименований элементов иноязычной, внешней культуры, «кирпичиков», из совокупности которых и складывается ИЛКС.

В настоящей статье мы не станем подробно останавливаться на видах ксенонимической номинации, на многообразии форм, которые может принимать ИЛКС, так как этот вопрос детально освещен в работах В.В. Кабакчи [4; 6]. Для нас существенен вывод В.В. Кабакчи об установившейся в современной практике иноязычного описания культуры тенденции к *ксенонимической реставрации*, которая состоит в отходе от адаптивной стратегии, приближающей текст к читателю и его лингвокультуре, в сторону остраивающей стратегии, стремящейся приблизить читателя к тексту и его лингвокультуре.

При таком подходе основным критерием выбора типа ксенонимической номинации является *ксенонимическая обратимость*, т.е. связь ксенонима со своим идионимом-прототипом (исходной номинацией культурной реалии к исходной лингвокультуре), обеспечивающая взаимный переход между ними [6: с. 79]. Ксенонимическая обратимость напрямую связана с точностью ксенонимической номинации, т.е. максимально возможной формальной близостью ксенонима к своему идио-

¹ Примечательно, что противники термина выдвигают лингвокультурные аргументы, а именно указывают на (1) то, что компонент *Tsar* имеет конкретную историко-культурную привязку, что противоречит идее фэнтези; (2) *Tsar*, *Grisha* и другие русизмы имеют определенную этимологию и семантику, привносимые в совокупный смысл произведения, а значит, их выбор должен быть оправдан глобальным замыслом [21].

ниму-прототипу. Очевидно, при таком подходе, состоящем в воспроизведении формы чужеродного слова, страдает другая сторона знака – семантика. Поэтому наиболее полный вид ксенонимической номинации представляет собой комплекс средств, одни из которых служат гарантиями обратимости, другие – гарантиями семантизации, что можно наблюдать в следующем фрагменте:

«A favorite example of patriotic advertising, cartoon character Ivan Poddubny, has popped up on billboards all across the city to do for the milk produced by Moscow's Cherkizovsky Dairy what Popeye did for spinach by flexing his generous biceps and saying he owes it all to Cherkizovsky. Poddubny has a nostalgic appeal to Russians: He wears a **telnyashka**, the striped T-shirt issued to all Russian soldiers, and twirls the thick, curling whiskers that are the pride of Russian manhood. His creators have said he is meant to represent a **boyar**, a member of the ancient Russian nobility whose traditional accouterments are often used to represent the glory of old Russia. It isn't just good milk, Poddubny implies, it's the bounty of this ancient land» [12].

Обращает на себя внимание способ введения ксенонимов *telnyashka* и *boyar*, а именно с помощью комплексной стратегии «заимствование + экспликация», передающей как форму, так и содержание исходной единицы. Развернутая стратегия введения ксенонима важна при первичном употреблении и при повторах, если таковые будут, уже не понадобится, так как введенная ксенонимическая номинация уже семантизирована.

И последний вопрос, на котором необходимо предварительно остановиться, касается функций ИЛКС в тексте иноязычного описания внешней культуры. В вопросе о функциях языка не сложилось общего мнения, что, с одной стороны, порождает проблему отсутствия единой системы координат, а с другой, дает исследователю некоторую свободу выбора. Сложность определения функций языка, как нам кажется, имеет те же корни, что и сложность создания классификации текстов – коммуникация столь многогранна и многообразна, что трудно охватить все ее проявления. Учитывая специфику интересующей нас формы коммуникации (а именно, межкультурной), мы остановили свой выбор на номенклатуре функций языка, предложенной А.А. Леонтьевым. Уникальность его концепции состоит в том, что он рассматривает язык как средство передачи (1) общественно-исторического опыта человечества и (2) специфического национально-культурного опыта конкретного народа. Именно их исследователь относит к функциям языка, т.е. «функциональным характеристикам речевой деятельности, которые проявляются в любой речевой ситуации» [9: с. 24].

Очевидно, в свете сказанного, что основным предназначением ИЛКС является осуществление национально-культурной функции языка.

Среди вторичных функций – функций речи, исчерпывающий перечень которых А.А. Леонтьев считает утопией, исследователь отмечает эстетическую функцию, связанную с наделением некоторого элемента особой значимостью за счет его особого положения в тексте или употребления вне привычной для него сферы. Именно так и воспринимаются ксенонимы – как вырванные из своей лингвокультуры и потому «торчащие над строкой».

Не преследуя цель дать исчерпывающий перечень функций ИЛКС, который будет варьироваться в зависимости от цели коммуникации, мы назвали две основные, как нам представляется, функции – национально-культурная функция и функция стилизации, создания национального колорита.

3. Русский лингвокультурный субстрат в художественной литературе жанра фэнтези

Русская лингвокультура не относится к наиболее важным источникам формирования АЯМО. Так, в The Oxford English Dictionary (OED), современная Online версия которого описывает в целом более 600 тысяч слов, представляя собой по оценке *Guinness Book of World Records* самый полный словарь из словарей всех современных языков, содержит сравнительно небольшое число русизмов. Точное количество назвать затруднительно в силу того, что (1) русизмы даны в общем перечне слов славянского происхождения; (2) хотя словарь выдает перечень слов сходного происхождения с заданным в поиск русизмом, из входящих в него 400 единиц не все можно квалифицировать как собственно русизмы, среди них есть слова иной этимологии, вошедшие в АЯМО через посредство русского языка; (3) детально изучивший OED В.В. Кабакчи выявил еще около 80 русизмов, не вошедших ни в один из вышеназванных перечней словаря. Тем не менее автор заключает, что русизмы в словаре представлены, и в достаточно репрезентативном количестве – более 600, по оценке В.В. Кабакчи [3]. Наиболее полный перечень русизмов в английском языке дает словарь В.В. Кабакчи [5].

Словарь, однако, может не отражать реальный узус, отставая от него в силу объективных причин. Востребованность, активность в функционировании ксенонимов можно проверить с помощью корпусных баз данных. Интересно сравнение данных двух корпусов английского языка.

Корпус современного американского английского COCA [17] на запрос «*boyar*» выдает 144 результата, распределяющихся следующим образом:

33 – в текстах публицистическо-новостного жанра;

1 – в публицистико-аналитического жанра;

110 – в художественных текстах.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что:

– все случаи словоупотребления в новостных текстах не связаны с русским лингвокультурным субстратом, но являются именами собственными, омонимичными рассматриваемому ксенониму-русизму;

– все словоупотребления в художественных текстах являются значимыми для нашего запроса, и все они встречаются в аутентичных художественных произведениях;

– единственное словоупотребление в аналитической статье также является валидным результатом запроса.

Корпус Британского варианта английского языка BNC [16] на аналогичный запрос выдал 6 валидных результатов, относящихся к политико-исторической научной литературе.

Такое существенное различие в количестве результатов объяснимо, если принять во внимание, что текстовая база BNC не пополняется с 1994 г., в то время как СОСА продолжает развиваться и отражает новейшие тенденции в англоязычной лингвокультуре, к которым, видимо, можно отнести и формирование нового жанра фэнтези tsarpunk, основанного на русском лингвокультурном субстрате. Именно тексты этого жанра, далеко не в полном составе представленные в базе названного корпуса, содержат более трех четвертей от общего количества результатов поиска по русизму *boyar*.

По предварительной оценке к данному жанру можно отнести следующие произведения:

- Bardugo L. *The Grisha Trilogy*;
- Forstchen W. R. *Rally Cry*;
- Garcia y Robertson R. *Killer of Children*;
- GARCIA Y ROBERTSON R. *FIREBIRD*;
- Valente C. M. *Deathless*;
- Aickman R. *The Model*;
- Cherryh C.J. *Rusalka*(1989), *Chernevog* (1990), *Yvgenie* (1991);
- Sedia E. *The Secret History of Moscow*;
- Card O.S. *Enchantment*;
- Masson S. *The Firebird*;
- Patricia A. *McKillip in the Forests of Serre*;
- Maguire G. *The Dream Stealer*;
- Bradley P. Beaulieu *Lays of Anuskaya trilogy*;
- Kindred J. *The Fallen Queen*;
- Morwood P. *Prince Ivan Saga*.

Эти тексты еще ждут своего исследователя. Мы ограничимся в нашем анализе лишь одной, хотя и жанрообразующей чертой – функционированием в них элементов русского лингвокультурного субстрата.

Прежде всего отметим, что многие ксенонимы в tsarpunk вводятся с помощью стратегии, описанной

выше для нехудожественных текстов, как в следующем фрагменте:

Is there *meat*? – **Kolbasa**.

She doled out a length of smoked *sausage* [19].

Жирным шрифтом мы выделили ксеноним, элемент ИЛКС; курсивом – элементы текста, служащие его семантизации. Данный случай можно охарактеризовать как безупречный с точки зрения и точности, и доступности, и сбалансированности.

Это, впрочем, скорее исключение, нежели правило в отношении к ксенонимам-русизмам в tsarpunk. Обращает на себя внимание обычность разного рода искажений и вольностей, которые мы попытаемся ниже систематизировать.

Во-первых, имеет место несоблюдение формальной ксенонимической точности. Данная категория вольностей является наиболее многочисленной. В значительной части случаев речь идет о ненамеренных искажениях, связанных с проблемами транслитерации и нечетким различием визуально близких графем. Показателен следующий фрагмент, построенный на переключении кодов говорящих на разных языках, причем воспроизведение русской речи дает богатый иллюстративный материал для изучения ошибок и неточностей (выделены подчеркиванием):

The rider stood in his stirrups and scanned the encampment. Then he called to Andrew: «К какому boyaru vy podchinyaetes?» (What boyar do you serve?) Confused, Andrew could only shake his head. «Nemedlenno mne otvechayte! Boyary Ivor-i-Boros trebuyut bashey nemedlennoy sdachi.» (Answer me at once! Boyars Ivor and Boros demand your immediate surrender!) Andrew extended his right hand outward. «I am Colonel Keane of the 35th Maine Volunteers, of the United States Army». The rider reined his horse back several paces. «Vy yazychnik, vy ne govorite po hashemy yazyku. Zavaytes!» [18].

Изобилует искажениями и трилогия Л. Бардуго, в которой автор допускает столь трудно-объяснимые ошибки, что это наводит на мысль об их неслучайном характере, но намеренном использовании для разграничения аутентичной русской лингвокультуры и изображаемого в романе альтернативного мира. Хотя и это объяснение не дает ответа на вопрос о непоследовательности автора в передаче ИЛКС. Так, часть имен собственных не согласуются в роде (*Ива Морозова* – м.р.², *Алина Starkov* – ж.р); два равнопорядковых сказочно-мифологических персонажа вводятся совершенно разными средствами: одно – калькой (*Firebird*), другое – искаженным заимствованием (*Rusalye*).

² Обращает на себя внимание именно непоследовательность автора, так как в имени другого мужского персонажа – *Malyen Oretsev* – согласование соблюдено.

Во-вторых, отметим ряд случаев несоблюдения функциональной точности. Так, в следующем примере *Morevna* – часть личного имени собственного персонажа – употребляется как фамилия:

Major-General Marya Morevna sat impassively and watched the child weep. <...> «Go,» Morevna whispered [25].

В трилогии Л. Бардуго глагол *otkazat'sya* употребляется как существительное; *Razrushaya* переводится автором как the Ruined.

В-третьих, отметим допускаемые авторами семантические сдвиги. Так, анализ контекстов, в которых употребляется русизм *kvas*, позволяет заключить, что речь идет об алкогольном напитке – от него можно стать пьяным, его можно сравнить с шампанским, его не пьют по утрам:

You didn't call me sticks when you were drunk on kvas ...

I had my first taste of champagne, which I found I liked much better than kvas.

It was early for kvas, but I wasn't going to argue [15].

В-четвертых, обращает на себя внимание неоптимальность стратегии введения ксенонима, не устанавливающей эксплицитную связь между кореферентными элементами, как в случае *Byeli Zamak* и *the White Castle* в романе *Firebird* Р. Гарсия и Робертсон и «птичьими» именами мужей, превращающихся из птиц в романе К. Валенте: названия птиц приводятся по-английски, фамилии героев – по-русски:

She laughed to see the rooks ... One of them <...> fell hard onto the streetside. But the little bird bounced up, and when he righted himself, he was a handsome young man ... «I am Lieutenant Gratch ...» [25].

В-пятых, заслуживает внимания подбор элементов ИЛКС. Так, пространство романа *Firebird* R. Garcia у Robertson населяют:

Infant King Ivan

Prince Sergey Mikhailovich, Grand Duke of Ikstra

Sonya D'Medved

Bishop Peter Petrovich of Markov

Tartars

Kazakhk bowmen

Boyars [19].

Все названные культуронимы можно лишь с натяжкой назвать русизмами – это экзотизмы, функционирующие в тексте как элементы театральных декораций. За ними не стоят определенные культурные концепты – автор и не стремится отождествить эти элементы формы с соответствующим планом содержания. Можно сказать, что за всеми ними стоит единый концепт – реалия экзотической культуры.

Таким образом, мы отметили, что в текстах фэнтези, основанных на введении русского линг-

вокультурного субстрата, отсутствует последовательная стратегия введения ксенонимов, оказываются допустимыми ошибки в форме, функционировании и семантике вводимых элементов ИЛКС, что сводит к минимуму их потенциал в реализации национально-культурной функции языка. Основная функциональная нагрузка, таким образом, состоит в создании особого – экзотического – колорита произведения, что согласуется с общей характеристикой фэнтези, строящегося на дистанцировании альтернативного мира от мира реального.

Итак, парадоксальным образом, введение русского лингвокультурного субстрата в художественное произведение объясняется не близостью выбранной культуры, но, наоборот, ее малоизвестностью среди ожидаемой читательской аудитории, точнее, широкой, но поверхностной известностью, ограниченной набором стереотипов и мифов. Эти стереотипы привлекают авторов обещанием легкого пути конструирования узнаваемого, но, в то же время экзотического альтернативного мира.

Вольность в обращении с реалиями русской культуры вызывает бурную критику со стороны читателей, знакомых с русской лингвокультурой. Мы же склонны усмотреть в явлении tsarpunk, скорее, положительные сдвиги.

Во-первых, такое, пусть и искажающее описание русской культуры, является прогрессом по сравнению с ее описанием как квинтэссенции зла в литературе периода «холодной войны». Именно с этой целью русский лингвокультурный субстрат привлекался Э. Бержесом в *Clockwork Orange* и Дж. Оруэллом в *1984*.

Во-вторых, жанр фэнтези способствует популяризации русской культуры на мировой культурной арене, создавая вокруг нее ареол загадочности. На многочисленных форумах читатели обмениваются своими интерпретациями, а также сведениями и источниками сведений, которые могут их обогатить. Так пусть tsarpunk способствует углублению знаний о русской культуре, причем в наименее навязчивой и наиболее доступной для современного массового читателя форме – это приглашение узнать больше.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винтерле, И.Д. Феномен незавершенности в раннем творчестве Дж. Р. Р. Толкина и проблема становления концепции фэнтези: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / И.Д. Винтерле. – Нижний Новгород, 2013. – 24 с.
2. Жаринов, Е.В. «Фэнтези» и детектив – жанры современной англоамериканской литературы: монография / Е.В. Жаринов. – М.: Международная академия информатизации, 1996. – 117 с.
3. Кабакчи, В.В. Легко ли стать членом клуба «Большой Оксфордский словарь»? [Электронный ресурс] /

В.В. Кабакчи. – Режим доступа: <http://vorto.ru/statyi/legko-listat-chlenom-kluba-bolshoy-oxsfordskiy-slovar>

4. Кабакчи, В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации: учеб. пособие / В.В. Кабакчи. – СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена – ИВЭСЭП, 1998. – 232 с.

5. Кабакчи, В.В. The Dictionary of Russia (2500 Cultural Terms). Англо-английский словарь русской культурной терминологии / В.В. Кабакчи. – СПб. : СОЮЗ, 2002. – 576 с.

6. Кабакчи, В.В. Введение в интерлингвокультурологию: учеб. пособие / В.В. Кабакчи, Е.В. Белоглазова. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2012. – 252 с.

7. Кострова, О.А. Основные архетипические особенности литературного жанра фэнтези. [Электронный ресурс] / О.А. Кострова. – Режим доступа: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/II/uch_2008_II_00008.pdf (дата обращения 11.01.2015).

8. Криницына, О.П. Славянские фэнтези в современном литературном процессе: поэтика, трансформация, рецепция: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / О.П. Криницына. – Пермь, 2011. – 23 с.

9. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – М. : Просвещение, 1969. – 214 с.

10. Малаховский, Л.В. Русская культурно-коннотативная лексика в дополнении к Большому Оксфордскому словарю / Л.В. Малаховский, Л.Т. Микулина // Словари и лингвострановедение : сб. ст. ; под ред. Е.М. Верещагина. – М. : Русский язык, 1982. – С. 52–64.

11. Сафрон, Е.А. «Славянская» фэнтези: фольклорно-мифологические аспекты семантики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Е.А. Сафрон. – Петрозаводск, 2012. – 21 с.

12. Akin, M. Move Over Cola, Russia Wants Kvass [Электронный ресурс] / M. Akin // Christian Science Monitor, 1997. – Режим доступа: <http://www.csmonitor.com/1997/1015/101597.intl.intl.4.html> (Retrieved 11 January 2015).

13. Attebery, B. Strategies of Fantasy / B. Attebery. – Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1992. – 220 p.

14. Bardugo, L. Genre Friction: What is Tsarpunk? [Электронный ресурс] / L. Bardugo. – Режим доступа: <http://ageofsteam.wordpress.com/2012/04/25/genre-friction-what-is-tsarpunk-by-leigh-bardugo/> (Retrieved 11 January 2015).

15. Bardugo, L. The Grisha Trilogy [Электронная книга].

16. British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/corpus/index.xml>

17. The Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/coca>

18. Forstchen, W. R. Rally Cry [Электронная книга].

19. Garcia y Robertson, R. Firebird [Электронная книга].

20. Hume, K. Fantasy and Mimesis. Responses to Reality in Western Literature / K. Hume. – New York and London: Methuen Inc., 1984. – 250 p.

21. Lemberg, R. On Bardugo's Tsarpunk, worldbuilding, and historical linguistics. [Электронный ресурс] / R. Lemberg. – Режим доступа: <http://roselemborg.net/?p=405> (Retrieved 11 January 2015).

22. Manlove, C.N. The Elusiveness of Fantasy. The Shape of the Fantastic / C.N. Manlove // Selected Essays from the Seventh International Conference on the Fantastic in the Arts / Ed. by Olena H. Saciuk. – New York : Greenwood Press, 1990. – 270 p.

23. Salminen, J. Fantastic in Form, Ambiguous in Content: secondary Worlds in Soviet Children's Fantasy Fiction / J. Salminen. – Turku : Turun Yliopisto, 2009. – 212 p.

24. Valente, C. M. Deathless. [Электронная книга].

25. Vanderhoof, J. Mythpunk: An Interview with Catherynne M. Valente [Электронный ресурс] / J. Vanderhoof. – <http://www.strangehorizons.com/2011/20110124/mythpunk1-a.shtml> (Retrieved 11 January 2015).

М.В. ЩЕРБАКОВ: ЧЕЛОВЕК ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТИРА В ПОИСКЕ КОРНЯ ЖИЗНИ*

А.А. Забияко

Забияко Анна Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета (г. Благовещенск).

Контактный адрес: sciencia@yandex.ru

В статье исследуется образ человека дальневосточного фронта, созданный писателем-эмигрантом Михаилом Васильевичем Щербаковым (1890–1956). Он много путешествовал по Дальнему Востоку, побывал в Корее, Японии, Сингапуре, Гонконге. Под впечатлением от многообразного этнокультурного опыта создал различные стилизации в духе национальных традиций поэзии, публиковался в альманахах «Китай» (Шанхай, 1923 г.), «Врата» (Шанхай, 1935), «Отгул» (Шанхай, 1944). В 1922 г. переехал в многонациональный Шанхай. Опыт дальневосточной жизни и впечатления от морских путешествий по русскому Северу оставили в сознании писателя глубокий след. Раздумья об универсальных законах, сближающих людей в экстремальных условиях для выживания (тайга, океан), стирающих этнические и религиозные различия, воплотились в этнографических очерках, миниатюрах, лирических переводах с китайского, в повести «Черная серия», в художественном целом сборника «Корень жизни». Корень жизни – художественный и ментальный концепт его творчества, его художественной этнографии.

Ключевые слова: дальневосточное зарубежье, дальневосточный фронт, фронтальная ментальность, мифоритуальный комплекс, таежная этика, закон тайги.

Дальний Восток – не просто дальневосточный предел обширнейших пространств нашей Родины, это ее дальневосточный рубеж, *фронт* [11: с. 5–10; 12: с. 10]. На протяжении тысячелетий здесь встречаются и взаимодействуют самые разные этносы и народы, сталкиваются самые неблизкие национальные интересы, переплетаются обычаи и верования. Постепенно сложился тот тип представлений жителей дальневосточных земель, и шире – ментальности, который определяется как *ментальность дальневосточного фронта* [12: с. 10; 13]. Как правило, люди, способные выживать и, более того – добиваться успеха в суровых географических, климатических и психологических условиях дальневосточного порубежья, должны быть сугубо волевыми, пассионарными личностями. Исторически проблемы адаптации в этих суровых условиях (от Амура до морских границ), помноженные на необходимость фронтальных этнокультурных контактов, определили некоторые общие черты в идейно-психологическом облике пришлых насельников дальневосточных земель – будь то маньчжуры, китайцы, корейцы, русские и т.д.

Кто решался на рискованные предприятия в дальневосточных землях? Люди соответствующих моральных и психологических установок. «...Полстолетия тому назад Восточная Сибирь представляла собой действительно "Далекую окраину" или "Дальний Восток", как ее обыкновенно называли

российские обыватели. Чтобы добраться до ее крайних восточных пределов, т.е. до берегов Тихого Океана, надо было "скакать" десять тысяч верст через всю Сибирь, или "болтаться" по "моряно-океану" сорок дней и сорок ночей! Обыкновенно тех, кто решался ехать в эти "гиблые места", *провожали, как на тот свет!* И не даром, так как люди, забравшиеся на Дальний Восток, почти никогда не возвращались к себе на родину и, постепенно теряя с ней связь, становились "камчадалами", т.е. *людьми со своей особенной психологией и мировоззрением*», – писал о дальневосточных пассионариях Н. Байков, оказавшийся сам в этих землях в начале 1900-х гг. [4: с. 170–174]. Действительно, начиная с XVII в., совершенно особую группу русских новопоселенцев составлял «слой населения, явно или неявно противопоставивший себя государству, – преступники, беглые авантюристы, ищущие воли крестьяне и прочий люд, пришедший на Амур "без царя в голове". Характерно, что уже со времен похода Хабарова власть выстраивала политику заселения Приамурья ссыльными...» [12: с. 9–35].

И с обратной стороны, из Китая и Маньчжурии, к низовьям Амура, устремлялся в основном преступный элемент самых разных мастей [6: с. 5; 15: с. 119–120; 16; 20: с. 289]. В начале XX в. фронтальную специфику социокультурного облика региона зафиксировал тот же Н.А. Байков: «С незапамятных времен сюда стекались из ближних и дальних мест любители легкой наживы, беглые китайские солдаты, хунхузы, преступники, ускользнувшие от продажного правосудия, и всякий сброд, в силу различных превратностей судьбы

* Публикация подготовлена в рамках работы по гранту РНФ «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)», проект № 14-18-00308.

и беспросветной жизни потерявший образ и подобие Божие. Большинство, конечно, погибало здесь или от рук своих же звероподобных товарищей, или от руки дикого первобытного правосудия в лице выборного старшины, или от эпидемиологических болезней и неумеренного курения опиума» [2: с. 384] (курсив мой. – А.З.).

Выживали тут самые отчаянные либо самые витальные. Это накладывало отпечаток на поведенческие установки и дальнейшие культурные запросы. Н. Байков подчеркнет «малокультурность и беспринципность» русских охотников, промышленных в Северной Маньчжурии [3: с. 121]; он же обрисует и облик дальневосточной интеллигенции: «Эта оторванность от родины, суровые условия жизни в диком безлюдном крае, отсутствие культурных интересов и сравнительная материальная обеспеченность выработали особый тип дальневосточной интеллигенции, отличавшейся от коренной российской своим широким размахом, деловитостью, энергией и предприимчивостью, но, в то же время, бесшабашным легкомыслием, самодурством и беспечностью» [4: с. 170–174] (курсив мой. – А.З.). Свои этнографические и этнокультурные наблюдения Н.А. Байков осуществлял в Маньчжурии, будучи командированным туда как натуралист и воин-загурец. Границы в эти годы были открыты, строительство КВЖД стимулировало предприимчивый и витальный народ по ту и эту сторону границы. Байков (вслед за А.В. Елисеевым, Н.М. Пржевальским) стал органичным продолжателем зародившейся на дальневосточных землях художественной этнографии Дальнего Востока [7: с. 154 – 170; 8: с. 119–140].

Так, 20-е гг. XX столетия кардинально изменяют эту ситуацию, когда огромные слои бывших граждан Российской Империи будут вынуждены переместиться поначалу во Владивосток, а затем в Китай, Северную Маньчжурию. Большую часть русских эмигрантов составят военные – прошедшие фронты Первой мировой, пережившие революцию, Гражданскую войну и поражение белой армии. Ничего удивительного нет в том, что и писательская среда дальневосточного зарубежья будет сформирована этими детьми войны. А жизнь в условиях дальневосточного фронта обернется для них не только школой выживания, но и богатейшим пространством художественной рефлексии [5: 35–40; 9: с. 270–290; 10: с. 139–157].

Одним из таких писателей и самоценных типажей дальневосточного фронта станет Михаил Васильевич Щербаков [1890–1956] – профессиональный физик (закончил Императорское высшее техническое училище), военный летчик, замечательный фотограф (одним из первых разработавший технику цветной фотографии), писатель, поэт и литературный критик, в совершенстве знавший французский, английский, немецкий языки [17: с. 70; 19: с. 34].

Был мобилизован в 1914, направлен во Францию, где прошел краткосрочные курсы аэрофотосъемки. Воевал на Балканском фронте. Стал добровольцем Французского иностранного легиона, получил французское гражданство. Но вместо службы в Ханое он перебрался в шальной Владивосток, где прожил несколько лет, редактируя монархическую газету «Русский край» и «Крестьянскую газету». Он был знаком со многими, ставшими впоследствии известными харбинцами (Б. Бета, Вс. Ивановым, А. Несмеловым, М. Урванцевым). В частности, во Владивостоке, Щербаков общался с В.К. Арсеньевым, тот подарил ему свою книгу [14: с. 19]¹. Щербаков во Владивостоке учит китайский язык, очевидно – много читает литературы, посвященной Китаю, Японии, востоку Азии вообще.

Покинув Владивосток буквально перед самым вступлением туда красных войск, Щербаков много путешествует по Дальнему Востоку, побывав в Корее, Японии, Сингапуре, Гонконге. Под впечатлением от многообразного этнокультурного опыта Щербаков создает различные стилизации в духе национальных традиций поэзии. Они публикуются в альманахе «Китай» (Шанхай, 1923 г.), «Врата» (Шанхай, 1935), «Отгул» (Шанхай, 1944) [23].

В 1922 г. пристанищем Щербакову становится многонациональный Шанхай, где писатель проживет более чем двадцать лет. Там он активно занимается литературной и организаторской деятельностью, создает и руководит объединением «Понедельник». С 1933 г. входит в правление литературно-художественного объединения «Восток», печатается во многих дальневосточных журналах и альманахах («Врата», «Понедельник», «Багульник», «Феникс», «Шанхайская заря» и др.), а также в ряде американских и европейских изданий («Дымный след», «Современные записки», «Балтийский альманах»). Сразу по приезду в Шанхай либо еще во время своего владивостокского жития и путешествий по Тихому океану и северным пределам России он обратился к переводам. В частности, в «Балтийском альманахе» [29: с. 43–49] публикуются его «Шанхайские миниатюры» с подзаголовком «Переводы с китайского» (при этом авторский подзаголовок – «Из китайских анекдотов»). В эти миниатюры входят истории из жизни «китайских замечательных людей» (например, Ли Бо), явно переводные, и очерки – философско-лирические зарисовки китайской жизни. Уже в эти годы Щербаков поднимает вопросы восприятия русским (европейским) сознанием быта и образа жизни китайцев («Муравьи»), его волнуют проблемы этнической

¹ В библиотеке М. Щербакова, сохраненной частично В.А. Слободчиковым, есть первое издание книги Арсеньева с надписью владельца «М.Щ.».

идентификации метисов («Хав-Касты»). В этой же публикации впервые появятся его очерки «Каллиграф» и «Нищие», впоследствии вошедшие в «Шанхайские наброски» сборника «Корень жизни».

В 30-е гг. у коллег по цеху Михаил Щербаков заработает эпиграмму, характеризующую и его писательские ориентиры, и сноровку путешественника, и мужскую силу:

М. В. Щ.

При драке с ним, хоть удивитесь,
Получите ущерб боков.

*То – наш Джек Лондон, храбрый витязь,
Михал Василич Щербаков* [18: с. 2].

В 1925 г. в альманахе «Дымный след» (Сан-Франциско) «увидит» свет очерк «Корень жизни», затем опубликованный в парижских «Современных записках». Ю. Айхенвальд выделил в «Корне жизни» и самоценность самого дальневосточного материала, и специфический этнокультурный аспект, и закрученность фабульной пружины: «В необычную обстановку и к *необычной этнографии*, в *среде китайцев и корейцев*, переносит нас г. Щербаков; и *русскую жертву «женщины»* тоже показывает он. Сделано это искусно, и производит впечатление *повести о тех обильных смертях, какие повлек за собою корень жизни*». Но парижский критик весьма тонко почувствовал и авторскую концепцию фронтальной мифологии, в которой корень жизни карает, но воздаяния за несправедливые поступки не дает: «*Может быть, в связи с этой ироничностью сюжета легкой иронией и преднамеренной объективностью подернут и самый тон рассказа*» [1: с. 2–3].

В течение двух десятилетий Щербаков продолжает оттачивать свое мастерство – с одной стороны, в этнографических изысканиях, с другой, в области беллетристики, зачастую соединяя в себе этнографа и беллетриста: он пишет и публикует этнографические очерки [24], переводит тексты новых китайских писателей, пробует себя в разных жанрах прозы: приключенческой повести «Черная серия» [28], фантастической повести «Токсин любви» [26], рассказах.

В своих очерках например, Щербаков скрупулезно описывает культовую сторону китайского буддизма, наблюдаемую им на священном острове Путу («Священный остров»). Здесь он – и профессиональный этнограф, подмечающий все детали быта буддийских монастырей, описывающий историю острова Путу, и грамотный религиовед, детально воссоздающий легенду о Мио-Шень (так в земной жизни именовалась Гуань-Инь), делающий зарисовки культа предков, фиксирующий тексты и ритуалы заупокойных служб, исполняемых на острове, а также констатирующий «причудливый кон-

гломерат верований, которым стало на китайской почве учение Будды» [22: с. 368].

В литературно-критическом обзоре он подчеркнет свой интерес к беллетристическим жанрам: «Мы все не противники фабульно-приключенческого рассказа и считаем, что этот жанр имеет такой же «raison d'être» в литературе», – и резюмирует: «главное для вещей такого рода – убедительность» [21]. Однако Щербакову претит, если «белые нитки, которыми автор сшивает действительность с фантастикой, так и остаются невыдернутыми» [21].

В повести «Черная серия» Щербаков воссоздает события своего путешествия через Камчатку на русский Север, в Землю Коряков, вписывая их в «роковую историю» о роли случая – «черной серии» в жизни человека. Русский летчик (Никита Анисимович Порейчук) случайно становится причиной гибели японского солдата; спасаясь от полиции, он устривается на шхуну с китайско-японской командой. Шхуна отправляется на Камчатку, но уже в начале рейса повар-китаец варит команде суп из акулы – священной рыбы, являющейся «и покровительницей, и врагом моряков. Есть ее на корабле никак нельзя: обязательно несчастье будет» [22: с. 196]. Команда требует расчет, и Никита Анисимович вынужден плыть дальше уже с корейской командой. По дороге горе-капитан с говорящей фамилией Худовой («произнося несчастливую фамилию капитана, Рябокоть никогда не забывал перекреститься под столом» [22: с. 202]), не знающий морских обычаев, убивает чайку. Подбить чайку по морским законам – навлечь беду и на себя, и на судно: «Вот попомни меня: мы еще, Бог даст, может, выкрутимся, а уж тебе теперь со шхунной крышка, как пить дать, крышка!», – предвещает Худовою старый морской волк Рябокоть, с которым солидаризуется и русская, и корейская часть команды.

По пути своей «черной серии» герой успевает познакомиться с коряками и их бытом: «Это землянки оседлых коряков. <...> В земляной юрте нет ни окон, ни дверей, ни трубы: а все дыра в потолке. А снизу коряки лезут к ней по стволу с перекладинами» [22: с. 206], их промыслом («Однако, ноне урозай очень хорос: сецоцек не хватало! – цокая, говорили моряки – Когда рекой сла, олень по самое брюхо в рыбе тонул... Хоросый урозай!» [22: с. 206]; приводит разные варианты их речи, а также русско-китайского пиджина.

Узнав многие народы, изведав разные несчастья по пути своего «черно-серийного» путешествия, *русский герой* все преодолевает и оказывается на Гуаме – острове в западной части Тихого океана. Читатель понимает, что, даже если это и конец «черной серии», то не конец испытаний бедолаги-

русского, не предел его знакомства с другими странами и народами.

Опыт дальневосточной жизни и впечатления от морских путешествий оставили в сознании писателя глубокий след. Раздумья об универсальных законах, сближающих людей в экстремальных условиях для выживания (тайга, океан), стирающих этнические и религиозные различия, оплотнятся в художественном целом сборника «Корень жизни».

Как книга-сборник «Корень жизни» формируется почти двадцать лет и выходит в свет только в 1943 г. Туда в основном входят рассказы, написанные в 1923–1930 гг. (в них можно обнаружить прозаическое развитие стихотворений 20-х гг.); лишь два рассказа датированы 1935 и 1934 гг. [25; 27].

Произведения эти разнообразны по жанровому, сюжетологическому наполнению: среди них и новелла («Корень жизни»), и «Корейская легенда» («Озеро богача»), и рассказы, написанные в духе фантастического реализма («Утес Дракона», «Джонни молодой мамонт»), и лиризованные зарисовки («Шанхайские наброски») и т.д. Все эти тексты объединены мифологией и мифологическими воззрениями самых разных народов, населяющих Дальний Восток: китайцев, маньчжуров, корейцев, японцев, коряков, пропущенные сквозь призму восприятия русского человека.

Начинается сборник рассказом «Корень жизни», написанным, как было сказано, почти четверть века назад. Это и хронологическая, и топонимическая точка отсчета художественного мира книги. Художественный посыл «Корня жизни» был проявлен уже в эпиграфе – китайской пословице: «Где женьшень, там и тигры». Для восточных людей эта фраза становится непосредственной реализацией мифологемы, согласно которой *женьшень* – одно из воплощений Духа лесов и гор, а его животное воплощение – *тигр*. Но пословица есть пословица, она иноказательна. Жажда обладать корнем превращает в тигров людей.

Злокозненность Корня Жизни, попавшего в «нечистые» человеческие руки с целью наживы, по мысли автора, проявляется вполне последовательно: убийство рождает убийство: «убивают не только люди, – убивает убийцу и тигр, привлеченный свежим запахом только что пролитой крови» [1: с. 3]. В сюжете рассказа переплетается динамика действия и кумулятивная однообразность каждой новой сюжетной ситуации: борьба за корень между нашедшим его женьшеньщиком – «голубым фазаном», Ли Фун-линем, охотником за женьшеньщиками – Цзян-Куем, «белым лебедем» корейцем Кимом; исполненное символического смысла, но вполне реалистичное убийство Кима тигром, переход корня в русские руки «Тигровой смерти», Николая Тимофеевича, его приключения с корнем, и, нако-

нец, убийство «Тигровой смерти» и кража корня китайцем-аптекарем, коварно убившим охотника и уехавшим в Шань-Си.

По мере каждого преступления возрастает и жестокость воздаяния «гения охранителя» – Духа Леса и Гор. Для русского охотника, знающего «таежную грамоту» и нашедшего корень возле убитого, таежная примета является намеком на его дальнейшую судьбу: «Где женьшень, там и тигры!.. – припомнилась ему древняя китайская поговорка, и Корень Жизни начал внушать к себе еще большее уважение.

«– Ладно, там посмотрим!.. – сказал он громко в ответ на свои мысли, осторожно уложил корень в мох, обернул берестой и, спрятав на дно пейтузы, отправился напрямик через сопки в деревню к брату» [22: с. 17]. Но, когда надо было бы поверить «таежной грамоте», этот русский герой полагается на русский «авось». Желая обогатиться, он, преступая «таежный закон», забирает женьшень. Тем самым «Тигриная смерть» обозначает свой Путь – вернее, свой конец.

Собственно говоря, по дороге к своему концу «Тигриная смерть» пошел давно: он неоднократно посягал на самого «Великого Вана» – либо продавая «молодого царя тайги» в гамбургские зоосады, либо убивая тигра и сдавая аптекарю ценные части его тела. Не случайно, проживая среди обитателей тайги, он остается для них чужим, «белым дураком», «белым дьяволом».

Николай Тимофеевич точно так же относится к китайцам и к их обычаям. «Сплеывая и ругаясь», как от нечистой силы, он стремится прочь из «смрада» китайского района: «Охотнику сделалось тошно от всех этих запахов и звуков, его потянуло туда, где были белые люди, а не эти скользкие черные фигуры, от которых так явственно пахло смертью» [22: с. 30]. Заметим, что эти ощущения весьма близки авторскому восприятию духовной жизни китайцев в очерках «Шанхайские миниатюры» (1924). Возможно, именно это органическое неприятие Николаем Тимофеевичем китайцев и их быта стало причиной неуважения его к «закону тайги». Этот русский – чужак в этом мире таежных мифологем.

Корень жизни становится знаком смерти для каждого, вновь обретшего его – правдой и неправдой. Образ смерти, предопределения, напрямую или косвенно связанный с переходной обрядностью китайцев, органично вписывается русским писателем-эмигрантом в его понимание новой культурной и этнорелигиозной ситуации. Во втором рассказе «Паршивый уголь» (1924) героем является русский капитан Вассер. Вопрос о *русскости* капитана Вассера заслуживает отдельной темы, однако, в пространстве разговора о «таежных законах» он выступает как носитель русского этнического сознания. Более определенно *русскость* как этнокуль-

турный выбор реализована в образе капитана Дэка («Последний рейс»): со своими «финскими скулами» тот попросту именуется владивостокским губернатором «инородцем». Именно Вассером – «заядлым таежником», прожившим немало лет на мысе Св. Ольги бок о бок с китайцами и «инородцами», излагаются «священные законы тайги». Первый – «гостеприимство» (вплоть до абсурдных, с точки зрения европейца, форм «угощения женой»), второй – «не воруй!» («нет тебе, вору, по всей тайге ни чифана², ни теплого ночлега»), третий – «братская клятва» («за ее нарушение одна кара – смерть. Тому, кто бросил братку в беде – смерть. Тому, кто убил братку – смерть через лютую пытку») [22: с. 43].

Герой рассказа, капитан, демонстрирует открытое «великодержавное» пренебрежение к китайцам, населяющим бухту Святой Ольги в Приморье. «Я туда попал с войны после контузии. В те времена русских там почти не было. Одни инородцы: гольды да орочи. Но больше всего – китаезы из Шаньдуня. Ведь из этого самого Чифу желторожие прут к нам, как из брандсбойта. Чего только не делали при Царе, чтобы остановить: ничего не помогло. Расползлись, как клопы. И бойки, и «купезы», и плотники, и кочегары<...> Тут тайга под носом, а у них вонь и грязь, что в твоём Китае» [22: с. 50].

Однако как только речь заходит о китайцах-таежниках, – тон и язык рассказчика меняются кардинально. *Таежный человек* (фронтирный человек) начинает говорить о «своих», *таежных людях*, и «своих», *таежных порядках*: «Но это вовсе не значит, что в тайге был беспорядок. Наоборот, *порядочек был такой, что дай Бог каждой стране*. Вся тайга делилась на участки в тысячи квадратных верст каждый, и для каждого избиралось по три судьи-старшинки на три года» [22: с. 52].

Случай, рассказанный Вассером, не только проясняет жизненную подоплеку таежных законов, но и косвенным образом утверждает их мистическую детерминированность с точки зрения фронтирной мифологии. В этом повествовании «таежным законом» проверяется и русский (сам Вассер), и китаец. В тайге пропадает богатый Сан Хо-лин, уходивший на охоту вместе со своим «браткой» Кун Си. Казалось бы, что тут удивительного: «Мало ли охотников таежный зверь каждый год задирает?». Но благодаря «таежной правде» загадка пропажи старого китайца открывается: «Удивительное, право, дело: ведь уж, кажется, никто ничего не слышал – не видел, а вот заговорила тайга, будто живой человек, заговорила!». Поиски увенчиваются успехом только тогда, когда охотники «надумали помолиться у фанзушки. Сели, развели огонек, помолились духу покойника и дали обет до тех пор не курить трубо-

чек, пока не разыщут Сан Хо-лина». История оказалась весьма запутанной: молодой напарник не простил трусливому старику того, что тот бросил его наедине с тигром. Убийство молодым Кун Си братки, бросившим своего же братку, неоднозначно оценивается Вассером – русским человеком, но однозначно отрицательно – Вассером-таежником: «Закон тайги ясен. Статей в нем мало; снисхождений никаких: за смерть полагалась смерть. А тут, конечно, вина еще увеличивалась: ведь старик-то принял убийцу в дом, облагодетельствовал, можно сказать...» [22: с. 55].

В рассказах «Джонни, молодой Мамонт», «Иринари», «Озеро богача», «Утес Дракона» герои тунгусской, японской, корейской, китайской мифологии так или иначе инкорпорированы в бытие русского человека: то как оживший Маммон – Джонни Молодой мамонт, то в облике демона-лисицы *иринари*, то – в очертаниях мифологизированного ландшафта, то – в материализовавшемся восточном драконе, откусывающем самими что ни на есть реальными зубами ногу русскому офицеру. От чужих богов русскому человеку ждать нечего, – такой вывод напрашивается читателю.

Логика чужих обычаев и традиций страшит русского человека, особенно проявлена их демоническая инородность в Шанхае: «Из приоткрытых ставень китайских лавок, где готовили бобовое тесто, плотными клубами выкатывался жирный пахучий пар. Голые по пояс китайцы, копошившиеся внутри у закопченных котлов, казались чертями с даосских картин, изображавших адские муки» [22: с. 86]. Эта inferнальная атмосфера, которую может хоть как-то избежать русский человек в городе, настигает его в естественной среде. Дракон, знакомый по лубочным картинкам и китайским инсценировкам, материализуется во всем своем физиологическом уродстве на острове Жаба, куда во время кораблекрушения попадает русский офицер Елагин. И реальность оказывается много страшнее картинок: «Вы видели китайские шествия, когда тридцать-сорок человек несут на шестах извивающееся бумажное чудовище с саженной головой и парой горящих выкатившихся глаз? Так вот, всего в нескольких метрах ниже края выступа мой взгляд уперся в глаза очень похожей гадины, но настоящей, живой, тяжело храпевшей и обдававшей меня целыми волнами мерзостного запаха» [22: с. 99].

В предисловии к сборнику Щербаков пояснит: «Собранные в этой книге рассказы написаны в разное время за двадцать лет жизни в Шанхае. Большинство – дань восхищения перед суровой красотой людей и природы русских Дальнего Востока и Севера, о которых все еще мало сказано в нашей литературе» [22: с. 15–17]. На самом деле *русскости* в ее архетипическом этнокультурном понима-

² «Чифан» (пидж., с кит.) – еда.

нии в сборнике – мало. Его русские – это особые русские, *русские дальневосточного фронта*. Их ментальность вбирает этнокультурные и этнорелигиозные традиции самых разных народов, их сознание синкретизируется. Не случайно рядом с русским героем в рассказах часто фигурирует европеец, отчасти выполняющий роль мифологического трикстера («Иринари», «Джонни молодой Мамонт», «Европеец», «Последний рейс»). Он, европеец, постоянно испытывает русского, провоцируя на контакт с инокультурой. Так, в рассказе «Иринари» именно англичанин, заводя разговор об «истинной православной вере», подталкивает русского на кражу японского божка из кумирни. Поругание чужой святыни «на спор» приводит доверчивого и горячего русского к тому, что божок «материализуется» и преследует Петра Фаддеича: «Отдай божка!.. Поставь обратно!» [22: с. 110].

В некоторых случаях европеец – откровенный антагонист русского и непостижимой для европейца русскости. В рассказе «Европеец» француз Сорель мается оттого, что не может постичь характер русской женщины Лели, а это причиняет ему моральное неудобство. Леля ездит с ним танцевать в дансинг, очаровывая его своей фарфоровой точеной фигурой, своими светскими манерами, но в неожиданно ординарный – по меркам Сореля – момент начинает вдруг плакать и «капризничать». По сравнению с Лелей насколько мила и понятна американка Бетти – сама предложившая Сорелю себя, оговорив при этом всю взаимовыгодность их эротически-циничной «сделки». Все деньги, потраченные на Бетти, окупались для Сореля его мужскими радостями. Иное дело – эта Леля! «Один черт поймет этих русских! Действительно, полуазиаты!», – восклицает француз, раздражаясь при мысли о непостижимой русской барышне. «Азиаты», – позднее выносит Сорель окончательный диагноз, взбешенный резким отказом Лели. А кто же он сам? Стареющий французский сноб, ведущий праздный образ жизни в Шанхае, но надеющийся либо выгодно жениться, либо сыграть на акциях суматровского угля. Этот европеец берет чековую книжку и, как «честный человек», посылает Леле 50 долларов – на прощание.

Иного теста – *русские* мужские типажи: Елагин, выдержавший поединок с самим драконом («Утес Дракона») и, несмотря на смертельную рану, стремящийся оставить свидетельские записки об этом событии, чтобы предупредить людей об опасности; офицер Ларцов, убегающий к любимой по распутице, несмотря на грозящее наказание в виде военного трибунала («Подсудное дело»), тот же Ларцов («Мистраль»), вступающий в поединок с самим мистралем – изматывающим ветром (непостижимо для французов, прекращающих все попытки полетов на этот период) и совершающий дерзкий полет

над полями Роны. Эти рассказы повествуют о событиях, не связанных с эмиграцией – два из них происходят во время Первой мировой войны, в западной части России и во Франции. Однако именно эти русские люди, способные на дерзкие и безрассудные с точки зрения европейского здравого смысла поступки, становятся потом *особенными русскими* Дальнего Востока и Севера. Таким был и сам автор: автобиографические черты присущи его героям – Ларцову и Елагину.

Так в чем же он, «корень жизни», по Щербакову? Ведь название текста, а тем более, сборника, всегда – его смысловой конденсат. Однозначного ответа после прочтения книги у пытливого читателя нет. Герои рассказов – русские и китайцы, насельники дальневосточного фронта в широком смысле – так и остаются разделенными друг от друга верованиями, привычками, этикой. Русские – «белыми дьяволами» для китайцев. Китайцы – «даосскими чертями» для русских. Но явственно и то, что художественное сознание Щербакова интуитивно ищет собственного «соответствия» (название сонета М. Щербакова, 1922) восточному типу мышления.

Так или иначе, этнографические сведения, облеченные в динамичную фабулу – только повод для философских раздумий о том, как вписывается европейское мышление в многовековые традиции «фронтирной мифологии», как способно оно усвоить чужие обычаи, пронизанные древними религиозными воззрениями. В китайской религиозной традиции, уходящей в глубокую древность, бытует представления об эвгемеризации мифологических персонажей. Очевидно, Щербаков смолodu обладал весьма подвижной психикой – благодаря этому он был особенно чуток к восточной мистике, где реальность с фантастикой переплетены неразложимо.³ В текстах Щербакова мифологические существа не просто *оживают* – они живут своей жизнью задолго до встречи с ними русского героя; фантазмы в рассказах Щербакова также неотделимы от реальных событий и ощущений, рожденных *сдвинувшейся реальностью русской жизни*.

Сборник «Корень жизни» в своем противоречивом художественном целом воплотил попытку русского художника слова, утратившего родные «корни» и оказавшего в дальневосточных пределах, вжиться в иную систему духовности и обрести иной «корень жизни» – новый смысл бытия. Этот

³ Известно, что, уже переехав в Париж, в 1956 г. в результате душевной болезни М. Щербаков выбросился из окна. Однако не ясно доподлинно, когда реально заболел писатель. Обычно первые симптомы душевных расстройств проявляются в молодом возрасте. Возможно, его самоубийство стало следствием очередного кризиса, вызванного трудностями адаптации на новом месте, в чуждой инокультурной среде.

смысл доступен новому типу ментальности – ментальности дальневосточного фронта, но усвоить ее способен далеко не каждый.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айхенвальд, Ю. Литературные заметки / Ю. Айхенвальд // Руль. – 1926. – 17 ноября. – № 1813.
2. Байков, Н.А. В горах и лесах Маньчжурии: очерки; Тигрица: повесть / Н.А. Байков. – Владивосток : Рубеж, 2011. – 480 с.
3. Байков, Н.А. Записки замурца. Воспоминания / Н.А. Байков // Россияне в Азии. – 1997. – № 4.
4. Байков, Н.А. Ланцепупы (У костра) / Н.А. Байков // Литература русских эмигрантов в Китае. В 10 т. Т. 3. Соната над Хинганом ; собиратель оригиналов, гл. сост., шеф-ред. Ли Янлен. – Пекин, 2005. – 590 с.
5. Голенищев-Кутузов, И.Н. Русская литература на Дальнем Востоке / И.Н. Голенищев-Кутузов // Возрождение. – Париж, 1932.
6. Граве, В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приморской области / В.В. Граве // Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. – Вып. 11. – СПб., 1912. – 202 с.
7. Забияко, А.А. Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов / А.А. Забияко // Религиоведение. – 2011. – № 2.
8. Забияко А.А. «Фронтирная мифология» в художественной рефлексии дальневосточных писателей (20–30 гг. XX в.) / А.А. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. – Вып. 9. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2010.
9. Забияко, А.А. Художественная этнография Дальнего Востока: советский и эмигрантский текст / А.А. Забияко // Традиционная культура Востока Азии. – Благовещенск : Амурский госуниверситет, 2014.
10. Забияко, А.А. Трансформация сюжетов китайской мифологии в творчестве дальневосточных писателей 20–40 гг. XX в. / А.А. Забияко, И.А. Дябкин // Религиоведение. – 2013. – № 4.
11. Забияко, А.П. Порубежье / А.А. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Вып. 9. – Благовещенск, 2010.
12. Забияко, А.П. Русские в условиях дальневосточного фронта: этнический опыт XVII – начала XX вв. / А.П. Забияко, Р.А. Кобызов, Л.А. Понкротова // Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. – Благовещенск, 2009.
13. Забияко, А.П. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / А.П. Забияко, Р.А. Кобызов, Л.А. Понкротова. – Благовещенск, 2009. – 412 с.
14. Коллекция «русского харбинца». Каталог собрания В.А. Слободчикова. – М. : Пашков дом, 2006. – 116 с.
15. Невельской, Г.И. Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России. 1849–1855 / Г.И. Невельской. – М., 1947. – 245 с.
16. Пржевальский, Н.М. Опыт статистического описания и военного обозрения Приамурского края (1863). Рукопись / Н.М. Пржевальский. – АГО РФ Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 91об. – 92, 94 об.
17. Русская поэзия Китая: Антология / сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. – М., 2001. – 720 с.
18. Светлов, Н. Чураевцы по белу свету / Н. Светлов // Молодая Чураевка. – 1932. – № 5 (30 июля).
19. Хисамутдинов, А.А. Российская эмиграция в Китае. Опыт энциклопедии / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток, 2002. – 247 с.
20. Шренк, Л.И. Об инородцах Амурского края / Л.И. Шренк. – СПб., 1899. – Т. 2.
21. Щербаков, М. Литература и книгоиздательство / М. Щербаков // Врата. – 1935. – № 2.
22. Щербаков, М. Одиссеи без Итаки / М. Щербаков // Повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы. – Владивосток, 2011. – 480 с.
23. Щербаков, М. Отгул: Стихи / М. Щербаков. – Шанхай, 1944.
24. Щербаков, М. По каналам. С фотографиями автора / М. Щербаков // Слово. – 22.03.1930; По древним каналам. Этнографический очерк // Понедельник. – 1930. – № 1; Священный остров. Очерк о Пути // Парус. – 1932. – Вып. 9.
25. Щербаков, М. Последний рейс / М. Щербаков // Врата. – 1934. – Кн. 1.
26. Щербаков, М. Токсин любви (отрывок) / М. Щербаков // Понедельник (Шанхай). – 1931. – № 2.
27. Щербаков, М. Утес Дракона / М. Щербаков // Врата. – 1935. – Кн. 2.
28. Щербаков, М. Черная серия. Повесть. В 9 гл. / М. Щербаков // Багульник (Харбин) : лит.-худ. альманах. – 1931.
29. Щербаков, М. Шанхайские миниатюры (переводы с китайского) / М. Щербаков // Балтийский альманах. – 1924. – № 2.

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ОРФЕЯ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР

Е.О. Омеличкина

Омеличкина Елена Олеговна – кандидат филологических наук, Docteur en langue et littérature françaises, générales et comparées (France), старший преподаватель кафедры французского языка и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ (г. Москва).

Контактный адрес: elenamel@mail.ru

В настоящей работе исследуется миф об Орфее как один из ключевых символов культуры XX в., в частности русской и французской, являющийся пространством взаимодействия литературы, театра и кино.

Ключевые слова: неомифологизм, мифологический образ, интертекст, интермедальность, взаимодействие искусств.

Миф об Орфее занимает особое место в мировом искусстве. Он предстает в образе поэта, певца, который обращается к вечным вопросам человеческой жизни – любви, творчеству, одиночеству и смерти. Данный мифологический образ стал символом современного искусства, характеризующим напряженный поиск философской истины и религиозных прозрений, гармонии человеческих отношений и добродетели. Он нашел свое воплощение в музыке и балете (К. Монтеверди, Й. Гайдн, Ж. Оффенбах, И. Стравинский), в литературе, особенно в поэзии и драматургии (Р.М. Рильке, Ж. Ануй, Т. Уильямс, Ч. Милош), прозе (М. Юрсенар, Т. Манн, Д. Керуак), в мировом изобразительном искусстве (Я. Брейгель Старший, Тициан, Н. Пуссен, О. Роден), в кино (Ж. Кокто, М. Камю, К. Сантелли) и т.д. Многозначность образа, богатство заключенных в нем смыслов, разнообразие художественных интерпретаций заставляет исследователей постоянно обращаться к этой теме. Мы выделим в ней проблему взаимодействия различных видов искусств в его художественном конструировании.

В культуре XX в. миф, обладающий многообразными сюжетопорождающими возможностями, вновь становится важной формой видения мира и средством личностной рефлексии, структурирует художественное пространство, в котором реализуется совокупность вариаций прототипа. Неомифологическое искусство стремится к синтезу разнообразных традиций, к созданию полисемантического, «многоголосного» текста. Принадлежность адресата и адресанта к одному и тому же лингвокультурному сообществу позволяет говорить о сходстве их картин мира, которое обусловлено наличием «...единых формирующих их образ претекстов» [5: с. 21]. Усваивая содержащиеся в мифологических претекстах знания, автор инкорпорирует полученный опыт в создаваемый им текст, который становится интертекстуальным по своей природе, сочетая «свое» и «чужое». Концепция неомифологизма представляет собой «...сложную систему

искусно сопрягаемых и взаимоотражающих друг друга культурно-эстетических мифов», «...которые не столько воспроизводятся, сколько проигрываются или пересоздаются, тем самым рождая новые мифы, соотносимые с современностью» [2: с. 21]. Ссылаясь на древнейшие мотивы и сюжеты в русле циклической концепции мира и заимствуя их, автор перенимает стилистику архаического мифа и продолжает традицию мифотворчества.

Типаж героя представляет собой интертекстуальное включение на уровне сюжета, он организует пространство повествования. В Колонна, говоря о персонаже художественного произведения, придерживается утверждения, что герой – это идея, ментальное образование; это всегда типизация; характер и действия в герое неотделимы друг от друга [12: с. 145]. Имя мифологического героя символично и объединяет устойчивые и повторяющиеся признаки и функции. Однако, помимо того, что мифологический герой является абстрактным стереотипизированным инвариантом, архетипом, он реализуется на эмпирическом уровне в текстах, принадлежащих той или иной культуре. Персонаж перенимает национальные черты и включает, таким образом, неодинаковый набор функций и характеристик. Он репрезентирует определенную эпоху, обладает большой культурно-исторической емкостью, ценностным содержанием, имеет узнаваемые атрибуты. При этом текст рассматривается в качестве «источника прототипа модели, которая объясняет реальность, часто в аллегорической форме» [15: с. 297].

Одновременно с дешифровкой символического значения мифологического образа опытный читатель, благодаря знанию прототипа и претекста, активизирует сценарий, последовательность событий, что позволяет выстроить сюжетную линию. Литературный герой XX в., вобравший в себя черты мифологического персонажа, становится относительно «предсказуем» для интерпретатора, если автор намеренно не пускает читателя по ложному следу.

Мифологизация в творчестве выдающихся писателей XX в. представляет собой не стилизацию мифа и не попытку возвратиться к мифологическому мышлению, а один из аспектов интеллектуального романа и опирается на весь полученный багаж знаний древней культуры, философии, религии [8: с. 63]. Миф позволял писателям в наиболее общей форме говорить о вечных вопросах, волновавших человечество во все времена, поскольку человек не перестает задавать вопросы о своей природе, судьбе, предназначении [4: с. 101].

Мифы поливалентны и способны транслировать личное отношение автора, но, подвергаясь многочисленным интерпретациям, они накапливают символическое содержание [14: с. 15–16]. В первой половине XX в. возрождается трагедийный жанр, а миф десакрализуется и приобретает актуальное звучание – поэтическое переосмысление пред- и послевоенной действительности. Миф об Орфее в эпоху взаимодействия и диалога различных видов искусств является одним из символов культуры XX в., попыткой «выйти за пределы разочаровывающей действительности» [14: с. 8].

В русской литературе распространен образ разочаровавшегося и уставшего Орфея. Певец выступает героем трагедии Вяч. И. Иванова «Орфей» (1904), драмы И. Анненского «Фамира-кифарэд» (1906), трагедии М. Цветаевой «Федра» (1927) и ее небольшого одноименного стихотворного цикла (1923). Миф об Орфее нашел отражение в поэзии В. Брюсова, В. Ходасевича, О. Мандельштама, Б. Поплавского и многих других.

В трагедии В.И. Иванова, по сути, мы имеем дело с новым мифом. Он связан с идеей богоборчества, с попыткой изменить мировое устройство, тщетной мечтой человека о бессмертии и власти. Вина Орфея заключается в том, что он возомнил себя Богом и захотел наделить бессмертием всех людей. И только мудрость Зевса позволила избежать хаоса.

М. Цветаева берет за основу традиционный мифологический сюжет, но дает глубокую психологическую проработку характеров и поступков главных героев. В центре трагедии находится неразрешимый конфликт между чувством и долгом. В то же время Цветаева настаивает, что любовь Федры к пасынку Орфею не является преступлением, ее всепоглощающая страсть – это, скорее, несчастье или рок. Образ Орфея намеренно идеализируется, как и образ Федры. В трагедии присутствуют различные литературные реминисценции, придавая образу Орфея собирательный характер.

И.Ф. Анненский обратился к образу трагического, мечтательного Орфея, живущего исключительно музыкой и духовными исканиями. Его вера в себя привела к соперничеству с музами, законо-

мерному поражению и наказанию лишением музыкального дара. Однако Анненский усложняет эту историю мучительной любовью нимфы к своему сыну. Но для Орфея выбор между «звездами и женщинами» предопределен его любовью к искусству. Потеряв способность заниматься музыкой и отчаявшись, он лишает себя зрения. Переосмысленный автором миф становится символом стремления поэтической души к творческому самовыражению, воплощением неизбежного и трагического одиночества человека, неспособного поддерживать социальные и духовные связи с окружающим его миром.

Образ Орфея, находящегося «в аду собственной души», встречается в ряде стихотворений Б. Поплавского. В его представлении Орфей своей волшебной музыкой (символом мировой гармонии) разрушает живущий в душе ад. В образе Орфея он выделяет две равнозначные стороны: традиционную поэтически-музыкальную и религиозную (Орфей как небесный Бог). Любовь и смерть способствуют постижению смысла жизни, а поэзия и музыка становятся поиском и выражением индивидуальной сущности человека. Душа поэта стремится к полной свободе, гармонии и целостности. У Б. Поплавского это достигается через смерть, страдания и потери, порождающие катарсис.

В стихотворении В.Ф. Ходасевича «Возвращение Орфея» (1910) появляется мотив лиры-креста, которую несет герой, пытаясь создать более совершенный и гармоничный мир, взывая к всевидящему Богу. Он предстает творцом, чей талант не востребован, и наделяется следующими эпитетами: бедный, несчастный, слабеющий, скучающий. Потеряв любимую Эвридику, Орфей «еще сжимает лирную дугу», но силы оставляют его. Примечательна бинарная оппозиция – страдающий творец и веселящаяся толпа: «несчастен, кто несет Коцитов дар стенок на берега земных веселых рек!» Орфей погружен в уныние, так как люди не нуждаются в тех знаниях, которые он принес. Горькое ощущение прожитой жизни рисуют образ одинокого Орфея, уставшего от восхищения непонимающей толпы.

Во французской литературе обращение к античным сюжетам оказалось наиболее продуктивным в драматургии. Ж. Кокто в пьесе «Орфей» (1926) посредством мифа апеллирует к чувственному восприятию читателя и зрителя. Сцена становится местом встречи зримого и незримого, а реминисценция представлена структурообразующим элементом бытия персонажей. Автор, во многом отождествляя себя с героем, для поиска высшего смысла бытия погружается во внутреннее «я». Кокто модернизирует сюжет о знаменитом древнегреческом певце и музыканте, символе красоты и силы искусства, который после смерти своей жены Эвридики спускается за ней в Аид, но, взглянув на нее до вы-

хода из подземного царства, нарушает условие ее воскрешения. Автор берет только каркас античного сюжета. В пьесе упоминаются вакханки, жрицы Диониса, растерзавшие Орфея. Действие разворачивается во Фракии, однако, место и время предельно условны. Кокто насыщает пьесу современными смыслами. Так, Орфей предстает в образе пресыщенного жизнью и славой поэта, который жаждет новых источников вдохновения. Сама пьеса и символические образы в ней «воссоздают единый многомерный образ души, стремящейся к самопознанию» и подлинному искусству [9: с. 126], однако, поддающейся искушениям. Вводятся новые персонажи: помощники Смерти в медицинских халатах, среди которых Азраэль, ангел Смерти у Мусульман; влюбленный в Эвридику стекольник Эртебиз, комиссар. Смерть персонифицируется в привлекательную молодую женщину в элегантном бальном платье и манто.

Отношения между Орфеем и Эвридикой намеренно заземлены автором и приближены к трудным отношениям молодых супругов:

Eurydice. – Orphée, mon poète... Regarde comme tu es nerveux depuis ton cheval. Avant tu riais, tu m'embrassais, tu me berçais; tu avais une situation superbe. Tu étais chargé de gloire, de fortune. Tu écrivais des poèmes qu'on s'arrachait et que toute la Thrace récitait par cœur. Tu glorifiais le soleil. Tu étais son prêtre et un chef. Mais depuis le cheval tout est fini. Nous habitons la campagne. Tu as abandonné ton poste et tu refuses d'écrire. Ta vie se passe à dorloter ce cheval, à interroger ce cheval, à espérer que ce cheval va te répondre. Ce n'est pas sérieux.

Orphée. – Pas sérieux? Ma vie commençait à se faire, à être à point, à puer la réussite et la mort. Je mets le soleil et la lune dans le même sac. Il me reste la nuit. Et pas la nuit des autres! Ma nuit. Ce cheval entre dans ma nuit et il en sort comme un plongeur. Il en rapporte des phrases. Ne sens-tu pas que la moindre de ces phrases est plus étonnante que tous les poèmes? Je donnerais mes œuvres complètes pour une seule de ces petites phrases où je m'écoute comme on écoute la mer dans un coquillage. Pas sérieux? Que te faut-il, ma petite? Je découvre un monde. Je retourne ma peau. Je traque l'inconnu [11: p. 94].

Появление в доме говорящей белой лошади с человеческими ногами меняет Орфея и заставляет отказаться от подлинного творчества. Теперь он пытается лишь зафиксировать произнесенные лошадью слова, принимая их за великую поэзию. Восхищение лошадью метафорически сравнивается с чувством упоения от шума моря. Устав от земной славы, Орфей погружается в ослепление мнимыми открытиями, не замечает и отталкивает Эвридику и приближает смерть. Эвридика противопоставляет

нынешнее удрученное состояние Орфея его былой жизнерадостности и успеху его поэзии во Фракии. Он был жрецом солнца, но из-за лошади почти перестал писать и замкнулся в себе. Подобное заблуждение напоминает искушение Фауста перед лицом Мефистофеля.

Финал пьесы Ж. Кокто предельно религиозен и оптимистичен. Прозревший Орфей читает молитву и благодарит Всевышнего за спасение Эвридики, себя и их семьи:

Mon Dieu, nous vous remercions de nous avoir assigné notre demeure et notre ménage comme seul paradis et de nous avoir ouvert votre paradis. Nous vous remercions de nous avoir envoyé Heurtebise et nous nous accusons de n'avoir pas reconnu notre ange gardien. Nous vous remercions d'avoir sauvé Eurydice parce que, par amour, elle a tué le diable sous la forme d'un cheval et qu'elle en est morte. Nous vous remercions de m'avoir sauvé parce que j'adorais la poésie et que la poésie c'est vous. Ainsi soit-il [11: p. 137].

Орфей признает свои заблуждения, кается и обретает в своем доме единственный рай. Он оценил жертву Эвридики, которая спасла его от дьявола в облике лошади ценой собственной жизни, и благодарен ангелу-хранителю Эртебизу. Сбросив оковы смерти, Орфей возвращается к Богу и видит в поэзии божественный и сакральный смысл. Столкновение со смертью (утрата Эвридики и прохождение через подземное царство) возвращает его к истинным ценностям – полюбить реальность.

По утверждению Ю.М. Лотмана, освоение мира происходит путем превращения его в текст, т.е. выраженный в знаках языка фрагмент картины мира автора. Любое бытие предполагает наличие нескольких пересекающихся сознаний. Тексты формируют единое интертекстуальное пространство и продуцируют новые литературные практики, что позволяет рассматривать текст как открытую, саморегулирующуюся структуру с присущей ей диалогичностью, цитатностью и реминисценциями. Открытость текста наблюдается как по отношению к иным художественным структурам, так и по отношению к читателю-интерпретатору, «тезаурус которого также представляет собой определенную незамкнутую систему пресуппозиций» [3: с. 21]. В его обязанности входит грамотная дешифровка и толкование интертекстуального кода, следовательно, чем богаче культурный опыт читателя, тем больше смысловых пластов он найдет в том или ином тексте. У читателя появляется альтернатива – проигнорировать интертекстуальную ссылку либо обратиться к первоисточнику.

Ж. Женетт [13] определяет интертекстуальность как тип отношений, когда в одном тексте сосуществуют два или более текста (тексты предшествую-

щей и окружающей культуры). Уровень интертекста предполагает не только взаимодействие с ранее созданными текстами, но также передает специфику определенного исторического среза, социума и культуры. Интертекст представляет собой сложный синтетический продукт, в котором возобновляются концепты и средства их языковой репрезентации.

Уже в античной философии в той или иной форме рассматривались проблемы синтеза различных видов искусств. Речь шла о взаимодействии литературы с театром, музыкой, скульптурой и т. д. В 1812 г. поэт-романтик С.Т. Кольридж вводит понятие «интермедальность» для обозначения нарративной функции аллегии. Во второй половине XX в. оно получило новое концептуальное значение, связанное со слиянием различных видов искусств и переходом с одного языка на другой в рамках общей культуры, а так же объединением различных элементов искусств в отдельном художественном тексте. Это привело к разработке интермедального подхода в изучении современной культуры и литературы.

В докинематографическую эпоху «художник был связан однолинейностью последовательного развития». Теперь благодаря универсальному кинометоду, применимому и к музыке, и литературе, и театру, художник может эстетически обновить любое из искусств [10: с. 23]. А. Базен, рассуждая о родстве и взаимодействии кинематографа с литературой и драматургией, переосмысливает понятия «экранизированный театр» и «кинематографический театр»: не существует таких пьес, которые «независимо от их стиля не могли бы быть перенесены на экран, лишь бы постановщики сумели придумать способы преобразования сценического пространства в соответствии с данными кинематографической мизансцены». При этом наблюдается обратный процесс – кинофикация театра, под влиянием кино Ж. Кокто модифицирует театральные постановки, которые, соблюдая верность духу театра, приносят ему новые структуры, созвучные современности и зрительскому ожиданию [1: с. 194].

Мир кино, по словам Ю. М. Лотмана, это «зримый нами мир, в который внесена дискретность» [6: с. 306]. Художники, активно использующие в том или ином качестве кино в театре, ощущают некую недостаточность линейной реальности, и это толкает их к преодолению театральной условности посредством кино. Оно воздействует на структуру и образный строй театрального спектакля и формирует новый язык, родившейся в процессе взаимодействия (монтаж, simultaneity сценического действия, изменение ракурса, кадрирование сцен, крупный план актера или детали, быстрый темп, резкое освещение, деление пьесы-сценария на эпизоды, и т.д.) [7: с. 12–42].

В своей пьесе «Орфей» Ж. Кокто, будучи не менее прославленным режиссером, использовал различные приемы, присущие кинематографу. Так, Эртебиз некоторое время парит в воздухе, одним из действующих лиц является говорящая лошадь, с комиссаром разговаривает оторванная от туловища голова Орфея. Автор уделяет большое внимание деталям и вещам, кадрюет сцены. Один из самых ярких эпизодов – прохождение Орфея через зеркало, которое является порталом в потусторонний мир и символом старения и увядания человека, так как, по словам самого Кокто, зеркала – это двери, в которые входит смерть, чтобы забрать человека в мир мертвых. Однако в эти двери можно зайти и с обратной стороны, если вера и любовь достаточно сильны.

В одноименном сюрреалистическом фильме, который Ж. Кокто снял в 1950 г., основываясь на своей пьесе, еще раз переосмыслен образ Орфея. Здесь он представлен в образе современника автора, парижского поэта, записывающего в гараже обрывистые сообщения, переданные некогда по радиоприемнику другим поэтом, и которые Орфей возводит в ранг великой поэзии. Орфей заморожен таинственной принцессой в черном – Смертью, которая влюблена в него и идет на преступление, чтобы его заполучить. Автор усиливает любовный конфликт, сталкивая земное и потустороннее. Любовь Смерти к Орфею и Эртебиза к Эвридике становится темой небесного суда. Автор использует аллюзию на запретную любовь между француженками и немцами во время Второй мировой войны, что осуждалось военным трибуналом и каралось наказанием. Язык Кокто сохраняет свою театральность. Долгие философские диалоги и монологи, поэтичность языка, символичность, статичность камеры, театральные декорации и условность превращают фильм «Орфей» в синтез литературы, кино и театра.

Миф является не только пересечением смыслов и открывает новые возможности для интерпретации, но и способом декодирования национальной культуры. Миф об Орфее можно рассматривать как бродячий сюжет и вечный образ, который в той или иной культуре обретает новое символическое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базен, А. Театр и кино / А. Базен // Что такое кино. – М.: Искусство, 1972. – С. 146–195.
2. Белокурова, С.П. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс] / С.П. Белокурова. – Режим доступа: <http://grammar.ru/LIT/?id=3.0> (дата обращения 25.01.2015).
3. Гончарова, Е.А. К вопросу об изучении категории «автор» через проблемы интертекстуальности / Е.А. Гончарова // Интертекстуальные связи в художественном тексте. – СПб.: Образование, 1993. – С. 20–28.
4. Егоров, Н.С. Миф в современной французской драме в 30–40-е годы XX века / Н.С. Егоров // Литература и мифо-

логия : сб. науч. тр. ; науч. ред. А.Л. Григорьев. – Л., 1975. – 290 с.

5. *Литвиненко, Т.Е.* Интертекст и его лингвистические основы (на материале латиноамериканских художественных текстов): дис. ... канд. филол. наук / Т.Е. Литвиненко. – Иркутск, 2008. – 380 с.

6. *Лотман, Ю.М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю.М. Лотман // Об искусстве. – СПб., 1998. – С. 287–372.

7. *Матвиенко, К.Н.* Кинофикация театра : очерки прошлого и настоящего / К.Н. Матвиенко // Киноведческие записки. – 2010. – № 96. – С. 12–42.

8. Мифы народов мира, мифологическая энциклопедия в двух томах / под ред. С.А. Токарева. – М. : Советская энциклопедия, 1982. – Т. II. – 719 с.

9. *Модина, Г.И.* Традиции японского театра но в пьесе Маргерит Юрсенар «диалог в трясине» / Г.И. Модина //

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2004. – № 2(2). – С. 123–126.

10. *Пиотровский А.И.* Кинофикация искусств / А.И. Пиотровский. – Л. : Издание автора, 1929. – 48 с.

11. *Cocteau, J.* Orphée / J. Cocteau // Thomas l'imposteur, la voix humaine, La machine à écrire, Poésies. – Moscou : Editions du Progrès, 1976. – P. 87–137.

12. *Colonna, V.* A quoi sert un personnage? / V. Colonna // La Fabrique du personnage, dir. F. Lavocat. – Paris: Honoré Champion, 2007. – P. 145–152.

13. *Genette, G.* Palimpsestes. La littérature au second degree / G. Genette. – Paris : Seuil, 1982. – 561 p.

14. *Kushner, E.* Le mythe d'Orphée dans la littérature française contemporaine / E. Kushner. – Paris, 1961 – 542 p.

15. *Noille-Clauzade, C.* Qui était Chimène? Le personnage et ses possibles au XVIIe siècle / C. Noille-Clauzade // La Fabrique du personnage, dir. Fr. Lavocat dir. – Paris : H. Honoré Champion, 2007. – P. 296–299.

ФИЛОСОФИЯ ВЕРБАЛИЗАЦИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

СПЕЦИФИКА ТРАДИЦИОННОЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

О.В. Степанок

Степанок Ольга Владимировна – аспирант 3-го года очного обучения по специальности 24.00.01 «Теория и история культуры». Дальневосточный федеральный университет, Школа искусства, культуры и спорта, кафедра культурологии и искусствоведения (г. Владивосток).

Контактный адрес: redelina@mail.ru

Автором исследуются отдельные элементы традиционной русской культуры. Материалом исследования служат работы известных отечественных ученых и литературные произведения русских писателей. Автор утверждает, что в работах исследователей русская культура представлена идеациональной и материальной составляющими. В литературных произведениях русских писателей дается широкая панорама культуры повседневности русского народа. При этом в произведениях русских писателей XIX в. русская культура также распадается на две составляющие: дворянская и культура народных масс. Автор отмечает, что традиционная русская культура охраняется литературой, но она исчезает в современной городской среде. Поэтому проблема структурирования и маркировки русской национальной культуры не снимается.

Ключевые слова: русская культура, традиционная русская культура, материальная культура, идеациональная культура, культура повседневности, дворянская культура, народная культура.

После развала Советского Союза в российском/русском обществе усилился интерес к истокам русской национальной культуры. Перед широкими общественными слоями встал вопрос: «Мы русские – кто мы?». Попытки дать ответ на него спровоцировали широкие дискуссии. Но проблема заключается в том, что в этих дискуссиях нет четкого понимания того, что собой представляет традиционная русская культура.

Русская традиционная культура является сложным феноменом, сложившимся исторически. У исследователей нет единой концепции ее формирования и содержания, ибо она сочетает в себе культуру различных социальных страт, например, светских представителей и православную культуру, культуру высших слоев русского общества и культуру простых народных масс, как это было в XIX в. и частично существует сейчас, и даже паттерны иностранной культуры. Отечественные исследователи это неоднократно подчеркивали в своих работах. В качестве иллюстрации можно сослаться на работы Ю.М. Лотмана [7; 8], Д.С. Лихачева [6], Л.Н. Гумилева [2], И.Е. Забелина [3] и других отечественных культурологов и историков. А.М. Ковальчук отмечал, что в процессе современной глобализации возникла опасность нивелирования культурных различий между народами, исчезновения культурного разнообразия, являющегося источником творческого развития мировой цивилизации». И центральным признаком идентификации русской культуры, по мнению автора, является русский язык и русские литературные образы [4].

Многие авторы на конкретных примерах показали наличие иностранных культурных элементов в русской традиционной культуре. В содержание понятия «традиционная русская культура» вошли такие ее составляющие, как народный быт, устройство домов, чин, церемонии, обряды, архитектура, литературные памятники и т.д.

При анализе традиционной русской культуры многие современные исследователи обращаются к православной культуре, это подчеркивалось не раз на Всероссийском форуме «Дальневосточные образовательные чтения памяти святых Кирилла и Мефодия», который обычно проходит в мае в г. Владивостоке [12]. Но за пределами православной культуры остаются быт русского человека, его нравы, повседневная культура, развлечения, церемонии, творчество. К сожалению, и литературные произведения русских писателей не дают полного представления об этих элементах русской традиционной культуры. Поэтому данный вопрос стал предметом нашего исследования.

О.В. Плебанек в одной из своих работ отмечает два типа культуры: материальную и идеациональную. Идеациональный тип (ideational) соответствует культуре, где преобладают сверхчувственные, духовные ценности. «Такая интерпретация функций культуры отвечает установившемуся в современной культурологии определению культуры как способа и формы существования, связанных с использованием искусственных средств взаимодействия с действительностью, имеющих материальное (искусственные органеллы – орудия труда, заменяющие отсутствующий коготь, клык и т.д.) и иде-

ациональное (искусственные регуляторы поведения – нормы, традиции, право, политику, этику и т.д., замещающие инстинкты) содержание» [10: с. 73]. Автор также отмечает, что «в отечественных исследованиях институционализация теоретических знаний о культуре способствовала выработке принципиально нового подхода к концепту культуры, на основе которого стало формироваться культуроцентристское видение общественных отношений. Этот подход восходит к работам В. Степина, который определяет культуру как систему исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее проявлениях» [10: с. 74].

Оба типа культуры находят свое отражение и в традиционной русской культуре. Их описание легко обнаружить в литературных источниках. Так, русский историк XIX в. И.Е. Забелин рассматривает домашний быт русских царей в XVI–XVII вв. Именно этот временной промежуток, по мнению автора, «является эпохой последних дней для домашней и общественной старины, когда все, чем была сильна и богата эта старина, высказалось и закончилось в такие образы и формы, с которыми, по тому же пути дальше идти было невозможно» [3: с. 3]. И.Е. Забелин обращает внимание на тесные связи русского государства с Византией, описывает то, как чин влиял на домашний быт царей. Автор уже тогда подчеркивал заимствование русской культурой определенных культурных элементов чужих культур. Так, например, И.Е. Забелин отмечал, что вотчинный тип московского князя отражался на всех мелочах и порядках домашней жизни и домашнего хозяйства. При этом автор описывает это так: «Сквозь великолепные позитивные, ослеплявшие блеском и богатством декорации царственного сана виднелась до крайности простая и наивная, общая всему народу, действительность, равнявшая государя с последним сиротой его государства, т.е. со всяким хозяином-домовладкой из посадских слобод и крестьянских деревень, не говоря уже о помещиках и вотчинниках из служилого сословия, где тип государя-хозяина являлся преимущественным определением жизни и всех условий быта» [3: с. 9]. Как видим, здесь И.Е. Забелин описывает элементы русской культуры, условно относимые нами к материальному типу.

Другой пример мы найдем у Д.С. Лихачева, где он обосновывает европейскую ориентацию русской культуры, вобравшей в себя христианские ценности, и в то же время раскрывает природу национальной самобытности России, проявляющейся в канонах исконно русской эстетики и в православной религиозной практике [6]. В данном случае преобладает идеациональный тип русской культуры.

Ю.М. Лотман в своих исследованиях формирует наше представление о традиционной русской культуре на примере дворянской и светской повседневности XVIII – начала XIX вв. Дворянство Московской Руси представляло собой «служилый класс», т.е. состояло из профессиональных слуг государства, главным образом военных и вотчинников-бояр, которые служили великому князю. Как мы помним, Петр I «прорубил окно в Европу», ввел много европейских символов и титулов, а Екатерина II поспособствовала тому, что дворянство окончательно закрепилось как господствующее сословие, которое может беспрепятственно ездить «в чужие края» и «вступать в службы прочих европейских союзных держав». Ю.М. Лотман, характеризуя допетровскую и петровскую эпохи российского государства, отмечает, что «европеизация» страны сопровождалась новыми знаковыми системами, которые проникли в российскую культуру [8].

Как видим, у Д.С. Лихачева и Ю.М. Лотмана исследование русской культуры сконцентрировано, скорее, на идеациональном ее типе, чем на материальном. Заметим, что источниками в исследовании для Ю.М. Лотмана служили литературные памятники и литературные произведения. Так, автор описывает историю русского быта, обращая внимания на стихи А.А. Блока: «Случайно на ноже карманном, найди пылинку дальних стран – и мир опять предстанет странным» [7: с. 7]. Данный пример отчетливо показывает, что в русской культуре присутствуют и инокультурные образцы. Стихи А.А. Блока были для Ю.М. Лотмана как бы символом иной культуры.

В свою очередь, Л.Н. Гумилев кратко описывает национально-исторический путь России следующим образом: «Вся история человечества состоит из череды изменений: смена империй, царств, вер и смены традиций, и <...> это не имеет никакой внутренней закономерности, а представляет собой не поддающийся объяснению хаос» [2: с. 8].

Анализ работ разных авторов, не только перечисленных в данной статье, показывает, что традиционная культура развивается по одному и тому же принципу. Любой народ все явления, связанные с традициями, пропускает через свой быт, нрав, веру, одним словом, через свою «призму». Проектируя этот вывод на русскую культуру, можно заметить, что, начиная с реформ Петра I, традиционный быт дворян уже отличался от быта русских крестьян. Такая разница оказывала существенное влияние на последующую интерпретацию и использование национальных традиций. Кроме того, собственные традиции появлялись и у других социальных слоев.

В дифференцированных обществах, как правило, существовало множество разнообразных вре-

менных ориентаций, устремлений на ту или иную историческую эпоху, рассматриваемую в качестве подлинно-традиционной и образцовой.

Д.С. Лихачев, говоря, например, о российской культуре, выделяет такое понятие, как «Святая Русь», – это святыни нашей культуры: ее наука, ее тысячелетние культурные ценности, ее музеи, включающие ценности всего человечества, а не только народов России. Хранящиеся в России памятники античности, произведения итальянцев, французов, немцев, азиатских народов также сыграли колоссальную роль в развитии российской культуры и являются российскими ценностями, поскольку, за редкими исключениями, они вошли в ткань отечественной культуры, стали составной частью ее развития [6]. Как подчеркивает Д.С. Лихачев, из Византии и Болгарии пришла на Русь духовная европейская культура, а с севера – другая, языческая, дружинно-княжеская военная культура Скандинавии. По мнению автора, мир русской культуры необычайно богат, «однако мир может катастрофически быстро беднеть, и это происходит не потому, что люди перестали «творить», а потому, что сегодня все чаще прибегаем к словам пошлым, пустым, стертым, не укорененным в традиции культуры, легкомысленно и без видимой надобности заимствованным на стороне» [6: с. 15].

Названные нами исследователи настаивают на том, что русская традиционная культура имеет материальные носители, которые, вероятно, можно рассматривать как маркеры русской традиционной культуры. Выделить их на основе литературных источников можно, но будут ли они действительно характеризовать русскую культуру «в целом», станут ли они настоящими маркерами русской традиционной культуры?

По мнению Д.С. Лихачева, традиционно-русская культура уходит корнями в европейскую, а точнее – в западно-европейскую культуру, которая сохранила в себе все культуры: античность, ближневосточную культуру, исламскую и буддистскую, а поэтому, по мнению Д.С. Лихачева, европейская культура является культурой общечеловеческой. Так, автор приводит пример того, что русский царский род через Рюрика восходит к римскому императору Августу, следовательно, Великие князья и цари Москвы – законные наследники Августа. Другим примером будет служить Успенский собор Московского Кремля, для постройки которого были приглашены итальянские архитекторы из разных городов. Московский Кремль построили с теми же зубцами, что и Милан, символизирующими духовную власть папы [6].

Таким образом, если следовать Д.С. Лихачеву, мы, принадлежащие к культуре России и к русской культуре в частности, должны принадлежать к

общечеловеческой культуре через принадлежность именно к европейским традициям. И возникает естественный вопрос, какая сейчас русская традиционная культура, ведь она составная часть славянской культуры.

Обратимся к анализу литературных произведений русских писателей, и попытаемся на основе их произведений выделить какие-либо характерные черты русской традиционной культуры. Произведения русской классической литературы являются образцовыми и имеют непреходящую ценность для национальной и мировой культуры. Произведения известных нам писателей и поэтов – А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова и др. – объединяет одна идея. Прежде всего, в любом их произведении мы видим человечность отношений, уважение и почитание старших. Заметим, что обычно в классических литературных произведениях поднимался вопрос и о деньгах, но это не трансформировалось в образ жизни героев и персонажей.

Если опираться на произведения классической литературы, то можно заметить, что уже одежда разделяла людей на два социальных класса: простой народ и дворянство. Так, в начале XIX в. А.С. Пушкин дает четкое представление о разной культуре повседневности дворян и крестьян. В маленькой повести «Барышня-Крестьянка» один из персонажей-дворян, Григорий Иванович Муромский, представлен на английский манер: «Английский сад да поля обрабатывались по английскому методу, конюхи одеты английскими жокеями, дама сердца – англичанка, которая пользовалась белилами и духами» [11: с. 109]. А.С. Пушкин отмечает, что крестьяне этого барина не могли равнодушно говорить об англomanии своего хозяина и поминутно находили случай его критиковать. В свою очередь, барышни смеялись над одеждой крестьянок, так как на их платьях «были нашиты не цветы, а сушеные грибы», и что те не понимали иностранных слов. Внешний облик крестьянки в романе «Барышня-Крестьянка» представлен просто: толстая рубашка, сарафан и лапти.

Во второй половине XIX в. другой русский писатель Н.А. Некрасов в поэме «Русские женщины» дает нам пример внешней демонстрации облика русской женщины. Сначала мы видим Екатерину Трубецкую на светском балу с алыми лентами, вплетенными в две русые косы, и в сарафане. Далее можем увидеть женщину с венком на голове и с корзиной в руках, мужчину, с плеча которого свисает доха (шуба), под ней кресты и мундир, а на голове шляпа с перьями петуха [9: с. 101–135]. Если следовать историческим описаниям того времени (середина XIX в.), то действительно у русских мужчин и женщин часто встречались данные пред-

меты одежды. Внешний облик персонажей является неким отражением традиционной русской культуры, но эти внешние признаки не передают истинную суть русской женщины. А сутью Е. Трубецкой была ее верность мужу, преданность ему и ее поездка за ним в Сибирь. И вот там она была признана действительно русской женщиной. Как видим, все это является идеациональной составляющей русской культуры.

Другой великий русский писатель – Лев Толстой. Опираясь на его роман «Анна Каренина», мы можем утверждать, что заимствование иностранных элементов в традиционной русской культуре имеет глубокие корни. Например, у Л.Н. Толстого находим в тексте романа следующее описание: «для чего трем барышням нужно было говорить через день по-французски и по-английски? Для чего ездили учителя французской литературы, музыки, рисованья, танцев? Для чего три барышни подъезжали в коляске к Тверскому бульвару в своих атласных шубках? Для чего им, в сопровождении лакея с золотой кокардой на шляпе, нужно было ходить по Тверскому бульвару?» [13: с. 24]. С одной стороны, по мнению Л.Н. Толстого, барышни жили в своем таинственном мире. Но с другой стороны, так же, как и в современной действительности, в отдельном мире живут представители различных субкультур. Таким образом, Л.Н. Толстой показал нам особую субкультуру – субкультуру дворян, с их особой повседневной культурой.

Таким образом, принадлежность к дворянскому роду определялась, прежде всего, по одежде. В культуре повседневности в конце XIX в. это могли быть: шелковый подклад на халате, европейское платье или рубашка, часы с двойной цепочкой и брелоками, портсигар, обязательно шляпа, духи, сюртук, жакет.

Но дворяне и крестьяне являются русскими людьми. Так что их связывает? Почему и на основании чего они являются русскими? По крайней мере, их связывает не язык. В дворянской среде – это французский, отчасти английский язык, а крестьяне говорили на русском языке, который имел свои субкультурные особенности. С другой стороны, в том же произведении Л.Н. Толстого «Анна Каренина» мы обнаружили указания на поистине русские удовольствия: рысаки (знаменитая русская порода легкоупряжных лошадей), блины, медвежья охота, тройки (лошади), цыгане и кутежи (попойка с угощениями) с русским битьем посуды. Там же встречаем описание тех негативных черт русского человека, которые характерны для него и сегодня: «наша русская лень и барство»; «русский мужик свинья и любит свинство, и чтобы вывести его из свинства – нужна власть»; «это наше русское рав-

нодушие», «русский – лишен всякого политического такта»; «мы, русские, всегда так: мы пересаливаем, мы утешаемся иронией, которая у нас всегда готова на языке» [13: с. 28].

Отметим, что роман «Анна Каренина» входит в Золотой фонд мировой литературы и переведен на многие языки мира, а также включен в учебные программы различных учебных заведений. И мы можем в определенной степени полагать, что представление о русском человеке, как о пьянице, равнодушном и ленивом, сформировалось не без помощи русской литературы. И роман «Анна Каренина» не единственный тому пример. Например, в поэме «Мертвые души» Н.В. Гоголь данное утверждение закрепляет фразой: «Статский советник по русскому обычаю, с горя запил» [1: с. 237]. К сожалению, основания к сформулированному выводу имеются и в современной повседневной практике.

Частью русской культуры повседневности являются жилища. Специфика русского жилья также отражена в литературных произведениях разных жанров. Например, неотъемлемым элементом русского быта, ставшим в дальнейшем частью традиционной русской культуры, выступает печь. Она часто фигурирует в народных сказках и в рассказах русских писателей. Так, былинный Илья Муромец провел на ней 33 года, а Емеля из русской сказки даже на ней ездил. В литературных произведениях упоминается и английский камин, однако, он стал особой привилегией российского дворянства и неотъемлемой частью дворцовых интерьеров. Считалось, что камин подчеркивает статус хозяина дома. Например, наличие камина мы встречаем в рассказе А.П. Чехова «Дама с собачкой», он был в доме у Дмитрия Гурова, ведущего светский образ жизни. Гуров прислушивался, как метель завывала в камине, и ему казалось, как возлюбленная глядит на него из камина [14: с. 381].

Чисто русские элементы мы находим в описании и крестьянской избы, и отдельных помещичьих усадеб. Литературные произведения помогают читателям воссоздать образ и русских селений. Например, дома у московских зажиточных семей были с резными князьками, а около них росли кудрявые березы. Такие описания встречаются в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» [13]. В произведении Н.В. Гоголя «Мертвые души» Павел Иванович Чичиков обращает внимание на сельские крестьянские строения: «Бревно на избах было темно и старо, а на иных оставался только конек вверху да жерди по сторонам в виде ребер». Далее переносимся в закусную: «Трактир был что-то вроде русской избы: резные узорочные карнизы из свежего дерева, на ставнях были нарисованы кувшины с цветами». А в самом трактире на столах стояли заиндевший самовар, трехугольный шкаф

с чайниками и чашками, фарфоровые вызолоченные яички пред образами, висевшие на голубых и красных ленточках, натканные пучками душистые травы и гвоздики у образов [1: с. 111–113].

Первая дверь в дом всегда вела в сени. Об этом упоминается в рассказе А.П. Чехова «Палата № 6». Следуя за героями произведения, переносимся в приемную к фельдшеру, где на стенах висят портреты архиереев, вид Святогорского монастыря и венки из сухих васильков, на сукне графинчик с водкой и соленый огурец [15: с. 278–290].

Для того чтобы воссоздать русский быт у себя в столовой, мещанка Ольга Ивановна – героиня рассказа А.П. Чехова «Попрыгунья», – оклеила стены в столовой лубочными картинками, повесила лапти и серпы, поставила в углу косу и грабли, и получилась столовая в русском вкусе, хотя интерьер всего жилища был на западный манер. В гостиной она увешала стены своими и чужими этюдами, рядом с роялем разместила мольберты и бюсты, в спальне над кроватями повесила венецианский фонарь [16: с. 247]. Этот намек на русский быт подчеркивает подражательность и манерность в поведении Ольги Ивановны и никакого отношения к традиционной русской культуре не имеет.

Заметим, что быт и повседневная культура дворян имеет много гибридных черт, являющихся следствием заимствования элементов быта и культуры европейцев. Но мы можем встретить упоминание и об элементах иной культуры, не европейской. Во всех перечисленных выше классических литературных произведениях герои, будучи светскими людьми, говорили, питались, одевались на французский манер. Однако в поэме «Мертвые души» Н.В. Гоголь отмечает, что в том же трактире «стоял прислоненный боком к стене шкаф с старинным серебром, графинчиками и китайским фарфором» [1: с. 115], а в рассказе А.П. Чехова «Попрыгунья» героиня «около рояля и мебели устроила красивую тесноту из китайских зонтов» [16: с. 247].

В произведениях периода гражданской войны и советского времени мы также наблюдаем, как элементы русской повседневной культуры соседствуют с элементами повседневной иностранной культуры. Например, в произведении М.А. Шолохова «Тихий Дон» упоминается русская печь, на которой лежат дети, самовар в кухне, русская одежда – шуба да валенки. Но также мы видим жену русского офицера в заграничном кружевном белье, хотя ее супруг так и не оценил прелести голландского кружева. Мы хорошо представляем образ русского офицера, который был всегда одет в длинную рубашку, подпоясанную кавказским или шелковым ремешком, казацкие шаровары с лампасами, заправленные в белые шерстяные чулки. М.А. Шолохов упоминает, что на подоле рубахи виднелись крас-

ные, вышитые гарусом узоры, а на голове «по самые восковые крупные уши надвинут картуз с кокардой» [17: с. 116].

В современном казачьем быту одежда русских казаков сохранилась до сих пор. Казачество – это особое сословие, которое охраняло русскую границу и одновременно оставалось вольным. В 1990 г. эта специфика стала резко акцентироваться и подчеркиваться самими казаками, но, к сожалению, сегодня, не все знают о специфике их быта. Так, в одной из программ телевизионного шоу «Две звезды» актер Александр Михайлов, исполняя песню «На дальнем берегу», предстал перед зрителями в казачьей одежде, но члены жюри – русские деятели культуры и искусства – не определили временной и социальный контекст постановки и не увидели элементов казачьей культуры. И снова встает вопрос: говоря о национальной русской культуре, что, собственно, мы знаем о ней?

В XX в. быт и культура повседневности трансформируются. Советская индустриализация внесла свои коррективы в быт не только русских крестьян.

В послевоенные годы представление о русском быте современной сибирской деревни нам хорошо дает советский писатель Виль Липатов. В своем романе «И это все о нем» автор описывает стандартные домики из брусчатки, выпирающий из деревянного ансамбля здоровенный, но тоже бревенчатый клуб, гаражи, механические мастерские, десятка три старых домов специфической сибирской архитектуры – с пристройками амбарного типа, женщину с коромыслом и в резиновых сапогах, в деревенском доме на крыльце медный рукомошник, а под ним ушат, который до сих пор сохранился в деревнях. А молодоженам за счастье надо было иметь «скрипучие металлические кровати с пружинными сетками», которые мы также можем встретить у старшего поколения. Была и простая русская одежда, и иностранная «пижонская» одежда. Например, у Никиты Суворова короткая телогрейка и сатиновая рубашка, а у капитана милиции Прохорова «сверкали очень дорогие, пижонские туфли французского происхождения, а из-под них выглядывали узорчатые носки» [5].

Как видим, элементы иностранного заимствования есть и в культуре повседневности советского периода. Но теперь уже элементы иной культуры встречаются у широких слоев населения. Вызывающим для тракториста считались: хорошие джинсы, прошитая белыми нитками кожаная куртка, на темной рубашке – галстук, а необычность вызывала брезентовая куртка и капитанская фуражка. Или девушка в платье на пуговицах и в резиновых «вьетнамках». В одежду входит такое понятие, как «клетчатая ковбойка», которая вместе с джинсами пришла с Запада. В послевоенные советские годы,

со слов В. Липатова, «бабы постарше оделись в полупальтишки из черного материала, похожего на бархат, мужики поменяли гимнастерки на пиджаки, а к телогрейкам уже кое-кто стал пришивать овчинные воротники» [5].

Еще одним элементом традиционного русского быта может выступать русский праздничный стол и русская водка. Ее присутствие мы можем обнаружить не только в классических литературных произведениях: у А.С. Пушкина в «Барышне-крестьянке», Л.Н. Толстого в «Анне Карениной», А.П. Чехова в «Палате № 6», М.А. Шолохова в «Тихом Доне» и т.д. Вообще-то русскую кухню легко было определить во все времена. В романе «И это все о нем» В. Липатов описал советский стол, который мало чем отличается не только от современного, но и от простонародного из XIX в.: «графинчик водки, колбаса, холодное мясо, свежие огурцы, помидоры, толсто нарезанное сало и селедка с луком» [5].

Постсоветская русская культура начала XXI в. формируется из советской культуры, в которую возвращаются элементы культуры Российской империи. При этом легко выявляются, как минимум, два источника современной русской культуры: это европеизированная культура русского дворянства и культура русских мещан и крестьян. Элементы иностранной повседневной культуры, которые быстро впитываются в быт русского человека, также могут быть отнесены к источникам современной русской культуры. Недаром Н.В. Гоголь сказал: «Русский человек способен ко всему и привыкает ко всякому. Пошли его хоть в Камчатку да дай только теплые рукавицы, он похлопает руками, топор в руки, и пошел рубить себе новую избу» [1: с. 154].

Таким образом, традиционная русская культура является сложным феноменом, сформировавшимся исторически. И нет единой концепции ее формирования и ее содержания, поскольку она сочетает в себе культуру различных социальных страт и условий. Кроме того, в ходе исторического развития русской культуры наблюдались постоянные гибридные включения инокультурных форм в русскую культуру.

Традиционная русская культура охраняется литературой, но она исчезает в современной городской среде. Значит, современная русская культура материализуется в чем-то другом. И проблема

структурирования и маркировки русской национальной культуры не снимается.

Говоря о русской традиционной культуре, мы обычно ориентируемся на XIX в., а сейчас уже век XXI. Так что же нас всех объединяет и связывает?

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголь, Н.В. Полн. собр. соч. В 14 т. Т. 6. Мертвые души / Н.В. Гоголь. – М.: АН СССР, 1975. – С. 5–247.
2. Гумилев, Л.Н. От Руси к России / Л.Н. Гумилев. – М.: Эксмо, 2008. – 384 с.
3. Забелин, И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях / И.Е. Забелин; под ред. О.А. Платонова. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 1056 с.
4. Ковальчук, А.М. Символы русской (этнокультурной) идентичности в печатной рекламе соотечественников в Китае / А.М. Ковальчук // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 1(37). – С. 140–146.
5. Липатов, В. И это все о нем / В. Липатов. – М.: Молодая гвардия, 1975. – 448 с.
6. Лихачев, Д.С. Русская культура / Д.С. Лихачев. – М.: Искусство, 2000. – 440 с.
7. Лотман, Ю.М. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю.М. Лотман // Беседы о русской культуре. – СПб.: Искусство-СПб, 1994. – 558 с.
8. Лотман, Ю.М. История и типология русской культуры / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 2002. – 768 с.
9. Некрасов, Н.А. Русские женщины / Н.А. Некрасов // Поэмы. – СПб.: Лениздат, 2013. – 192 с.
10. Плебанек, О.В. Культура по ту сторону наук о природе и наук о духе – разделяй и властвуй / О.В. Плебанек // Современная культурология: научная школа профессора Л.М. Мосоловой: учеб. пособие для магистрантов и аспирантов. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. – С. 62–86.
11. Пушкин, А.С. Собр. соч. В 6 т. Т. 4. Барышня-Крестьянка / А.С. Пушкин. – М.: Правда, 1969. – 399 с.
12. Религия, культура, человек: Всерос. молодежная науч.-практ. конф.: сб. науч. статей. 2009–2010. № 5–6 / под науч. ред. А.В. Здор; Владивостокская епархия Русской Православной церкви; Дальневосточный федеральный университет (кафедра теологии и религиоведения). – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2012. – 448 с.
13. Толстой, Л.Н. Анна Каренина / Л.Н. Толстой. – М.: Правда, 1956. – 888 с.
14. Чехов, А.П. Полн. собр. соч. В 4 т. Т. 3. Дама с собачкой / А.П. Чехов. – М.: Правда, 1974. – 573 с.
15. Чехов, А.П. Полн. собр. соч. В 4 т. Т. 2. Палата № 6 / А.П. Чехов. – М.: Правда, 1974. – 543 с.
16. Чехов, А.П. Полн. собр. соч. В 4 т. Т. 2. Попрыгунья / А.П. Чехов. – М.: Правда, 1986. – 543 с.
17. Шолохов, М.А. Собр. соч. В 8 т. Т. 4. Тихий Дон. Кн. 3 / М.А. Шолохов. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1956. – 444 с.

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Т.А. Арташкина

Ху Яньли

Арташкина Тамара Андреевна – доктор философских наук, доцент, профессор Дальневосточного федерального университета. Школа искусства, культуры и спорта, кафедра культурологии и искусствоведения (г. Владивосток)

Контактный адрес: tam.artand@gmail.com, artash@mail.primorye.ru

Ху Яньли – аспирант 3-го года обучения по специальности 24.00.01 «Теория и история культуры» Дальневосточного федерального университета, Школа искусства, культуры и спорта, кафедра культурологии и искусствоведения (г. Владивосток).

Контактный адрес: huyanlimasha@yandex.ru

Авторы утверждают, что русская литература обладает целым рядом характеристик, которые позволяют идентифицировать русскую национальную культуру в изменяющихся социально-политических условиях. Особая роль среди этих характеристик принадлежит социальной функции, позволяющей обращаться к умам и сердцам читателей. Но в 1990-е гг. эта функция русской литературы исчезает, а понятие «русский писатель» принципиально изменяется. Истоки и причины появления этого феномена авторы видят в активном протекании современного процесса социокультурной глобализации, который «обрушился» на русскую культуру после падения «железного занавеса». Современные глобальные процессы нашли своеобразное отражение в современной российской / русской литературе, воплощающей в конкретных литературных формах социально-культурные типы современной культуры. Такими социокультурными этапами являются массовая культура, культура потребления, традиционная и повседневная культуры. Авторы выделяют специальные понятийные ряды, репрезентирующие проблему идентификации национальной культуры в современном дискурсе.

Ключевые слова: русская литература, социальная функция русской литературы, психологизм русской литературы, становление нового человека, национальная культура, народная культура, традиционная культура, социокультурные типы.

Проблема идентификации национальной культуры приобрела в России особую остроту после развала Советского Союза. По мнению И. Ионов, распад СССР поставил под сомнение наличие значимых социокультурных предпосылок единства всего социокультурного пространства страны [25]. Социокультурный раскол, распадение социокультурного пространства страны на субкультурные ареалы, трудное формирование среднего класса, сопровождающее политические и экономические реформы 1990-х гг., – все это способствовало появлению социокультурных локусов на развалинах советского государства, которые начали развиваться изолированно друг от друга. Нарушился механизм социальных эстафет, позволяющий транслировать духовные ценности как по вертикали (из прошлого в будущее), так и по горизонтали (между общественными слоями и стратами). Начался активный «парад автономий».

В переходные 1990-е гг. российское государство являлось, по сути, политической скрепой, соединяющей не обладающие органическим единством части. В те же годы система отечественного образования оказалась другой скрепой, которая обеспечивала коммуникацию не только между различными социальными слоями и стратами, но и существующими ранее и вновь возникшими культурными ареалами.

Русские, особенно представители интеллигенции, также включились в активный поиск своих национальных корней. Обострилась проблема национальной идентификации.

Известный русский археолог и историк XIX в. И.Е. Забелин, описывая домашний быт русских царей в XVI–XVII вв., отмечал, что именно эта эпоха была последними днями той старины, с которой дальше идти было невозможно. Тот же И.Е. Забелин подчеркивал, что тогдашнему русскому человеку было свойственно единство культурного уклада его жизни: «Сквозь великолепные по-азиатски, ослеплявшие блеском и богатством декорации царственного сана виднелась до крайности простая и наивная, общая всему народу, действительность, равнявшая государя с последним сиротою его государства...» [9: с. 9]. Однако реформы Петра I разорвали надвое культурную ткань русской нации, породив дихотомию: дворянская культура, широко заимствующая западно-европейские культурные каноны, vs. традиционная культура народных масс. Во второй половине XIX в., после отмены крепостного права стала активно заявлять о себе в русской культуре разночинная интеллигенция. Но культурная дихотомия, народившаяся в XVIII в., по-прежнему сохранялась: с одной стороны, дворянская культура и культура разночинной интеллигенции, с другой – традиционная культура народ-

ных низов. Фактически эта культурная дихотомия существовала вплоть до революционных бурь XX в.

Русская классическая литература, которую изучали в советских школах и которую изучают в школе сейчас, – это культура русских дворян и разночинной интеллигенции. Русская классическая литература, широко известная во всем мире, – произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова – это тоже в основном культура русских дворян.

Нельзя сказать, что культура русских низов не была известна в XIX в. Исследования русской старины и народной культуры пытались донести до широкого круга читателей [8]. В литературных произведениях русских писателей можно было встретить описания гаданий, обрядов, суеверий русских крестьян. Русские народные песни, слышанные с детства в отцовских имениях, использовались русскими композиторами в операх и симфонических произведениях. Выдающийся русский поэт из народа А.В. Кольцов был сыном прасола – мелкого оптового скупщика скота и разных припасов. В.В. Андреев был создателем первого оркестра русских народных инструментов и неутомимым пропагандистом русского музыкального искусства.

В годы советской власти и сейчас мы встречаемся с отдельными образцами русской народной культуры, когда смотрим выступления государственных народных хоров: это стилизованные русские наряды, образцы русских народных песен и русских народных плясок. Определенное представление о русской народной культуре мы получаем из русских народных сказок. Однако изучение русской национальной культуры и знакомство с ней молодого поколения осуществляется все же на основе классической русской литературы [18, 19].

И в XIX в., и XX в. русская отечественная литература активно выполняла свою социальную функцию – «глаголом жгла сердца людей». Традиция, активно формирующаяся со времен А.С. Пушкина:

И Бога глас ко мне воззвал:

«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,

Исполнись волею моей,

И, обходя моря и земли,

Глаголом жги сердца людей». (А.С. Пушкин. «Пророк», 1828).

Данная функция объединяла и русскую классическую литературу XIX в., и советскую литературу бывших когда-то социальных низов, что было одной из характеристик, идентифицирующих русскую национальную культуру в изменяющихся социально-политических условиях. Но именно эти же изменяющиеся социально-политические условия позволили резко разграничить русскую литературу двух разных исторических периодов: а) психологи-

ческая нагруженность русской литературы XIX в., исследование психологического состояния своих персонажей, репрезентация конкретных психологических типов и анализ поведения их носителей; б) исследование становления и развития человека нового – социалистического – общества.

Именно эти две различные характеристики русской отечественной литературы спровоцировали в настоящее время за рубежом значительный интерес к русской литературе: произведения Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова – на Западе и в Японии; «Как закалялась сталь» Николая Островского; «А зори здесь тихие» Бориса Васильева; «Пароль не нужен» Юлиана Семенова – Китай. Столь разнохарактерный интерес к русской литературе также дает основание утверждать, что эти две разнополярные характеристики русской литературы – психологизм и социальная типология психологических типов литературных персонажей русской классической литературы, с одной стороны, и исследование становления и развития человека нового общества, с другой стороны – репрезентируют дополнительные характеристики, также идентифицирующие русскую национальную культуру.

Парадокс заключается в том, что в 1990-е гг. на волне национальной самоидентификации в российском/русском обществе стремительно возрос интерес к русской национальной культуре, т.е. культуре XIX в., созданной в основном дворянским сословием, а гегемоном в годы советской власти все же были народные массы, которые никуда не делись и продолжают жить в XXI столетии. И родилась другая антиномия, между классической русской литературой XIX в. и мало сохранившейся народной русской культурой народных низов. В наши дни эта антиномия вызвала особый интерес, особенно у отдельных социальных слоев, к языческой славянской культуре, способной в какой-то степени удовлетворить этот интерес.

А. Вишневецкий указывает, что русская гуманитарная культура XIX в., прежде всего русская литература, исследует процесс становления «нового» человека в условиях модернизации социокультурной жизни страны [5]. Разворачиваясь во времени, этот процесс к концу XIX – началу XX вв. приобретает диаметрально противоположный характер по отношению к началу XIX столетия. В начале XIX в. весьма немногочисленные дворянские и околослуживческие круги через воспитание на западный манер «с поспешностью измены» (А.И. Герцен) восприняли западные культурные достижения и первыми почувствовали себя новыми людьми. «Складывался новый человеческий тип – автономная личность». Однако во второй половине XIX в. экономическая и социальная жизнь России, включая деревню, быстро усложнялась, и набирал силу

уже новый социальный механизм, действовавший на всем социальном поле России. Соприкоснувшись с новой жизнью, люди «из народа» начинали осваивать ценности личностной автономии, приобретать черты индивидуализма, предприимчивости, рациональной расчетливости. Появляется новая социальная фигура – мещанин. Это получило отражение и в русской литературе [5]. А. Вишневский отмечает, что вся дворянская, высокая культура проникнута ненавистью и презрением к нему. Мещанин, становясь массовой фигурой, начинал угрожать привилегиям высшего слоя общества. Но традиционная культура низов также протестовала против нововведений, против новых отношений в экономике, семейной жизни и т.д.

Один из крупнейших историков XIX в. В.О. Ключевский, анализируя историю сословий в России, отмечает: «Сословиями мы называем классы, на которые делится общество по правам и обязанностям. Права дает либо утверждает, а обязанности возлагает государственная верховная власть, выражающая свою волю в законах... Существенным и наиболее осознательным признаком сословного деления служит различие прав, а не обязанностей» [14]. В постсоветском обществе, избравшем демократический путь своего развития, напротив, на первый план выдвигается равенство прав его граждан.

Наличие исторических аналогий и параллелей в начале и конце одного и того же столетия, вызванных модернизационными процессами развития страны, заставило представителей современной отечественной гуманитарной культуры вновь заняться исследованием становления и развития «нового» человека. Но теперь таким исследованием уже занимается не русская литература, а научная общественность [10, 11 и др.]. Обсуждаются социальные типы, получившие название «человек экономический», «человек хозяйствующий», «человек-потребитель» и т.д. Научные и частично общественные дискуссии показали, что становление «нового» человека в условиях рыночных отношений невозможно без формирования нравственных отношений. Вместе с тем в официальной российской гуманитарной культуре 1990-х гг. четко обрисовались следующие тенденции:

- активное использование для анализа процесса становления «нового» человека только русской религиозной философии конца XIX – начала XX вв. и игнорирование диахронического характера процесса формирования «нового» человека в российской истории;
- попытки канонизации русской православной культуры в содержании общего среднего образования;
- внеисторичность, статичность российской гуманитарной культуры XIX столетия в содержании среднего специального и высшего профессионального образования.

Таким образом, в конце 1990-х гг., на самом рубеже веков, и в политике, и в идеологии, и в образовании наблюдается процесс формирования эталона массового человека, соответствующего историческому контексту середины XIX столетия. Однако вырванный из исторического контекста, этот эталон стремительно приходит в противоречие с глобальными цивилизационными установками уже XXI в.

Эти же социокультурные процессы не могли не отразиться и на российской / русской литературе, развивающейся в новых экономических и информационных условиях. И главный элемент трансформации русской литературы – исчезает ее социальная функция «глаголом жечь сердца людей» как назначение истинного художника слова – обращаться к умам и сердцам читателей.

В 1990-е гг. активно заговорили о кризисе русской культуры. Разочарования в прежних идеалах усугубились отсутствием новых. Стали утверждаться социальные нормы, переставшие быть барьерами на пути зла. Появилось множество фильмов, книг, телевизионных передач, построенных не на противостоянии добра и зла, а на противоборстве злых начал, когда побеждает наиболее умелое зло. На смену культуре межличностных отношений, основанной на элементарной порядочности, пришла антикультура, в основе которой лежит презрение к человеческой личности, отношение к человеку как к объекту манипулирования. Жанровое смешение таких произведений искусства и литературы вполне возможно, поскольку на объединении жанров родилось много замечательных произведений. Однако при этом нравственное смешение всегда было недопустимо.

Нельзя утверждать, что эти трансформации коснулись всех русских писателей. Лучшие из них продолжают традиции русской национальной литературы. Одна из них – русский прозаик и сценарист Виктор Токарева, едва ли не единственный известный еще с советских времен автор, чьи книги регулярно издаются большими тиражами не только в России, но и за ее пределами – в Италии, Англии, Франции, Германии, Китае. В. Токарева считается женской писательницей, так как большинство ее героев – женщины. По мнению критиков, причина ее популярности – в узнаваемости ее героев, и не только в России.

Однако необходимо подчеркнуть, что ныне принципиально изменилось само понятие «русский писатель». Так, Википедия – свободная энциклопедия, которую не очень-то жалуют в научных кругах, но которую в определенном смысле можно рассматривать как источник эмпирических фактов, утверждает, что «русские писатели XXI в. – это писатели, создавшие произведения на русском языке, независимо от этнического происхождения, гражданства и места проживания» [22]. И среди

них выделяются такие категории авторов, как «живые классики», «мэтры», «премиальные авторы», «беллетристы», «культовые писатели», «модные писатели», «недооцененные авторы», «авторы, заслуживающие внимания» [1, 2, 22–24].

Как видим, проблема идентификации русской национальной культуры повернулась новой своей гранью: с одной стороны, потребность в национальной идентификации не исчезла в новых экономических и социально-политических условиях, а заметно усилилась, но, с другой стороны, эта же проблема «размылась», «растворилась» в русской современной литературе, приобрела всеобъемлюще-глобальный наднациональный характер. Поэтому вполне естественно, что именно этот контекст проблемы идентификации русской национальной культуры порождает новую проблему: каковы истоки и причины появления данного феномена? И почему проблема идентификации национальной культуры становится амбивалентной?

По нашему мнению, истоки амбивалентности проблемы идентификации национальной культуры следует искать в активном протекании современного процесса социокультурной глобализации, который «обрушился» на русскую культуру после падения «железного занавеса».

Как правило, под глобализацией понимается общемировая экономическая, информационная и культурная тенденция, нивелирующая национальную самобытность исторических культур народов мира. Используя социокультурный подход, одна из авторов данной статьи, Ху Яньли, установила, что традиционная культура, массовая культура, повседневная культура и культура потребления, изучением которых занимаются культурологи, филологи и социологи, являются особыми социально-культурными типами современной культуры, порожденными современной социокультурной глобализацией.

Социально-культурный подход – методологический подход, сущность которого состоит в попытке рассмотрения общества как единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека. В основании этого подхода лежит тезис о том, что, какими бы мотивами человек ни руководствовался в своей деятельности, скрытыми (подсознательными) или явными, в терминах какой бы науки эти мотивы ни описывались, все это фиксируется в культуре. Социокультурный подход не отрицает экономический, психологический и другие факторы, но приоритетным все же является анализ культуры, понятой как программа деятельности. Специфика данного подхода заключается в том, что о культуре всегда идет речь как о чьей-то культуре.

Понятие культурного типа как культурно-исторического глубоко анализировалось русским

ученым XIX в. Н.Я. Данилевским [7]. В своей книге «Россия и Европа» Н.Я. Данилевский вопрошает: «Почему так хорошо уживаются вместе и потом мало-помалу сливаются германские племена с романскими, а славянские с финскими? Германские же со славянскими, напротив того, друг друга отталкивают, антипатичны одно другому...» (глава II). На этот вопрос Н.Я. Данилевский отвечает так: «...собственно говоря, только внутри одного и того же типа, или, как говорится, цивилизации, – и можно отличать те формы исторического движения, которые обозначаются словами: древняя, средняя и новая история. ... главное же должно состоять в отличии культурно-исторических типов, так сказать, самостоятельных, своеобразных планов религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического развития» (глава IV).

Таким образом, в основе культурного типа лежит деятельность, понимаемая как человеческая активность. Однако между культурно-историческим типом (Н.Я. Данилевский) и социально-культурным типом (порожденным современной социокультурной глобализацией) имеются существенные отличия. Понятием «культурно-исторический тип» Н.Я. Данилевский обозначил целую цивилизацию. Напротив, социально-культурные типы являются результатом развития конкретной цивилизации – техногенной. Понятие культурно-исторического типа базируется на демаркации между отдельными цивилизациями. А социально-культурные типы, напротив, демаркационные линии стирают, и в отдельных случаях ставят под сомнение национальные границы. Н.Я. Данилевский говорит о национальных различиях и несхожести, несовпадении цивилизаций. А социально-культурные типы в отдельных актах своего проявления могут совпадать.

Современные глобальные процессы характеризуются двумя диаметрально противоположными тенденциями универсализации и дифференциации культуры, которые нашли своеобразное отражение в современной российской / русской литературе, воплощающей в конкретных литературных формах социально-культурные типы современной культуры.

Важным феноменом, преобразившим во многом облик социокультурной жизни индустриального общества, стало такое явление, как *массовая культура*, которая отражает наиболее типичный способ бытия культуры среди широких слоев населения в условиях современного общества. Массовая культура обычно понимается как антипод высокой культуры, это культура большинства. Массовая культура не выражает изысканных вкусов или духовных поисков народа. Ее отличительные черты – доступность широким слоям населения и тиражируемость при помощи различных средств массовой информации.

К.М. Хоруженко определяет термин «массовая культура» следующим образом: «Массовая культура (лат. *massa* – кусок, ком; лат. *cultura* – возделывание, обработка, воспитание) – понятие, характеризующее особенности производства культурных ценностей в современном индустриальном обществе (синонимы: популярная, или поп-культура, индустрия развлечений, потребительская, коммерческая культура). Массовая культура – разновидность культуры, которая ориентирует распространяемые ею (обычно при помощи средств массовой информации) духовные и материальные ценности на «усредненный» уровень развития массовых потребителей» [27: с. 292].

По мнению Л.В. Карцевой и Ю.В. Шабалиной, массовая культура есть своеобразный феномен социальной дифференциации современной культуры [13: с. 81]. Становление массовой культуры относятся к рубежу XIX–XX вв. в развитых странах Европы и Америки, включая Россию. В собственном смысле массовая культура проявила себя впервые в США и затронула все сферы общества: экономику и политику, управление и общение людей. Известный американский политолог З. Бжезинский любил повторять фразу, которая стала со временем крылатой: «Если Рим дал миру право, Англия парламентскую деятельность, Франция – культуру и республиканский национализм, то современные США дали миру научно-техническую революцию и массовую культуру» [13: с. 77].

В настоящее время массовая культура проникает практически во все сферы жизни общества и формирует свое единое семиотическое пространство. Массовая культура в широком смысле – это и народная культура, и фольклор, и официальная культура, и культурная индустрия технократического общества. Массовая культура представляет собой принципиально более высокий уровень стандартизации социальной адекватности, культурной компетентности современного человека, новую систему управления его сознанием, потребительским спросом, ценностными ориентациями.

Одной из разновидностей современной культуры служит *культура потребления*. По мнению В.И. Ильина, она является одной из самых значимых, так как нет ни одного человека, который бы не был затронут ею. Культура потребления – это действующая в обществе господствующая программа использования членами общества всех потребительских благ [12]. С социологической точки зрения объективный аспект культуры потребления относится к характеристикам товара, условиям его покупки, продажи, т.е. к тому, что существует независимо от потребителя. Субъективный аспект отражает отношение индивида к товару и его свойствам, то, как человек воспринимает товар и перерабатывает его под свой вкус [12].

Если В.И. Ильин является социологом, то Ж. Бодрийяр – французский философ, который утверждает, что «потребление есть активный модус отношения – не только к вещам, но и к коллективу и ко всему миру...» [3: с. 212–213]. Таким образом, Ж. Бодрийяр, с одной стороны, выводит культуру потребления из сферы потребностей, а, с другой стороны, неограниченно расширяет само понятие потребления, доводя его в некотором смысле до понятия массовой культуры: «...объект потребления составляют не вещи, не материальные товары; они образуют лишь объект потребностей и их удовлетворения. ... Потребление, в той мере в какой это слово вообще имеет смысл, есть деятельность систематического манипулирования знаками» [3: с. 213].

Очень близка такому пониманию потребления позиция российского исследователя А.В. Овруцкого, который подчеркивает, что потребление есть способ трансляции и получения определенных культурных традиций, ритуалов и значений. Культурное значение передается от мира к товару посредством рекламы и продуктов дизайна (система моды). А второй трансфер – это перенос культурного значения от товара к потребителю, и инструментами такого процесса являются четыре ритуала: ритуал обмена, ритуал владения (обладания), ритуал ухода за приобретенными товарами и ритуал «разоблачения», «лишения прав», «стирания значения владения», которое, например, осталось от прежнего владельца. Ритуал ухода предстает здесь как формальное поведение, проявляющееся в осуществлении заботы об объекте. Этот ритуал А.В. Овруцкий иллюстрирует распространенным в России ритуалом «обмывания» какой-либо, как правило, дорогой купленной вещи, в частности автомобиля [21: с. 221].

Любое общество как социальный организм не может существовать без культуры, выполняющей адаптивные функции. И такая функция, как считает В.К. Кряжевских, возлагается, прежде всего, на *традиции* [17]. Именно традиция обеспечивает стабилизацию сложившихся в рамках той или иной человеческой общности форм социальной практики. При этом в основе каждой традиции лежит опыт того социального коллектива, который «ею располагает и ее поддерживает, вне зависимости от того, накоплен ли этот опыт в течение тысячелетий или нескольких лет...» [17: с. 109]. А.В. Костина отмечает, что в условиях глобализации и информатизации традиция становится связующим звеном с исторической памятью и помогает сохранить национально-культурную идентичность [16]. В свою очередь, А.С. Тимошук указывает, что смыслы, ценности и нормы выступают генетическим кодом традиционной культуры, которая имеет свою сущностную, аксиологическую и гносеологическую особенности [26]. Традиционная культура может

быть представлена сказками, преданиями, образами героев и другими явлениями, в которых переплетается память о значительных событиях в жизни больших групп людей (в том числе – целых этносов) и вымысел. Чаще всего такие культурные образцы отражают житейскую мудрость, которая дополняется конкретно-историческими обстоятельствами, закрепляющимися определенными рассказами, передающимися из поколения в поколение.

Таким образом, традиционная культура представляет собой устойчивую, нединамичную культуру, характерной особенностью которой является то, что происходящие в ней изменения идут слишком медленно и поэтому практически не фиксируются коллективным сознанием данной культуры. Традиционная культура – это, прежде всего, культура традиционного общества, иногда термин используется в значении народная культура. Если исходить из данной экспликации, то русская народная культура репрезентируется именно таким образом. И поэтому проблема экспликации русской традиционной культуры в современном обществе не снимается.

Специфика любой национальной литературы, и русской – в том числе, заключается в ее способности отражения традиционной культуры своего народа в современной повседневной культуре. Как утверждает Г.В. Голенок, категория *повседневности* – «одна из ключевых в эпоху модерности, которая определяет человеческий опыт в рамках культурной ситуации XIX–XX вв. Однако как исследовательский объект повседневность приобретает универсальные черты, относится ко всем культурам и историческим эпохам» [6: с. 212]. Человек в своей повседневной жизни всегда находится в определенной им самим физической и социокультурной среде, где он занимает свою конкретную позицию, которая может быть этической и идеологической.

Теоретическое осмысление культуры повседневности на уровне философских и культурологических представлений началось относительно недавно, хотя эмпирическое представление об этом феномене сложилось намного раньше. Очень долгое время российская / советская наука не учитывала этот аспект, уделяя основное внимание материальным или духовным ценностям. Но реальное Бытие пронизано человеческой телесностью, его поведением, бытовой сферой. Н.Н. Козлова отмечает, что в рамках классических подходов в социальном познании (марксизм, фрейдизм, структурный функционализм и т.д.) повседневность полагается низшей реальностью, значением которой можно пренебречь. В то же время, по оценке Н.Н. Козловой, повседневность – целостный социокультурный жизненный мир, предстающий как «естественное», самоочевидное условие человеческой жизнедеятельности [15: с. 318].

Немецкий философ Б. Вальденфельс выделяет два понятия: «обыденная жизнь» и «повседневность» [4]. Обычно граница между обыденной культурой и культурой повседневности не устанавливается, для большинства исследователей это синонимы. Однако М.В. Луков предлагает под «обыденной культурой» понимать ту сферу культурной жизни, которая связана с бытом и обыденным сознанием. Под «культурой повседневности» он же предлагает понимать весь объем культуры, актуализированной в человеческой жизнедеятельности сегодняшнего дня, здесь и сейчас [20: с. 12].

Б. Вальденфельс, говоря о возрастании интереса исследователей к обыденной жизни, предостерегает о возможности отрицательных последствий такого интереса: «Во-первых, нельзя превращать повседневную жизнь в универсальную категорию, под которую подводятся вьетнамские крестьяне, китайские мандарины, средневековые рыцари, афинские мыслители и обычный человек индустриального общества, соединяясь тем самым в некое мирное карнавальное шествие. Во-вторых, нельзя обыденную жизнь представлять в качестве особой автономной сферы, отделенной от общества с его структурами власти» [4: с. 39–40]. Таким образом, в данном контексте обыденная жизнь и повседневность выступают синонимами. А потому Б. Вальденфельс предлагает три методических принципа изучения повседневности [4]:

1. Обыденная жизнь не существует сама по себе, а возникает в результате процессов «повседневничания», которым противостоят процессы «преодоления повседневности».

2. Повседневность – это дифференцирующее понятие, которое отделяет одно явление от другого. Границы и значения выделенных сфер изменяются в зависимости от места, времени, среды и культуры.

3. Речь о повседневности не совпадает с самой повседневной жизнью и с речью в повседневной жизни. Кто и откуда говорит об обыденной жизни? О какой повседневности он говорит, о своей собственной или о повседневности кого-то другого? В ответах на эти вопросы нет согласия философов.

Повседневная жизнь и ее инвентарь все больше берут на себя функцию эмоционального общественного самовыражения, которая так долго была монополией идеологии, литературы, высокого искусства. Повседневная культура бытия в социально-философской рефлексии оказывается отражением духовной сферы изучаемого общества и включает в себя такие элементы, как представление об окружающем пространстве, природе, жилище, доме, а также более глубинные формы – своеобразную основу, состоящую из многовековой традиции формирования мировоззрения. Эту культуру можно описать с помощью смежных понятий: социум,

быт, нравы и обычаи, ритуалы и привычки, стиль, традиция, канон, а также «жизненный мир». Тем самым обнаруживаются интегрирующие свойства культуры повседневности.

Заметим, что описанные нами социально-культурные типы современной культуры обладают свойством амбивалентности: будучи формами унификации национальных культур, эти же культурные типы консервируют самобытные национальные особенности в нравах, обычаях, ритуалах, привычках отдельных людей. Например, в культуре потребления и культуре повседневности можно легко обнаружить одинаковые элементы. Так, каждый день люди готовят на кухне себе еду. С одной стороны, это непосредственная демонстрация культуры повседневности. Но, с другой стороны, уже в самом способе приготовления пищи и продуктах, из которых она готовится, содержатся символы и значения культуры потребления как особый культурный код (мы говорим о русском, европейском, китайском, японском, корейском стиле и т.д.).

Несмотря на то, что массовая культура, культура потребления, традиционная культура и повседневная культура являются социокультурными типами, порожденными современной социокультурной глобализацией, их амбивалентность не снимает проблемы идентификации национальной культуры, а, наоборот, еще более ее актуализирует. Кроме того, легко выявляются два понятийных ряда, репрезентирующих данную проблему:

национальный – традиционный – народный;
национальная культура –
– традиционная культура – народная культура.

Заметим, что в русском языке и русской культуре денотаты данных понятий не обязаны совпадать. Например, русская классическая литература и русская народная литература фактически представлены разными жанрами. Понятие «русская национальная культура» шире понятий «русская традиционная культура» и «русская народная культура». И несмотря на то, что русская традиционная культура во многих литературных текстах репрезентируется как русская православная культура, всего поля паттернов русский традиционной культуры православная культура не покрывает.

По мнению автора, особенности взаимодействия русской национальной культуры, русской традиционной культуры и русской народной культуры являются предметом отдельного исследования. Сейчас лишь отметим, что особенности бытования денотатов / десигнатов этих понятий в русской культуре не всегда различаются и эксплицируются в иноязычной культуре.

Так, например, русское понятие «народная культура» в китайском языке переводится комплексом

иероглифов, соответствующих в русском языке представлению о «национальной культуре повседневной жизни», «национальные привычки народа – народных масс». В то же время русское понятие «национальная культура» в китайском языке чаще всего передается комплексом иероглифов, переводимых на русский язык как «государственная культура», но не как культура, подчиняющаяся государственным установлениям, а культура народа, живущего в конкретном государстве, название которого совпадает с названием народа. Возможно и другое значение – «культура страны», поскольку прилагательное «национальный» переводится на китайский язык комплексом иероглифов, обозначающих «государственный» или «принадлежащий всей стране». Таким образом, в современном китайском языке понятия «народная культура» и «национальная культура», по сути, совпадают.

В то же время русские термины «национальная культура» и «традиционная культура» на английский язык переводятся однозначно: «national culture» и «traditional culture» соответственно. Но русское словосочетание «народная культура» в английском языке имеет ряд синонимов: «folk culture», «national culture», «popular culture». Таким образом, в зависимости от контекста понятие «народная культура» в английском языке может совпадать, а может не совпадать по значению с понятием «национальная культура».

Есть еще один аспект разночтений. Одно из значений понятия «народная культура» в английском языке представлено словосочетанием «popular culture», которое в русском языке имеет два дополнительных варианта перевода: «популярная культура» и «массовая культура». Как следует из экспликации понятия «массовая культура», изложенной выше, в контексте нашей проблемы понятия «массовая культура» и «народная культура» в русском языке тождественными быть не могут.

Отметим, что обнаруженные нами в разных языках разночтения терминов, репрезентирующих проблему идентификации национальной культуры, в конечном итоге детерминируют герменевтический дискурс о ценностях культуры. Дискуссии на данную тему особенно обострились в последнее время, и языковые различия способны спровоцировать негативные последствия этих дискуссий.

Подводя некоторые итоги, необходимо отметить, что русская литература обладала характеристиками, позволяющими идентифицировать русскую национальную культуру в изменяющихся социально-политических условиях. К таким характеристикам мы отнесли, прежде всего социальную функцию, обозначенную нами как «глаголом жечь сердца людей», а также психологизм и социальную типологию психологических типов литературных

персонажей, исследование становления и развития человека нового общества. Несмотря на то, что в постсоветский период психологизм русской литературы в определенной степени сохраняется, и именно поэтому произведения русских писателей остаются востребованными во всем мире, однако, проблема идентификации национальной культуры повернулась новой своей гранью: с одной стороны, потребность в национальной идентификации заметно усилилась, но с другой – эта же проблема приобрела всеобъемлюще-глобальный наднациональный характер. Истоки амбивалентности проблемы идентификации национальной культуры следует искать в социально-культурных типах современной культуры, порожденных современной социокультурной глобализацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сохраняем знания : 60 лучших современных писателей России [Электронный ресурс] // Еженедельника Time Out / LiveLib. – Режим доступа: <http://www.livelib.ru/selection/4841> (дата обращения 23.01.2015).
2. Централизованная библиотечная система города Усть-Илимска: 60 современных российских писателей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uicbs.ru/index.php?id=1168&option=com_content&view=article (дата обращения 23.01.2015).
3. *Бодрийяр, Ж.* Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М. : Рудомино, 1999. – 224 с.
4. *Вальденфельс, Б.* Повседневность как плавильный тигль рациональности / Б. Вальденфельс // Социо-Логос = Socio-Logos: сб. Вып. 1. – М. : Прогресс, 1991. – С. 39–50.
5. *Вишневский, А.* Кризис русской соборности и консервативная модернизация в СССР [Электронный ресурс] / А. Вишневский // Социокультурная методология анализа российского общества : материалы Независимого теоретического семинара ; рук. А.С. Ахизер; ред.-сост. Е.В. Туркатенко. – Режим доступа: <http://kk.convdocs.org/docs/index-176979.html> (дата обращения 23.01.2015).
6. *Голенок, Г.В.* Феномен повседневности в культуре / Г.В. Голенок // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 2. – С. 212–215.
7. *Данилевский, Н.Я.* Россия и Европа [Электронный ресурс] / Н.Я. Данилевский // Библиотека учебной и научной литературы. – Режим доступа: <http://sbiblio.com/biblio/default.aspx> (дата обращения 21.01.2015).
8. Живая старина: ежеквартальный научный журнал, издание Отделения этнографии Русского географического общества, Санкт-Петербург, 1890–1916 [Электронный ресурс] / Библиотека Якова Кротова. – Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/07_zh/iv/aya_starina.htm (дата обращения 25.01.2015).
9. *Забелин, И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях / И.Е. Забелин. – М. : Ин-т русской цивилизации, 2014. – 1056 с.
10. *Запесоцкий, А.С.* Образование: Философия, культурология, политика / А.С. Запесоцкий. – М. : Наука, 2003. – 456 с.
11. *Зарубина, Н.Н.* «Экономический человек» в глобальном мире: энергия экспансии и толерантность / Н.Н. Зарубина. – М., 2004. – № 11. – С. 172–185.
12. *Ильин, В.И.* Культура потребления [Электронный ресурс] / В.И. Ильин // Социология потребления: дистанционный курс лекций «Поведение потребителей». – Режим доступа: <http://www.consumers.narod.ru/lections/consulture.html> (дата обращения 25.01.2015).
13. *Карцева, Л.В.* Социология культуры: учеб. пособие / Л.В. Карцева, Ю.В. Шабалина. – М. : Дашков и К°, 2009. – 232 с.
14. *Ключевский, В.* История сословий в России [Электронный ресурс] / В. Ключевский. – Режим доступа: <http://niros.org/lib/sosloviya.html> (дата обращения 25.01.2015).
15. *Козлова, Н.Н.* Повседневность / Н.Н. Козлова // Современная западная философия: словарь / сост. и отв. ред. В.С. Малахов, В.П. Филатов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ТОН – Остожье, 1998. – С. 318–319.
16. *Костина, А.В.* Традиционная культура: к проблеме определения понятия [Электронный ресурс] / А.В. Костина // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 4. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina/> (дата обращения 21.01.2015).
17. *Кряжевских, В.К.* Традиционная народная культура в контексте диалога культур мира XXI века / В.К. Кряжевских // Сибирский педагогический журнал. – 2005. – № 4. – С. 106–113.
18. *Лотман, Ю.М.* Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 2008. – 412 с.
19. *Лотман, Ю.М.* История и типология русской культуры: Семиотика и типология культуры. Текст как семиотическая проблема. Семиотика бытового поведения. История литературы и культуры / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 2002. – 765 с.
20. *Луков, М.* Культура повседневности: к истории вопроса / М. Луков // Библиотечное дело. – 2010. – № 17(131). – С. 6–13.
21. *Овруцкий, А.В.* Потребление как функция культуры [Электронный ресурс] / А.В. Овруцкий // Известия ИГЭА. – 2011. – № 5. – С. 220–225. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/potreblenie-kak-funktsiya-kultury> (дата обращения 25.01.2015).
22. Русские писатели XXI века [Электронный ресурс] / Википедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 21.01.2015).
23. Современная русская литература [Электронный ресурс] / Российская государственная библиотека. – Режим доступа: <http://www.rsl.ru/ru/s3/s331/s122/d1313> (дата обращения 25.01.2015).
24. Современные писатели [Электронный ресурс] / Официальные сайты русских писателей. – Режим доступа: <http://ruspisateli.ru/sovremennyye-pisateli-1.html> (дата обращения 25.01.2015).
25. Специфика России как научная проблема [Электронный ресурс] : круглый стол // Социокультурная методология анализа российского общества : материалы Независимого теоретического семинара ; руков. А.С. Ахизер ; ред.-сост. Е.В. Туркатенко. – Режим доступа: <http://refrend.ru/197731.html> (дата обращения 25.01.2015).
26. *Тимошук, А.С.* Традиционная культура: сущность и существование [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01 / А.С. Тимошук. – Нижний Новгород, 2006. – 402 с. – Режим доступа: <http://www.dissertcat.com/content/traditsionnaya-kultura-sushchnost-i-sushchestvovanie> (дата обращения 25.01.2015).
27. *Хоруженко, К.М.* Культурология: энциклопедический словарь / К.М. Хоруженко. – Ростов н/Д : Феникс, 1997. – 639 с.

ОСНОВНАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ, ТВОРЧЕСКОЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Л.Е. ЧЕРКАССКОГО

Лю Чжицян

Лю Чжицян (刘志强) – аспирант кафедры русского языка как иностранного Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: liuzhiqiang@mail.ru

В данной статье автор обращается к ранее не поднимавшейся проблеме о периодизации творческой деятельности выдающегося русского синолога и активного просветителя китайской культуры в России Л. Е. Черкасского. Опираясь на обширные работы и труды, написанные Черкасским, автор статьи даёт полную картину постоянно углубляющейся творческой деятельности Черкасского.

Ключевые слова: Л.Е. Черкасский, русские переводы китайской поэзии, Цао Чжи, Ай Цин, китайская поэзия «4 мая 1919 г.».

Леонид Евсеевич Черкасский (1925–2003) знаменит в России и за её пределами как литературовед и литературный критик, а ещё более – как теоретик и мастер поэтического перевода. Самый большой и многогранный интерес Черкасский проявил по отношению к Китаю. В 1960–1980 гг. он был практически единственным серьёзным сиологом в России, но и в наше время Черкасский остаётся выдающимся российским сиологом. Ему принадлежат ставшие известными переводоведческие труды и работы, посвящённые изучению китайской литературы [9]. Черкасский-переводчик познакомил русских читателей с китайской поэзией как с древней (поэзия Цао Чжи), так и с новой, особенно возникшей в знаменательный период «Движение 4 мая 1919 г.». Однако деятельность выдающегося учёного, просветителя и переводчика до сих пор остаётся недостаточно изученной, требует более пристального внимания и общего обзора исследовательского и творческого пути Черкасского, в частности вопрос о периодизации его творчества вообще не поднимался. Вместе с тем изучение творческой эволюции переводчика и исследователя поможет проследить становление его теоретических и художественных принципов и таким образом создаст аналитически более глубокую картину деятельности этого выдающегося человека.

В нашей статье мы осуществим периодизацию творческой и исследовательской деятельности Черкасского. Творческий интерес Черкасского к Китаю проявился сразу. Его интересуют не только китайская история и культура, но и литература, особенно древняя и новая поэзия. В 1954 г. вышел сборник стихов китайских поэтов «Китай говорит» [6], составителем, переводчиком и комментатором которого стал Черкасский. Как видим, уже в этой первой своей работе он продемонстрировал многогранность творческих подходов к изучаемому материалу. Особенное внимание привлекла фигура

малоизвестного в России китайского поэта эпохи Троецарствия (220–280) Цао Чжи (192–232). Черкасский написал о нём статью «Политические и литературные взгляды Цао Чжи» [33], опубликованную в 1961 г. в журнале «Китай, Япония: (История и философия)». Рассказав о тяжёлой жизни Цао Чжи, Черкасский подчеркнул, что его творчество было тесно связано с его мировоззрением, политическими и литературными взглядами. Цао Чжи, по мнению учёного, высоко ценит литературу, правильно понимал её общественные функции (конечно, в пределах своего века), особенности и своеобразие литературных жанров, важность критики и необходимость тщательной работы над художественным словом [33].

Впоследствии Черкасский продолжил заниматься творчеством Цао Чжи и в 1962 г. выпустил сборник своих переводов его стихов, сопроводив издание своими комментариями и вступительной статьёй [17]. В том же, 1962 г. Черкасский защитил кандидатскую диссертацию на тему «Поэзия Цао Чжи: (192–232)». Особенно значительным результатом работы Черкасского стала книга «Поэзия Цао Чжи» [35], вышедшая в 1963 г. Она принесла Черкасскому широкую известность и способствовала тому, что стихи Цао Чжи стали достоянием русской читательской аудитории. С ними познакомилась и многие деятели российской словесности. Как сказал один из них – переводчик и эссеист А. С. Бурштейн, именно Черкасский «сделал **фактом русской поэзии** стихи Цао Чжи» [40]. В результате в России стали активнее знакомиться с китайской поэзией, и в том числе – поэзией Цао Чжи. Так, уже упомянутый нами Бурштейн признавался, что благодаря этой книге началась его «на многие годы растянувшаяся – встреча с китайской культурой» [40]. Черкасский обратил внимание на гуманный характер поэзии Цао Чжи. Черкасский говорит о том, что эмоциональный ключ

поэзии Цао Чжи, её душа и самое её существо – взволнованность, печаль, жажда. Анализируя напряжённую экспрессию его стихов, исследователь указал на глубокий драматизм лирики Цао Чжи. В ней постоянно происходит борьба противоречивых чувств и мыслей: жажда деятельности сменяется грустными раздумьями, стремление к героическим подвигам – печальными вздохами.

Таким образом, *годы с 1954 по 1963* стали временем преимущественного внимания к древнекитайской поэзии и, особенно к творчеству Цао Чжи. Именно это время мы склонны рассматривать как *первый период творческой деятельности Черкасского*.

Впоследствии интересы Черкасского меняются. Новым в исследовательской позиции Черкасского следующего периода является обращение к сопоставительному анализу китайской и европейской, в частности античной поэзии. Продолжая начатое им ранее исследование поэзии Цао Чжи, Черкасский сравнивает его поэзию со стихами великого античного поэта Золотого века Публия Овидия Назона. В статье «Римский изгнанник и скиталец из Царства Вэй Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. – 17 г. н. э.) и Цао Чжи (192–232 гг)» [36] Черкасский говорит о том, что оба поэта были изгнанниками, попав в ссылку по разным, но одинаково несправедливым с позиции человечности причинам. В самое трудное время у обоих поэтов были созданы лучшие их лирические стихотворения, главными лирическими идеями которых были боль и отчаяние. В стихотворении Овидия, продолжает Черкасский, трудности долгих месяцев пути наложили свою серую печать на поэта [36]:

*И куда ни взгляну, ничего, кроме образа смерти,
Коей смущённый страшусь и, утрашаясь, молю.*

Такая же картина встаёт перед глазами китайского поэта, и подобные же чувства рождаются ею. Недаром одним из самых ярких образов лирики Цао Чжи стало перекасти-поле [36]:

*Вдыхаю тяжко
О печальной доле
Мятущегося
Перекасти-поля,
Оно навеки
Распростилось с корнем, –
Без отдыха
Кружить ему доколе.*

Однако главным в это время является то, что, *начиная с 1964 г.*, у исследователя и переводчика формируется устойчивый интерес к *новой китайской поэзии*. Особенно его привлекли поэты, относящиеся к периоду «Движения 4 мая 1919 г.», когда произошла антиправительственная студенческая демонстрация, положившая начало мощному антиимпериалистическому и антифеодальному движе-

нию, получившему название «Четвёртое мая». Движение затронуло все сферы культурной жизни Китая, оказав серьёзное влияние и на китайскую литературу. Большая группа китайских поэтов оказалась захваченной идеями этого движения, поэтому «Четвёртое мая» стало одновременно названием поэтического содружества авторов, включившихся в борьбу за выполнение исторической задачи национального и социального возрождения Китая, в созидание активно обновляющейся культуры Китая. Поскольку движение 4 мая состоялось в конкретном времени, указанное в самом названии, это и движение, и период. В дальнейшем мы будем использовать название «Поэзии "4 мая"» [4].

Поэтам «4 мая» посвящает Черкасский свою новую книгу «Красный прибой: (Поэзия "4 мая")» [8], вышедшую в 1964 г. В этой книге Черкасский не только перевёл стихи китайских поэтов, но и написал предисловие. После этой книги начинает появляться целый ряд работ, посвящённых «Поэзии «4 мая»». Разнообразие тематики этих работ прослеживается уже в их названиях. Например, «К вопросу о гуманизме поэзии «4 мая»» (1967), «Китайский поэт (Цзян Гуанци)» (1967), «О периодизации новой китайской поэзии (точка зрения)» (1969), «Китайское поэтическое общество» (1970), «О поэзии «4 мая»» (1971), «Новая поэзия Китая и западная литература» (1971) [20–24; 27; 30; 31].

Интерес к «Поэзии "4 мая"» лег в основу и следующей работы Черкасского, принёсшей ему особенно большую известность – сборника переводов стихов китайских поэтов «Дождливая аллея» [5]. В этом сборнике Черкасский представил русским читателям стихотворения поэтов интересного и яркого периода в истории новой китайской литературы – китайскую лирику 1920–30-х гг. Этот сборник представляет собой грандиозную работу, посвящённую новой китайской поэзии. Традиционность и новые веяния, влияние прогрессивной поэзии Запада, по-своему истолкованные романтизм и символизм, рождали подчас причудливые, подчас несколько наивные в своём восприятии жизни, но всегда честные, взволнованные и своеобразные произведения. Самое главное, в этой лирике нашли своё отражение и оценку любовь, становление новых моральных принципов, идущих на смену конфуцианскому домострою, тема человека и общества [5: с. 2].

Возникновение у Черкасского обширных трудов и работ, посвящённых новой китайской «Поэзии "4 мая"», стало твёрдой основой для его докторской диссертации по теме «Новая китайская поэзия: 20-е гг.», успешно защищенной им в 1971 г. В 1972 г. сразу вышла книга «Новая китайская поэзия. 20–30-е годы» [26]. В этой книге Черкасский сделал актуальное исследование важного двадцатилетия в истории современной китайской поэзии.

В центре внимания автора – проблемы художественных направлений, жанров, форм, традиций и новаторства. Впервые в мировом литературоведении Черкасский проанализировал идейно-эстетические и художественные особенности творчества китайских реалистов, романтиков и символистов. В книге даётся характеристика китайского верлибра, европеизированных стихов, жанров короткого лирического стихотворения и эпической поэмы, разбирается творчество известных поэтов Китая.

Итак, **1964–1972 годы стали новым периодом в творческой и исследовательской деятельности Черкасского**, когда существенно расширился его творческий диапазон, сформировался интерес к поэзии нового Китая (эта тема останется с Черкасским до конца его дней), были разработаны новые – компаративистские принципы в его аналитических работах.

С **1973–1985 гг. начинается новый период** в деятельности Черкасского. Прежде всего, в 1973 г. вышла книга с прежним названием «Цао Чжи. Семь печалей» [18], подводившая итоги той книги, которая была издана в 1962 г. Кроме того, Черкасский проявляет интерес к следующему периоду в истории новой китайской поэзии. В это время учёный начал обращаться к поэзии 1930–40-х гг. В 1975 г. и в 1978 г. вышли сборники переводов стихов китайских поэтов «Пятая стража» (китайская лирика в 1930–40-е гг.) [12] и «Сорок поэтов» – (китайская лирика в 1920–40-х гг.) [13]. В эти сборники гражданской, любовной и философской лирики 1920–40-х гг. вошли произведения известных поэтов, относящиеся к наиболее драматическому и яркому периоду в истории Китая новейшего времени. Это произведения поэтов разных творческих направлений – реалистов, романтиков, символистов. Читатель найдёт здесь стихи, окрашенные мотивами печали и скорби, гнева и протеста, стихи, героями которых стали люди новой формации, одухотворённые высокими идеалами социального и духовного раскрепощения личности.

Позднее, в 1980 г. вышла книга «Китайская поэзия военных лет (1937–1949)» [22]. Данная книга явилась продолжением вышедшей в 1972 г. работы «Новая китайская поэзия. 20–30-е годы». В этой новой работе даётся развёрнутый анализ китайской поэзии периода войны Сопrotивления японским захватчикам (1937–1945) и народно-освободительной войны (1946–1949). Отдельная глава была посвящена творчеству наиболее крупных поэтов того времени. Аналитические принципы Черкасского в это время отражают более глубокий подход учёного к предмету его исследования. Черкасского интересуют своеобразие форм и жанров этих стихов, более основательно рассматривает Черкасский природу и эстетическую специфику художествен-

ных образов. Отдельно отметим стремление учёного представить изучаемый материал в масштабном литературном контексте. Поэтому здесь прослеживается связь китайской поэзии с прогрессивной мировой, прежде всего русской и советской, поэзией.

В 1983 г. появился сборник переводов стихов «Трудны сычуаньские тропы» [15] – из китайской поэзии 1950–80-х гг. В этом сборнике отражается сложный процесс развития китайской поэзии 2-й половины и конца XX столетия. В первом разделе книги – стихи 1950-х годов, проникнутые пафосом интернационализма и социалистических преобразований. Во втором – произведения конца 1970-х – начала 1980-х годов [16]. Как видим, исследователь, обозначивший эти временные этапы, разделённые так называемой «культурной революцией», надолго прервавшей в Китае саму возможность подлинного литературного творчества, отразил таким образом своё представление об исторических судьбах китайской поэзии того времени.

Особенно большой резонанс получила поэтическая антология «Китайская поэзия» (1982) [7]. В этот сборник вошли выполненные Черкасским переводы и классической, и современной китайской поэзии. Прежде всего, Черкасский открыл сборник народными песнями *юэфу*, рождёнными на рубеже I в. до н. э. – I в. н. э. Кроме того, он представил переводы стихов классических поэтов, и, в конце значительный по объёму раздел посвятил поэзии 1920–40-х гг. В книге Черкасский показал поэтов разной силы таланта, разных привязанностей, разных по стилю. И отделены они друг от друга многими столетиями и эпохами. Отличительными особенностями этого сборника является то, что в нём Черкасский-переводчик представил масштабное видение китайской поэзии от её истоков до современных форм и стилей.

Углубляется и позиция Черкасского-исследователя. Он пишет основательные научные статьи на многообразные темы: «Художественный образ в китайской поэзии 30–40-х годов» (1978), «О китайско-иностранных литературных связях: (Китайская поэзия 30–40-х гг.)» (1979), «Поэзия А. С. Пушкина на китайском языке: («Цыганы» в переводе Цюй Цюбо)» (1982), «Обличительная поэзия в современном Китае» (1982), «К вопросу о национальной адаптации» (1984), «Под сенью «Великой стены»» (1985) [21; 28; 29; 32; 34; 38].

Предметом особенного аналитического внимания Черкасского этого времени является сравнение китайской и русской поэзии. В 1976 г. учёный написал книгу «Маяковский в Китае» [25], в которой освещается ранее не исследованная проблема влияния поэзии В. В. Маяковского на становление и развитие революционной поэзии Китая, а также впервые даётся научный анализ переводов произведений великого пролетарского поэта на китайский язык.

Таким образом, отличительными особенностями данного периода стали совершенствование принципов сравнительного анализа и расширенный интерес к истории китайской поэзии во всей полноте её хронологического размаха.

С 1985 по 2003 гг. начинается заключительный этап в творческой деятельности Черкасского. Он продолжает выступать как переводчик и, обращаясь к современной ему поэзии, дополняет и переиздаёт ранее опубликованные работы: «Трудны сычуаньские тропы: Из китайской поэзии 50-х и 80-х гг.» (1987) и «Огненная мгла. Китайская поэзия» (1997) [10; 16]. Важно подчеркнуть, что Черкасский открывает и новые имена. Так, в 1993 г. была издана книга «Ай Цин – подданный солнца» [19], в которой дан анализ 50-летнего литературного пути известного современного китайского поэта Ай Цина (1910–1996). Анализируя основные творческие принципы Ай Цина, Черкасский указал, что поэт Ай Цин размышляет в его поэтических произведениях о судьбах родины и всего человечества, вторгается в сферы времени и пространства. История и реальность в стихах Ай Цина, по мнению Черкасского, слились в нечто нерасторжимое [19: с. 2].

Очень важно отметить, что в указанный период Черкасский выступает уже и как теоретик перевода. В книге «Русская литература на Востоке: Теория и практика перевода» (1987) [37] учёный исследует различные аспекты процесса перевода русской классики на восточные языки, впервые вводя в обиход советской науки обширный литературно-художественный материал. Обращаясь к таким проблемам, как национальная адаптация и переделка как форма «предперевода» или «неперевода», стиль и перевод (вопросы соответствия перевода оригиналу, стилистическое ослабление или «усиление», «дописывание», «осовременивание», «нивелировка» и др.), экстра- и социолингвистические факторы перевода, принципы передачи реалий и фразеологических единиц, заглавий, имён собственных и «аллюзивных имён», восприятие и перевыражение художественного образа в контексте инонациональных культур, Черкасский проследил динамику перевода русской классики и выявил основные этапы её постижения и перевыражения в странах Ближнего и Среднего Востока, Индии, дальневосточного региона [37: с. 2].

В это время усложняется и общественная позиция Черкасского, вынужденного покинуть Россию. В 2001 г., накануне его переезда в Израиль, вышла книга «Я рядом с корнем душу успокою» [40]. Это монологи-рассуждения учёного о непростых судьбах российских учёных-евреев и их взаимоотношениях с советской властью. Говоря о героях своей книги, Черкасский отметил: «Я пишу о советских

учёных-евреев вовсе не потому, что они талантливее русских, армянских или грузинских коллег. И не столько потому, что первые мне ближе и понятнее всех остальных. Суть в ином, в СССР и в России наших дней были и остаются русские учёные, но никогда не было учёных еврейских» [40]. Черкасский рассказывает о духовно близких ему коллегам, многие из которых на всю жизнь остались его «учителями, друзьями и единомышленниками» [40]. Учёный выразил гордость за сделанное востоковедами-евреями, отметив их особенный вклад в развитие китаеведения и японистики.

Теперь Черкасский активнее выступает с переводческими комментариями, заметками и примечаниями, например для его новой книги «В поисках звезды заветной» (1988) [3], где он выступил и как автор вступительной статьи. Активизируется и редакторская практика Черкасского. Ещё в 1976 г. он выступил ответственным редактором сборника переводов современных японских поэтов «Вкус хризантемы» [1]. В 1988 г. предметом редакторского внимания Черкасского становятся переводы М.А. Курганцева в книге «Поэты Востока» [11].

Главным образом надо подчеркнуть, что в этот период серьёзно усиливается интерес Черкасского к сопоставительному литературоведению. Так, в 1991 г. был выпущен сборник статей «Творчество Пушкина и зарубежный Восток» [14]. Этот сборник состоит из двух разделов: «Пушкин в странах Востока» и «Восточные мотивы в творчестве Пушкина». В статьях первого раздела исследуется специфика переводов произведений Пушкина на языки народов Востока. Этот раздел завершила статья Черкасского ««Цыганы» А. С. Пушкина на Востоке» [39]. Говоря о восточных переводах поэмы Пушкина «Цыганы», Черкасский сделал вывод о тех объективных факторах, которые неизбежно оказывают своё воздействие (положительное и отрицательное) на сложный и благотворный процесс межлитературной коммуникации.

Особенно глубокий интерес к сопоставительному литературоведению продемонстрировала книга «Восточные мотивы: Стихотворения и поэмы» (1985) [2]. Эта книга познакомила читателей с тем, как воспринимался Восток ведущими мастерами поэтического слова в литературах Европы и США в новое и новейшее время. Черкасский выступил здесь составителем раздела «Русская поэзия». В нем представлен масштабный обзор восточной темы в русской поэзии от В. А. Жуковского до авторов середины XX столетия.

Таким образом, мы могли убедиться в том, насколько многогранным было творчество Леонида Евсеевича Черкасского, выступавшего переводчиком,

издателем, исследователем, уникальным открывателем восточной, преимущественно китайской поэзии в России. Взгляд на его творческую эволюцию позволяет увидеть непрекращающийся рост творческих планов и совершенствование аналитической позиции выдающегося учёного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вкус хризантемы. Стихи современных японских поэтов : пер. А.И. Мамонова. – М. : Наука, 1976. – 191 с.
2. Восточные мотивы. Стихотворения и поэмы / сост. Л. Е. Черкасский, В.А. Муравьев ; послесловие Вяч.Вс. Иванова. – М. : Наука, 1985. – 508 с.
3. В поисках звезды заветной: Китайская поэзия первой половины XX в. / сост., вступ. ст., заметки об авторах и примечания Л.Е. Черкасского. – 1988. – 352 с.
4. Движение «4 мая» 1919 года в Китае // Сборник статей / АН СССР, Ин-т востоковедения ; ред. кол. А.Г. Афанасьев [и др.]. – М., 1971. – 332 с.
5. Дождливая аллея // Сборник стихов. Китайская лирика 20–30-х годов : пер. Л.Е. Черкасского. – М. : Наука, 1969. – 199 с.
6. Китай говорит // Сборник стихов китайских поэтов / сост., пер. и пред. Л.Е. Черкасского. – М. : Читинское книжное изд-во, 1954. – 72 с.
7. Китайская поэзия // Сборник стихов : пер. Л.Е. Черкасского / отв. ред. Н.Т. Федоренко. – М. : Наука, 1982. – 240 с.
8. Красный прибор: (Поэзия «4 мая») : пер. Л.Е. Черкасского // Сборник стихов. – М. : Наука, 1964. – 98 с.
9. Милибанд, С.Д. Востоковеды России: XX – начало XXI в. Библиографический словарь. Кн. II. Н–Я / С.Д. Милибанд. – М. : Восточная литература, 2008. – С. 615–616.
10. Огненная мгла. Китайская поэзия [Электронный ресурс] : пер. Л. Е. Черкасского // Классическая поэзия и поэзия XX в. : сб. стихов. – М., 1997. – Режим доступа: <http://amkob113.narod.ru/chin/sin-0.html>.
11. Поэты Востока пер. М. А. Курганцева // Сборник стихов ; отв. ред. Л.Е. Черкасский. – М. : Наука, 1988. – 512 с.
12. Пятая стража : пер. Л.Е. Черкасского // Китайская лирика 30–40-х гг. : сб. стихов. – М. : Наука, 1975. – 128 с.
13. Сорок поэтов: пер. Л.Е. Черкасского // Китайская лирика 20–40-х гг. : сб. стихов. – М. : Наука, – 1978. – 342 с.
14. Творчество Пушкина и зарубежный Восток // Сборник статей. – М. : Наука. – 1991. – 229 с.
15. Трудны сычуаньские тропы : пер., сост. Л.Е. Черкасский // Китайская поэзии 50-х и 80-х годов : сб. стихов. – М. : Радуга, 1983. – 199 с.
16. Трудны сычуаньские тропы : пер., сост. Л.Е. Черкасский // Китайская поэзии 50-х и 80-х годов : сб. стихов. – М. : Радуга, 1987. – 199 с.
17. Цао Чжи. Семь печалей : пер., вступ. ст., коммент. Л.Е. Черкасского / Цао Чжи // Сборник стихов. – М. : Худож. литература, 1962. – 133 с.
18. Цао Чжи. Семь печалей : пер., вступ. ст., коммент. Л.Е. Черкасского / Цао Чжи // Сборник стихов. – М. : Худож. литература, 1973. – 168 с.
19. Черкасский, Л.Е. Ай Цин – Подданный Солнца: (Книга о поэте) / Л.Е. Черкасский // РАН. Ин-т востоковедения. – М. : Наука, 1993. – 233 с.
20. Черкасский, Л.Е. К вопросу о гуманизме поэзии «4 мая» / Л.Е. Черкасский // Идеи гуманизма в литературах Востока. – М., 1967. – С. 64–72.
21. Черкасский, Л.Е. К вопросу о национальной адаптации / Л.Е. Черкасский // Народы Азии и Африки. – 1984. – № 4. – С. 112–117.
22. Черкасский, Л. Е. Китайская поэзия военных лет. (1937–1949) / Л.Е. Черкасский // АН СССР. Ин-т востоковедения. – М. : Наука, 1980. – 272 с.
23. Черкасский, Л.Е. Китайский поэт (Цзян Гуан-ци) о культурном наследии / Л.Е. Черкасский // Народы Азии и Африки. – 1967. – № 2. – С. 100–106.
24. Черкасский, Л.Е. Китайское поэтическое общество / Л.Е. Черкасский // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. – М., 1970. – С. 134–140.
25. Черкасский, Л.Е. Маяковский в Китае / Л.Е. Черкасский // АН СССР. Ин-т востоковедения. – М. : Наука, 1976. – 224 с.
26. Черкасский, Л.Е. Новая китайская поэзия (20–30-е гг.) / Л.Е. Черкасский // АН СССР. Ин-т востоковедения. – М. : Наука, 1972. – 496 с.
27. Черкасский, Л.Е. Новая поэзия Китая и западная литература / Л.Е. Черкасский // Движение «4 мая» 1919 г. в Китае. – М., 1971. – С. 252–261.
28. Черкасский, Л.Е. Обличительная поэзия в современном Китае / Л.Е. Черкасский // Народы Азии и Африки. – 1982. – № 2. – С. 87–94.
29. Черкасский, Л.Е. О китайско-иностранных литературных связях: (Китайская поэзия 30–40-х гг.) / Л.Е. Черкасский // Народы Азии и Африки. – 1979. – № 1. – С. 108–116.
30. Черкасский, Л.Е. О периодизации новой китайской поэзии: (точка зрения) / Л.Е. Черкасский // Теоретические проблемы восточных литератур. – М., 1969. – С. 354–359.
31. Черкасский, Л.Е. О поэзии «4 мая» / Л.Е. Черкасский // Движение «4 мая» 1919 г. в Китае. – М., 1971. – С. 232–251.
32. Черкасский, Л.Е. Под сенью «Великой стены» / Л.Е. Черкасский // Проблемы Дальнего Востока. – 1985. – № 7. – С. 146–153.
33. Черкасский, Л.Е. Политические и литературные взгляды Цао Чжи / Л.Е. Черкасский // Китай, Япония: (История и философия). – М., 1961. – С. 131–145.
34. Черкасский, Л.Е. Поэзия А. С. Пушкина на китайском языке: («Цыганы» в переводе Цюй Цюбо) / Л.Е. Черкасский // Русская классика в странах Востока. – М., 1982. – С. 184–203.
35. Черкасский, Л.Е. Поэзия Цао Чжи / Л.Е. Черкасский // АН СССР. Ин-т народов Азии. – М., 1963. – 140 с.
36. Черкасский, Л.Е. Римский изгнанник и скиталец из Царства Вэй Публий Овидий Назон (43 г. до н.э. – 17 г. н.э.) и Цао Чжи (192–232 гг.) / Л.Е. Черкасский // Историко-филологические исследования : сб. статей к 70-летию академика Н.И. Конрада. – М., 1967. – С. 409–415.
37. Черкасский, Л.Е. Русская литература на Востоке: (Теория и практика перевода) / Л.Е. Черкасский // АН СССР. Ин-т востоковедения. – М. : Наука, 1987. – 184 с.
38. Черкасский, Л.Е. Художественный образ в китайской поэзии 30–40-х годов / Л.Е. Черкасский // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока : тезисы и доклады восьмой науч. конф. Ин-т востоковедения АН СССР Ленинград. от-ние Ин-та востоковедения АН СССР. Восточный ин-т Ленинград. гос. ун-та им. А.А. Жданова. – 1978. – С. 288–296.
39. Черкасский, Л.Е. «Цыганы» А.С. Пушкина на Востоке / Л.Е. Черкасский // Творчество Пушкина и зарубежный Восток : сб. статей. – М. : Наука, 1991. – С. 113–130.
40. Черкасский, Л.Е. Я рядом с корнем души успокою / Л.Е. Черкасский // Монологи востоковеда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://abursh.sytes.net/abursh_page/Cherkassky/Ogl.asp.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ МЕДИЦИНЫ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ НАУКИ (СТАТЬЯ ПЕРВАЯ: КАТЕГОРИИ ЦЗИН И ЦИ)

В.А. Ванденко

Ванденко Вячеслав Анатольевич – врач, учёная степень *бо ши* по традиционной китайской медицине.

Контактный адрес: slava_gloriya@mail.ru

Современное состояние биологии, медицины и синологии позволяет дать корректную научную интерпретацию категорий китайской медицины *цзин* и *ци*. В китайских медицинских текстах термин *цзин* встречается в нескольких различных значениях, отличающихся друг от друга. *Прежде небесная* (врождённая) *цзин* аналогична ДНК в силу сходства их функций и роли в жизнедеятельности организма. *После небесная* (приобретенная) *цзин* в живом теле аналогична гормонам, которые координируют работу генов в клетках разных тканей на уровне целого организма. Под *репродуктивной цзин* следует понимать сперматозоиды (в составе семенной жидкости) и яйцеклетки. *Цзин почек* регулирует выделительную, эндокринную и метаболическую функции организма. *Ци* представлена в китайской медицине более широкой классификацией, нежели *цзин*. В норме следует выделять следующие виды *ци*: *изначальную ци*, *основную ци*, *питающую ци*, *защитную ци*, *ци внутренних органов*, *ци каналов и коллатералей*, которые составляют *нормальную ци* человеческого тела. *Изначальная ци* аналогична функции гена, а *питающая ци* по своей структуре, расположению и функционированию соответствует плазме крови. *Основная ци* аналогична артериальной крови. *Защитная ци* по своим свойствам и локализации соответствует лимфе. *Трансформирующее действие ци* следует понимать как эндокринную активность организма. *Ци меридианов* и *коллатералей*, а также *органов* – соответствует ионам веществ или электролитам и является проявлением нейроэндокринной активности.

Ключевые слова: традиционная китайская медицина, медицинские каноны, даосская медицина, *цзин*, *ци*.

Любой категориальный аппарат опирается на определённую философскую систему воззрений, опыт и систему научных знаний, которые существуют в рамках конкретной культурной традиции. Верное понимание категориального аппарата любой теории – базовое условие ее аутентичной интерпретации и эффективного использования для решения теоретических и практических задач. Это касается и такого специфического феномена китайской цивилизации, как китайская медицина. Китайцы вполне отдадут себе отчет в глубоком различии автохтонной медицины от той, что возникла на Западе. Чужеродность китайских понятий западному врачебному менталитету осознают и европейцы. Такая ситуация существует давно, но ведь когда-то должна настать пора «наведения мостов»!

Целью статьи является обоснование возможности адекватной интерпретации категориального аппарата китайской медицины в европейской терминологии, что поможет решить задачу включения медицинских знаний, добытых в ходе многовекового развития Китая, в западную культурную традицию.

1. Проблема перевода древнекитайских медицинских текстов

Адекватный перевод с древнекитайского языка невозможен без знания его истории. Как отмечают М.В. Крюкова и Хуан Шу-ин, «...центральное место в истории древнекитайского языка как хронологически, так и по своему значению, занимает период V–II вв. до н.э. Этот период обычно называют "классическим". Именно тогда были созданы важ-

нейшие памятники древнекитайской философской и художественной мысли. "Классический" язык лег впоследствии в основу *вэньяня*» [24]. В *вэньянь* сохранились *синтаксические* и *морфологические нормы древнекитайского языка*. Но *вэньянь* передавал только смысловое значение, меняющееся в зависимости от контекста. Несколько позднее возник новый литературный язык *байхуа*, опирающийся на нормы разговорной речи. По этому поводу И.Т. Зограф поясняет: «...*Вэньянь* непрерывно функционировал на протяжении всей последующей истории Китая, причем, начиная с эпохи Сун, параллельно существовали два литературных языка – *вэньянь* и *байхуа*, находившиеся в определенной связи с литературными жанрами. Так, средневековая философская проза (*гувэнь*) и новелла (*чуаньци*) писались на *вэньяне*, тогда как для рассказа, драмы и романа использовался язык *байхуа*. Сфера использования *вэньяня*, конечно, сказанным не ограничивалась: точность и лаконичность выражения делали его предпочтительным языком науки, техники, политики и администрации. Сложилась, таким образом, ситуация своеобразного двуязычия (своеобразного по ряду причин, и прежде всего потому, что *вэньянь*, в отличие от *байхуа*, существовал только в письменной форме) и неизбежно вытекающая из этой ситуации межъязыковая интерференция – оба языка, безусловно, взаимодействовали между собой и оказывали влияние друг на друга» [15]. Эта межъязыковая интерференция приводит к тому, что многие медицинские термины, встречающиеся в древнекитайских текстах, не под-

даются однозначной интерпретации. В указанной связи В.С. Спирин отмечал: «Для древнего читателя каждое произведение первоначально существовало без какого-либо комментария или другого внешнего определителя его содержания. ... В настоящее же время практически ни один исследователь не может обойтись без комментариев. Объяснять этот факт только языковыми трудностями не приходится. ... Поскольку понять основания того или иного комментария не менее трудно, чем сам текст, а домысливание не основано на каких-либо объективных и формальных критериях, то прочтение получается довольно разнообразным» [35]. И далее: «Ввиду отсутствия выработанных приемов понимания текстов "изнутри" не будет большим преувеличением сказать, что интерпретация древнекитайских произведений в настоящее время – это больше искусство, нежели наука. Здесь главную роль играют интуиция и эрудиция, а иногда и просто личный авторитет, и другие случайные обстоятельства» [35].

Рецепция достижений китайской цивилизации европейцами привела в начале XX в. к необходимости осмыслить феномен китайской медицины. И тут европейские ученые столкнулись с неожиданными трудностями. Так, Жорж Сулье де Моран констатировал: «И чего не могли предположить в Европе, так это того, что великие мастера акупунктуры никогда не стремились обучить своему искусству наших врачей. Переводы? Но китайские медицинские тексты испещрены специальными терминами, для которых в европейских языках нет точных эквивалентов...» [29]. Такая позиция характерна и для более позднего периода. Например, в середине 70-х гг. XX в. президент Немецкого врачебного общества акупунктуры Клаус Шнорренбергер отмечал: «...Большинство понятий китайской медицины не может быть точно передано средствами западных языков» [56]. Поэтому базовые категории китайской медицины он оставлял без теоретической интерпретации. К. Шнорренбергер разделял свойственное его западно-европейским коллегам сомнение в научности этих категорий. Его скептицизм в полной мере разделяет и один из авторитетных специалистов в области традиционной китайской медицины Европы и Америки – Джованни Мачоча. «Я осознаю, – утверждает этот автор, – что нет такого понятия, как "правильный перевод" китайских медицинских терминов, и моя терминология не может быть исключением; китайские медицинские термины по сути своей непередаваемы» [25]. Подобное отношение к базовым понятиям китайской медицины сохраняется и в наши дни, хотя рядом авторов были приняты определённые усилия с целью эксплицировать для европейского сознания смысл китайских медицинских терминов [2–6; 18; 33; 39; 47].

Отправной точкой рассуждений автора служит убеждение, что наука – это такая форма духовного освоения действительности, которая требует строгих понятий с ясно очерченным смыслом. Только при этом условии можно добиться взаимопонимания между учеными. Выявить этот смысл – задача первостепенной важности. Ее решение позволит инкорпорировать достижения китайской медицины в структуру европейского медицинского знания. Помехи на этом пути – отсутствие традиционного китайского образования у западных врачей, незнание или недостаточное знание большинством западных врачей китайского языка, а также непонимание рядом переводчиков самого факта метафоричности китайских медицинских текстов.

Ниже автором статьи предлагается вариант интерпретации базовых традиционных понятий китайской медицины.

2. Понятие о составных частях тела

Главными составными частями организма в китайской медицине являются: *цзин*, *ци*, *сюэ*, *цзинь-е*, а также *шэнь*. Их важность для организма подчёркивается в 30-м разделе «Оси Духа»: 精脫者, 耳聾; 氣脫者, 目不明; 津脫者, 腠理開, 汗大泄; 液脫者, 骨屬屈伸不利, 色夭, 腦髓消, 脛痺, 耳數鳴; 血脫者, 色白, 天然不澤, 其脈空虛, 此其候也. [59]. «Если утрачивается *цзин*, то наступает глухота; если утрачивается *ци*, то зор становится нечётким; если утрачивается выделения, то поры раскрываются и пот сильно выходит наружу; если утрачиваются жидкости, то кости теряют гибкость, цвет предвещает беду, мозг слабеет, голени поражает ревматизм, в ушах часто звенит; если утрачивается кровь, то появляется опасная бледность и, конечно же, губительная испарина, это предвещает опустошение сосудов».

Рамки статьи не позволяют рассмотреть вопрос во всем его объеме, поэтому остановимся на анализе только двух понятий – *цзин* и *ци*.

2.1. Категория «цзин»

В 8 разделе «Оси Духа» сказано: 天之在我者德也, 地之在我者氣也. 德流氣薄而生者也. 故生之來謂之精... [59]. «В моих небесах – это добродетель¹, в моей земле – это *ци*. Добродетель

¹ Уже в период Западного Чжоу (нач. I тыс. до н.э.) оформилась одна из центральных категорий китайской мысли – «дэ», обозначающая силу порождения и упорядочения. Благодаря силе *дэ* небо (*небо-и-земля*) порождает и возвращает все сущее. Правитель, являясь сыном *неба*, приобщается к «великому *дэ* неба и земли» (космоса) и распространяет его на мириады людей, гармонизируя Поднебесную. В свою очередь он ответствен за мир и благополучие, царящие в Поднебесной. В комментирующей «Канон Пути и благодати» гл. 20 «Трактата учителя Хань Фэя» («Хань Фэй-цзы»), III в. до н.э. сказано: «Для личности-тела (*шэнь*) накопление

(т.е. цзин) превращается в жидкую ци и дает жизнь! Поэтому говорят – цзин причина рождения...».

Далее в этом же разделе говорится: 人始生, 先成精, 精成而腦髓生, 骨為幹, 脈為營, 筋為剛, 肉為牆, 皮膚堅而毛髮長, 穀入于胃, 脈道以通, 血氣乃行. [59]. «В момент зачатия человека, сначала образуется цзин, цзин формируется и рождает мозг, кости для тела, сосуды для артериальной крови, сухожилия для жёсткости, мышцы для ограждения, прочные кожные покровы и густые волосы, вхождение злаков в желудок обеспечивает проходимость сосудов, именно тогда кровь и ци приходят в движение».

Термин «цзин» встречается в трактатах «Книга Перемен», «Дао дэ цзин», «Необходимые врачебные знания» Ли Чжунцзы, в других китайских медицинских текстах в нескольких различных значениях, отличающихся друг от друга [13]; цзин условно подразделяется на следующие виды:

- прежденебесная (врождённая) цзин (先天之精 – сяньтянь чжи цзин);
- посленебесная (приобретенная) цзин (后天之精 – хоутянь чжи цзин);
- пепродуктивная цзин (生殖之精 – шенчжи чжи цзин)
- цзин почек (肾精 – шэнь цзин).

Основными функциями цзин являются:

1. Продление жизни (繁衍生命 – фаньянь шенмин). Осуществляется при помощи репродуктивной цзин (разъясняется ниже).
2. Питание (濡养 – жу ян). Цзин питает и увлажняет органы, тем самым позволяя им поддерживать нормальное функционирование.
3. Превращение цзин в кровь (化血 – хуа сюэ).
4. Превращение цзин в ци (化氣 – хуа ци).
5. Превращение цзин в шэнь (化神 – хуа шэнь).

Прежденебесная (врождённая) цзин. В 30-м разделе «Оси Духа» сказано: 兩神相搏, 合而成形, 常先身生, 是謂精. [59]. «Два шэнь взаимодействуют друг с другом и объединяясь формируют то, что обычно предшествует рождению тела, это называется цзин». Эта цзин наследуется от родителей, поэтому ее часто называют **изначальной цзин** (元精 – юань цзин). Она является основой формирования нашего тела. Получая при рождении **изначальную цзин**, человек использует ее на протяжении жизни. Объем **изначальной цзин** определен для каждого человека при рождении и если **изначальная цзин** истощается, то человек умирает. Но её можно защитить, используя **приобретенную цзин**.

семени (цзин) является благодатью (дэ)» [13]. Таким образом, в теле человека дэ аналогична цзин.

Из того, что **изначальная цзин** предшествует рождению тела и лежит в основе формирования человеческого эмбриона, можно заключить, что она аналогична ДНК. Удвоение молекул ДНК при репликации и передача потомкам копий материнской ДНК является основой сохранения основных биологических признаков вида. Так и **изначальная цзин** несёт в себе информацию о родителях и определяет индивидуальные качества человека и продолжительность жизни.

Количество ДНК в соматических и половых клетках является постоянной величиной для данного вида организмов и воспроизводится в поколениях, но программы, заложенные в ДНК разных людей, различаются. Объем генетической программы, заложенной в ДНК, может быть уподоблен количеству **изначальной цзин**. Любые действия в повседневной жизни, начиная с движений тела до движения мыслей и чувств, требуют умеренности, что позволит сохранить **изначальную цзин** (т.е. генетическую программу) и увеличить продолжительность жизни.

Поэтому в китайской медицине уделяется очень большое внимание сбережению **врожденной цзин**. В первом разделе «Вопросов о простейшем» говорится: 上古之人, 其知道者, 法於陰陽, 和於術數, 食飲有節, 起居有常, 不妄作勞, 故能形與神俱, 而盡終其天年, 度百歲乃去. 今時之人不然也, 以酒為漿, 以妄為常, 醉以入房, 以欲竭其精, 以耗散其真, 不知持滿, 不時御神, 務快其心, 逆於生樂, 起居無節, 故半百而衰也. [59]. «Люди в древние времена те, кто познали путь, законы Дао, искусство безмятежности, сдержанность в еде и питье, соблюдение ритма дня, работы на полях без суеты, могли сохранять телесную форму и духовное равновесие, до конца, прожив годы, предопределённые судьбой, преодолев столетний рубеж. Это не так у людей в наше время, алкоголь заменил им другие напитки. Они опрометчиво часто вступают в половые сношения в нетрезвом состоянии, истощают цзин, потворствуя своим желаниям, посредством чего рассеивают свою естественную природу, не зная, как поддерживать своё благосостояние, время от времени сопротивляются шэнь, ускоряя свои желания, не с целью рождения, а для получения удовольствия, неритмично встают с постели и ложится спать (не соблюдают режим сна и бодрствования), поэтому преждевременно стареют, дожив только до пятидесяти лет».

В современном научном аспекте это означает, что стресс и внешние факторы могут повреждать ДНК и нарушать программу, заложенную в ней, изменяя её свойства, т.е. ухудшать качество **изначальной цзин**, а значит и вызывать преждевременное старение. После окончания действия програм-

мы, заложенной в генетическом коде, или её прерывания внутренними или внешними патогенными факторами – человек умирает.

В первом разделе «Вопросы о простейшем» говорится: 腎者主水, 受五藏六府之精而藏之, 故五藏盛, 乃能寫。 [59]. «Почки управляют водой, получают *цзин* пяти плотных и шести полых органов и накапливают её, когда внутренние органы находятся в расцвете, тогда (*цзин*) способна распространяться». Это высказывание имеет в европейской медицинской науке такой смысл: почки регулируют водно-электролитный баланс, обеспечивая постоянство физико-химических условий в организме. Таким образом, они выполняют гомеостатическую функцию, сохраняя стабильность работы генетического аппарата.

Приобретенная Цзин – это материальная субстанция, которая образуется путем трансформации веществ, получаемых человеком в результате дыхания и употребления пищи и воды. Еще ее называют «*цзин* злаков и воды» (水谷之精– *шуйгу чжи цзин*), где под злаками обычно понимают всю пищу. Поэтому состояние и качество *приобретенной цзин* зависит, в первую очередь, от чистоты пищи, воды и вдыхаемого воздуха. После рождения человека *приобретенная цзин*, с одной стороны, обеспечивает внутреннее постоянство всего организма (системный, физиологический и структурный гомеостазы) и соответственно гомеостаз генетического аппарата (т.е. количества и качества *изначальной цзин*). Координация работы генов ДНК в клетках разных тканей на уровне целого организма осуществляется главным образом при помощи гормонов, что соответствует *приобретенной цзин*.

Гормоны связываются с особыми рецепторами, расположенными или на клеточной мембране, или внутри клетки. В процессе взаимодействия рецептора с гормоном в клетке активируются или, наоборот, репрессируются те или иные гены; в результате синтез белков в данной клетке меняет свой характер. *Приобретенная цзин* хранится в почках. Известно, что в почке вырабатываются гормоны:

1) эритропоэтин, побуждающий костный мозг к выработке кровяных телец, важнейших поставщиков кислорода в нашем организме;

2) ренин, играющий важную роль в регуляции кровяного давления;

3) простагландины – гормоноподобные вещества, вырабатываемые почти во всех тканях организма человека. Разные простагландины выполняют различные функции.

В надпочечниках вырабатывается более 50 гормонов, которые объединяются в следующие группы:

- 1) глюкокортикоидные;
- 2) минералокортикоидные;
- 3) андрогены;

4) катехоламины.

Изначальная и приобретенная цзин нераздельны. Основная функция *приобретенной цзин* – обеспечить работу и сохранность *изначальной цзин*, другими словами, функционирование гормонов обеспечивает сохранность и функциональность ДНК.

Цзин почек (腎精– *шэнь цзин*). Почки – главный орган, поддерживающий и регулирующий обмен жидкостей тела во всем организме. В китайской медицине это называется *управлением водой* (主水 – *чжу шуи*). *Цзин почек* имеет жидкое состояние (гормоны выделяются железами внутренней или смешанной секреции непосредственно в кровь или в тканевую жидкость и с током крови разносятся по всему организму) и она определяет течение всей жизни человека. *Цзин почек* состоит из *инь цзин* и *ян цзин*, которые являются основой *инь* и *ян* всего организма. *Инь* почек (腎陰 – *шэнь инь*), соответствующая органической структуре почки, обеспечивает увлажнение, питание, поддержание формы, контроль и уравнивание *янского жара* (функционирования почки), а также является основой *инь* (т.е. основой тканей всего организма). *Ян* почек (腎陽 – *шэнь ян*), являясь функцией почки, обеспечивает согревание (за счёт действия гормонов) и изменения (разделение поступающей жидкости на две части: чистую и загрязненную; чистая жидкость сохраняется в организме, а загрязненная стекает в мочевой пузырь и в виде мочи выводится наружу), служит основой *ян* (обеспечивает функционирование всего организма). При нарушении баланса *инь* и *ян* почек нарушается гармония (гомеостаз) всего организма, что приводит к развитию заболеваний. Поэтому *цзин почек* выполняет гомеостатическую, выделительную и метаболическую функции в организме.

Репродуктивная цзин (生殖之精– *шэньчжи чжи цзин*). *Репродуктивная цзин* используется для размножения, при этом *изначальная цзин*, сгущаясь, формирует сперматозоиды (в составе семенной жидкости) у мужчин и яйцеклетки у женщин. В «Письменах Мастера Гуаня» сказано: 地者, 万物之本源, 诸生之精, 万物赖以生长发育之根菀...水者, 何也? 万物之本原也, 诸生之宗室也。 ...人, 水也, 男女精气合而水流形。 «Почва является источником всего сущего, источником *цзин* всего живущего, основой рождения и развития всех вещей... А что же тогда Вода? Она также источник всех вещей и храм предков для всех живых существ... Человек – это вода; когда мужские и женские *цзин* и *ци* соединяются, то водный поток принимает форму» [22].

Сперматозоиды и яйцеклетка содержат половинный набор из 23 хромосом, одна из которых – половая. При слиянии ядра яйцеклетки с ядром сперматозоида формируется полноценный набор хромосом,

т.е. наступает передача генетической информации и формирование *изначальной цзин*. Таким образом, *репродуктивная цзин* покидает организм у мужчин при семяизвержении, а у женщин при месячных. Среднее количество спермы, выделяемой при эякуляции, и количество созревших яйцеклеток за цикл – величина постоянная, это и есть эквивалент количества *репродуктивной цзин*. Беспорядочная половая жизнь у мужчин и заболевания яичников у женщин уменьшают количество *репродуктивной цзин* и ухудшают её качество, в результате ухудшается качество и уменьшается количество передаваемой *изначальной цзин* ребёнку. Это можно интерпретировать как ухудшение генетической программы, ведущее к сокращению продолжительности жизни и снижению её качества.

2.2. Категория «ци»

В 30-м разделе «Оси Духа» сказано: 上焦開發，宣五穀味，熏膚、充身、澤毛，若霧露之溉，是謂氣。[59]. «То, что в верхнем обогревателе раскрывает вкусы пищи, наполняет ароматами кожу, укрепляет тело, увлажняет волосы, даёт выделения при возникновении острого простудного заболевания, – называется *ци*».

Термин «*ци*» широко используется в традиционной китайской медицине. Исторически смысл ее менялся. Направление этого изменения охарактеризовано Ю.М. Сердюковым. «В более поздней терминологии, – указывает он, – категория *ци* истолковывается в нескольких смыслах, также отражающих и конкретизирующих идею ее универсальности. В большинстве имеющихся определений она понимается, во-первых, как бестелесное первовещество, из которого состояла Вселенная в исходной фазе своего развития, называемой Хаосом (*хун дунь*), «Великим Пределом» (*тай цзи*), «Великим единым» (*тай и*), «Великим началом» (*тай чу*) или «Великой пустотой» (*тай сюй*). Во-вторых, как источник дифференциации сущего на *инь* и *ян*, а также «пять элементов» (*у син*). В-третьих, как фундаментальная субстанция, лежащая в основе устройства Вселенной, где все существует благодаря ее видоизменению и движению. В-четвертых, как связанный с кровообращением наполнитель человеческого тела, способный утончаться до состояния «семенной души» (*цзин*) и «духа» (*шэнь*). В-пятых, как проявление психического центра, «сердце» (*юань*), управляемое волей (*чжи*) и управляющее чувствами (*цин*). Из изучения комплекса значений категории *ци* можно сделать ряд интересных выводов. Одним из них, важным для решения нашей основной задачи, является идея о возможности управления энергией тела посредством волевого акта. Она была известна еще в глубокой древности, о чем сви-

детельствует изречение Мэн-цзы: "Воля руководит *ци*, а *ци* наполняет тело. Воля – главное, а *ци* – второстепенное" [11: с. 232]. Эта идея оказала глубокое влияние на формирование и развитие даосской "внутренней алхимии" – *нэй дань* и способствовала становлению чрезвычайно эффективной системы развития потенциальных возможностей человеческого организма – *цигун*» [34].

По вопросу о природе *ци* в литературе встречаются разные мнения. Так, Ж.С. де Моран писал: «...Древние, определив существование "чего-то", что проходит в меридиане, когда точка возбуждена, дали этому феномену имя "Ци", которое мы за неимением лучшего перевели словом энергия. Это то же самое, что "Прана" у индусов. Иероглиф, который придумали древние для обозначения "Ци", состоит из элементов, изображающих "силу пара, поднимающего крышку котла, в котором варится рис". Обычно этот иероглиф употребляется для того, чтобы выразить: пар, силу, энергию, дыхание, воздух и через расширение – жизнь, гнев, нервные импульсы; в недавнем времени – электрические флюиды, волны. Основополагающая идея – это идея нематериальной силы» [29]. Названный автор, таким образом, полагал, что *ци*, с точки зрения китайской медицины, является нематериальной силой, хотя он и называл ее энергией. Клаус Шнорренбергер выделял различные виды *ци*, не давая медицинской интерпретации и перевода этого термина китайской медицины, а Дж. Мачоча писал, что она – это «...непрерывная форма материи, которая принимает физическую форму (*син*), когда конденсируется. *Син* – лишённая непрерывности форма материи, которая превращается в *ци*, когда рассеивается» [25].

Русские исследователи китайской медицины Д.М. Табеева [37–40], В.Г. Вогралик [5–8], Э.Д. Тыкочинская [43; 44] и другие [1; 3; 4; 9; 12; 16; 18; 21; 28; 33; 48], в своих книгах не давали медицинской интерпретации *ци*, истолковывая ее в духе, близком Ж.С. де Морану.

П.В. Белоусов характеризовал *ци* как основу материальной субстанции образования всего сущего во Вселенной. Он писал: «...Применительно к организму человека *ци* является: 1) мельчайшим питательным веществом, обеспечивающим жизнедеятельность всех органов и тканей (*ци* пищи, *ци* жидкости, *ци* вдыхаемого воздуха); 2) энергией, обеспечивающей функциональную активность всех органов и тканей (*ци* внутренних органов, *ци* каналов и коллатералей)» [3].

Таким образом, переводчик, встречая в китайском тексте категорию *ци*, имеет возможность поступить тремя разными способами:

- 1) оставить в тексте как непереводаемый термин;
- 2) перевести ее как как пневму, дыхание;

4) обозначить ее как особый вид материальной или нематериальной энергии.

В книге «Китайская традиционная медицина» сказано: 气是构成万物的最基本物质, 因此也是构成人体的最基本物质。中医里“气”字用得广泛, 有元气、正气、邪气、营气、卫气、脏腑之气、经络之气。[61]. «Ци – это структура всего материального, минимальная основа вещества, ввиду этого также является минимальной основой структуры телесного вещества. В китайской медицине иероглиф “ци” используется в очень широком смысле; есть изначальная ци, правильная ци, вредоносная ци, питающая ци, защитная ци, ци плотных и полых органов и ци меридианов и коллатералей».

Поэтому в норме, по мнению автора, будет более корректно выделить следующие виды *ци*:

- изначальная ци (元氣 – юань ци);
- питающая ци (營氣 – ин ци);
- основная ци (宗氣 – цзун ци);
- защитная ци (衛氣 – вэй ци);
- ци внутренних органов (臟腑氣 – цзан-фу ци);
- ци каналов и коллатералей (經絡氣 – цзин-ло ци).

Все эти виды *ци* составляют нормальную *ци* (正氣 – чжэн ци) человеческого тела, постоянно циркулирующую в нём. В то время как *цзин* является материальной основой тела, *ци* является структурной основой функционирования тела и выполняет функции взаимосвязи и регулирования физиологической деятельности. В восемнадцатом разделе «Оси Духа» сказано: 營衛者, 精氣也, 血者, 神氣也, 故血之與氣, 異名同類焉。《То, что питает и защищает – это жизненные силы, кровь – это животворный дух, причина порождения ци крови имеет разные названия и одинаковую природу».

Изначальная ци (元氣 – юань ци). Она является проявлением функционирования изначальной *цзин*. Дун Чжун-шу отождествил изначальную *ци* с качествами, полученными человеком от родителей, и с общемировой субстанцией, а Ван Чун интерпретировал воплощенное в *ци* духовное начало *шэнь ци* как «утончение» *цзин ци*, а сгущение и разрежение *ци* сравнил с образованием льда и его таянием: человек порождается «духовной *ци*» (сгущение) и возвращается в нее со смертью (разрежение) [13].

Ци включает в себя «первичный инь» (元阴氣 – юань инь ци), аналогичный функциональной единице ДНК, которой является ген, и «первичный ян» (元阳氣 – юань ян ци), который можно сравнить с функцией гена, связанной с образованием специфической функциональной РНК или белка. Они вместе являются функциональной основой для всех

инь и *ян* организма. В китайских медицинских трактатах говорится о том, что *ци* может приходиться от «прошлого неба» и от «будущего неба». С прошлым небом связано все, что получает человек от своих родителей. В момент зачатия сливается *ци* матери и отца, образуя изначальную *ци* будущего ребенка, т.е., согласно современным представлениям, запускается процесс деления клеток. Новорожденный ребенок несёт в себе комплекс генов своих родителей и получает свою наследственно предопределённую биологическую программу, благодаря которой определяются индивидуальные качества, внешние признаки, многие биохимические особенности организма и некоторые болезни или предрасположенность к болезненным состояниям.

Ци, не обладая формой, наполняет всё тело и поэтому является наиболее важной субстанцией человеческого тела. В силу того, что любой вид *ци* – это вещество и в то же время функциональное начало, оно представляет собой бесформенную динамическую структуру, которая непрерывно видоизменяется. *Ци* выполняет различные функции в разных внутренних органах и постоянно течет по всему телу: поступая во внутренние органы, *ци* становится *ци органов*, протекая внутри кровеносных сосудов становится *питающей ци*, а соединяясь с воздухом в лёгких становится *основной ци*, проявляясь снаружи кровеносных сосудов трансформируется в *защитную ци*. Протекая по каналам и коллатералям, *ци* превращается в *ци меридианов*. Все эти видоизменения происходят в результате трансформирующего действия *ци*.

Трансформирующее действие ци (氣化 – ци хуа). Распределяясь в различных тканях организма, *ци* приобретает различные формы в зависимости от особенностей, структур и функций конкретных тканей. Таким образом, происходит трансформация *ци*, т.е. разделение её на различные виды. Под трансформирующим действием *ци* автором подразумеваются обменные процессы в организме, т.е. эндокринную активность. Переваренная пища трансформируется в питательные вещества, которые, в свою очередь, преобразуются в *ци*, кровь и другие жидкости тела. Любые изменения, происходящие с различными веществами в организме, можно рассматривать как результат трансформирующего действия *ци* и отражение ее эндокринной активности.

Кроме трансформирующей способности, *ци* обладает способностью к постоянному движению (气机 – ци цзи). В пятнадцатом разделе «Оси духа» говорится: 故人一呼脈再動, 氣行三寸, 一吸, 脈亦再動, 氣行三寸, 呼吸定息, 氣行六寸; 十息, 氣行六尺, 日行二分。[59]. «Поэтому каждый раз на вдохе, двигаясь по сосудам, *ци* продвигается на расстояние трёх цуней, а также при каждом

выдохе, двигаясь, ци снова продвигается на расстояние трёх цуней, за вдох и выдох ци всегда одинаково продвигается на шесть цуней; за десять циклов дыхания ци продвигается на шесть чи (равен 1/3 метра), а за день проходит половину пути». Как видно из приведённого выше отрывка, движение ци согласовано с дыханием.

Физиологические функции и состав питающей и защитной ци различны.

Питающая ци (營氣 – ин ци). Питающая ци образуется в результате трансформации пищи. После образования она по кровеносным сосудам поступает в лёгкие и далее в сердце, которое заставляет циркулировать её по сосудам непрерывно, способствуя постоянному ее обновлению и питанию всех тканей организма.

В 18-м разделе «Оси Духа» написано: 人受氣于穀，穀入于胃，以傳與肺，五藏六府，皆以受氣，其清者為營，濁者為衛，營在脈中，衛在脈外，營週不休，五十而復大會，陰陽相貫，如環無端，衛氣行于陰二十五度，行于陽二十五度，分為晝夜，故氣至陽而起，至陰而止。[59]. «Человек получает ци из злаков, (которые) входят в желудок и посредством него передают (ци) в легкие. Пять плотных органов и шесть полых органов тем самым получают ци. Чистая ее часть становится питающей ци, а мутная часть становится защитной ци. Питающая ци находится внутри сосудов, а защитная ци находится снаружи сосудов. Питающая ци, не останавливаясь, движется по циклам, проходит 50 циклов и возвращается к точке великого сбора. Инь-Ян обоюдно один за другим следуют подобно кольцу без ограничений, защитная ци совершает 25 оборотов в период инь и 25 оборотов в период ян, которые образуют день и ночь (сутки), движение ци к максимуму ян-ци и её подъём ограничивается только инь-ци в своём высшем проявлении».

В 52-м разделе «Оси Духа» сказано: 其浮氣之不循經者，為衛氣；其精氣之行於經者，為營氣。陰陽相隨，外內相貫，如環之無端。[59].

«Поверхностная, не следующая меридианам ци и есть защитная ци. Те жизненные силы, которые следуют меридианам, называются питающей ци. Инь и ян движутся друг за другом, внешнее и внутреннее совмещаются друг с другом. Это подобно кольцу, у которого нет конца».

В 30-й главе «Трудности» написано: 穀入於胃，乃傳與五藏六府，五藏六府皆受於氣。其清者為榮，濁者為衛，榮行脈中，衛行脈外，榮周不息，五十而復大會。陰陽相貫，如環之無端，故知榮衛相隨也。[12]. «Злаки входят в желудок и только тогда передаются пяти плотным и шести полым органам, каждый внутренний орган в равной мере получает ци. Её чистая часть превращается в

кровь, мутная часть становится стражей, кровь движется в центре сосудов, стражей движется снаружи сосудов, кровь движется непрерывно без остановки, совершая 50 циклов. Инь-Ян взаимосвязаны, ничем не ограничены, подобно кольцу, так же неразлучны, (как) старые друзья кровь и стража».

По своей структуре, расположению и функционированию, питающая ци соответствует плазме крови. Плазма крови – жидкая внеклеточная часть кровотока. Плазма крови имеет многообразные функции: она транспортирует кровяные клетки, продукты обмена (метаболизм) и питательные элементы, связывает и осуществляет диспетчеризацию экстравазкулярных жидкостей. Через внесосудистые жидкости плазма крови контактирует с тканями органов и таким образом поддерживает биологическую устойчивость всех систем. Кроме того, плазма крови поддерживает сбалансированное давление (распределение жидких сред в крови снаружи и внутри клеточных мембран). В зависимости от вкуса продукта получаемая при его переработке питающая ци имеет разные качества и распределяется по пяти плотным органам: печень (кислый) вкус, сердце (горький вкус), селезенка (сладкий вкус), легкие (острый вкус), почки (соленый вкус). Другими словами, в зависимости от состава пищи меняется химический состав плазмы крови, что вызывает изменения в деятельности тех или иных внутренних органов.

Направленная в лёгкие питательная ци, после взаимодействия с воздухом трансформируется в основную ци (宗氣 – цзон ци). Основная ци – более насыщенная, чем питательная ци, и она может использоваться организмом. Область груди – это место, где накапливается основная ци, и оно называется «морем ци». Это одно из четырех морей, описанных в 33-й главе «Оси Духа». В ней говорится: 氣海有餘者，氣滿胸中，惋息面赤；氣海不足，則氣少不足以言。[1] «Море ци с избытком, то ци наполняет центр груди, угнетая дыхание и краснеет лицо; море ци в недостатке, и тогда ци недостаточно, чтобы говорить». В 75-й главе «Оси Духа» сказано: 宗氣留於海，其下者，注于氣街，其上者，走於息道。«Цзон ци также хранится в море, снизу, стекая в каналы ци, сверху, двигаясь по направлению к респираторному тракту». Основная ци тесно связана с функциями сердца и легких. Она помогает в осуществлении их функций по контролю ци, дыхания и крови. В 71-й главе «Оси Духа» комментируется: 五穀入于胃也，其糟粕津液宗氣，分為三隧。故宗氣積於胸中，出於喉嚨，以貫心脈，而行呼吸焉。[1] «Пять злаков, входя в желудок, образуя барды, состоящие из жидкостей тела (Цзин, Е) и основной ци, идущих по трём путям. Причина накопления основной ци

в груди исходит из глотки. Основная *ци* накапливается в груди, исходя из горла, становясь единым целым с кровеносными сосудами сердца и таким образом осуществлять дыхание». Основная *ци* в недостатке, ослабляя речевую функцию, а в избытке, затрудняя дыхание и вызывая покраснение кожных покровов, а в норме, начиная свой путь из области груди, обеспечивая дыхательную функцию и помогая работе сердца, соответствует в западной медицине артериальной крови.

Защитная *ци* (衛氣 – *вэй ци*). Циркулируя в поверхностных слоях организма, защитная *ци* предупреждает проникновение вредоносной, возмущающей энергии в пределы организма через его отверстия или ограничивает глубину её проникновения. Защитная *ци* регулирует деятельность кожи и волос, обогревает внутренние плотные и полые органы, выполняет важную функцию при открытии и закрытии пор кожи, а также защищает поверхность тела от воздействия болезнетворных внешних факторов. Движение защитной *ци* контролируется легкими. Кожа, включая потовые отверстия, является преградой для внешнего патогенного фактора. Она прогревается и питается защитной *ци* и жидкостями, которые распространяют по организму легкие. По своей структуре, локализации и функционированию защитная *ци* соответствует лимфе.

Лимфатическая система, как и кровеносная, предопределяет свойства нашего тела. Но, в отличие от кровеносной системы, которая питает человеческое тело, лимфа выступает как защищающий элемент. Локализация лимфы связана с различными тканями, окружающими кровеносные сосуды. В лимфу, а не в кровь резорбируются многие гормоны, ферменты и другие биологически активные вещества, образующиеся в клетках различных органов и тканей в норме и патологии. В лимфатических узлах происходит обезвреживание многих вредных метаболитов белковой природы, чем обеспечивается нормализация обмена веществ в организме. Таким образом, лимфа играет сохранительную и защитную функции.

В 34-м разделе «Вопросы о простейшем» сказано: 榮氣虛，衛氣實也，榮氣虛則不仁，衛氣虛則不用，榮衛俱虛，則不仁且不用，肉如故也，人身與志不相有，曰死。[59]. «(Если) светлая *ци* истощается, то жизненные силы организма тоже (истощаются), (если) светлая *ци* истощается, тогда немевают конечности, (если) защитная *ци* истощается, тогда человек утрачивает способность к движению, (если) светлая и защитная *ци* вместе опустошаются, тогда немевают конечности и утрачивается способность к движению. Поэтому, когда тело человека и устремления (воля) не согласованы, наступает смерть».

Кроме бесформенности и способности к трансформации, *ци* обладает еще двумя неотъемлемыми качествами:

- 1) постоянным движением (氣機 – *ци цзи*);
- 2) вездесущностью (*ци* присутствует везде за счёт постоянного движения *ци цзи*).

Благодаря свойствам *ци* в организме осуществляется взаимосвязь всех органов. Эта взаимосвязь происходит через каналы и коллатерали (經絡 – *цзин-ло*).

Ци каналов и коллатералей (經絡氣 – *цзин ло ци*). В 60-м разделе «Оси Духа» сказано: 胃者，水谷氣血之海也。海之所行云氣者，天下也。胃之所出氣血者，經隧也。[59]. «Желудок – это море пищи, *ци* и крови. У всех людей, подобно плывущим облакам, *ци* порождается морем. Подобным образом *ци* и кровь порождаются из желудка и циркулируют по каналам». Отсюда следует, что движение крови по сосудам согласовано с движением *ци* по меридианам и коллатералиям и их источник – это пища, поступающая из желудка. В 12-м разделе «Оси Духа» сказано: 經脈十二者，外合於十二經水，而內屬於五藏六府。《Двенадцать каналов те, что снаружи соответствуют двенадцати руслам рек², внутри находятся во владении пяти плотных и шести полых органов».

Меридианы и коллатерали оказывают влияние на распределение жидкости в организме и управляют работой мышц, кроме того, циркуляция *ци* по меридианам согласована с циркуляцией крови, питающей *ци* внутри сосудов и защитной *ци* снаружи сосудов. Деятельность меридианов и коллатералей соответствует в западной медицине нейрогуморальной регуляции (регулирующее и координирующее влияние нервной системы и содержащихся в крови, лимфе и тканевой жидкости биологически активных веществ на процессы жизнедеятельности организма). Она имеет первостепенное значение для поддержания относительного постоянства состава и свойств внутренней среды организма, а также для приспособления организма к меняющимся условиям существования.

Инь ци меридианов и коллатералей соответствует ионам веществ или электролитам, а *ян ци* – это проявление функционирования электролитов. Электролиты входят в состав буферных систем крови, необходимы для поддержания постоянного ионного состава тканевой жидкости и клеток. Аксонный и дендритный транспорт также запускается ионами, которые обеспечивают постоянное прямое и обратное движение веществ внутри

² Здесь сравнивается человеческое тело, в котором двенадцать меридианов делят его на части и внутри окружают внутренние органы, с Поднебесной, которая делится каналами рек на отдельные области.

нервной сети и обеспечивают её связь с внешней средой. Посредством ионов происходит регуляция работы органов. Таким образом, по телу постоянно движутся частицы, обладающие определённым зарядом. То есть в нашем теле постоянно циркулирует электрическая энергия, которая в традиционной китайской медицине называется *ци*. Водно-солевой баланс также контролируется с помощью *приобретённой цзин*, т.е. некоторых гормонов (вазопрессин, альдостерон, паратгормон).

При нарушении работы меридианов образуются временные компенсаторные механизмы (чудесные меридианы) для аккумуляции избыточной или генерации недостающей *ци*.

Ци плотных и полых органов (臟腑氣 – *цзан фу ци*). Все внутренние органы человека также имеют собственную *ци*. *Ци* разных органов взаимодействуют и составляют функциональные системы организма.

Ци пяти плотных органов всегда функционирует внутри них по причине анатомической и функциональной изолированности, в отличие от этого, *ци* шести полых органов циркулируют, переходя из одного полого органа в другой в силу их анатомической и функциональной взаимосвязи. Об этом в пятьдесят четвертой главе «трудности» говорится: 藏病所以難治者，傳其所勝也；府病易治者，傳其子也。 «Болезни плотных органов трудно поддаются лечению, но они в состоянии сами справиться с заражённым местом! Болезни полых органов легко лечить, но они передаются сыну!»³ [12].

«Господин Чжан в «Цзянь Чжэн» (Объяснения правильного) говорит: Жизненная сила *ци*, соответствующая плотным органам, сама очищается и не вытекает из них... Для полых органов их корневая *ци* перетекает из одного чертога фу в другой...» [12].

Ци всех органов взаимодействуют по определённому закону. Изменение состояния одного органа влечёт изменение состояния всех связанных с ним органов, образуя сложную функциональную систему. *Инь ци* органов соответствует ионам веществ или электролитам, а *ян ци* – проявлению функционирования электролитов. С точки зрения современной интегральной физиологии, под воздействием определённых механизмов существует специфическая интеграция удалённых друг от друга органов и тканей, совокупная деятельность которых организует специальную функцию. Функ-

ции этих органов приводят к определённым приспособительным результатам, которые на основе обратных связей формируют специальные функциональные системы организма, определяющие, в первую очередь, оптимальный уровень метаболических процессов его внутренней среды. Другими словами, каждый орган организма выполняет свои функции, но при этом связан с другими органами посредством нейроэндокринной системы.

Выводы

С позиции основных концепций традиционной китайской медицины, человеческий организм – органическое целое, в котором обеспечивается гармоническое сочетание всех функций живого организма – как духовных (психических), так и телесных (физиологических). Дуализм возникает лишь при интерпретации терминов теории китайской медицины с философских позиций, не соответствующих медицинскому содержанию.

Теория китайской медицины не приемлет дуализма психического и физического. Кроме того, основные категории китайской медицины *цзин* и *ци* аналогичны основным понятиям западной медицины. Разница состоит в способе описания физиологических процессов, а также в глубине и детальности познаний в области анатомии и физиологии человека.

Вопрос о том, какая теория более предпочтительна, решается не путем их логического сопоставления, а в результате сравнения их практической эффективности. Но это отдельный большой вопрос, выходящий за пределы настоящей статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеевко, И.П. Очерки о китайской народной медицине / И.П. Алексеевко. – Киев : Госмедиздат УССР, 1959. – 212 с.
2. Ахмеров, Н.У. Механизмы лечебных эффектов восточной акупунктуры / Н.У. Ахмеров. – Казань : Изд-во Казан ун-та, 1991. – 303 с.
3. Белоусов, П.В. Теоретические основы китайской медицины / П.В. Белоусов. – Алматы, 2004. – 160 с.
4. Богданов, Г.В. Первичные механизмы действия иглоукалывания и прижигания / Г.В. Богданов, А.П. Ромоданов, Д.С. Лященко. – Киев, 1984. – 112 с.
5. Вогралик, В.Г. Иглорефлексотерапия: Пунктационная рефлексотерапия / В.Г. Вогралик, М.В. Вогралик. – Горький : Волго-Вятское книжное изд-во, 1978. – 295 с.
6. Вогралик, В.Г. Об основных положениях китайской народной медицины / В.Г. Вогралик. – М., 1957. – 33 с.
7. Вогралик, В.Г. Очерки китайской медицины / В.Г. Вогралик, Э.С. Вязьменский. – М. : Медгиз, 1961. – 192 с.
8. Вогралик, В.Г. Слово о китайской медицине / В.Г. Вогралик. – Горький, 1959. – 176 с.
9. Воронов, В.Я. Модель системы энергетических связей между точками акупунктуры / В.Я. Воронов. – М. : АНМИ, 1999. – 193 с.
10. Выбор оптимального времени для иглоукалывания: Сборник методов традиционной китайской хронопунктуры / сост. Лю Бин Цюань. – Пермь, 1992. – 160 с.

³ Правило «мать–сын» или «отец–сын» описывает взаимоотношения органов и их меридианов аналогично порядку «взаимопорождения» (*сян шэнь*) символизирующих их стихий/элементов: дерево – огонь – почва – металл – вода – дерево. Стихия-мать порождает стихию-сына. Например, для огня «матерью» будет дерево, а «сыном» – почва [13].

11. Древнекитайская философия : собрание текстов. В 2 т. Т. 1. – М. : Мысль, 1972.
12. Дубровин, Д.А. Трудные вопросы классической китайской медицины / Д.А. Дубровин. – Л. : Аста-пресс. 1991. – 227 с.
13. Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко. – М. : Восточная литература, 2006.
14. Жунь Инцю. Базовая теория китайской медицины: Пять вращений, шесть энергий: Древнекитайская биоритмология : пер. с кит. и ком. М.М. Богачихина / Жунь Инцю. – М. : Аслан, 1994. – 144 с.
15. Зограф, И.Т. Официальный вэньянь. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 342 с.
16. Ибрагимова, В.С. Китайская медицина: Методы диагностики и лечения: Чжень-цзю терапия / В.С. Ибрагимова. – М. : ПКП Антарес, 1994. – 637 с.
17. Иваницhev, Г.А. Клинические лекции по нейрофизиологии акупунктуры / Г.А. Иваницhev. – Казань, 1994. – 48 с.
18. Иваницhev, Г.А. Сенсорное и рефлекторное взаимодействие в механизмах акупунктуры / Г.А. Иваницhev. – Казань : Матбуат йорты, 1999. – 142 с.
19. Казеев, Г.В. Ветеринарная акупунктура / Г.В. Казеев. – М. : РИО РГАЗУ, 2000. – 396 с.
20. Качан, А.Т. Китайская биоритмология цзы-у-лю-чжу / А.Т. Качан. – СПб. : СП Ретур, 1991. – 31 с.
21. Киргизов, В.Ю. Иглоукальвание и прижигание. Практическое руководство / В.Ю. Киргизов, Ю.А. Киргизов. – Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1995. – 430 с.
22. Китайская философия: энциклопедический словарь / М.Л. Титаренко, Н.В. Абаев. – М. : Мысль, 1994. – 573 с.
23. Клименко, Л.М. Ухоиглотерапия / Л.М. Клименко, Д.М. Табеева. – Казань : Татарское книжное изд-во, 1976. – 95 с.
24. Крюков, М.В. Древнекитайский язык / М.В. Крюков, Хуан Шу-ин. – М. : «Наука», 1978.
25. Мачоча, Дж. Основы китайской медицины. Подробное руководство для специалистов по акупунктуре и лечению травмами. В 3 т. Т. 1 / Дж. Мачоча. – М. : Рид Элсивер, 2011 – 440 с.
26. Методические рекомендации по иглорефлексотерапии / сост. Д.М. Табеева. – Казань, 1978. – 24 с.
27. Методы подбора зон воздействия при рефлексотерапии / сост. Д.М. Табеева. – Казань, 1978. – 32 с.
28. Молостов, В.Д. Иглотерапия: Практическое пособие / В.Д. Молостов. – Ростов н/Д : Феникс, 2000. – 473 с.
29. Моран, Ж.С. де. Китайская акупунктура. Классифицированная и уточнённая китайская традиция / Ж.С. де Моран. – М. : Профит Стайл, 2005. – 536 с.
30. Начатой, В.Г. Дифференциальная диагностика внутренних болезней / В.Г. Начатой. – СПб. : Изд-во СПбГМУ, 1997. – 410 с.
31. Нгуен Ван Нги. Патогенез заболеваний: Диагностика и лечение методами традиционной китайской медицины: Иглоукальвание, массаж и прижигание / Нгуен Ван Нги. – Новосибирск, 1992. – 579 с.
32. Нгуен Ван Нги. Традиционная китайская медицина: Патогенез заболеваний. Диагностика. Терапия : пер. В. Медведева / Нгуен Ван Нги. – М. : Техарт-плаз, 2000. – 511 с.
33. Овечкин, А.М. Основы чжэнь-цзю терапии / А.М. Овечкин. – Саранск, Нижний Новгород, 1991. – 416 с.
34. Сердюков, Ю.М. Альтернатива паранауке / Ю.М. Сердюков. – М. : Academia, 2005. – 312 с.
35. Спирин, В.С. Построение древнекитайских текстов / В.С. Спирин. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006. – 276 с.
36. Су вэнь, Нэй цзин: трактаты по традиционной китайской медицине на основе древних и современных текстов. – Серсон, 1994.
37. Табеева, Д.М. Иглотерапия / Д.М. Табеева. – М. : Ратмос, 1994. – 472с.
38. Табеева, Д.М. Практическая акупунктура / Д.М. Табеева. – Смоленск : Гомеопат. медицина, 1997. – 492 с.
39. Табеева, Д.М. Руководство по иглорефлексотерапии / Д.М. Табеева. – М. : Медицина, 1982. – 560 с.
40. Табеева, Д.М. Точечный массаж / Д.М. Табеева. – Казань, 1978. – 28с.
41. Трактат Желтого императора о внутреннем. Ч. 1. Вопросы о простейшем : пер. Б.Б. Виногородского. – М. : Профит Стайл, 2007. – 384 с.
42. Трактат Желтого императора о внутреннем. Ч. 2. Ось духа : пер. Б.Б. Виногородского. – М. : Профит Стайл, 2007. – 288 с.
43. Тыкочинская, Э.Д. Иглоукальвание и прижигание / Э.Д. Тыкочинская. – Л. : Медгиз, 1960. – 55 с.
44. Тыкочинская, Э.Д. Основы иглорефлексотерапии / Э.Д. Тыкочинская. – М. : Медицина, 1979. – 343 с.
45. У Вейсинь. Носители информации / У Вейсинь. – СПб. : Рики-Тики-Тави, 1994. – 239 с.
46. У Вейсинь. Плантология. Рефлексотерапия на стопе / У Вейсинь. – СПб. : Петропроект, 1995. – 147 с.
47. У Вейсинь. Энергия Ци и способы ее регулирования / У Вейсинь. – М. : ТОО Стрелец, 1994. – 178 с.
48. Упур, Х. Секреты китайской медицины / Х. Упур, В.Г. Начатой. – М. : Селко-С, 1992. – 202 с.
49. Фалеев, А.И. Классическая методология традиционной китайской чжэнь-цзю терапии: Иглоукальвание и прижигание / А.И. Фалеев. – М. : Прометей, 1991. – 196 с.
50. Федоров, И.И. Очерки по народной китайской медицине / И.И. Федоров. – М. : Медгиз, 1960. – 78 с.
51. Цзинь Синь-чжун. Китайская народная медицина / Цзинь Синь-чжун ; под ред. В.Г. Вогралика. – М. : Знание, 1959. – 64 с.
52. Чиа Мантек. Нейгун: Искусство омоложения организма / Чиа Мантек, Чиа Мэнивэн. – Киев : София, 1998. – 312 с.
53. Чиа Мантек. Слияние пяти стихий / Чиа Мантек, Чиа Мэнивэн. – Киев : София, 1996. – 281 с.
54. Чжэнь-цзю терапия : материалы конф. по вопросам физиологического обоснования и практического применения метода иглоукальвания и прижигания (чжэнь-цзю) / под ред. В.Г. Вогралика. – Горький, 1959. – 136 с.
55. Швейдассер, Э.С. Иглоукальвание и прижигание: Чжэнь-цзютерапия. – Фрунзе : Киргизгосиздат, 1961. – 37 с.
56. Шнорренбергер, К.Ш. Учебник китайской медицины для западных врачей / К.Ш. Шнорренбергер. – М.: Balbe, 2007. – 560 с.
57. Nanjing College of Traditional Chinese Medicine A Revised Explanation of the Classic of Difficulties (Nan Jing Jiao Shi 堆经校释). – Beijing: People's Health Publishing House, 1979.
58. Spiritual Axis (LingShuJing 灵枢经). – Beijing: People's Health Publishing House, 1981.
59. The Yellow Emperor's Classic of Internal Medicine – Simple Questions (Huang Ti Nei Jing Su Wen 黄希内经素问). – Beijing: People's Health Publishing House, 1979.
60. Wang Xianen. Chinese Medicine's View of the Human Body / Wang Xianen.
61. 中医: 汉英对照/严洁、赵宇宁编著. 一合月巴: 黄山书, 2012.3 (中国红)

ОСОБЕННОСТИ И ЭВОЛЮЦИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ ЯПОНИИ

В.А. Смоляков

Смоляков Владимир Александрович – доктор политических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровской государственной академии экономики и права (г. Хабаровск).

Контактный адрес: smolyakov46@mail.ru

В настоящем исследовании автор рассматривает процесс эволюции партийной системы Японии после 1993 г., особенно историю двухпартийного соперничества ЛДП – ДПЯ. Мы доказываем, что в Японии с начала нового столетия возникла тенденция от «системы 1955» к системе двух главных партий, а затем к двухпартийной системе. Однако, несмотря на воздействие новой избирательной системы, двухпартийная система не появилась. В этой статье мы показываем, что процесс выработки политики в Японии является неэффективным из-за недостаточного лидерства и слабых премьер-министров. В итоге мы даём определения и предлагаем различные классификации партийных систем Японии.

Ключевые слова: политическая культура, идеология, политическая система, Либерально-демократическая партия, партийные фракции, партийные системы, избирательные системы, левоправый континуум, выборы.

Япония представляет собой образец либеральной демократии с азиатской спецификой. Это относится не только к особенностям функционирования государственных институтов, но и к политическим партиям. В предлагаемой вниманию статье ставится цель показать место партий в политической жизни Японии, эволюцию и влияние партийной системы на формирование институтов законодательной и исполнительной власти. Внутриполитические процессы включают в себя многие компоненты, не только институциональные, но и такие, как политическая культура и идеология. Поэтому структурные особенности партийной системы Японии целесообразно анализировать в широком социально-культурном контексте и во взаимосвязи с другими частями политической системы.

Согласно конституции, продиктованной в 1946–1947 гг. штабом американских оккупационных войск, Япония является конституционной парламентской монархией, но особого типа, отличающегося от европейских монархий. Император провозглашается «символом государства и единства нации». При этом у него нет никакой реальной власти, даже «спящих полномочий». Неясно также, является ли император главой государства. Функции императора именуется «делами государства», но подчеркивается, что он «не наделён полномочиями, связанными с осуществлением государственной власти» [3: с. 756, 763].

Парламентская система правления предусматривает, что Кабинет министров формируется на основе большинства, т.е. получения вота доверия путём голосования в нижней палате – Палате представителей. Палата советников (верхняя палата), исполняет роль фильтра, т.е. обладает правом отклонять законопроекты, принятые нижней палатой. Однако Палата представителей может преодолеть сопротивление верхней палаты (и даже внести изменения в Конституцию) при условии, что за

определённый законопроект проголосует не менее 2/3 депутатов.

Некоторые западные исследователи считают, что Япония не полностью соответствует либеральным стандартам Запада, а является мягко авторитарным государством, управляемым союзом бюрократии, руководства Либерально-демократической партии и финансово-промышленных магнатов. Существует даже радикальная точка зрения, согласно которой все политические институты, включая партии, принципиально отличаются от западных. В этой связи значительный интерес представляют рассуждения прожившего двадцать шесть лет в этой стране К. ван Вольферена. В книге «Загадка власти в Японии: народ и политика в безгосударственной нации» этот автор раскрывает такие черты японской политики, как «недиктаторский коллективизм» и отсутствие реальной внутренней оппозиции; действующая под прикрытием демократических институтов система подавления личности, в которую вовлечены снизу-доверху все общественные группы. Специфичность японской модели проявляется даже в том, что она не может быть описана в общепринятых терминах: «В данном случае речь идет... о структурном феномене, не отраженном в понятийном аппарате нашей политологии...» – полагает К. ван Вольферен [24: р. 5]. Несмотря на то, что в Японии существуют парламент, политические партии, профсоюзы, премьер-министр, объединения по интересам и акционеры, – все эти институты политической системы по содержанию отличаются от привычных образцов. «Нет верховного института власти, обладающего полномочиями на принятие окончательных решений, – пишет ученый, – Премьер-министра не рассматривают как лидера...; законодательная власть на самом деле не выполняет этой функции..., а правящая Либерально-демократическая партия (ЛДП) – это на самом деле никакая не партия и вовсе не правящая» [24: р. 25]. Вольферен

приходит к парадоксальному выводу: чтобы разобраться в японской структуре власти, нужно для начала заново переписать весь политический словарь. Некоторые российские авторы также пишут, что японскую политическую систему не следует оценивать по меркам западных демократий [9: с. 21–22]. П.А. Павленко, соглашаясь с утверждениями о специфике японского типа демократии, подчёркивает, что в ходе исторического развития сформировались механизмы, позволяющие традиционному сознанию самореализовываться через экономические, политические и гражданские свободы [6].

Итак, на макроуровне японская политическая система выглядит как либеральная демократия, поскольку в стране действуют гарантированные конституцией политические права и гражданские свободы, рейтинг которых поднялся за последние годы. Но на микроуровне в Японии сохраняется традиционная система социальных отношений со строгой регламентацией и высокой значимостью авторитета, в которой важнейшую роль играет жёсткая социальная и трудовая иерархия. На политическую культуру Японии большое влияние оказали конфуцианские ценности групповой сплочённости, преданности авторитету и чувства долга [7: с. 29–38.]. О политической культуре японцев В.Н. Еремин пишет: «Она характеризуется самоограничением личности и добровольным подчинением ее интересов общественным и государственным целям...» [2: с. 10] Дальневосточный исследователь В.В. Савастеев выделяет три наиболее характерные черты японской политической культуры: 1) стремление к консенсусу; 2) сильные начала авторитаризма; 3) «особая природа лидерства, в которой приглушено личностное начало» – для Японии не характерен западный тип волевого, инициативного лидера [8: с. 12].

Автор данной статьи не согласен с недооценкой роли демократических институтов Японии и видит свою задачу в том, чтобы показать, как политические партии осуществляют свои функции в оригинальных национальных условиях Японии. Японская демократия является выборной и многопартийной. Однако партийная система в этой стране, начиная с 1955 г. и, вплоть до 1993 г., отличалась от развитых либеральных демократий доминированием одной партии – Либерально-демократической партии Японии (ЛДП), которая была образована в 1955 г. путем слияния двух партий – Либеральной и Демократической. В литературе этот период получил наименование «Система-1955». Суть этой системы – в доминировании ЛДП. Система с одной доминирующей партией (которую после раскола и резкого ослабления в 1960 г. главной оппозиционной силы – Социалистической партии, стали полусхотливо называть «полупартийной системой»), по определению видного партолога Р. Сатт-

нера – это система, в которой одна и та же партия уверенно побеждает на всех выборах и, как правило, способна формировать однопартийное правительство, при этом её поражение в обозримом будущем является маловероятным [22: р. 277]. Практически все исследователи, в том числе Л. Скоппа (с ним согласны Е. Клаус и Р. Пекканен) пишет, что ЛДП стоит в центре японской политической жизни и без неё «мы не можем понять ни одного аспекта процесса формирования политического курса в послевоенной Японии» [14: р. 4].

Еще одной важной особенностью японской политической жизни является существование внутрипартийных фракций. ЛДП в этом отношении не является исключением. Фракционность возникла под влиянием двух факторов: культурного (из традиционной для многих стран Восточной Азии клановости и системы клиентелистских отношений), а также свойств избирательной системы, которая действовала с 1925 г. Главной особенностью этой системы были небольшие многомандатные округа (по 3–5 мандатов в каждом), в которых избирателя голосовали единым непереходящим голосом за предпочтительного кандидата. Эта система стимулировала внутрипартийное соперничество между кандидатами, которые вынуждены были бороться не столько с представителями других партий, сколько со своими же «партийцами» за один и тот же электорат. Это приводит к тому, что каждый кандидат стремится к созданию личной «базы власти» путём заключения неформальных сделок с конститuentами (избирателями и группами интересов). В Японии одним из следствий этого стремления к созданию персональных групп поддержки стало образование фракций, которые обеспечивают кандидатов ресурсами и помогают завоевать голоса избирателей. Неучастие в одной из фракций обрекает кандидата на поражение на этапе выборов и уж точно, он не имеет никаких шансов на получение государственных должностей. Как пишут авторы книги «Парламент, выборы и политические партии», «исток дефектов японской политики которые испытывает на себе народ, – использование подкупа, фракционность, заключение неформальных сделок, – коренятся в феномене борьбы между кандидатами от одной и той же партии, которая в свою очередь проистекает из системы многомандатных округов» [13: р. 74–75]. Каждый, желавший избираться в парламент, должен был заручиться поддержкой со стороны местных элит и создать для себя коалицию избирателей.

Ведущая роль партийных фракций, местных олигархий и бюрократий в политике, коррупция и практика закулисных неформальных сделок нередко приводят к тому, что премьер-министрами становятся малозначительные фигуры. А. Лейпхарт в

работе «Партийные системы» отмечает, что коалиционные правительства менее долговечны по сравнению с однопартийными и далее пишет: «А если фракции ведут себя как отдельные партии, то можно ожидать, что правительства, состоящие из фракционированных партий, будут менее прочными, чем правительства, образованные более сплочёнными партиями» [4: с. 261]. Следствием этого является отмечаемая многими исследователями слабость исполнительной власти в японской политической системе. В своей статье «Слабое лидерство и плохое управление» Е. Краусс и Р. Пекканен, проанализировав деятельность пяти неуспешных правительств, пришли к выводу, что источником неудач является институциональная слабость позиции премьер-министра [17: р. 173]. Политические таланты не имеют возможности выдвинуться «снизу» из-за особенностей японской культуры, которая не одобряет поведение «молодых выскочек», но главным образом вследствие высокой роли местных олигархий и бюрократии в политическом процессе. В результате сложилась традиция геронтократического правления: средний возраст 13 премьер-министров, сменявших друг друга с 1980-х, составил более 60 лет. В то же время в Японии продолжается исторически сложившаяся практика непотизма – наследования депутатских мандатов «папенькиными сыновьями», а в последнее время и «папенькиными дочками» [8: с. 176].

Следует отметить, что существование фракций внутри ЛДП обеспечивает умеренный политический плюрализм и возможность смены глав кабинетов путём внутрипартийной борьбы. Через фракции обеспечивается связь между депутатами и конститuentами (группами избирателей из «своих» округов). Японская культурная традиция требует от депутатов выполнять свои обязательства перед избирателями. Именно благодаря своим тесным связям с избирателями ЛДП, как правило, обладает значительным преимуществом на выборах в мажоритарных округах. ЛДП, пишут авторы работы «Эволюция политической системы Японии», создала механизм умелого «реагирования на нужды и потребности отдельных социальных групп (например, средних и мелких предпринимателей, крестьян, женщин, молодежи), конкретных регионов, лоббирование депутатами интересов электората...» [9: с. 21–22].

Анализ структуры Либерально-демократической партии, проведённый на основе методологии исторического институционализма Е. Клаусом и Р. Пекканеном, позволил им выявить внутри партийной организации четыре взаимодействующих структурных элемента: 1) уникальную культурную форму под названием *коенкай* – организация, обеспечивающая патронаж, финансовую и электоральную поддержку кандидатам в и депутатам парла-

мента; 2) формализованные фракции; 3) механизм выдвижения председателя партии; 4) совет по исследованию политического управления, или *Сейми Чосукэй* (the Policy Affairs Research Council, сокр. PARC) – иерархически устроенная организация, созданная для разработки политического курса и законодательной деятельности ЛДП. (Поддержка со стороны PARC необходима кандидату для того, чтобы продемонстрировать избирателям компетентность в определённых областях политики). Для ЛДП характерна отмечаемая многими исследователями, система – «дзюку» (связей партии, чиновничества и групп интересов), опора на «общества поддержки» – своего рода клиентелы как механизмы обмена лояльности и голосов «младших» на «поддержку» и разные блага со стороны «старших» через посредство неформальных отношений [16: р. 262].

Если придерживаться западных мерок, то на идейно-политической шкале Либерально-демократическая партия занимает место правее центра. Однако спецификой японского политического процесса является крайне слабая выраженность противостояния вдоль оси правые – левые и, особенно, консерваторы – либералы. В.В. Совастеев пишет: «для Японии не была и не является характерной оппозиция консерватизм – либерализм... Консерватизму противостоят другие, более радикальные политические ориентации...» [8: с. 148]. Это объясняется, прежде всего тем, что господствующей идеологической традицией в японском обществе всегда был традиционалистский консерватизм, который никогда не отличался систематичностью и целостностью. Крайне правые националистические группировки вытеснены на обочину политического процесса. Все другие политические идеологии, в том числе либерализм, пришли в Японию с Запада и слабо прижились на японской почве. Другой причиной можно считать то обстоятельство, что политические партии (кроме коммунистической) в этой стране всё больше придерживаются прагматического подхода к формированию своей политики и поэтому не стремятся жестко придерживаться определённых идеологических принципов. Стремление японцев к консенсусу проявляется и в том, что в японской политической жизни, в отличие от западных демократий, нет устойчивой и последовательно оппозиционной партии с противоположной идеологией и готовностью к решительному реформированию политического курса. В Японии так и не сложился характерный для западных политических систем левоправый континуум с ориентированными на альтернативные решения общественных проблем партиями. Исследователи отмечают слабую межпартийную поляризацию в японской политике. Это объясняется, как считают авторы статьи «Альтернативные пути партийной поляри-

зации в Японии: влияние внутривнутрипартийной организации» Сасада Хинонори и Фуджимура Наофуми, особой природой и специфическими механизмами партийной поляризации в Японии. Стратегия партийных руководителей направлена на позиционирование партий ближе к центру с целью завоевания голоса медианного избирателя. А этот избиратель не настроен на конфронтацию. К тому же эта стратегия реализуется через подчинённые воле руководства централизованные партийные организации. В результате разрыв между ЛДП и оппозиционными партиями является небольшим, а различия между политическими курсами обеих партий остаются несущественными [23: р. 1]. Поэтому беспринципные компромиссы, смена вывесок и коалиции партий с несходными идеологиями стали обыденным явлением в японской политической жизни.

Высокие экономические достижения и подъем благосостояния японцев стали основными причинами, обеспечившими либерал-демократам поддержку более половины голосов избирателей, что давало им абсолютное большинство в нижней палате парламента, достаточное для формирования однопартийного правительства. В условиях «холодной войны» причины успехов ЛДП основывались на приверженности партии идеологии консерватизма и антикоммунизма, а также союзу с США. Главными оппозиционными силами в этот период были Социалистическая партия и менее влиятельная Компартия Японии. В условиях противостояния коммунистическому Китаю и СССР, когда правящими кругами ставилась приоритетная задача – не допустить левых к власти, эта схема достаточно успешно работала. Но с начала 1990-х гг. сказались влияние внешних факторов. Благодаря реформам М.С. Горбачева во всем мире рухнули идеологические бастионы, оправдывавшие страх перед «советской угрозой» и «подрывной деятельностью пятой колонны». После развала «мировой социалистической системы» международный коммунизм и левый социал-демократизм оказались в кризисном состоянии. Когда вслед за этим поднялась «третья волна демократизации», охранительные аргументы консерваторов утратили актуальность и массовую поддержку.

1990-е гг. считаются в Японии «потерянным десятилетием». Экономика оказалась в состоянии стагнации. Широкую популярность приобрели требования политических реформ. Этому в немалой степени способствовали коррупционные скандалы «завнавшейся» от длительного пребывания у власти Либерально-демократической партии. Эти обстоятельства в совокупности довольно скоро привели к ослаблению позиций ЛДП. Таким образом, значительную роль в кризисе «системы 1955» сыграли как внешние факторы, так и разочарования новых поколений избирателей в политике ЛДП [14: р. 21–25].

Факты коррупции, несменяемое пребывание партии у власти, неформальные связи в рамках «железного треугольника» – политиков ЛДП, бюрократии и большого бизнеса, привели к тому, что японский избиратель «устал» от бессменного однопартийного доминирования. Оппозиционные партии и общественность требовали перемен, включая проведение политической реформы.

Сокращение численности сельских жителей – «ядерного электората» ЛДП, а также рост городских средних слоёв привели к изменению электоральной стратегии «партии власти». С конца 1990-х гг. партия избрала новую модель деятельности, которая больше соответствует типу партий, ориентирующихся на предельно широкие слои избирателей, прежде всего, на городской средний класс (такие партии в партологии получили название «catch-all-parties») [21: р. 22–25].

В июле 1993г. состоялись внеочередные выборы, на которых ЛДП получила 36,62 % голосов, партия впервые не смогла получить большинство и на 9 месяцев уступила власть коалиционному правительству. В ноябре 1994 г., после шестилетних дебатов о необходимости реформы политической системы, обеими палатами была одобрена новая, смешанная избирательная система. Согласно новому закону Палата представителей состоит из 480 депутатов. Из них 300 избирается по одномандатным округам в 47 префектурах и еще 180 – по пропорциональной системе, по закрытым партийным спискам. Характерно, что ЛДП выступала против пропорциональной системы. Как было показано выше, Либерально-демократическая партия Японии имеет преимущество в одномандатных округах, где она тесно связана с избирателями. А вот оппозиционные, и особенно мелкие партии отстаивали пропорциональную систему. В результате был достигнут компромиссный вариант реформы. Позднее был принят закон о финансировании политических партий и создании специального контрольного органа [13: р. 76–84]

В 1994 г. ЛДП сумела вернуться к власти благодаря межпартийным разногласиям в составе разнородного правительства, составленного из семи партий. Социалистическая партия вышла из коалиции и перешла на сторону ЛДП, которая образовала коалицию сначала с социалистами, а затем формировала правительство страны при поддержке мелких партий. Коалиции в политической жизни страны практиковались и до 1993 г. Новое явление в политической жизни Японии заключалось в следующем: если раньше ЛДП могла побеждать на выборах и править без каких-либо альянсов, то теперь ей пришлось строить все три вида коалиций: предвыборных, парламентских и правительственных [19]. После поражения на выборах 1996 г. ЛДП

стала блокироваться с партией Комэйто, которая была образована буддистской организацией Сока Гаккай. Правоцентристская партия – Новая партия Комэйто (яп. Партия чистой политики; англ. New Komeito) была сформирована в результате слияния прежней партии Комэйто и партии Нового мира 7 ноября 1998 года. С точки зрения российских интересов, важно то, что эта партия выступает за мирную внешнюю политику Японии и против пересмотра статьи 9 конституции [10].

Возникший в результате упадка Социалистической партии оппозиционный вакуум требовал заполнения свежими силами. В сентябре 1996 г. бывшими членами Социал-демократической партии Японии (СДПЯ) и новой партии «Сакигако» была создана оппозиционная Демократическая партия Японии (ДПЯ). Сформированная в результате слияния левоцентристских и правоцентристских партий Демократическая партия Японии оказалась весьма неоднородной в идеологическом отношении. С некоторым допущением можно утверждать, что партия придерживается противоречивой идеологии социального либерализма и неолиберализма. На идейно-политической шкале она формально занимает позиции несколько левее центра. С распадом в декабре 1997 г. партии новых рубежей (Синсинто), которая до этого считалась главной оппозиционной силой, ДПЯ стала претендовать на роль лидера сильного оппозиционного парламентского блока. Влияние Демократической партии стремительно росло и с 2000 г. она стала второй по величине партией.

Попытки осмыслить новые реалии привели к тому, что с начала 1990-х гг. отдельные политологи, основываясь на теории рационального выбора Э. Даунса, стали предсказывать возникновение двухпартийной системы и неизбежные в связи с этим изменения в политической жизни Японии, ведущие к окончанию эры доминирования ЛДП, местных олигархов и правительственной бюрократии [14: р. 26]. Политологи полагали, что переход с 1994 г. к мажоритарно-пропорциональной системе положит конец закулисным денежным сделкам ради создания сетей поддержки кандидатов и, как следствие, внутрипартийной фракционности. В результате возникнет, говорили они, нормальная двухпартийная и тяготеющая к центру умеренно-двухполюсная система, основанная на разделении между левыми и правыми вдоль горизонтальной оси идейно-политического континуума [20: р. 55]. Сначала казалось, что политическое развитие идёт именно в этом направлении. Первой заявкой на продвижение к двухпартийной системе стало появление в декабре 1994 г. партии новых рубежей (ПНД), которая была создана выходцами из ЛДП в сотрудничестве с мелкими партиями. Однако ПНД

оказалась нежизнеспособным образованием и просуществовала лишь до 1997 г. После выборов 2003 г. вновь наметился переход к системе с двумя главными партиями. ЛДП и ДПЯ вместе получили 80,51 % голосов и 86,25 % мест в парламенте – сказалось влияние новой избирательной системы. В результате выборов в Палату представителей 2005 г. ЛДП получила 296 мест в палате, а ДПЯ – 113 из 480 мест (в итоге вместе они получили 85,2 % мандатов (подсчитано авторами на основе данных избирательной статистики)) [15].

Таким образом, к началу XXI в. Япония испытала наиболее серьёзную политическую трансформацию со времени возникновения ЛДП.

Система с одной доминирующей партией сменилась *крайне многопартийной системой* (таковой партсистема считается, согласно Дж. Сартори, если она насчитывает более пяти партий), но с *двумя главными партиями* (принято считать, что для этого обе ведущие партии вместе должны набирать на выборах более 80 % голосов). В политической жизни Японии заметную роль стали играть шесть крупных политических партий: Либерально-демократическая партия, Демократическая партия, Комэйто, Либеральная партия, Коммунистическая партия Японии и Социал-демократическая партия.

Глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг. усилил недовольство японцев находившейся у власти в данный период политикой ЛДП. До 2009 г. сменилось три неэффективных премьер-министра от ЛДП, которые так и не выполнили предвыборные обещания партии [12: р. 1004]. Несмотря на то, что в 1996–2009 гг. ЛДП получала достаточное количество парламентских мандатов для того, чтобы формировать правительство, выборы 2007–2009 гг. продемонстрировали почти катастрофическое снижение электоральной поддержки ЛДП. В декабре 2009 г. ЛДП потерпела самое сокрушительное поражение на выборах в Палату представителей. Оппозиционная Демократическая партия получила 308 мест в нижней палате (вместе с другими пятью партиями коалиции – 320 мест) и установила контроль над обеими палатами парламента. ЛДП – 119 мандатов (вместе с Комэйто – 140). Ж. Блондель, который разработал статистические показатели партийных систем, считает, что можно говорить о системе с двумя главными партиями в том случае, когда обе партии получают 75–80 % голосов. Двухпартийная система возникает, когда две наиболее влиятельные партии регулярно получают вместе более 89 % [11: р. 302–310]. На ДПЯ и ЛДП пришлось 89 % парламентских кресел, т.е. достаточная доля для констатации двухпартийности. Страна перешла к двухпартийной системе. Однако требовалось закрепление этой тенденции на нескольких следующих выборах [15].

Демократическая партия положила конец многолетнему владычеству ЛДП. В результате возникли ожидания, что это приведёт к существенной трансформации политического режима страны. Итоги выборов многими наблюдателями рассматривались как признак наступления эры подлинно соревновательной политики, ведущей к устойчивой двухпартийной системе и формированию альтернативных правительств с конкурирующими программами. ДПЯ на выборах выступила как партия реформ и миролюбивой внешней политики. ДПЯ обещала внести революционные изменения в механизм формирования политического курса уменьшив, прежде всего, роль государственной бюрократии и в то же время подняв роль избираемых населением политиков. Избирательная платформа ДПЯ излагала планы проведения социальных реформ, а также обещала проведение независимой от Соединённых Штатов внешней политики. Однако приход в 2009 г. ДПЯ к власти не привёл, вопреки ожиданиям, к существенным изменениям в политике государства. Политологи П. Липси и Е. Шайнер называют пять электоральных факторов, которые сыграли роль ограничителей в политике Демократической партии: 1) мажоритарная избирательная система привела к сближению позиций двух главных партий Японии; 2) избиратели, не видя политических различий между этими партиями, голосовали, руководствуясь случайными (не имеющими отношения к политическому курсу) соображениями; 3) консервативность избирательских предпочтений ограничивала возможности выдвижения молодых кандидатов – потенциальных реформаторов; 4) японские избирательные правила допускают разноразличную представляемую избирателю избирательных платформ внутри одной и той же партии, что ведёт к нарушению единства партийных рядов и непоследовательности; 5) сказались также влияние консервативных сельских регионов, которые ограничили размах реформ под руководством ДПЯ [18: р. 323–350]. Всё это привело к тому, что в Демократической партии верх взяли конъюнктурные соображения, связанные с характерной для японской политической традиции склонностью к компромиссам и вынужденным мелким электоральным расчётам.

После прихода к власти демократов на них возлагались большие надежды. Но вследствие неспособности либералов исполнять свои предвыборные обещания и решать накопившиеся проблемы, пришло полное разочарование в Демократической партии Японии. Избиратели не простили ошибок партии и проголосовали за ЛДП, которая обещала проводить основанный на национальных интересах более жесткий курс во внешней и оборонной политике. В результате выборов в Палату представителей, прошедших 16 декабря 2012 г., Демократическая

партия потерпела сокрушительное поражение, потеряв 173 мандата. Либерально-демократическая партия и её младший союзник партия Комэйто получили более 320 мест в нижней Палате представителей, но в верхней Палате советников они не получили большинства мест. В результате было сформировано коалиционное правительство под руководством ЛДП. Коалиция ЛДП и Комэйто, завладев более, чем двумя третями мест в нижней Палате представителей, имеет возможность проведения повторного голосования в Палате представителей даже при отклонении законопроекта верхней Палатой советников. В результате исторического провала на выборах Премьер-министр Нода, несущий ответственность как лидер партии, объявил о своём уходе. В своей редакционной статье газета «Йомиури» писала: «Можно сказать, что выбор был сделан в пользу политической силы, которая стремится к более реалистичной политике и стабильности» [1].

ДПЯ в обновлённой нижней палате представлена 57 депутатами. Показательно, что созданная бывшим губернатором Токио Синтаро Исихарой националистическая Партия реставрации Японии (ПРЯ), ранее до этого не представленная в парламенте вовсе, завоевала 54 места. ПРЯ и сотрудничающая с ней «Твоя партия», вместе претендуют на роль «третьего полюса». Распределение мест в палате представителей по итогам выборов 2013 г. представлено в табл. 1. Произошло ли возвращение к «полупартийной системе»? С окончательными выводами лучше не спешить, по крайней мере, до следующих выборов.

Таблица 1

Расстановка сил в Палате представителей по итогам 46-х выборов 2013 г.

Наименование партии	Английская аббревиатура	Число мест
Либерально-демократическая партия	LDP	294
Демократическая партия Японии/Клуб независимых	DPJ/Club of Independents	57
Партия реставрации Японии	Restoration	54
Комэйто	Kōmeitō	31
Твоя партия	YP	18
Партия будущего Японии	Tomorrow	9
Коммунистическая партия Японии	JCP	8
Независимые	Independents	5
Социал-демократическая партия Японии	(5)SDP/Shimin Rengō	2
Народная новая партия	PNP	1
Новая партия Дайчи	NPD	1

Возникает вопрос: почему не сработали методы политического инжиниринга и не сбылись прогнозы о переходе Японии к двухпартийной системе

под воздействием новой избирательной системы? Интерес в этом отношении представляет оценка перспектив японского либерализма В.В. Совастеевым: «Это произошло из-за фрагментации (своего рода партикуляризм, живучий в Японии) и отсутствия почвы для либерализма. В Японии так и не возникла подлинно либеральная партия, торжествуют различные варианты консерватизма» [8: с. 188].

Итак, на протяжении последних 55 лет характеристики партийной системы Японии постоянно менялись, что приводило к переходу от одной системы к другой. Эволюция партийной системы представлена в табл. 2.

Таблица 2

Изменения характеристик партийной системы Японии

Годы	Тип партийной системы
1955–1993	Система с одной доминирующей партией («полупартипартийная система»)
1993	Крайне многопартийная система без ведущих партий
1994–2000	Крайне многопартийная система с двумя главными партиями
2003–2012	Тенденция к двухпартийности
Декабрь 2012	Система с одной доминирующей партией?

Таким образом, анализ политической жизни Японии доказывает правоту тех политологов, которые утверждают, что ключевым звеном политической системы Японии являются политические партии. В то же время партийная система демонстрирует значительные слабости: неустойчивость, колебания выбора избирателя и частые преобразования партийной конфигурации. За 1990–2013 гг. несколько раз произошла смена главных оппозиционных партий страны. С 1955 по 1993 гг. (в эпоху «холодной войны» и идеологического противостояния) на эту роль претендовала Социалистическая партия Японии. Однако СПЯ пошла на беспринципное участие в коалиционном правительстве под руководством либерал-демократов в 1994–1996 гг. и поэтому потеряла поддержку избирателей. Затем на роль главной оппозиционной силы выдвинулась Партия новых рубежей. Но она быстро исчезла с политической арены. С 2000-х гг. оппозицию возглавила Демократическая партия, а с 2013 г. – новообразованная Партия реставрации Японии. Одной из причин этого чередования главных оппозиционных партий является отсутствие четких разграничений между партиями по идеологическому принципу и, соответственно, слабо выраженные различия по признаку «левый» – «правый». Это приводит к высокой волатильности голосования на всеобщих выборах. В стране так и не возникла двухпартийная си-

стема с проблемным размежеванием политического поля. Наблюдается тяготение к «институциональной матрице» – возрождение доминантной партии. После того, как Социалистическая партия утратила роль главной оппозиционной силы, в японской политике исчезли полюса (коммунисты, чье влияние постоянно сжимается, не идут в счет, а крайне правые партии в парламенте вообще не представлены). За власть соперничают почти не различающиеся между собой консерваторы центристского и правоцентристского толка. Отсюда поиск некоего «среднего пути», предусматривающий создание «второго полюса», объединяющего широкий спектр сил левоцентристской ориентации.

Попытка сил правоцентристской националистической ориентации создать на выборах декабря 2012 г. под руководством Партии реставрации Японии «третий полюс», конкурирующий с ЛДП и ДПЯ также не удалась. Либерал-демократы собрали голоса его потенциальных избирателей. Постороннему наблюдателю трудно проследить за быстро происходящими разделениями и объединениями, появлением новых и роспуском старых партий. К тому же происходит всё это путем перетасовки одних и тех же деятелей из парламентских фракций. Политики все чаще переходят из одной партии в другую, руководствуясь не идеологическими, а карьерными соображениями. В результате происходит нивелировка позиций партий по важным политическим проблемам. С одной стороны, благодаря этому открывается возможность коалиций даже между политическими конкурентами, а с другой, – теряется перспектива последовательного политического курса и назревших реформ.

«Идеологизированная» партийная стратегия ушла в прошлое и, очевидно, никогда не вернется. Вместе с этим сузился коридор выбора для японского избирателя. Наблюдатели отмечают рост критического отношения рядового избирателя к политическим партиям. Голосование часто происходит по мотивам не идеологическим, а ради желания «наказать» обманувших ожидания политиков или партии. Впечатляет масштаб смены состава парламента в 2005, 2009 и 2012 гг., свидетельствующий о неудовлетворенности японцев политикой ведущих партий. Из-за масштабных смен соотношения сил в парламенте каждый раз после выборов происходит ослабление исполнительной власти, из-за чего бывает сложно определить курс будущей политики. В результате прослеживается отсутствие способности к принятию ответственных решений, инициативы и гибкости и во внешней политике Японии.

Возможно сказывается влияние смешанной избирательной системы и парламентской формы правления, что проявляется в частых сменах прави-

тельства при слабости политической роли номинального главы государства – императора. Утверждение об усиливающейся нестабильности исполнительной власти подтверждается подсчетами, проведенными на основе данных статистики: средняя продолжительность пребывания в должности премьер-министра за период 1982–2000 гг. составляла 3,6 года, а за период 2000–2014 гг. она сократилась до 1,75 года. Слабость института премьер-министра и практическое отсутствие главы государства дают эффект ослабления политического лидерства. В связи с этим критики сложившейся системы выступают за её реформирование путём принятия новой конституции, введения прямых всеобщих выборов премьер-министра (по существу это будет означать введение президентской системы) или усиления института императора. Обосновывается это посредством критики западных ценностей индивидуалистического либерализма и подчеркивания японской идентичности [5]. В связи с этим можно согласиться с предположением, что японская политическая система будет эволюционировать в направлении поиска подходящей избирательной системы (вопрос об этом был поставлен сразу после выборов 2012 г.) и усиления функций главы государства. Перегруппировка политических сил и перестройка партийной системы в Японии будет продолжаться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Возвращение Либерально-демократической партии к власти в Японии [Электронный ресурс] // Редакционная статья ; Иносми: Yomiuri – Опубликовано: 17/12/2012. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20121217/203466961.html#ixzz2tGt6vQdK>.
2. Еремин, В.Н. Политическая система современного японского общества / В.Н. Еремин, – М. : Наука (Изд. фирма «Восточная литература»), 1992. – 215 с.
3. Конституция Японии // Конституция Японии (от 3 мая 1947 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ModernLib.Ru
4. Лейпхарт, А. Партийные системы / А. Лейпхарт // Теория партий и партийных систем : хрестоматия. – М. : Аспект-Пресс, 2008. – 400 с.
5. Накасонэ, Я. Государственная стратегия Японии в XXI веке : пер. с япон. / Я. Накасонэ. – М., 2001. – 312 с.
6. Павленко, П.А. Место Либерально-демократической партии в политической системе Японии, вторая половина XX в. : автореф. дис. ... 23.00.02 / П.А. Павленко. – М., 2003.
7. Проников, В.А. Японцы (этнопсихологические очерки) / В.А. Проников, И.Д. Ладанов. – 2-е изд. – М. : Наука, 1985. – 348 с.
8. Совастеев, В.В. Политическая культура Японии во второй половине XIX–XX в. / В.В. Совастеев. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2003. – 220 с.
9. Эволюция политической системы Японии. – М., 1995.
10. Akimoto, D. Kōmeitō in Japanese Politics. Its Pacifism and Influence on Japan's Security Policy / D. Akimoto // Sōka University Peace Research Institute, Japan. – 2013, – Volume 12, Issue 3. – Electronic Journal of Contemporary Japanese Studies. https://www.facebook.com/ejcs?hc_location=timeline
11. Blondel, J. Types of Party System / J. Blondel // The West European Party System ; Peter Mair (ed.). – Oxford : Oxford University Press, 1990. – P. 302–310.
12. Campbell, J. Review article: Looking to the past, uncertain about the future: Japan's politics in an era of disaster and stagnation / J. Campbell // International Affairs 89: 4. – 2013. – P. 1003–1017.
13. The Diet, Elections, and Political Parties. – 3-d ed. – Foreign Press Center. Japan, 1995. – 147 p.
14. The evolution of Japan's party system: politics and policy in an era of institutional change. Ed. by Leonard J. Schoppa. – Toronto: University of Toronto Press, 2011. – 232 p.
15. Japanese general elections From Wikipedia, the free encyclopedia.
16. Krauss E. The rise and fall of Japan's LDP: political party organizations as historical institutions / E. Krauss, R.J. Pekkanen. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2011. – 318 p.
17. Krauss, E. Poor leadership and bad governance: reassessing presidents and prime ministers in North America, Europe and Japan / / E. Krauss, R.J. Pekkanen // Edited by Ludger Helms. – Cheltenham : Edward Elgar, 2012. – 173 p.
18. Lipsy, P.Y. Japan Under the DPJ: The Paradox of Political Change Without Policy Change / P.Y. Lipsy, E. Scheiner // Journal of East Asian Studies. – 2012. – September, 12, 3. – P. 323–350.
19. Mahendra Prakash Coalition Experience in Japanese Politics: 1993-2003. – New Delhi, 2004. – JNU [1].
20. Ramseyer, J.M. Japan's Political Marketplace / J.M. Ramseyer, F.M. Rosenbluth. – Harvard University Press, 1993. – 262 p.
21. Rosenbluth, F.M. Japan transformed: political change and economic restructuring / F.M. Rosenbluth, M.F. Thies. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 2010. – 243 p.
22. Suttner, R. Party dominance 'theory': Of what value? / R. Suttner // Politikon. – 2006. – № 33(3). – P. 277–297.
23. Sasada, Hironori. Alternative Paths to Party Polarization: External Impacts of Intraparty Organization in Japan / Sasada Hironori, Fujimura Naofum, Machidori Satoshi // Journal of East Asian Studies. – 2013. – September 1. – P. 1.
24. Wolferen Karel Van. The Enigma of Japanese Power: People and Politics in a Stateless Nation. – L. : Macmillan London Ltd, 1989. – 496 p.

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ АТР: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ И УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Е.А. Фролова

Фролова Екатерина Александровна – доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права (филиал г. Хабаровск).

Контактный адрес: 328171@mail.ru

Основным объектом научного интереса автора в данной статье являются стратегические приоритеты и их основные особенности в пограничном пространстве Дальневосточного Федерального округа (ДФО). Показана специфика развития взаимодействия приграничных территорий со странами АТР и США. Обозначены проблемы и оценка ситуации в ходе осуществления и развития трансграничного сотрудничества. Определены основные угрозы национальной безопасности, возникающие в ходе трансграничного сотрудничества в данном регионе.

Ключевые слова: трансграничное сотрудничество, Азиатско-Тихоокеанский регион, проблемы взаимодействия, перспективы сотрудничества, Дальневосточный федеральный округ.

Особое место в политическом процессе занимает трансграничное сотрудничество в различных его формах. Оно рассматривается в качестве универсального средства интеграции. Приграничные регионы, в силу своего геоэкономического положения, выступают в качестве проводников экономического сотрудничества соседних стран. При этом их развитие в наибольшей степени зависит от характера экономических и политических взаимоотношений на межгосударственном уровне. В контексте ситуации на Украине и складывающихся проблем во взаимоотношениях с США и ЕС следует иначе взглянуть на состояние сотрудничества РФ со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (далее АТР). Целесообразно более активно использовать возможности трансграничного сотрудничества со странами АТР, с целью переноса центра тяжести внешнеполитической и внешнеэкономической ориентации с атлантического на тихоокеанское направление. Движение России на восток отвечает стратегическим интересам нашей страны, а также улучшению условий экономического развития российского Дальнего Востока. Необходимо обратить внимание на усиление вовлеченности в происходящие на восточно-азиатском пространстве процессы политико-экономической кооперации поскольку «это – долгосрочная линия, реализация которой носит последовательный и системный характер» [1]. Проведение данной линии связано с курсом на развитие интеграции российского Дальнего Востока в геополитическое пространство АТР и, в частности со странами Северо-Восточной Азии.

Трансграничное сотрудничество является структурным элементом государственной политики, ко-

торый невозможно осуществлять без учета геополитических (вопросы безопасности, координации миграционного сотрудничества), экономических (развитие торгового, инвестиционного, технологического сотрудничества), вопросов трансграничного ресурсопользования, защиты природной среды и других факторов безопасности личности, общества и государства.

Азиатско-Тихоокеанский регион представляет собой наиболее динамично развивающийся регион мира, в котором и, прежде всего в Северо-Восточной Азии, формируется новый центр мировой экономики и политики по численности населения, масштабам производства, объемам финансовых, производственных, сырьевых, энергетических ресурсов и по показателю совокупной мощи держав значительно превышающий соответствующие показатели Европейского Союза (ЕС). Здесь сталкиваются интересы крупнейших мировых держав – США, Китая, России, Японии, а также стран – членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Ведущими в экономической жизни АТР являются экономики таких стран, как США, Япония, Китай, Республика Корея. На 21 государство – членов форума АТЭС приходится более 54 % мирового ВВП, 46 % мировой торговли и 38,1 % прямых иностранных инвестиций [9: с. 7–8]. В 10 самых крупных странах АТР проживает свыше половины населения Земли.

В АТР существует три основных центра экономического притяжения:

1) «Большой Китай» – КНР, включая Гонконг, Тайвань и Сингапур;

2) Япония и Республика Корея; 3) группа стран АСЕАН. Анализ возможных партнеров России по трем основным группам показывает, что Япония и Южная Корея являются для России желательными, но не оптимальными партнерами в силу их чрезмерной ориентации на США во внешнеэкономических связях, сильные взаимные противоречия политического характера, большое различие в технико-технологической базе и традиционно сырьевой характер экспорта из дальневосточных районов России в эти страны. Наиболее целесообразным направлением сотрудничества с ними, а также с Тайванем, является практическая реализация достижений научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР) на основе японской, корейской и тайваньской производственной базы и иностранных инвестиций.

Развитие отношений РФ со странами АСЕАН представляется достаточно сложным. В настоящее время объем внешней торговли России со странами АСЕАН невелик и вряд ли будет расти ввиду отсутствия взаимных инвестиций, политических интересов и географической удаленности. В настоящее время Россия может реально рассматривать лишь Вьетнам как основу своей политики в ЮВА. Для Вьетнама пока сохраняется потребность в восстановлении связей с российским рынком, поскольку он заинтересован в закупках продукции российского машиностроения и в продолжении сотрудничества в военной сфере.

Наиболее перспективным партнером как для всей России в целом, так и для Дальнего Востока в частности является Китай, экономическая роль которого растет пропорционально экономическому росту КНР.

Китай является оптимальным партнером для российского Дальнего Востока и Сибири по многим показателям: наличие взаимодополняемости экономик – энергосырьевые ресурсы, а также наукоемкие отрасли ВПК у России и сельское хозяйство, легкая промышленность и наличие избыточной рабочей силы у Китая; значительный объем валютных резервов у китайской диаспоры в КНР, Гонконге, Тайване и Сингапуре и потребности Дальнего Востока и Сибири в инвестиционном капитале; географическая близость и наличие у Китая необходимой инфраструктуры для быстрого развертывания торгово-экономических отношений с российским Дальним Востоком.

Товарооборот России с КНР в январе-апреле 2014 г. составил 29 055,98 млрд дол. (+3,4 %), в том числе экспорт России в КНР – 14 494,07 млрд дол. (+2,8 %), импорт из КНР – 14 561,91 млрд дол. (+4,0 %). Пассивное торговое сальдо за январь-апрель 2014 г. составило 67,84 млн дол. в то же время в январе-апреле 2013 г. положительное саль-

до в торговле России и Китая составляло 29,48 млн дол. Россия в рейтинге 20 основных торговых партнеров Китая заняла 9-е место.

По объемам внешней торговли с Китаем Россию опередили: США (168,04 млрд дол. +5,2 %), Япония (101,95 млрд дол. +4,1 %), Гонконг (103,49 млрд дол. –31,3 %), Р. Корея (92,10 млрд дол. +6,6 %), Тайвань (58,97 млрд дол. –16,7 %), Германия (54,16 млрд дол. +11,7 %), Австралия (47,05 млрд дол. +14,1 %), Малайзия (31,21 млрд дол. –7,9 %) [5].

В настоящее время наибольшее влияние на размещение производительных сил на российском Дальнем Востоке и Сибири оказывает состояние российско-китайского торгово-экономического сотрудничества и развитие прямых связей между регионами двух стран. В перспективе развитие российско-китайского двустороннего сотрудничества связано с активизацией взаимных инвестиций и реализацией крупных межгосударственных энергетических и транспортных проектов.

Стратегические интересы России как евразийской державы в АТР существенны и весьма разнообразны. Главные из них связаны с возможностью использования экономических связей со странами региона, его огромных инвестиционных ресурсов и емкого рынка для ускорения экономического развития не только Сибири и Дальнего Востока, но и всей страны в целом.

Эти интересы могут быть реализованы только путем усиления взаимодействия России со странами АТР и его региональными межгосударственными организациями как в экономической, так и в политической сфере.

Однако реализация данных интересов затруднена рядом проблем:

1. В АТР нет единого доминирующего международного объединения, подобного Европейскому союзу. Вместо этого здесь действуют несколько региональных образований. Взаимодействие и интеграция экономик вышеуказанных стран происходят на основе сотрудничества в рамках экономического блока АСЕАН и форума АТЭС. При этом можно утверждать, что было бы правильнее рассматривать АТЭС в качестве трансрегионального, а не регионального органа. Удаленность стран друг от друга и разнородность участников определяют принципиальные отличия его от такой высокоинституционализированной договорной структуры, как Европейский союз или даже АСЕАН [5: с. 159–172].

США в противовес АТЭС в рамках этого замысла настаивают на создании и реализации единой зоны свободной торговли (ЗСТ). Данный проект получил название **Trans-Pacific Partnership** (англ. TPP) – Транстихоокеанское партнерство (ТПП).

2. Экономическая роль России в АТР просматривается крайне слабо. В Юго-Восточной Азии

(ЮВА) Россия практически отсутствует, о чем свидетельствует ее доля в совокупной торговле стран ЮВА – ниже 1 %, так же как и доли этих государств в российской внешней торговле. В Северо-Восточной Азии (СВА) позиции России ненамного лучше, но и там все сводится к простой торговле, а взаимные объемы ее инвестиционного, банковского и иных форм делового сотрудничества с Японией, КНР, Республикой Корея, не говоря уже о Монголии и КНДР, не выходит за 200–300 млн дол. В сфере российской внешней торговли ситуация несколько лучше, но и там наивысший показатель товарооборота между Российской Федерацией и КНР не вызывает особого оптимизма [4].

3. Темпы экономического развития России заметно отстают от большинства стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Слабая экономическая база России в этом регионе создает угрозу для экономической безопасности страны в целом. Пассивная экономическая политика российского правительства в отношении Сибири и Дальнего Востока может привести к потере экономической независимости всей России, утрате обороноспособности не только на дальневосточных, но и на других рубежах. В результате Россия окажется не в состоянии защищать свои национальные интересы и противостоять силовому давлению со стороны экономически более мощных соседей – в первую очередь, Японии, США и КНР, что в перспективе может привести к возможной утрате или передаче дальневосточных областей не только под контроль США и Японии, которая претендует на «северные территории», но и Приморского края, части Хабаровского края и Амурской области – Китаю по мере вовлечения этих территорий в сферу геополитических и геоэкономических интересов соседних стран при полном отсутствии собственной долгосрочной социально-экономической стратегии и эффективной политики со стороны федерального центра при одновременном ослаблении относительно стран-соседей военной мощи государства.

4. Территория ДФО с Забайкальским краем составляет 36 % всей территории страны, в недрах содержится 30 % российских запасов каменного угля, 20 % углеводородов; 25 % древесины, а также имеются значительные запасы редкоземельных и цветных металлов [6: с. 33].

Инфраструктура Дальнего Востока и Забайкалья крайне неразвита. Имеются лишь две железнодорожные магистрали – Транссиб и БАМ, которые слабо загружены в связи с экономической неразвитостью регионов. Недостаточно развито паромное сообщение по Северному морскому пути, который в свое время обеспечивал большую часть так называемого северного завоза. Следует отметить слабое развитие системы электроснабжения, теле-

коммуникаций, банковской сферы. Кроме того, высокие транспортные тарифы увеличивают разрыв между дальневосточными регионами и европейской частью Российской Федерации по уровню социально-экономического развития.

5. Еще одним серьезным вызовом для развития Дальнего Востока и Забайкалья является сокращение численности населения региона как за счет естественной убыли, так и в результате миграционного оттока. К 2011 г. население ДВФО сократилось на 1,8 млн чел. по сравнению с 1991 г. [1: с. 2]. В 2014 г. на 1 млн 830 тыс. человек. Исследования показали, что сокращение населения Дальнего Востока за счет естественной убыли и миграционного оттока примет затяжной характер. После 2010 г. демографическая кривая резко пошла вниз и к 2025 г. может опуститься до 4,7 млн чел. К 2050 г. при неизменности сложившейся демографической ситуации на Дальнем Востоке число жителей может составить всего порядка 4 млн чел. (рисунок).

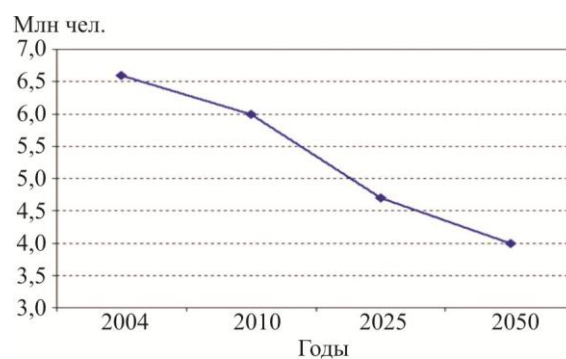

Рисунок. Перспективная численность населения Дальневосточного федерального округа, на начало года, млн чел.

Сокращение численности населения в столь важном для страны стратегическом районе может обернуться непредсказуемыми последствиями для будущего социально-экономического развития. Если «опустынить» часть своих территорий сейчас, не факт, что будет легко их осваивать заново в дальнейшем. Тем более, что на заброшенные территории могут начать или продолжать претендовать другие государства [3: с. 29].

6. Достаточно сложной является проблема отсутствия четкой Концепции правового обеспечения трансграничного сотрудничества, в которой должны быть учтены преимущества Дальнего Востока как связующего звена АТЭС с другими интеграционными объединениями с участием России, в том числе Таможенным союзом и Евразийским экономическим союзом. Это в перспективе позволит создать одну из крупнейших интегрированных зон свободной торговли современного мира [7].

В целом можно выделить следующие основные вызовы в развитии российского Дальнего Востока: 1) депопуляция, низкая плотность и очаговый характер расселения; 2) проблемы миграции; 3) недостаточное развитие транспортной, энергетической и информационной инфраструктуры; 4) замедленное инновационное и экономическое развитие региона; 5) пессимистическое видение будущего местным населением; 6) отсутствие правовой концепции трансграничного сотрудничества в АТР; 7) трансграничная преступность.

В ходе состоявшегося в Отделении общественных наук РАН ситуационного анализа были обсуждены различные сценарии развития российского Дальнего Востока в рамках политической и экономической ситуации в АТР до 2050 г. Было представлено три сценария с условными названиями «от инерции к стагнации», «падение в пропасть» и «новые возможности» [1: с. 33–38].

По сценарию «от инерции к стагнации» в случае развития мировой экономики без кризисов в ближайшем десятилетии территории Дальнего Востока и Забайкалья будут развиваться по инерции – на имеющейся технико-технологической базе. Будет происходить медленная переориентация на развивающиеся рынки АТР с преимущественным наращиванием экспорта сырьевых ресурсов при сохраняющемся низком уровне инновационного развития экономики региона. В этом случае будет продолжаться депопуляция региона, экономическая активность будет сосредоточена вокруг Транссиба, обострятся системные напряжения, что может привести к развитию сценария «падение в пропасть».

Сценарий «падение в пропасть» может быть реализован в случае наступления новой, более глубокой волны глобального экономического кризиса, который приведет к резкому падению цен на энергоносители и другие природные ресурсы. При реализации сценария «падение в пропасть» доля иностранных инвестиций будет стремиться к увеличению, что при определенных условиях может привести к усилению контроля иностранных инвесторов над местными властями и постепенной утрате контроля центральной власти за развитием территории Дальнего Востока.

Для достижения наиболее благоприятного сценария основными направлениями сотрудничества России в АТР должны стать: развитие природно-ресурсного и энергетического потенциала, развитие транспортной инфраструктуры и повышение качества жизни населения Дальнего Востока, а также процесс вовлечения институтов гражданского общества в процесс трансграничного сотрудничества.

Необходимо выделить ряд условий для включения российского Дальнего Востока в систему мирохозяйственных связей в АТР:

- включение в систему международных экономических связей;
- интернациональный процесс хозяйственного освоения Дальневосточного региона;
- выработка российского варианта открытой политики;
- стимулирование миграции населения на Дальний Восток;
- создание благоприятного климата для внутренних и внешних инвестиций;
- содействие выполнению регионом общенациональных функций в сфере безопасности, развития транспортной, энергетической, внешнеторговой и банковской инфраструктуры в АТР;
- обеспечение единства российского рынка и развития экономических связей Дальнего Востока с другими регионами России.

Теоретически модель включения Сибири и Дальнего Востока в систему мирохозяйственных связей АТР должна удовлетворять следующим требованиям:

- способствовать оздоровлению и развитию экономики региона, выявлению его преимуществ на российском и мировом рынках, укреплению финансового положения региона и на этой основе повышению его способности к саморазвитию;
- содействовать нормальному выполнению регионом общегосударственных функций, в том числе в сфере обороны, транспорта, добычи природных ресурсов, внешнеэкономических связей, и на этой основе обеспечивать единство российского рынка и развитие экономических связей с другими регионами России;
- помогать укреплению экономической, экологической и военной безопасности России, реализации стратегических целей азиатско-тихоокеанской политики России, активной интеграции российского бизнеса в экономику АТР, сохранению и упрочению взаимопонимания и сотрудничества со странами региона [7].

Кроме того, полноценное включение азиатской части России и прежде всего Дальнего Востока и Сибири в систему мирохозяйственных связей представляет собой основное условие нормального социально-экономического развития самого региона и государства в целом, устойчивого наращивания экономического потенциала и укрепления позиций России в мировой экономике. Разработка и реализация концепции правового развития российского Дальнего Востока, гармонизация законодательства Российской Федерации и международных договоров, заключенных в рамках АТЭС, предполагает внесение изменений в действующее законодательство, налаживание системной связи Российской Федерации и ее субъектов в обеспечении исполнения международных обязательств, расширение

двусторонних международных договоров с теми государствами – членами АТЭС (в частности, с Малайзией, Сингапуром, Брунеем, Филиппинами), позволит использовать потенциал сотрудничества, который практически не реализован [8].

Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) 2012 г. во Владивостоке и Саммит АТЭС 2014 г. в Пекине показали, что более активное включение России в процесс трансграничного сотрудничества в геополитическом пространстве АТР создает для страны перспективу превращения российского Дальнего Востока из глубокого географического и геоэкономического тыла крупнейшей по размерам державы в ее восточные ворота по отношению к наиболее мощному мезорегиону мира – Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР), имеет принципиально важное значение для дальнейшего определения внешнеэкономической стратегии Российской Федерации и ее будущего места в мировом сообществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сценарий развития Восточной Сибири и Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона : аналитический доклад. – М.; Иркутск, 2011. – С. 33–38.
2. Лавров, С.В. Политика России в Азиатско-Тихоокеанском регионе: к миру, безопасности и устойчивому развитию [Электронный ресурс] / С.В. Лавров. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdcomp/nsrasia.nsf/3a0108443c964002432569e7004199c0/c32577ca00174586442579d70051a1ed!OpenDocument>.
3. Мотрич, Е.Л. Народонаселение Дальнего Востока настоящее и будущее / Е.Л. Мотрич // Вестник ДВО РАН. – 2013. – № 1. – С. 29.
4. Российско-китайское сотрудничество информация министерства экономического развития РФ портал внешнеэкономической информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn-ru-realations/cn-ru-trade (дата обращения 1.12.2014).
5. Смоляков, В.А. Азиатско-Тихоокеанский регион: АТЭС и/или ТПП? Альтернативные пути экономической интеграции / В.А. Смоляков. – Хабаровск : Дикси, 2012. – С. 159–172.
6. Стратегия развития России в АТР в XXI веке : аналитический доклад. – М., 2000. – С. 33.
7. Саммит АТЭС: правовые механизмы региональной интеграции : монография / под ред. академика РАН Т.Я. Хабриевой // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – М. : Статут, 2012.
8. Троекурова, И.С. Проблемы расширения внешнеэкономических связей России / И.С. Троекурова. – М., 2010. – С. 7–8.

НОВЫЙ ЭТАП В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: СОЮЗ ИЛИ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО?

В.Ф. Печерица

Печерица В.Ф. – доктор исторических наук, профессор Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: shuvalova67@yandex.ru

В статье дается характеристика современных российско-китайских отношений, анализируются факторы, способствующие сближению двух стран. Рассматриваются возможные варианты более тесного сотрудничества РФ и КНР от стратегического партнерства до союзнических отношений.

Ключевые слова: международные отношения, Россия, Китай, стратегическое партнерство, союзные отношения.

Время, в котором мы живем, характеризуется противоборством сил войны и мира. Опять задули ветры «холодной войны», во многих частях планеты активизировались «горячие» конфликты. Вновь «кровоточит» Ближний Восток. Новый фронт борьбы возник в Восточной Европе в связи с событиями на Украине. В эти очаги напряженности втянута и Россия, против которой направлены экономические санкции, дипломатическое давление Вашингтона и его европейских союзников.

Грубая политика Запада против России неслучайна и она началась не вчера, и связана с подъемом России, усилением ее роли в региональной и мировой политике, проведением независимого внешнеполитического и внутривосточного курса. Сначала была антироссийская истерия во время грузинско-южноосетинского конфликта, затем «непонимание» России по сирийскому вопросу и другим ближневосточным проблемам. Потом Москве «пришили» дело «Магнитского», возникла антироссийская истерия в связи с делом Сноудена и наконец экономические санкции. Все это и многое другое до крайности обострили российско-американские отношения. Под давлением Вашингтона антироссийский курс стали проводить его европейские союзники.

В глобальном противоборстве сил мира и войны особая роль принадлежит КНР. Да, Китай – азиатская страна, крупная региональная держава, но ее роль и вес в современном глобальном мире трудно переоценить. Она постоянный член Совета Безопасности ООН. Первая в мире страна по населению (1,4 млрд чел.). Это крупнейшая ядерная держава. Именно экономически сильный и авторитетный Китай во многом является сегодня сдерживающим фактором против планетарной гегемонии США, за что Вашингтон пытается ослабить и сдержать его развитие.

По оценке западных аналитиков Китай все больше превращается в державу с всеобъемлющи-

ми глобальными функциями, т.е. постоянно становится «глобальным игроком»¹. Из года в год повышается международная ответственность, рост, влияние как «твердой», так и «мягкой силы» Китая и поступательное наращивание его вклада в общемировые и региональные процессы. Сегодня всем очевидно, что без Пекина невозможна «денуклеаризация» и обеспечение стабильности на Корейском полуострове, трансформация шестисторонних переговоров в механизм обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии. Многие страны АТР, в первую очередь Россия, поддержали идею Пекина о создании новой системы безопасности в Азии, которая альтернативна инициативе Вашингтона по созданию новой блоковой структуры транстихокеанского сотрудничества.

По всем линиям и направлениям своей военной, экономической и финансовой политики США стремятся не допустить и сближения Китая с Россией, вбить клин в отношения между нашими странами. Они пугают мировое сообщество возможным военным союзом между Москвой и Пекином, активными планами этих держав, по росту военных расходов, активизации военного и военно-технического сотрудничества. Сразу после избрания Барака Обамы президентом США З. Бжежинский и Г. Киссенджер выдвинули тезис «Кимерики», суть которого состоит в том, чтобы приблизить к себе Китай, вбить клин в китайско-российские отношения, но встретили холодный прием со стороны Китая.

Руководство КНР продолжают линию на поддержку России. Это проявляется не только в доброжелательном отношении к Москве, но и моральной и материальной помощи нашей стране в условиях западных санкций. На встрече с Баракком Обамой Председатель КНР Си Цзиньпина предупредил Вашингтон «не увлекаться санкциями».

¹ Shadbush D. China Goes Europe: The Partial Power. Oxford University Press, 2013.

В 2011 г. на Ярославском форуме З. Бжезинский сделал попытку уже переманить Россию на сторону Запада, которая тоже провалилась. Заигрывая с Россией, Вашингтон, естественно, отводил ей роль сырьевого придатка, второсортной державы. Поэтому посеять раздор, помешать усиливающемуся стратегическому партнерству между Москвой и Пекином, внушить последнему мысль отказаться от постройки нефтепроводов и газопроводов в Китай, отказаться от закупок российской военной техники, поссорить РФ и КНР на Центрально-Азиатском поле – вот лейтмотив американской внешнеполитической стратегии, к которой грубо «пристегиваются» европейские и азиатские союзники Вашингтона.

А что может этому противопоставить Россия и Китай? В этом контексте в последнее время среди экспертного сообщества и отдельных политиков наших двух стран все чаще дискусируется вопрос о возможном установлении союзных отношений между Москвой и Пекином, т.е. только такие отношения и союз может остановить агрессивный курс Вашингтона.

Дескать, достигнутого углубленного стратегического сотрудничества и партнерства между нашими странами сегодня уже недостаточно, нужны более тесные союзнические отношения, есть определенные предпосылки и условия; есть опыт, например, военное и военно-техническое сотрудничество. Китай крупнейший покупатель российских вооружений и военных технологий. Регулярно проводятся совместные военные учения и маневры, координируется деятельность военных штабов и специальных служб, как на двухсторонней основе, так и в рамках ШОС. Некоторые российские эксперты говорят о том, что такое сотрудничество в рамках ШОС в перспективе может перерасти союзнические отношения.

Необходимо отметить, что и на Западе, и в Вашингтоне военное сближение Китая с Россией вызывает определенное беспокойство. Многие политики и эксперты, например, после совместных и масштабных маневров и учений флотов и армий двух стран все чаще задаются вопросом, какова истинная их цель. Газета *Christian Science Monitor* также предположила, что речь в будущем может пойти о преобразовании ШОС в оборонный альянс наподобие НАТО. Другие западные аналитики подчеркивают, что говорить о создании военного альянса между Москвой и Пекином пока рано – слишком много остается противоречий.

Запад и, прежде всего, Вашингтон опасаются тесного экономического сближения РФ и КНР. На самом деле наблюдается прорыв в торгово-экономических связях двух стран, товарооборот между РФ и КНР в 2014 г. достиг почти 100 млрд дол. и к 2020 г. он вырастит до 200 млрд дол. В рамках

Саммита АТЭС в Пекине был подписан еще один пакет двухсторонних документов России и Китая, в том числе «контракт века» по поставкам российского газа Китаю до 2030 г. По всем линиям и направлениям усиливается взаимная политическая поддержка двух стран, играющих конструктивную роль в поддержании международного стратегического баланса. Так, современный этап – это наилучший период в отношениях двух стран, что дает основания некоторым политикам и экспертам, хотя и очень осторожно, говорить о возможных союзных отношениях РФ с КНР.

Так возможен ли сегодня военно-политический союз аналогичный 1950 г.? Есть ли для его формирования объективные основания? Или это просто разговоры, и ничего более? И как к этому относятся в России и Китае? Попытаемся в этом разобраться и ответить, хотя бы частично, на эти вопросы.

Сторонников более тесного союзного сближения двух стран немало в России, есть они и в КНР. В РФ это, прежде всего, часть военных, ветераны войны, кто помнит и ценит 1950-е годы дружбы и союзничества. Отдельные представители патриотических сил в рядах ЛДПР, КПРФ и некоторых других организаций. Делая чрезмерно оптимистические оценки, они допускают установления союзных отношений между РФ и КНР. Их аргументы: у нас есть общий враг, у нас мощное военное и военно-техническое сотрудничество, которое надо только оформить специальным Договором по типу 1950 г.

Но что это был за договор, обратимся к тексту. В статье I говорится: «Обе договаривающиеся стороны обязуются, что ими совместно будут предприниматься все имеющиеся в их распоряжении необходимые меры в целях недопущения, повторения агрессии и нарушения мира со стороны Японии или другого государства, которые прямо или косвенно объединились бы с Японией в актах агрессии. В случаях, если одна из Договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны Японии или союзных с ней государств и она окажется таким образом в состоянии войны, то другая Договаривающаяся сторона немедленно окажет военную и иную помощь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами». Договор 1950 г., рассуждают его апологеты, оправдал себя. И подобный новый союзный Договор также оправдан и необходим. Но так и ли это? Договор 1950 г. сыграл свою роль, и сегодня нет необходимости заключения подобного Договора. Времена меняются, время «блоковой политики» ушло в прошлое, ныне иная ситуация. Договор 1950 г. был направлен на сдерживание возможных агрессивных планов, прежде всего, со стороны Японии. Современная Япония не собирается нападать ни на Россию, ни на Китай. И если бы такие планы были, то Япония не облада-

ет достаточным военным потенциалом для такой агрессии. Что касается США – главного союзника Японии и самой мощной в военном отношении державы, то ныне существует сдерживающий фактор – ядерный щит России, усиленный Китаем, и установившееся ракетно-ядерное равновесие между США и РФ, являющееся гарантом безопасности.

Очень взвешенно и осторожно к возможному военно-политическому союзу с РФ или с другой державой относится политическое руководство Китая. Если не считать малочисленных троцкистских и других леворадикальных групп, то большинство китайского общества и официальный Пекин против каких-либо союзов и коалиций.

Уже с начала 80-х гг. XX в. КНР последовательно утверждает политику неприсоединения, что нашло отражение в документах Коммунистической партии Китая, в разделе о дипломатии доклада о работе правительства в Белой книге по обороне, а также в важных выступлениях партийных и государственных руководителей по внешней политике. В докладе, представленном на XIV Всекитайском съезде КПК, говорится, что «Китай не вступает в альянсы ни с одной крупной державой или блоком держав, не участвует в каких-либо военных блоках. Доклад на XV Всекитайском съезде подтвердил, что «Китай не вступает в альянсы ни с одной крупной державой или блоком держав, не участвует в каких-либо блоках, в гонке вооружений, не проводит военную экспансию».

В опубликованной в 2011 г. Белой книге «Мирное развитие Китая» подчеркивается, что Китай «на основе пяти принципов мирного сосуществования неустанно развивает дружественное сотрудничество со всеми странами, не вступает в альянсы ни с одной страной, ни с блоком стран»². Все это свидетельствует, что политика неприсоединения достигла высоты национальной воли Китая, стала долгосрочной политикой страны.

Но «неприсоединение», как считают известные китайские политологи Хуан Хуагуан и Луань Цзяньчжан, не означает невозможность «быть партнером».

XVIII съезд КПК еще раз подчеркнул, что КНР проводит «мирную и независимую политику»³. Она действует в рамках принципов «не союзничества, не конфронтации и не направленности политики против третьих стран».

Такие принципы были заложены и в российско-китайском Договоре о добрососедстве, дружбе и

сотрудничестве от 16 июля 2001 г.⁴, который прошел проверку временем (не случайно продлевался) и устраивает обе стороны, несмотря на тесное военное и военно-техническое сотрудничество. «Договаривающиеся стороны, – говорится в этом Документе, – не участвуют в каких-либо союзах или блоках, не предпринимают каких-либо действий, включая заключение договоров с третьими государствами, наносящими ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности другой Договаривающейся стороны»⁵.

Вместо союзных отношений договаривающиеся страны укрепляют равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие⁶. Стратегическое взаимодействие – это, прежде всего, новый тип отношений между державами. Он сложился не сразу, и выстрадан нашими народами и их руководителями, он прошел проверку временем. Основанный на многовековых традициях дружбы Китая и России, в последние два десятилетия в условиях новой международной ситуации и возникающих вызовов и угроз, этот тип отношений достиг своего апогея и закрепился в формуле «... навеки друзья, никогда враги».

Такой тип двухсторонних отношений рождался в сложных, мучительных поисках обеих сторон. Учет взаимных интересов, согласование позиций, притирка острых углов давались сторонам не сразу. Для этого нашим странам и народам необходимо было пройти несколько стадий: от руководителей стран требовалась особая ответственность, смелость и мудрость, которой не хватало нашим лидерам в 60-е гг. XX в. Активно это проявилось в прiverженности внешнеполитического курса КНР, который последовательно проводили и проводят Цзянь Цзэминь, Ху Цзинтао и Си Цзиньпинь, а также российское политическое руководство.

В 90-е гг. XX в. окончательно оформились отношения друг к другу как к дружественным странам; двухсторонние Договоры 90-х гг. XX в. (1992, 1996, 1997 гг.) закрепили отношения конструктивного партнерства⁷, а российско-китайский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г. укрепил стратегическое партнерство и взаимодействие. Партнерство – это глубокое взаимопонимание долгосрочных целей и высших национальных интересов наших двух стран. В начале XXI в. возникла новая основа китайско-российского партнерства и взаимодействия. Основным принципом раз-

² Цит. по: XVIII Всекитайский съезд КПК. Китайская мечта и мир / под ред. Хуан Хуа Гуана и Луань Цзяньчжана. Пекин, 2014. С. 406–407.

³ См.: XVIII съезд Коммунистической партии Китая (8–14 ноября 2012 г.) // РАН, ин-т Дальнего Востока. М., 2012. С. 8.

⁴ См.: Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР // Российская газета. 2001. 17 июля.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ См.: Россия и Китай: сборник документов. 1991–2006 / Санкт-Петербургский политехнический университет, составитель И.И. Кримин. СПб., 2007.

вития наших отношений стало «...уважение свободы выбора народа страны-партнера, решительная поддержка выбора другой стороны пути развития, соответствующего основным особенностям своей страны», – говорил Ху Цзиньтао.

В последние годы между нашими странами сформировались отношения всеобъемлющего стратегического партнерства и взаимодействия. Это еще раз подчеркнул В.В. Путин на встрече с Си Цзяньпином 19 ноября 2014 г. в Пекине, во время Саммита АТЭС. А накануне визита в Пекин, в интервью китайским СМИ 6 ноября 2014 г., В.В. Путин заявил, что укрепление связей с КНР – внешнеполитический приоритет России⁸.

Несмотря на очень тесное взаимодействие и взаимопонимание по большинству региональных и глобальных проблем, схожести интересов и позиций по ключевым вопросам мировой политики, Пекин и Москва по-прежнему подчеркивают несоюзный характер наших отношений. Особенно на этом настаивает Пекин. После окончания «холодной войны» (конец 80-х гг. XX в.) важной особенностью китайской дипломатии стало установление разных партнерских связей с мировыми державами. Это партнерство, – как отмечается в китайском исследовании⁹, – часто ошибочно принимают за фактический союз или союз нового типа, особенно когда речь идет о всестороннем стратегическом строительстве и партнерстве между Китаем и Россией и имеющей к этому отношение ШОС. На самом деле такое партнерство существенно отличается от альянсов. Во-первых, партнерство есть укрепление сотрудничества между Китаем и ведущими мировыми державами, а также важными странами в регионах, не означающее укрепления сотрудничества в области безопасности или в военном деле. Во-вторых, партнерство является новой формой развития межгосударственных отношений в современном мире, оно является уникальной формой Китая. В-третьих, Китай установил партнерские отношения не только со многими странами, но и с Евро-союзом, Америкой, АСЕАН, Центральной и Восточной Европой и некоторыми другими важными регионами, последние делали это вовсе не из соображений безопасности. В-четвертых, китайские партнерские отношения для увеличения строительства в области безопасности в основном военных объектов и укрепления военного сотрудничества и повышения военного взаимного доверия, отсутствия необходимых существенных условий строительства в области безопасности альянса.

⁸ Женьминь жибао. 2014. 8 ноября.

⁹ См.: XVIII съезд КПК. Китайская мечта и мир / под ред. Хуан Хуагуана и Луань Цзяньжана. Пекин, 2014. С. 407–408.

Вместе с тем, прямо не призывая к подписанию военно-политического договора между нашими странами, некоторые аналитики и в Китае, и в России склонны считать КНР и РФ «естественными союзниками». А известный китайский дипломат, ныне профессор Дипломатической академии МИД КНР Ян Чуань говорит, что нынешние отношения Китая и России даже выше союзнических¹⁰. Схожую точку зрения высказывают некоторые политики и военные аналитики из России.

Вот как объясняет их позицию известный российский китаевед, директор института Дальнего Востока, академик РАН М.Л. Титаренко: «...отношения всеобъемлющего стратегического взаимодействия и добрососедского партнерства создают завышенные ожидания в отношении практических действий каждой из сторон в духе близком к союзнической модели, и переходят рамки благожелательного нейтралитета и отстраненности. Эти ожидания общественности порождаются, с одной стороны, исторической информацией опыта существования и действенной роли советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи 1950 г., с другой стороны, ожидания союзнического характера действий дипломатии двух стран порождаются и широко распространенным уважением общности судеб наших стран, общности мирных устремлений и высокой близости стратегических национальных интересов России и Китая в деле обеспечения суверенитета, безопасности, территориальной целостности каждой из стран»¹¹.

Конечно, эти завышенные ожидания и стремления двух стран к созданию модели отношений близкой к союзнической, по мнению автора, усиливаются в последнее время агрессивной политикой Вашингтона, открывшего новый фронт «холодной войны», экономических санкций и дипломатического давления против России.

Так возможен ли союз между КНР и РФ? Что дал опыт союзнических отношений заключенных Договором от 1950 г.? Во-первых, дееспособный союз между странами выполним лишь при равноправии сторон, когда нет ни старшего, ни младшего брата. Союз 1950 г. был неравноправен, он был навязан СССР слабому Китаю и составлялся под диктовку И.В. Сталина, который проявлял иногда прохладные и подозрительные отношения к Пекину, всячески затягивал переговоры¹². Данным Договором был

¹⁰ Из интервью автора статьи с профессором Пекинской дипломатической академии при МИД КНР Ян Чуань. 16 августа. 2014 г.

¹¹ См.: Титаренко М.Л. Послесловие // Стратегически-партнерский диалог между Россией и Китаем. Современное состояние, проблемы и предложения. М.: Форум, 2014. С. 514–515.

¹² Достаточно сказать, визит китайских дипломатов в Москву на высшем уровне длился необычно долго, с декабря 1949 по февраль 1950 гг.

оформлен советско-китайский военно-политический альянс против США и их союзников. Он носил скорее идеологический характер. Идеологическая близость двух правящих партий (ВКПб и КПК) заслоняла геополитические сложности. То есть идеологические факторы определили геополитический подход. В этом состояло еще одно различие между отношениями Китая с Царской и Советской Россией.

Во-вторых, о неравноправном Договоре говорит такой факт, что, используя союзнические отношения с КНР, на правах сильного «старшего брата», правительство СССР обратилось с просьбой вернуть ему право на совместное использование и управление КВЖД. Кроме того, до подписания мирного Договора СССР с Японией за СССР оставались военные базы в Люйшуньгоу и Дайрене (Далыне). Вместе с тем, как утверждает профессор А.Д. Воскресенский, в контексте конфронтации между лагерями социализма и империализма, когда США рассматривались через призму единой коммунистической доктрины как главная угроза независимости и суверенности КНР, союз с СССР был более нужен Китаю¹³, в чем не раз признавались китайские лидеры. После смерти И.В. Сталина китайское руководство стало все меньше доверять Москве. По мере укрепления позиций мирового социализма и ослабления влияния внешнего фактора в отношениях Мао Дзэ Дуна и Н.С. Хрущева начинаются разногласия, вылившиеся позже в противоречия по вопросу о принципах социалистического интернационализма и его соответствия понятию суверенитета. «Преувеличенный теоретический акцент на принципе социалистического интернационализма, – пишет профессор А.Д. Воскресенский, – привел на практике к подчинению национальных интересов социалистических стран государственным интересам СССР, и в том числе к возможности использования экономических ресурсов «социалистического лагеря» во благо СССР. Мощная экономическая помощь СССР Китаю в годы первых пятилеток (1950-е гг.) существенно укрепила его экономический потенциал, вместе с тем поставила Пекин в зависимость от Москвы, что не могло нравиться китайцам.

Внутри социалистического лагеря начинает зреть конфликт общественных и государственных интересов. Пекин, не без основания, усмотрел в этом ограничение своего суверенитета и начал высказывать недовольство. В официальных китайских документах в 1950-е гг. все настойчивее ставится задача обеспечения независимости китайского государства и КПК в отношениях с СССР и КПСС.

Кроме того, не было равноправным для китайской стороны и подписанное к Договору 1950 г. секретное соглашение, против которого с самого начала выступал Мао Цзэдун. Суть его состояла в том, что Северо-Восток Китая и Синьцзан становились зонами влияния СССР. Здесь функционировала такая стратегическая магистраль, как КВЖД, обеспечивающая военные поставки в Порт-Артур и в целом поддерживающая боевую готовность советских войск на Ляодунском полуострове. С другой стороны, советский контроль над КВЖД позволял восстанавливать и развивать экономику Китая. Однако под давлением китайской стороны это секретное соглашение было аннулировано в 1956 г. Именно в этом году состоялся XX съезд ВКП(б), решения которого вызвали в Китае негативную реакцию и еще больше ухудшили советско-китайские отношения.

Немаловажным противоречием между странами, подорвавшим союзные отношения был пограничный вопрос. Пограничные отношения между нашими странами всегда были сложными. Китай требовал пересмотра неравноправных Айгунского (1868 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров, навязанных царским правительством слабому Китаю. В 1953 г. в Пекине вышла книга «Краткая история современного Китая», с картами, в соответствии с которыми китайскими, собственно, являлись территории Вьетнама, Кампучии, Тайваня, Монголии, Тибета, части Индии, Казахстана, а также советского Приамурья и Уссурийский край, что не могло не вызвать негативной реакции со стороны Москвы.

Еще одним «яблоком раздора» между союзными государствами стал вопрос суверенитета МНР. В 1954 г. Чжоу Эньлай предлагал Н.С. Хрущеву, чтобы Монголия стала частью Китая. Н.С. Хрущев отверг это предложение¹⁴.

Исторический опыт международных отношений, в том числе отношений между СССР и КНР свидетельствует, что никогда не бывает стерильных, гладких отношений между государствами, что всегда были и будут противоречия, даже между союзниками, тем более в условиях такого неравного союза. Это естественное и нормальное состояние. Ибо жизнь сложна и неповторима. Наличие противоречий – это стимул к углублению и развитию сотрудничества, а не повод для того, чтобы бросать односторонние обвинения, взаимные упреки и заикливаться на разногласиях. Очевидно, что руководители СССР и Китая Н.С. Хрущев и Мао Цзэдун, в непростой период наших отношений и сложной международной обстановки не до конца понимали или не хотели понимать естественного

¹³ См.: Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии. Историческая динамика политических взаимовлияний. М., 2001. С. 417.

¹⁴ См.: Геленович Ю.М. Россия – Китай шесть договоров. М., 2003. С. 280.

процесса возникновения противоречий и не искали путей разумного их преодоления. Им не хватило мудрости, гибкости, толерантности, терпимости и уважения чужого мнения. Ведь наши страны, наши общества были и есть неоднородны, разный менталитет, разный уровень развития государств. Излишняя подозрительность, недоверие и предвзятость лидеров КНР и СССР подрывали союзные отношения. То есть идеологические и личностные факторы не могли не влиять на характер этих отношений.

Вот почему военно-политический союз СССР и КНР уже в 1950-е гг. дает первые трещины. Китайский политолог, сотрудник Центра исследований мировых проблем Агентства Синьхуа Шэн Шилияй пишет: «... когда союзник силен, а мы слабее, то союз сам ослабевает»¹⁵.

Пекину не понравилось и настойчивое навязывание И.В. Сталиным идеи южного похода, закончившееся поражением и спровоцированный во многом Москвой Корейский конфликт. Резко ухудшили двухсторонние отношения и решения XX съезда ВКП(б), осудившие культ личности И.В. Сталина, к которому народ и руководство КНР, несмотря на возникшие уже разногласия, в целом питали симпатию и уважение как к лидеру великой страны, старшему вождю и товарищу. А ведь в традиционной китайской культуре очень значимо почтение к старшим. Очевидно, что в этом случае процедура уничтожения культа личности И.В. Сталина и вынос его тела из Мавзолея не могли не вызвать восторга у населения и тем более у китайского руководства, такой культ активно использовавшего.

И наконец, ощутимый удар по военно-политическому союзу двух государств нанесли события начала 1960-х гг. В 1962 г., будучи союзником во время китайско-индийского пограничного конфликта руководство СССР не только не поддержало Китай, но, напротив, осудило его, что привело к окончательному расколу между двумя союзниками.

Свою лепту в распад союза внесла и «культурная революция» в Китае, начавшаяся в 1966 г., отъезд из КНР десятков тысяч советских специалистов, помогавших создавать промышленную базу в СВК, и высылка из СССР многих тысяч китайских студентов и аспирантов, обучавшихся в вузах Москвы, Ленинграда и других городов Советского Союза. К концу 1960-х гг. союзные отношения между Китаем и СССР практически прекратились. Более того, пограничный конфликт в марте 1969 г. на о. Даманском поставил наши страны на грань большой войны, которую к счастью удалось избежать.

¹⁵ Цит. по: Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем. Современное состояние, проблемы и предложения. М., 2014. С. 196.

Каковы же уроки, какой опыт можно извлечь из истории союзнических отношений между нашими странами?

Первое. Россия/СССР и Китай неоднократно пробовали те или иные формы союзнических отношений. Иногда они были удачны и отвечали национальным интересам обеих стран.

Второе. В 1950-е гг. эти отношения являлись одним из наилучших периодов в двухсторонних связях наших государств, и прекрасные воспоминания о них сохранились в сердцах нескольких поколений китайцев и россиян. Искренняя неподдельная дружба в эти годы связывала два великих народа. Советские ветераны войны, кто освободил Северо-Восточный Китай в 1945 г. от японцев, кто уже после войны служил в Порт-Артуре и Дальнем помнят, как со слезами на глазах благодарили их простые китайцы, а китайские девушки в 1955 году обнимали советских солдат, покидавших эти города, дарили им цветы и памятные платочки, называя ласково – братья. И это правда. Это были братские, человеческие отношения, замешанные на высокой духовности и гуманизме. Это было торжество народной дипломатии. Это воистину был братский союз двух великих народов. «Однако необходимо видеть, – пишет член Ученого совета АОН КНР, председатель китайского общества по изучению истории китайско-российских отношений Ли Цзинцзе, – что союзнические отношения того периода явились продуктом особых исторических условий, что с момента их установления в базовых основах связей двух государств стали исподволь накапливаться негативные, разрушительные факторы. Например, от государства-союзника требовалось обеспечение единства не только в общественном строе, но и обеспечение единства в идейно-теоретической сфере и во внешней политике»¹⁶. Однако с самого начала такого единства в союзе двух стран не было. Наоборот, из года в год нарастало непонимание, разочарование друг в друге и острые противоречия.

Третье. Военно-политический союз 1950 г. был союзом неравноправных государств, находящихся на разных стадиях развития, тогда Китай больше нуждался в СССР, в его всесторонней помощи. В настоящее время такой союз мало вероятен, ибо сегодня в деле взаимной стратегической опоры между Китаем и Россией не существует вопроса, кто в ком больше нуждается, обе страны самодостаточны и полностью независимы.

¹⁶ Ли Цзинцзе. О некоторых аспектах китайско-российских отношений стратегического партнерства и взаимодействие // Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем. Современное состояние, проблемы и предложения. М., 2014. С. 20.

Четвертое. Союз, если он возможен, то должен служить национальным интересам государства, не ущемляя суверенитет каждой из сторон. Коренные интересы Китая и России, хотя и имеют много общего, не всегда совпадают.

Пятое. Время блоков и союзов ушло в прошлое. Китай и Россия ныне проводят мирный и независимый курс развития. В военно-политическом альянсе между нашими странами нет сегодня особой нужды. Нынешний уровень всеобъемлющего стратегического партнерства и взаимодействия второй по значимости, после союзнических отношений адекватен современным условиям. Более значимый, чем союзный, и имеет ряд преимуществ. Он, в отличие от союза, не предполагает для сторон какой-либо ответственности за действия друг друга, не ограничивает свободу маневра. Одновременно он не отталкивает третьи страны, а, наоборот, стимулирует их подтягиваться в связях с Китаем и Россией до этой высокой планки отношений.

Мирный и независимый путь развития выгоден обеим странам. Для подъема экономики, повышения уровня благосостояния народа в Российской Федерации как никогда важны мирные внешнеполитические условия, которые во многом обеспечиваются таким мощным гарантом мира, как Китай. Для Китая также очень важна миролюбивая политика Москвы. Наличие на протяженной северной границе такого сильного, независимого и одновременно выгодного торгового партнера, как Россия – во многом успех развития КНР. Не случайно на XVIII съезде КПК было подчеркнуто, что «всестороннее, гармоничное и устойчивое развитие является основным требованием научной концепции развития Китая»¹⁷.

«Отношения между Россией и Китаем достигли беспрецедентно высокого уровня, стали примером грамотного сосуществования великих держав, играющих важнейшую стабилизирующую роль в современном миропорядке, содействующих укреплению мира и безопасности в регионе и в мире в целом. Дальнейшее развитие российско-китайских отношений отвечает коренным интересам обеих стран и их народов, – говорится в Совместном заявлении, подписанном президентом Российской Федерации В.В. Путиным и председателем КНР Си Цзиньпинем 22 марта 2013 г.»¹⁸.

И на последующих встречах на высшем уровне, в том числе в рамках Саммита АТЭС, в Пекине в ноябре 2014 г. стороны еще раз четко выразили свое намерение оказывать решительную взаимную поддержку в развитии и возрождении наших стран, защите основных своих интересов, самостоятельного выбора пути развития и общественно-политического устройства.

Руководители и народы двух стран постоянно прилагают усилия и к тому, чтобы двухстороннее стратегическое взаимодействие и партнерство было постоянным фактором не только соразвития и подъема наших стран, но и важнейшим фактором международной безопасности и стабильности.

ЛИТЕРАТУРА

1. XVIII съезд Коммунистической партии Китая (8–14 ноября 2012 г.). – Пекин, 2012.
2. XVIII съезд Коммунистической партии Китая (8–14 ноября 2012 г.) // РАН, ин-т Дальнего Востока. – М., 2012.
3. XVIII Всекитайский съезд КПК. Китайская мечта и мир / под ред. Хуан Хуа Гуана и Луань Цзяньчжана. – Пекин, 2014.
4. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР // Российская газета. – 2001. – № 17.
5. *Воскресенский, А.Д.* Китай и Россия в Евразии. Историческая динамика политических взаимовлияний / А.Д. Воскресенский. – М., 2001.
6. *Геленович, Ю.М.* Россия – Китай шесть договоров / Ю.М. Геленович. – М., 2003.
7. *Ли Цзинцзе.* О некоторых аспектах китайско-российских отношений стратегического партнерства и взаимодействия / Ли Цзинцзе // Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем: современное состояние, проблемы и предложения. – М., 2014.
8. Россия и Китай : сб. документов. 1991–2006 / сост. И.И. Кримин. – СПб., 2007.
9. Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем: современное состояние, проблемы и предложения. – М., 2014.
10. *Титаренко, М.Л.* Послесловие / М.Л. Титаренко // Стратегически-партнерский диалог между Россией и Китаем: современное состояние, проблемы и предложения. – М. : Форум, 2014.
11. *Shadbush, D.* China Goes Europe: The Partial Power / D. Shadbush. – Oxford University Press, 2013.

¹⁷ См.: XVIII съезд Коммунистической партии Китая (8–14 ноября 2012 г.). Пекин, 2012. С. 6.

¹⁸ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 3. С. 3–4.

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РСФСР (1965–1985 гг.): АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ

Н.М. Платонова

Платонова Нонна Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: nonnplat@mail.ru

В статье анализируются и обобщаются опубликованные и неопубликованные (архивные) источники о развитии дальневосточной промышленности в так называемую «эпоху застоя», раскрываются особенности отдельных групп источников, расширяя информационное историческое пространство о социально-экономических процессах, протекавших на Дальнем Востоке РСФСР в 1965–1985 гг.

Ключевые слова: промышленность, Дальний Восток РСФСР, источниковая база, классификация источников, архив, информационный потенциал, статистические данные, периодическая печать.

На протяжении длительного времени развитие дальневосточной промышленности является предметом исследования учёных разных направлений (историки, экономисты, социологи, демографы и др.), но именно период 1965–1985 гг. занимает особое положение, поскольку он был детерминирован сменой политического руководства, попытками изменения социально-экономического курса управления народным хозяйством, во многом на 20 лет предопределив консервативную направленность внутригосударственной политики.

Приоритетное развитие промышленности на востоке страны явилось объективной потребностью СССР, обусловленной необходимостью реализации стратегической программы развития дальневосточных территорий, освоения их многообразной сырьевой базы, расширения экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), закрепления трудоспособного населения. Обобщение роли индустриального развития Дальнего Востока РСФСР имеет существенное значение для углублённого понимания процессов реализации государственной экономической политики в указанный хронологический период. В результате, исходя из логики исторического познания, немаловажной видится источниковая база в области развития промышленности советского Дальнего Востока 1965–1985 гг.

В соответствии с видовой классификацией источники делятся по признакам происхождения, по содержанию и форме изложения на следующие группы: нормативные или законодательные; делопроизводственные; статистические; источники личного происхождения; периодическая печать.

Группу опубликованных нормативных источников составляют законодательные и нормативно-правовые акты указанного периода, а именно Конституция СССР 1977 г., постановления ЦК КПСС,

Совета Министров СССР/РСФСР и Госплана СССР/РСФСР, материалы съездов, пленумов, конференций партийных и советских органов государственной власти союзно-республиканского [9, 16, 17, 21, 31] и регионального уровней [5, 13, 35, 38, 43], в которых нашли отражение принципиальные позиции партийного и советского руководства страны по хозяйственным вопросам. Одновременно в них содержится идеологическое обоснование проводимого государством внутривнутриполитического курса в различных сферах жизнедеятельности советского общества. Директивно-распорядительные документы позволяют проанализировать содержание, охарактеризовать основные тенденции, направления и перспективы социально-экономической и технической политики государства, в том числе в области промышленного развития советского Дальнего Востока, а также дают возможность рассмотреть особенности, формы и методы её реализации.

В группу этих источников включены статьи, доклады, публичные выступления руководителей КПСС и правительства, которые издавались в виде отдельных сборников или собраний сочинений [8, 18, 37]. Они способствуют пониманию принципов формирования и механизмов реализации решений в индустриальном секторе экономики дальневосточных территорий. Сведения о руководителях партийных и исполнительных органов власти, представителях директорского корпуса региональных промышленных предприятий, информация об их профессиональной деятельности содержится в различных справочных изданиях [32].

Многогранный спектр политического, социально-экономического развития советского Дальнего Востока в целом и региональной промышленности, в частности раскрывают разноплановые неопубликованные источники, выявленные в фондах федеральных (ГАРФ, РГАСПИ, РГАЭ, РГАНИ, РГАЛИ

Москва¹), региональных и городских архивов (ГАПК, Владивосток; ГАХК, Хабаровск; ГАЕАО, Биробиджан; ГАКК, Петропавловск-Камчатский; ГАСО, Южно-Сахалинск; КнАГА, Комсомольск-на-Амуре²).

Особой ценностью отличается группа неопубликованных законодательных источников, которые существенно дополняют исторический контекст рассматриваемого двадцатилетия. Так, проследить процесс разработки политических мероприятий по развитию добывающих и перерабатывающих отраслей народнохозяйственного комплекса, раскрыть различные аспекты экономической деятельности, её противоречивый характер позволяют постановления и распоряжения Совета Министров РСФСР (Ф. А – 259 ГАРФ). В ряде постановлений Совета ЦК КПСС (Ф. 89 РГАНИ) отразились социальные проблемы индустриального развития, в частности, коллективные отказы от работы, имевшие место как по стране в целом, так и на Дальнем Востоке РСФСР (Ф. П – 512 ГАХК, Ф. 2 КнАГА). Крайне полезными являются сводные данные по общеэкономическим вопросам, стенограммы заседаний Политбюро ЦК КПСС, доклады Госплана СССР в Совет Министров СССР. Большинство документов длительное время имели гриф «совершенно секретно» и стали доступны для исследования лишь в конце 1990-х гг.

Особое место в реконструкции исторических событий 1965–1985 гг., происходивших в народном хозяйстве Дальнего Востока РСФСР, занимают архивные документы структурных подразделений (отделов, управлений, комитетов) исполнительных краевых, областных и городских комитетов КПСС (Ф. Р – 137, Ф. Р – 904 ГАХК, Ф. Р – 26, Ф. Р – 85 ГАПК, Ф. Р – 75 ГАЕАО, Ф. 53 ГАСО), в которых отражён широкий спектр социально-экономических вопросов, поднимавшихся в постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР/РСФСР и, как правило, не публиковавшихся в открытой печати.

Правовые аспекты и юридические нормы, регулировавшие хозяйственную деятельность некоторых стран АТР в сфере лесозаготовок на террито-

рии Хабаровского края и Амурской области (Ф. 89 РГАНИ, Ф. Р – 1350 ГАХК), в строительстве промышленных предприятий, добыче нефти и газа на Сахалине (Ф. 399 РГАЭ, Ф. 825 ГАСО), оказанию помощи РСФСР по разработке угольных месторождений в некоторых провинциях КНДР (Ф. 14 РГАЭ), организации экспортных поставок (Ф. Р – 705 ГАХК) нашли отражение в различных договорах и соглашениях о взаимном сотрудничестве. Данные источники, формируя представление об особенностях исторической динамики, связанной с развитием экспортной базы на Дальнем Востоке РСФСР, раскрывают характер и специфику международного экономического сотрудничества.

В советский период информационный обмен осуществлялся в виде бумажного документооборота, который ежегодно увеличивался, аккумулируя сведения о самых разных направлениях социально-экономической политики по развитию промышленности дальневосточных территорий страны. В связи с этим наиболее обширную группу источников составляют делопроизводственные документы центральных и региональных органов власти, в том числе директивные указания, поручения ЦК КПСС и Совета Министров СССР/РСФСР, докладные и пояснительные записки о ходе их выполнения, протоколы заседаний Президиума Совета Министров РСФСР, аналитические справки. Они углубляют представления о положении дел в дальневосточной промышленности в целом и о взаимодействии её инфраструктурных составляющих, дают возможность оценить уровень эффективности индустриального развития.

Отдельно следует выделить такую группу информационно насыщенных документов, как письма и служебная переписка между центральными и региональными структурами управления разного уровня (Ф. А – 262, Ф. А – 617 ГАРФ, Ф. 33, Ф. 442 РГАЭ, Ф. Р – 405, Ф. Р – 1455, Ф. Р – 1531 ГАПК, Ф. Р – 243 ГАЕАО, Ф. 283 ГАКК). Эти документы рассредоточены по многочисленным фондам указанных выше архивов. Нередко они страдают отрывочностью и разрозненностью сведений, однако в совокупности дополняют информацию об особенностях межотраслевого взаимодействия в процессе промышленного развития советского Дальнего Востока. В то же время в них хранится существенный массив фактических данных служебного характера.

Значительный информационный потенциал, содержащийся в стенограммах различных Всесоюзных совещаний по организации труда, по изучению зарубежного опыта в области эргономики, по использованию трудовых ресурсов, отложившийся в фонде Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам (Ф. Р – 9553 ГАРФ), а так-

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

² Государственный архив Приморского края (ГАПК), Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), Государственный архив Еврейской автономной области (ГАЕАО), Государственный архив Камчатской области (ГАКК), Государственный архив Сахалинской области (ГАСО), муниципальное архивное управление «Комсомольский-на-Амуре городской архив» (КнАГА).

же материалы к докладам заседаний президиума Учёного Совета Всесоюзного научно-методического центра по организации труда и управления производством Государственного комитета СССР по труду (Ф. Р – 6950 ГАРФ) раскрывает глубину проблемы кадрового дефицита по стране в целом и показывает необходимость реализации научно-технической модернизации в промышленности.

Формированию более целостного представления об индустриальной динамике региона способствуют стенограммы краевых, областных, городских партийных пленумов, конференций, протоколы заседаний бюро и партийно-хозяйственных активов крайкомов и обкомов КПСС (Ф. 17 РГАСПИ, Ф. П – 35 ГАХК, Ф. П – 68 ГАПК, Ф. П – 15 ГАЕАО), которые оказывают содействие при выявлении специфики деятельности местных руководителей всех уровней власти в условиях нарастающего хозяйственного кризиса, показывают их стремление сохранить положительную динамику во всех отраслях регионального промышленного комплекса. В выступлениях дальневосточных партийных, советских и хозяйственных руководителей, инженерно-технических работников, индустриальных рабочих, которые являлись участниками этих заседаний, содержатся значимые сведения о положении дел в промышленном секторе краёв, областей, городов, о трудностях, которые испытывали отдельные предприятия, попытках критического анализа ситуации, отмечались успехи и достижения трудовых коллективов.

Важную информацию об особенностях реализации государством социальной политики в процессе индустриального развития Дальневосточного региона содержат документы общественных организаций, в частности, материалы региональных отраслевых профсоюзов, комитетов народного контроля (Ф. Р – 801 ГАХК, Ф. 540, Ф. 599 ГАСО), уточняющие общие сведения об управлении социальными процессами на промышленных предприятиях, осуществляемые через различные формы коллективной трудовой деятельности. Сюда же можно отнести протоколы и стенограммы заседаний бюро секретариата правления Союза писателей СССР, переписку Союза писателей РСФСР с правлением Хабаровской писательской организации о творческой работе, об издании произведений, проведении дней советской литературы на Дальнем Востоке РСФСР, проходивших в разные годы (Ф. 631, Ф. 2938 РГА-ЛИ). В них содержатся суждения творческой интеллигенции о специфике региона, впечатления о темпах его промышленного развития, приводятся различные факты трудовых достижений дальневосточников, конкретные портреты передовиков и пр.

Документы по внешнеэкономическим вопросам при Совете Министров РСФСР, отчёты и совмест-

ные коммюнике о встречах председателей исполкомов Советов народных депутатов городов Восточной Сибири и Дальнего Востока с мэрами городов Западного побережья Японии, тексты выступлений региональных руководителей перед иностранными делегациями, аналитические справки Дальневосточного отдела Министерства иностранных дел СССР о военно-политических и экономических отношениях Японии и США раскрывают основные направления в решении вопросов укрепления дружественных отношений, развития сотрудничества и расширения прибрежной торговли между странами. Заметное место занимают документы Управления внешних сношений экспортных и импортных поставок (Ф. 467 РГАЭ). Они позволяют выявить не только проблемы экономического и технического сотрудничества с зарубежными странами, но и проследить механизмы их устранения, тем самым существенно расширяя представление о межгосударственном экономическом взаимодействии в целом и Дальнего Востока РСФСР, в частности.

С точки зрения многообразия и уникальности материала, позволяющего реконструировать общую парадигму взаимодействия науки и практики, способствующего воссозданию истории функционирования региональной индустрии, можно выделить документы фонда Совета по изучению производительных сил при Госплане СССР (Ф. 399 РГАЭ), которые разделены автором на несколько групп:

1) научно-исследовательские: материалы о совместных заседаниях учёных советов СОПСа при Госплане СССР, ЦЭНИИ при Госплане СССР, Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР; научные доклады о динамике и размещении производительных сил, о государственном регулировании миграции населения; аналитические историко-экономические справки; краткий очерк экономического развития хозяйства Дальнего Востока;

2) информационно-аналитические: генеральные схемы развития и размещения производительных сил союзных республик и экономических районов; справочные материалы технико-экономических показателей индустриальных объектов, структуры лесных ресурсов и размещения лесной, деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной промышленности; заключение о состоянии машиностроения, электроэнергетики, чёрной металлургии, их расположении и поступательной динамике; предложения специалистов СОПСа по развитию добывающих и перерабатывающих отраслей региональной индустрии; ежегодные доклады о социально-экономическом развитии Магаданской и Камчатской областей;

3) целевые комплексные народнохозяйственные программы развития промышленности и транс-

портного обеспечения, включавшие также вопросы демографии, трудового дефицита, глубоко затрагивавшие проблемы обеспечения роста объёмов экспортных поставок дальневосточного производства;

4) служебная переписка с коллегией Госплана СССР и Дальневосточной плановой комиссией о размещении новых промышленных предприятий в городах региона.

Во многом ценность этих архивных материалов обусловлена тем, что они наиболее полно и целостно раскрывают этапы, особенности, малоизвестные аспекты и детали комплексного развития дальневосточной индустрии, решения возникавших актуальных проблем общегосударственного и регионального характера, таких, например, как создание экспортной, судоремонтной, топливно-энергетической базы или базы стройиндустрии на востоке страны, проблемы кадрового дефицита.

В отличие от опубликованных документов, архивные источники более «откровенно» информируют о социально-экономическом положении страны и её восточных территорий. Неслучайно часть из них помечалась грифом «Для служебного пользования» и предназначалась только для узкого круга, т.е. чиновников и номенклатуры высшего партийно-советского руководства.

Информация о кадровой и социальной политике содержит значительный массив сведений об особенностях процесса формирования трудовых ресурсов в индустрии региона, о мероприятиях, проводимых крайкомами и обкомами КПСС при поддержке Совета Министров СССР по решению таких важных для Дальнего Востока РСФСР проблем, как повышение жизненного уровня дальневосточников, рост заработной платы, введение дифференцированных льгот, устранение дефицита рабочей силы во всех отраслях промышленности. Эту категорию источников дополняют отчёты хозяйственных руководителей о несчастных случаях на производстве, состоянии охраны труда и техники безопасности, справки об автоматизации и механизации производственных процессов, организации бригадного подряда и социалистического соревнования в промышленности (Ф. 556 РГАСПИ, Ф. 5 РГАНИ, Ф. Р – 503, Ф. Р – 1384 ГАХК, Ф. Р – 498, Ф. Р – 466, Ф. Р – 388, Ф. Р – 293 ГАЕАО).

Содержательные документы сосредоточены в фондах Главного управления переселения и организационного набора рабочих при Совете Министров РСФСР (Ф. А – 518 ГАРФ), Государственного комитета РСФСР по труду и социальным вопросам (Ф. 10005 ГАРФ), а также в региональном фонде Дальневосточной конторы «Дальрыбпромкадры» (Ф. Р – 658 ГАПК). Они позволили проанализировать показатели информационных обзоров по проблемам нехватки кадров, изучить отчёты и объ-

яснительные записки о выполнении планов организационных наборов рабочих для последующего трудоустройства на отраслевых предприятиях региона (как правило, в рыбной и лесной отраслях) и выявить сопутствовавшие им трудности. Одновременно предоставили возможность рассмотреть данные о краевых и областных комитетах КПСС, которые соглашались принимать иностранных граждан, ходатайствовавших о въезде в СССР на постоянное место жительства, включая Дальний Восток РСФСР. В совокупности эти документы рассматриваются автором с позиции многопланового исторического источника, своеобразие которого заключается в наличии значительного объёма фактического материала, сохранявшего длительное время гриф «для служебного пользования».

Следующую группу составляют статистические источники, позволяющие проследить особенности динамики промышленного развития Дальнего Востока РСФСР в 1965 – 1985 гг., к ним относятся опубликованные статистические сборники, ежегодники и пр. [11; 23–29; 34; 36; 41]. Для анализа количественных и качественных социально-экономических показателей большое значение имели государственные планы развития народного хозяйства страны, краёв и областей региона, сведения о состоянии промышленно-производственных фондов, данные о росте объёмов производства и размерах финансирования материально-технической базы отдельных индустриальных отраслей, динамические ряды экспортных поставок дальневосточной промышленной продукции.

В указанную группу источников также входят сравнительные показатели численности и плотности населения дальневосточных территорий, сведения о текучести кадров, показатели обеспеченности населения городов и посёлков городского типа жильём, санитарно-бытовым, техническим оборудованием, представлена доля ветхого и аварийного жилого фонда по экономическим районам РСФСР. В совокупности они охватывают народнохозяйственную, внешнеторговую, отраслевую статистическую информацию, показывают взаимосвязь социально-демографических процессов с реализацией планов индустриального развития регион, дают комплексное представление о положении дел в промышленности советского Дальнего Востока.

Особенность этих разнообразных статистических сведений обусловлена, главным образом, тем, что они в большей мере отражают ведущие социально-экономические параметры развития народного хозяйства страны. В то же время в сборниках отсутствуют или частично представлены сопоставимые данные по Дальнему Востоку РСФСР. Это затрудняет систематизацию информации, проведение сравнительного анализа, выявление ведущих

тенденций, определение диспропорций в региональной индустрии.

Учитывая недостатки, присущие системе статистического учёта в советский период, наряду с официальными данными Центрального статистического управления целесообразным является использование архивных источников статистического характера, которые способствуют детализации исторического материала. В этом плане научную ценность представляют хранящиеся в архивах документы Госплана СССР/РСФСР, ЦСУ при Совете Министров СССР, Комитета по экономике Хабаровского края, краевых и областных комитетов государственной статистики.

Среди них особенно выделяются документы, содержащие: а) основные показатели производственной деятельности (выполнение планов по выпуску и реализации промышленной продукции, производству товаров народного потребления и на экспорт); анализ работы индустриальных объектов, обобщённую региональную статистику; динамические статистические таблицы по промышленности и финансам; годовую отчётность плановых комиссий и т.д. (Ф. 1562, Ф. 4372 РГАЭ); б) сводки учёта, статистические бюллетени, сведения о численности, составе и движении населения; таблицы ЦСУ союзных республик по численности населения по каждому горисполкому, области, краю; количественные показатели производственно-промышленного персонала и его среднемесячной заработной платы (Ф. Р – 353, Ф. Р – 719 ГАХК, Ф. Р – 87 ГАЕАО); в) текущие статистические сведения отраслевых министерств (Ф. 70, Ф. 386, Ф. 469 РГАЭ) и учётно-контрольную информацию о гражданских промышленных предприятиях региона (Ф. Р – 1529, Ф. Р – 1508, Ф. Р – 458 ГАПК, Ф. Р – 124, Ф. Р – 198, Ф. Р – 332 ГАЕАО, Ф. Р – 1389, Ф. Р – 1873, Ф. Р – 1814 ГАХК). Следует отметить, что основная масса статистических сведений была сконцентрирована именно в отчётной или учётно-контрольной документации. Помимо этого, она содержалась в стенограммах заседаний партийных, советских и хозяйственных органов власти, текущей переписке, но в меньшем объёме.

В целом, по количеству и качеству аккумулированной информации группа статистических источников представляет особую ценность при изучении социально-экономического развития страны (отдельно взятого региона), поскольку даже, несмотря на некоторые противоречия в официальных и архивных цифровых показателях, статистика позволяет проследить динамику и представить масштабы хозяйственной деятельности.

Для всестороннего освещения развития промышленности Дальнего Востока РСФСР в 1965 – 1985 гг. не менее важным является использование группы

источников личного происхождения, куда вошли опубликованные мемуары известных государственных и общественных деятелей [1, 6, 7, 10, 12, 33], партийных руководителей [4, 44], директоров и работников промышленных предприятий региона [3, 14, 19, 22, 30, 39, 40, 45, 46], которые были участниками исторических событий периода 1965 – 1985 гг.; архивные материалы, собранные в тематические коллекции документов (Ф. Р – 1205 ГАХК); документально-публицистические издания, выпущенные к юбилейным датам и составленные на основе архивных материалов, воспоминаний, очерков, репортажей о значимых событиях в жизни советского Дальнего Востока [20, 42].

Несмотря на субъективность, использование источников личного происхождения имеет большое значение для воссоздания развёрнутого, многопланового исторического представления о социально-экономических процессах и тенденциях, имевших место в регионе указанного хронологического периода. Характеризуя данную группу, следует отметить, что её сложно классифицировать, выделив общепринятые специфические признаки и особенности, поскольку авторы оставляли в своих воспоминаниях информацию, значимую для изучения разных вопросов и проблем. Тем не менее их социально-профессиональная принадлежность позволяет фокусировать внимание исследователя не только на содержании изучаемого личного источника, но даёт возможность определить и проанализировать отношение автора к событиям, которые он описывает.

В частности в воспоминаниях А.М. Александрова-Агентова, советского партийного работника, дипломата ранга Чрезвычайного и Полномочного Посла, Н.К. Байбакова, председателя Госплана СССР, Н.И. Рыжкова, в разные годы занимавшего должности первого заместителя министра тяжёлого и транспортного машиностроения СССР, первого заместителя председателя Госплана СССР, заведующего экономическим отделом ЦК КПСС, В.В. Гришина, первого секретаря Московского городского комитета КПСС, председателя ВЦСПС, Е.Т. Гайдара, государственного политического деятеля и экономиста, содержится немало фактического материала, раскрывающего личностные взаимоотношения, замыслы и настроения политической правящей элиты, планы и суждения по внешне- и внутривнутриполитическим вопросам и пр., способствующего воссозданию атмосферы «эпохи застоя». Многие авторы мемуаров в 1965–1985 гг., определяя государственную экономическую и кадровую политику, в той или иной степени были её непосредственными исполнителями.

Аналогичной по характеру является мемуарная литература, принадлежащая перу дальневосточных партийных руководителей, а также воспоминания

людей близко знакомых с ними, которые через личное восприятие показывают предпосылки и суть важных социально-экономических преобразований в регионе, рисуют исторические портреты политических деятелей изучаемого периода, непосредственных участников событий, оживляя разнообразные детали и подробности партийной, советской работы, производственной деятельности, общественной жизни, быта и т.д. [2, 15].

Помимо этого, научно-исследовательский интерес представляют публикации разных лет, авторами которых выступали хозяйственные руководители, лидеры первичных партийных организаций промышленных предприятий, профсоюзные деятели, инженеры и рабочие, как правило, передовики, новаторы производства. Они рассказывали о своих предприятиях и трудовых коллективах, которые работали в условиях ввода новых реформационных преобразований, не всегда проходивших безболезненно. Рассуждая об этом, они старались разъяснить многие вопросы, хотя и были зажаты в идеологические рамки того времени. Подобные источники являются важным компонентом исследования, несмотря на определённую субъективность, а также специфические условия их создания, что требует от автора критического подхода к указанным сведениям, сопоставления их с другими источниками.

Ценность содержательной составляющей источников личного происхождения определяется не столько достоверностью описываемых событий, что, безусловно, также является важным для исторической науки, сколько возможностью оценочного подхода к информации и последующего её переосмысления.

Важным компонентом источниковой базы выступает периодическая печать, где фиксировалась разносторонняя, оперативная, но отобранная и систематизированная информация, которая предназначалась для осведомления общественности о главных событиях, имевших место в стране и за рубежом. Традиционно данную группу источников делят на газеты и журналы, помимо которых значимыми являются материалы фонда Дальневосточного регионального центра ИТАР – ТАСС (Ф. Р – 1036 ГАХК).

На страницах центральной прессы большое внимание уделялось публикации сведений, имевших общегосударственное значение, т.е. материалов и докладов высшего руководства страны на партийных съездах и пленумах, официальных сообщений ЦК КПСС, Совета Министров СССР, Министерства иностранных дел СССР. Информационно-аналитические материалы, отражавшие результаты производственной деятельности в ведущих отраслях промышленности Дальнего Востока РСФСР, интервью с партийными, советскими представителями власти краёв, областей, районов, хозяйственными руково-

дителями заводов и фабрик, строительных управлений, представителями первичных партийных и профсоюзных организаций, бригадирами, мастерами участков, мнение общественности представляли региональные издания, одновременно, дублируя указанные выше материалы общесоюзного характера. Тематическая информация публиковалась в отдельных рубриках. Соответственно ведомственные издания концентрировали внимание на внутренних проблемах производственного и социального характера, отражая результаты выполнения плановых показателей, различных мероприятий воспитательного характера, особенно среди молодых рабочих, их участие в организации починов, социалистического соревнования и др.

Несмотря на идеологическую направленность советской прессы в целом, периодические издания широко раскрывают информационное пространство «эпохи застоя», помогая понять общественно-политическую атмосферу и социально-экономическую обстановку этого исторического отрезка времени. Их комплексное использование существенно дополняет архивные документы.

Всестороннее исследование документальной базы по рассматриваемой проблеме свидетельствует, что информация о развитии промышленности советского Дальнего Востока носила разрозненный характер, не всегда способствуя формированию достоверного, комплексного представления о его динамике, положении дел в народном хозяйстве страны, роли в укреплении международных торгово-экономических отношений.

Представленный комплекс опубликованных документов, материалов, архивных источников рассредоточен по разным архивам и имеет ряд особенностей, связанных с ведомственным, территориальным комплектованием, обработкой и последующим хранением. Обеспеченность источниками по представленной теме нельзя признать исчерпывающей, поскольку многие документы (например, отдел тяжёлой промышленности и энергетики ЦК КПСС и др.) по-прежнему являются недоступными для исследования, так как сохраняют статус секретности.

Тем не менее источниковая база отражает многообразную структуру, разноуровневую типологию данных, раскрывает значительный исторический опыт социально-экономического развития дальневосточных территорий. Научно-практическая направленность сохранившейся информации позволяет с разной степенью полноты осветить исследуемую проблему, сопоставить ряд исторических факторов и данных, выявить сущность основных процессов, общие и частные тенденции, механизмы и исторические последствия в развитии индустриального потенциала региона периода 1965–1985 гг. Интеграция содержания документальной базы и

разнообразных методов её обработки способствует воссозданию наиболее полного и объективного представления о развитии промышленности Дальнего Востока РСФСР, взаимодействии его инфраструктур, состоянии социальной составляющей.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Александров-Агентов, А.М. От Колонтай до Горбачёва: Воспоминания дипломата, советника А.А. Громыко, помощника Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко и М.С. Горбачёва / А.М. Александров-Агентов. – М., 1994.
2. Алексей Клементьевич Чёрный : сб. воспоминаний. – Хабаровск, 2013.
3. Амурские арсеналы: история завода «Дальдизель». – Хабаровск, 1974.
4. Афанасьев, П.Я. Здесь начинается Россия. Записки секретаря обкома / П.Я. Афанасьев. – М., 1967.
5. БАМ: через годы, через расстояния : сб. архив. док. из истории строительства Восточного участка Байкало-Амурской магистрали. – Хабаровск, 2014.
6. Байбаков, Н.К. От Сталина до Ельцина / Н.К. Байбаков // Собр. соч. В 10 т. Т. 5. – М., 2011.
7. Байбаков, Н.К. Сорок лет в правительстве / Н.К. Байбаков. – М., 1993.
8. Брежнев, Л.И. Ленинским курсом. Речи и статьи / Л.И. Брежнев. Т. 6. – М., Политиздат, 1978.
9. Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1965.
10. Гайдар, Е.Т. Дни поражений и побед / Е.Т. Гайдар. – М., 1997.
11. Государственный пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1971–1975 гг. – М., 1972.
12. Гришин, В.В. От Хрущева до Горбачева: Политические портреты пяти генсеков и А.Н. Косыгина: Мемуары / В.В. Гришин. – М., 1996.
13. Историческая хроника Магаданской области. События и факты. 1917–1972. – Магадан, 1975.
14. Ковтун, А.М. Партийная организация и реформа / А.М. Ковтун. – Хабаровск, 1968.
15. Колесников, Н.И. Восемнадцать лет на Сахалине. К политическому портрету Павла Артёмовича Леонова / Н.И. Колесников // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск. – 1993. – № 3. – С. 109–133.
16. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т 10. – М., 1972.
17. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. – М., 1987.
18. Косыгин, А.Н. Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства / А.Н. Косыгин. – М., 1965.
19. Кучинский, В.Л. Сила бригадного подряда / В.Л. Кучинский. – Хабаровск, 1987.
20. Летопись городской власти: документально-публицистическое повествование к 80-летию Комсомольска-на-Амуре. – Хабаровск, 2012.
21. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27–28 января 1987 г. – М., 1987.
22. Нагайцев, Э.Р. «Арсенал» – «Дальдизель» (1902–002) / Э.Р. Нагайцев. – Хабаровск, 2002.
23. Народное хозяйство РСФСР в 1975 году: стат. ежегод. – М., 1976.
24. Народное хозяйство РСФСР в 1980 году: стат. ежегод. – М., 1981.
25. Народное хозяйство РСФСР в 1985 году: стат. ежегод. – М., 1986.
26. Народное хозяйство Хабаровского края в 1979 г. : стат. сб. – Хабаровск, 1980.
27. План развития народного хозяйства Хабаровского края на 1966–1970 гг. – Хабаровск, 1968.
28. Показатели социального развития Российской Федерации и её регионов. – М., 1993.
29. Показатели экономического развития автономных республик, краёв и областей РСФСР. – М., 1986.
30. Повесть труда и исканий. Становление и развитие Приморского деревообрабатывающего комбината. Страницы истории (из серии «История фабрик и заводов Приморья»). – Владивосток, 1973.
31. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. документов за 50 лет. Т. 6 (доп.). 1966 – январь 1968 гг. – М., 1968.
32. Руководители Хабаровского края (1938–1998 гг.) : сб. истор. справок. – Хабаровск, 1998.
33. Рыжков, Н.И. Десять лет великих потрясений / Н.И. Рыжков. – М., 1995.
34. Сахалинская область в цифрах за 1946–1966 годы : стат. сб. – Южно-Сахалинск, 1967.
35. Социалистическое строительство на Сахалине и Курильских островах (1946–1975 гг.) : сб. док. и матер. – Южно-Сахалинск, 1982.
36. СССР в цифрах в 1970 году. – М., 1970.
37. Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. – М., 1988.
38. Строительный комплекс Хабаровского края. Шаги во времени : сб. док. государственного архива Хабаровского края из истории строительства в Хабаровском крае. – Хабаровск, 2010.
39. Ткачук, А.И. Реформа в действии / А.И. Ткачук, М.Е. Гомон, В.Т. Шлягев. – Хабаровск, 1969.
40. Товарищ Дальзавод. – Владивосток, 1975.
41. Труд в промышленности РСФСР : стат. сб. – М., 1991.
42. Хабаровский край. Год 1969. Люди. События. Факты. – Хабаровск, 1970.
43. Хроника. Хабаровский край. Годы и события. 1938–2008 гг. – Хабаровск, 2008.
44. Чёрный, А.К. Остаюсь дальневосточником. Воспоминания / А.К. Чёрный. – Хабаровск, 1998.
45. Швейная фабрика: годы и люди (50 лет Биробиджанской швейной фабрике). – Хабаровск, 1982.
46. Экономические стимулы в действии / под ред. П.Г. Бунича и А.В. Сигиневича. – Хабаровск, 1974.

ОБРАЗОВАНИЕ ЭСЕРОВСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РЕГИОНЕ ДО ФЕВРАЛЯ 1917 г.

В.Л. Кузьмин

С.М. Нечитайлов

Кузьмин Василий Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения, доцент (г. Хабаровск).

Контактный адрес: kvl-14@yandex.ru

Нечитайлов Сергей Максимович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения, доцент (г. Хабаровск).

Контактный адрес: history@festu.khv

В данной статье рассматривается история образования Партии социалистов-революционеров, а также её организаций на Дальнем Востоке. Авторы подробно анализируют программу партии и её социальный состав. Изучается влияние особенностей региона и его социальный состав на популярность партии среди местного населения. Авторы исследуют деятельность дальневосточных организаций Партии социалистов-революционеров с начала XX в. до февраля 1917 г.

Ключевые слова: аграрная программа, Дальний Восток, интеллигенция, крестьянство, организации, партия, полиция, пролетариат, социал-демократы, социалисты-революционеры, террор.

Процесс образования политических партий в России и Западной Европе развернулся в эпоху развития капитализма. Однако, в отличие от Европы, в России в конце XIX в. политическая система не соответствовала уровню экономического развития. Самодержавная власть, являвшаяся пережитком феодализма, и исключала возможность существования легальных партий. Поэтому первыми в России возникли революционные партии: Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП), а вслед за ней – партия социалистов-революционеров (ПСР), процесс образования которой затянулся с 1902 по 1905 г. Из неё впоследствии выделились народные социалисты (энесы), а затем и левые эсеры (1917 г.).

ПСР была продолжателем традиций народничества и, в первую очередь, идей «чёрного передела», а также тактики индивидуального террора организации «Народная воля» [9: с. 26–29]. Первые организации эсеров в России возникли в середине 90-х гг. XIX в. («Союз русских социалистов-революционеров» в Берне, «Союз социалистов-революционеров» в Саратове и др.). Оживление общественно-политической жизни в стране способствовало объединению эсеровских групп в единую партию, о чём было объявлено в 1902 г. в газете «Революционная Россия». Однако из-за постоянных преследований полиции, Учредительный съезд, на котором

была принята программа партии, состоялся на рубеже 1905–1906 гг. Лидерами ПСР стали В.М. Чернов, А.Р. Гоц, Г.А. Гершуни и др.

Своей конечной целью ПСР ставила «экспроприацию капиталистической собственности и реорганизацию производства и всего общественного строя на социалистических началах», а в случае надобности – установление временной революционной диктатуры. Главной силой в борьбе с самодержавием партия видела пролетариат, крестьянство и интеллигенцию, не выделяя рабочий класс в качестве ведущей силы революции [20: с. 20].

В вопросах политического устройства эсеры требовали: установления демократической республики с широкой автономией областей; признания за всеми нациями права на самоопределение; прямого, тайного, равного, всеобщего права голоса для всякого гражданина с 20 лет без различия пола, религии и национальности; пропорционального представительства; прямого народного законодательства; выборности, сменяемости и подсудности всех должностных лиц; свободы совести, слова, печати, собраний, рабочих стачек и союзов; всеобщего гражданского равноправия; неприкосновенности личности и жилища; отделения церкви от государства; установления обязательного равного для всех общего светского образования за государственный счёт; равноправия языков; бесплатности

судопроизводства; уничтожения постоянной армии и замены её народным ополчением [20: с. 21].

В вопросах рабочего законодательства ПСР намеревалась установить законодательный максимум рабочего времени: 8-часовой рабочий день для большинства отраслей и меньший в более опасных для здоровья производствах. Также программа партии включала такие требования, как минимум заработной платы, организация страхования (как за счёт государства, так и за счёт предпринимателей), охрана труда (в том числе запрет работы малолетних до 16 лет, ограничение работы несовершеннолетних и т.п.), разрешение деятельности профсоюзов и расширение их участия в управлении производством. Вместе с тем эсеры считали, что пока рабочий класс является революционным меньшинством, их партия будет бороться лишь за такие перемены, «которые будут развивать и усиливать его сплочённость и способность к освободительной борьбе» [20: с. 20, 22–23]. В то же время (и это одно из самых интересных мест в их программе) партия предостерегала рабочий класс против «государственного социализма», который является отчасти «...своеобразным государственным капитализмом, сосредоточивая различные отрасли производства и торговли в руках правящей бюрократии ради её фискальных и политических целей» [20: с. 24]. Уже тогда ПСР видела опасность полного огосударствления производства и роста правящей бюрократии при социализме.

Эсеровская модель социализма основывалась на хозяйственной и политической демократии, которая должна была выражаться через профсоюзы, кооперативные союзы и демократическое государство в лице парламента и органов самоуправления [13: с. 157].

Самой важной частью программы эсеров был вопрос о земле. Всех жителей деревни они называли крестьянами, не делая разницы между сельским батраком, лишившимся земли, и зажиточным крестьянином. Эсеры выдвинули программу социализации всех частновладельческих земель, т.е. «изъятие их из частной собственности отдельных лиц и переход в общественное владение и в распоряжение демократически организованных общин и территориальных союзов общин на началах уравнительного пользования». Между пользователями (крестьянами) земля должна перераспределяться без выкупа на основе трудовой и потребительской норм, чем достигалась уравнительность в землепользовании. В юридическом отношении – это ликвидация права частной собственности на землю. Фактически эсеры позаимствовали идею «чёрного передела» у народников.

Эта теория составляла национальную особенность эсеровского демократического социализма. Её исходная идея заключалась в том, что социа-

лизм в России, благодаря общинной психологии крестьян, должен начать произрастать раньше всего в деревне [13: с. 157]. Таким образом, под «социализацией» земли эсеры понимали уничтожение частной собственности на землю при уравнительном её распределении между крестьянами. Однако исследователь О.В. Коновалова считает, что в юридическом отношении аграрная программа эсеров является не ликвидацией, а «децентрализацией» права частной собственности на землю, когда право пользоваться землёй имеет каждый гражданин, а право владеть и распоряжаться ею принадлежит общественным организациям (от общин до центральных органов власти) [15: с. 55].

До осуществления социализации земли эсеры предлагали следующие переходные меры: расширение прав общин по экспроприации частновладельческих земель; конфискацию монастырских, удельных, кабинетских земель и передачу их в ведение общин и на нужды расселения и переселения и т.п. [20: с. 23 – 24].

Благодаря уравнительным лозунгам, эсеры пользовались огромной популярностью в деревне. Однако при уравнительном переделе рано или поздно в крестьянстве в силу экономического и физического неравенства должны были выделиться наиболее крепкие хозяева и бедняки. В этом программа ПСР была неосознанной программой развития буржуазного строя в деревне, хотя в теории эсеры стояли на позициях устойчивости крестьянских хозяйств, их способности противостоять конкуренции со стороны крупных хозяйств [15: с. 55].

Проведя программу социализации земли без национализации средств сельскохозяйственного производства, эсеры занимались самообманом и вводили в заблуждение крестьян. Развитие рыночных отношений в деревне вело к дальнейшей социальной дифференциации крестьянства. В результате этого зажиточная часть крестьянства неизбежно выступила против уравнительного передела земель, а эсеры – против аграрной реформы П.А. Столыпина. Остановить в условиях развития капитализма концентрацию земли в руках сельской буржуазии и обезземеливание бедноты уравнительное землепользование не могло. Аграрная программа ПСР несла противоречие в самой себе. Ошибкой также была попытка эсеров считать крестьянскую общину «зародышем социализма» в условиях её разложения и развития капитализма в деревне. Кроме того, община консервировала феодальные отношения в деревне и помогала царской администрации в сборе налогов и подавлении крестьянских протестов.

Социализация земли создавала предпосылки для обобществления земледельческого производства с помощью различных форм кооперации. Чем больше столыпинская реформа подрывала общину, тем

сильнее эсеры обращались к кооперации. Они утверждали, что кооперация будет способствовать организации и накоплению сил крестьянства, отвратит их от стихийных неорганизованных выступлений. Кроме того, они подчёркивали, что кооперация позволит крестьянству не забывать о его противоречии с господствующими классами, так как сам рост кооперации «состоит в непрерывной борьбе с эксплуатацией» [13: с. 173]. Эсеровские идеи о кооперации базировались на концепции «кооперативного социализма», авторами которой были Бернштейн, Давид, Фальмар, Герц и др. В рамках народнически-эсеровской концепции кооперация воспринималась как средство освобождения крестьян от эксплуатации помещиков и буржуазии и, чуть ли, не путь к социализму в деревне. Такой подход вызвал критику со стороны В.И. Ленина, который считал главным рычагом переустройства общества классовую борьбу в различных её формах [18: с. 395–396].

В вопросах финансовой политики эсеры были сторонниками введения прогрессивного налога на доходы и наследства при уничтожении налога на мелкие доходы и косвенных налогов (исключение – на предметы роскоши), покровительственных пошлин и других налогов. В вопросах местного управления ПСР отстаивала развитие общественных служб (бесплатная медицинская помощь, земско-агрономическая организация, коммунализация водоснабжения, освещения, путей и средств сообщения и т.п.); предоставление городским и сельским общинам широких прав по обложению недвижимых имуществ и принудительному отчуждению их; поощрение развития кооперации [20: с. 21–22, 24]. Страхование от безработицы, кооперацию, коммунальную политику и другие подобные меры эсеры считали ячейками социализма. Эсеровский социализм находился в тесной связи с представлениями о социализме Бакунина и Прудона. Социализация промышленности и земли у эсеров была неотделима от децентрализации и направлялась на превращение народного хозяйства в систему автономных экономических единиц.

Ближайшей целью партия считала созыв Земского собора (Учредительного собрания), избранного всем народом без различия пола, сословий, национальности и религии, для ликвидации самодержавия [20: с. 24–25]. В дальнейшем эсеры планировали провести через этот орган свою программу, которая представляла собой компиляцию общедемократических лозунгов с неонародническими социалистическими взглядами. Противоречивость программных установок ПСР объяснялось вхождением в партию групп, стоящих на различных позициях по отношению к революционному процессу в России. Это была комбинация из взглядов теорети-

ков российского «общинного» социализма А.И. Герцена и Н.П. Огарёва, народничества, анархизма и некоторых положений марксизма. Но стержень программы составляли идеи революционного народничества. Тем не менее всё это сказалось на дальнейших расколах в партии и колебаниях их тактики. Местные эсеровские организации формировались по территориальному принципу. Структурно каждая организация обычно состояла из союза пропагандистов, агитаторской сходки и технических групп (типографской и транспортной), которые занимались изданием, хранением и распространением литературы. Организации создавались по вертикальному принципу: вначале образовывался комитет, а его члены уже формировали низшие подразделения [13: с. 150–151]. Связи между местными партийными организациями и центром, а также между самими местными организациями были слабыми.

Партия эсеров использовала все легальные и нелегальные виды политической борьбы: пропаганду, агитацию, парламентскую работу, стачки, бойкоты, вооружённые демонстрации и восстания, но в первую очередь – террор. Ещё в январе 1902 г. в газете «Революционная Россия» руководство ПСР заявило о своем твердом намерении начать неизбежную и необходимую террористическую деятельность, как только она сочтет её своевременной. Вначале эсеры рассматривали террор как продолжение традиций «Народной воли». Однако распространение марксистской доктрины требовало пересмотра идеи террора. Согласно марксизму двигателем истории является не отдельный человек, а массовые движения. Да и физическое уничтожение любого индивидуума, независимо от его значимости, не может оказать влияние на историческое развитие. Следуя этим установкам, эсеры обосновывали необходимость террора как средства революции масс. Кроме этого, с точки зрения руководства ПСР, террор должен был защищать революционное движение и вносить страх и дезорганизацию в правительство. Однако на деле большинство террористических актов эсеров были скорее актами мести, а боевики старались выбрать наиболее заметные мишени.

В 1904 г. Центральным комитетом ПСР для подготовки и проведения террористических акций был основан специальный отряд, известный как Боевая организация (БО). В её уставе были обозначены цели террора: дезорганизация власти и её устрашение до осознания правительством невозможности сохранить самодержавный строй, устранение наиболее преступных и опасных представителей власти, месть врагам народа и свободы. Также на БО возлагались подготовка вооружённого сопротивления властям и организация вооружённых демонстраций [22: с. 56]. 15 июля 1904 г. ЦК

ПСР выпустил в Париже прокламацию на французском языке «Ко всем гражданам цивилизованного мира», в которой порицался террор, как тактика борьбы в свободных странах. Однако в России, где господствует деспотизм и отсутствует открытая политическая борьба, насилию тирании должна противопоставляться сила революционного права, — подчёркивалось в документе [22: с. 60].

Среди террористических методов эсеров было использование динамитных поясов, которые исполнители терактов должны были прикреплять к телу под одеждой, похищение людей, «экспроприации» [19: с. 167, 359].

Эсеры приняли активное участие в Декабрьском вооружённом восстании 1905 г. в Москве, хотя некоторые лидеры партии, в частности В. Чернов, были против выступления. Но и здесь эсеры обратились прежде всего к террору [9: с. 61].

Кроме БО действовал Северный летучий боевой отряд Трауберга. Им планировалось бросить бомбу в правую секцию Государственного совета, где сидели консерваторы и министры, а также убить тем же способом военного министра А.Ф. Редигера во время заседания Военного совета. Однако эта группа была раскрыта полицией (семь террористов были приговорены к смерти и повешены).

Ещё одной известной эсеровской террористической организацией был Боевой отряд при ЦК ПСР под руководством Льва Зильберберга, созданный как замена БО. Первым его успехом стало убийство 3 января 1907 г. В.Ф. фон дер Лауница Евгением Кудрявцевым. Однако в ходе подготовки покушения на царя группа была раскрыта, летом 1907 г. трое были приговорены к смерти, пятнадцать — к различным срокам каторжных работ. ЦК ПСР опубликовал своё отречение от связи с этой группой. И это было не единственное отречение ЦК ПСР. Партия отреклась от убийства отца Георгия Гапона 28 марта 1906 г., исполненного Петром Рутенбергом и несколькими рабочими.

Для эсеров террор стал самодовлеющим средством борьбы и как тактика заслонил даже стратегию. С 1902 по 1911 г. эсерами было совершено более 200 террористических актов, объектами которых стали 2 министра, 33 губернатора, генерал-губернатора и вице-губернатора, 16 градоначальников, начальников охранных отделений, полицмейстеров, прокуроров, помощников прокуроров, начальников сыскных отделений, 24 начальника тюрьмы, начальника каторги, тюремного управления, околоточных и тюремных надзирателя, 26 приставов, 8 присяжных поверенных, 26 провокаторов. Среди участников террористических актов было 62 рабочих, 14 представителей интеллигенции, 9 крестьян, 18 учащихся [9: с. 75]. Трагической ошибкой Боевой организации было обособление от

ЦК и полная внутренняя самостоятельность, что увеличивало вероятность трагического исхода борьбы. Скандалом для партии стало разоблачение в 1911 г. руководителя Боевой организации Евно Азефа как полицейского провокатора [19: с. 167].

В то же время некоторые теракты показали, что и рядовые граждане не могли себя чувствовать в безопасности (в ходе покушения на генерал-лейтенанта Неплюева из-за преждевременно разорвавшейся бомбы, кроме бомбометателя, погибло шесть человек и ранено тридцать семь человек). Начиная с 1905 г. жертвами эсеровского террора становятся менее заметные фигуры: полицейские агенты, городские, жандармы, тюремные надзиратели, военные, управляющие фабриками, сторожа и дворники. На собрании специальной боевой дружины при Санкт-Петербургском комитете ПСР, состоявшемся 14 сентября 1906 г. в Финляндии, это объяснялось необходимостью поддержания боевого духа в дружинах. Проводились и массовые убийства: в Екатеринославе и Одессе эсеры бросали бомбы в проходящие военные патрули, в Гомеле — в казаков, была подложена бомба под вагон с низшими чинами жандармерии (при взрыве некоторые были ранены). Иногда теракты эсеров укладывались в рамки экономической борьбы (в 1905 г. в Риге эсеры убили десятки управляющих и директоров фабрик, которых считали виновными в тяжёлых условиях труда, на Кавказе весной 1907 г. во время забастовки каспийских матросов в Баку распространяли листовки с угрозами нанимателям, отказавшимся принять рабочих обратно на службу). Но это, скорее, были исключения. В целом следует отметить, что тактика террора эсеров не достигла своих целей [17: с. 375; 18: с. 380 — 383].

В борьбе против самодержавия ПСР и её БО шли даже на беспринципные политические шаги, такие как получение помощи от Японии в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. и последующие годы. К этому относится организация экспедиции корабля «Джон Графтон» (в июне — июле 1905 г. была осуществлена закупка оружия и взрывчатки на сумму 1 млн франков за счёт пожертвований американских бизнесменов или даже японского правительства). Однако судно село на мель в Балтийском море вблизи Петербурга и было взорвано экипажем, а большинство его груза попало в руки полиции. Следует помнить, что эта экспедиция снаряжалась в период Русско-японской войны на Дальнем Востоке. Япония в это время устанавливала связи с русскими революционерами и оппозиционными деятелями и оказывала им финансовую помощь [22: с. 93–94; 24: с. 35].

Несмотря на трагические ошибки, террористические действия эсеров создавали им ореол героев-мучеников в глазах народа, прежде всего, максима-

листски настроенной молодёжи. Аграрная программа ПСР привлекала крестьян, так как соответствовала их эгалитарным представлениям о разделе земли и социальной справедливости. Но самую большую популярность им принёс лозунг о движущих силах революции. Утверждение о стирании границ между рабочими, крестьянами и интеллигенцией на основании того, что эти классы живут на трудовые доходы, принесло эсерам популярность в широких массах. Эсеровское же положение о так называемом «триедином классе» завоевало им влияние среди крестьян, интеллигенции и частично рабочих, и сделало их на некоторое время самой многочисленной российской партией. И всё же создание платформы, основанной на переплетении различных, даже противоположных социалистических учений, имело отрицательные последствия. Партия эсеров не была единой, в ней происходили расколы вплоть до выделения самостоятельных партий. Но, тем не менее, эсеровская программа в условиях самодержавного режима имела общедемократический характер.

Еще на первом съезде (23 декабря 1905 – 4 января 1906 г.) в ПСР выделилось правое крыло, которое в 1906 г. откололось в самостоятельную партию, назвавшуюся партией народных социалистов (энесов). Её возглавляла группа известных журналистов и писателей, объединившихся вокруг литературного журнала «Русское богатство». Лидером партии стал А.В. Пешехонов. В 1917 г. они объединились с трудовиками в Трудовую народно-социалистическую партию. Ещё на I съезде ПСР энесы выступали против программы социализации земли, считая, что крестьянам нужна только прибавка земли. В аграрном вопросе они стояли на точке зрения так называемого «проекта 104-х», предложенного фракцией трудовиков в I Государственной Думе. Помещичьи земли, по мнению трудовиков, превышающие трудовую норму, должны были подлежать национализации [14: с. 56–58].

В вопросах тактики энесы были непримиримыми противниками террора и восстаний. Пытаясь утвердить за собой статус единственной легальной социалистической партии, её члены отдавали предпочтение легальным средствам борьбы, прежде всего, предвыборной агитации и работе в Думе [14: с. 63].

Энесов поддерживала часть интеллигенции и крестьянства. Количество членов их партийных организаций было значительно меньше, чем эсеровских. Отделившись от эсеровской партии, заняв более умеренные позиции и встав на путь исключительно легальной политической деятельности, партия энесов обрекла себя на прозябание во втором эшелоне складывающейся партийной системы. Ей пришлось довольствоваться лишь незначительным оттоком членов ПСР.

В то же время на I съезде из состава партии вышла левая группировка, которая потребовала сразу же приступить к реализации программы-максимум. Она признавала только террор, экспроприации и т.д. Эта группировка образовала «Союз социалистов-революционеров-максималистов». По своим программным требованиям она стояла на позициях, близких к анархистам.

ЦК ПСР выступал за бойкот I Государственной думы, хотя некоторые эсеровские лидеры связывали с её созывом определённые надежды и предполагали, что кадеты, получившие в Думе большинство голосов, поведут себя самым революционным образом. Во II Думе эсеры не отвергали возможность блока с кадетами и продемонстрировали всю противоречивость своего поведения. Жандармский полковник А. Спиридович писал в своих мемуарах, что эсеры плелись за кадетами, помогая им террором. Недаром они заработали прозвище «кадеты с бомбой» [9: с. 60–66].

На Дальнем Востоке первые организации политических партий появились не намного позже, чем в центре России. Долгое время Дальний Восток был местом политической ссылки. Здесь отбывали срок эсеры и социал-демократы, которые проводили агитацию среди населения. Так, известная эсерка-террористка Мария Спиридонова (будущий лидер партии левых эсеров) до февраля 1917 г. отбывала каторгу в Забайкалье. Столь раннее появление представителей этих партий в регионе и их активные действия позволили им обрести единомышленниками и привели к возникновению местных партийных организаций.

Особенности заселения и освоения Дальнего Востока сказались на своеобразии социального состава местного населения, повлиявшего на расстановку политических сил в крае. Большую часть населения региона составляло крестьянство, которое было намного обеспеченнее, чем в центре страны. Даже бедняки на Дальнем Востоке нанимали работников на период сельскохозяйственных работ. Разительным было отличие социальных групп дальневосточного крестьянства от центральной России и в количественном плане. В 1917 г. бедняки на Дальнем Востоке составляли 33 % крестьян, середняки – 45 %, а зажиточные крестьяне – 22 %, тогда как в центре России соотношение было соответственно 65, 20 и 15 %. Но, несмотря на эти оптимистические цифры, а также отсутствие помещичьего землевладения, дальневосточных крестьян также беспокоило решение аграрного вопроса [5: с. 11].

Значительную часть земель в регионе составляли кабинетские (около 68 млн га в Сибири и на Дальнем Востоке, включая горнорудные, лесные, пахотные и сенокосные угодья), церковно-монашеские (200 тыс. десятин) и казачьи (амурским и

уссурийским казакам, получившим по 30 десятин земли на мужскую душу и по 10 десятин в запасной станичный фонд, в 1894 г. по указу Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского было предоставлено ещё 14,8 млн десятин земель по Амуру и Уссури – так называемый «отвод Духовского»). В руках крестьянства также было немало земель. На Дальнем Востоке, в зависимости от размера земельного надела, крестьян можно было разделить на две группы: «стодесятинники» (или «старожилы»), прибывшие в 1861–1900 гг. и получившие по 100 десятин на семью), и «новосёлы» (переселившиеся в регион после 1900 г., которым предоставлялся надел далеко не лучших земель по 15 десятин на мужскую душу). Нехватка земли порождала недовольство крестьян-«новосёлов» и вела к распространению аренды как у представителей своего сословия, так и у казаков. Под давлением дальневосточного крестьянства правительство издало 3 апреля 1910 г. закон об использовании для наделения крестьян землёй на Дальнем Востоке «отвода Духовского», но это решение саботировалось казаками [16: с. 32–38].

В отличие от центральной России, доля пролетариата в населении Дальнего Востока была значительно меньше. Связано это, в первую очередь, с поздним заселением региона и развитием промышленности, которая сосредоточивалась в нескольких центрах. Самым крупным таким центром был Владивосток; в других частях края основная масса рабочих сосредоточивалась на железной дороге, в золотодобывающей, угольной и горнорудной промышленности. Постоянные кадры рабочих формировались за счёт притока квалифицированных специалистов из городов Европейской России, демобилизованных матросов и солдат, крестьянской бедноты, политических поселенцев, ремесленного и промыслового населения Дальнего Востока. По подсчётам современных исследователей, численность пролетариата в регионе составляла приблизительно 21 тыс. человек (советские исследователи называли цифру 125–130 тыс. постоянных рабочих и 120 тыс. сезонных) [4: с. 102; 10: с. 98–120; 12: с. 276–283; 16: с. 62; 21: с. 21].

Представители привилегированных сословий составляли незначительную часть населения Дальнего Востока. В 1907 г. на территории Приморья, Приамурья, Сахалина и Камчатки насчитывалось менее 8 тыс. дворян, около 760 духовных лиц, 8,3 тыс. потомственных и личных граждан и более 2,4 тыс. купцов [16: с. 45].

Первые партийные объединения на Дальнем Востоке сложно назвать организациями. Скорее это были небольшие законспирированные группы представителей определённых партий, постепенно обрастающие единомышленниками. Группы ПСР

на Дальнем Востоке возникли практически одновременно с РСДРП.

В октябре 1906 г. эсеровские группы уже существовали во Владивостоке, Никольск-Уссурийском и Хабаровске. К концу 1906 г. были образованы эсеровские группы в Харбине и Благовещенске [3: с. 116; 7, л. 1].

Эсеры стали самой массовой организацией социалистической ориентации в Приамурском крае. Однако из-за постоянных преследований правительства вплоть до февраля 1917 г. партия вела нелегальное существование. Поэтому данных о численности дальневосточных организаций эсеров за период до февраля 1917 г. нет. А после Февральской революции партия стала самой массовой за счёт «мартовского» пополнения, хотя, по мнению исследователей Н.А. и Н.Д. Бугениных, их численность в Приморской области на ноябрь 1917 г. вряд ли превышала тысячи – полторы тысячи членов [2: с. 41].

Они пользовались популярностью среди крестьян, казачества, демократической интеллигенции, служащих, офицеров армии и флота и части рабочих, особенно приисковых с их авантюризмом и желанием получить немедленный результат. Дальневосточные эсеры нередко действовали совместно с социал-демократами в рамках тактики «левого блока». Под их руководством в городах были проведены нелегальные и полуполигальные маёвки, организованы забастовки и демонстрации, на которых выдвигались требования ввести 8-часовой рабочий день, улучшить условия труда и быта [8, л. 48–50; 21: с. 146]. Однако, уже в этот период на Дальнем Востоке эсеры проявляли свою непоследовательность. Их действия стали причиной разрыва в 1905 г. с благовещенскими социал-демократами во время выборов в Государственную думу, когда выяснилось, что эсеры поддерживали кадетских кандидатов и прибегали к клевете в предвыборной кампании [8, л. 42].

Эсеры приняли активное участие во владивостокском выступлении в январе – феврале 1906 г. После его подавления часть дальневосточных эсеров эмигрировала в Японию, где к началу осени 1906 г. основала в Нагасаки заграничный Автономный комитет, состоявший из 20 чел. [7, л. 2]. Комитет стал центром эсеровской пропаганды. Им издавалась газета «Воля», которая распространялась на Дальнем Востоке [1: с. 174]. По сведениям работников МИДа, представителей Министерства финансов, а также российских военных агентов, эсеры развернули широкую деятельность на территории Японии и оттуда пытались осуществлять поддержку ячейкам своих партий, находившихся в Приамурском генерал-губернаторстве. В Нагасаки была организована слежка за эмигрантами-революционерами, а российский консул З.М. Поляновский через секретных со-

трудников среди местной колонии эсеров оказал помощь начальнику Владивостокского охранного отделения и руководству края в противодействии местным организациям ПСР [23: с. 47].

В Нагасаки оказался видный деятель партии Борис Дмитриевич Оржих, известный также под псевдонимами Анатолий Павлович, Глеб Владимирович, Моисеев, Константин Антонович и Константинов. После отбытия ссылки в Приамурском крае в 1900 г. ему было разрешено жить во Владивостоке, а в мае 1902 г. и в сентябре 1903 г. – проводить отпуск в Харбине. В годы первой русской революции пресса сообщала, что Оржих закупил в Японии оружие и боеприпасы для Владивостокских эсеров [25: с. 358]. В 1907 г. он эмигрировал в Японию, где вместе с Кларком и Подпахом основал типографию, в которой издавались эсеровские революционные листки (было издано сто номеров газеты «Воля»), и вёл пропаганду среди русских военнопленных [3: с. 116; 25: с. 358]. Однако отношение к Б.Д. Оржиху со стороны его соратников по партии было неоднозначным. Так известный разоблачитель полицейских провокаторов В. Бурцев укорял его за то, что в 90-х гг. XIX в. он втайне от товарищей подал прошение о помиловании и был выпущен на поселение. Впоследствии Б.Д. Оржих уехал в Южную Америку. По сведениям Владивостокского охранного отделения, выбыв из Нагасаки в Аргентину, Оржих оставил на имя Е.С. Батмановой ящик с нелегальной литературой. На её имя также ожидалось поступление денег из-за границы [6, л. 22].

Несмотря на правительственные репрессии, эсеровские организации продолжали действовать на российском Дальнем Востоке. 10–14 апреля 1907 г. в Приморской области состоялся съезд представителей дальневосточных эсеровских организаций [3: с. 116].

Активно действовала во время революции харбинская группа эсеров и её военная организация. Её члены провели на территории КВЖД ряд террористических актов, о чём свидетельствуют обвинительные акты по делу этой организации. Революционеры организовали 1 мая 1907 г. митинг, после чего среди них начались аресты. Обвинение было предъявлено 57 чел., из которых 7 чел. позже были освобождены [3: с. 116]. 18 и 20 декабря 1907 г. в Хабаровске и Владивостоке были проведены обыски на квартирах и задержаны члены ПСР и РСДРП, в январе была пресечена попытка кражи казённого золота, обнаружена и ликвидирована тайная типография эсеров [23: с. 48]. После репрессий деятельность эсеров временно затихла до 1917 г.

Определённая популярность эсеров на Дальнем Востоке объяснялась ещё и тем, что значительная часть дальневосточных крестьян участвовала в кооперации. Возникновение кооперации на селе было связано с разрушением натурального хозяйства и

развитием в деревне товарно-денежных отношений, а также борьбой крестьянства с торговцем-ростовщиком и перекупщиком. Сибирская кооперация, объединявшая к 1917 г. половину крестьянских хозяйств Сибири, представляла большую хозяйственную и общественную силу. В 1917 г. только потребительская кооперация Сибири и Дальнего Востока контролировала больше половины всего товарообмена региона. К 1919 г. она охватывала 65,2 % всех крестьянских хозяйств и 50,6 % всего населения региона [11: с. 4, 45, 92, 124]. К 1917 г. в Приамурье было кооперировано 54,3 % крестьянских и казачьих дворов, в Приморье – 34,5 %. Особенно активно росла потребкооперация. Если в Забайкалье, Амурской и Приморской областях в 1916 г. было 230 потребительских кооперативов, то к концу 1917 г. их стало 962 [11: с. 123; 12: с. 327]. Помимо снабжения населения товарами, потребкооперация занималась заготовкой и сбытом сельскохозяйственных продуктов и сырья. Одной из главных организаций потребкооперации являлся Закупсбыт (Общесибирский союз союзов потребительской кооперации), созданный в 1916 г. В Амурской области активно работал Союз Приамурских кооперативов. Он снабжал 400 местных кооперативов, а его прибыль в 1917 г. составила почти 260 тыс. руб.

Интересы крестьянского населения Сибири и Дальнего Востока защищали дальневосточные депутаты в III Государственной думе Н. Чиликин, А.И. Шило, которые стояли на позициях левых фракций. В.И. Ленин подчёркивал сближение трудящихся («Трудовой группы» – фракции в Государственных думах, объединявшей крестьянских депутатов народного толка, провозгласивших себя защитниками «трудящихся» слоёв – крестьян, рабочих и интеллигенции, в 1917 г. слились с народными социалистами) и эсеров в думе, в качестве выразителей стихийных стремлений крестьянства как могучей революционной демократии [14: с. 56–58; 26: с. 48–51]. В IV Государственной думе в эсеровской фракции работали дальневосточники А.Н. Русанов, И.М. Гамов.

До февральской революции ПСР и её дальневосточные организации вели нелегальное существование. После февраля 1917 г. выйдя из «подполья» партия эсеров за счёт ореола непримиримых борцов с самодержавием и защитников интересов крестьянства превратилась в самую массовую политическую партию России.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Билим, Н.А. Революционные события 1905–1907 гг. в крае / Н.А. Билим // Очерки истории родного края. – Хабаровск, 1993. – С. 165–176.
2. Бутенин, Н.А. «Демократическая контрреволюция» на Дальнем Востоке России (конец 1917 – конец 1918 гг.) / Н.А. Бутенин, Н.Д. Бутенин. – Уссурийск : Изд-во Дальне-

- восточного федер. ун-та (филиал в г. Уссурийске), 2013. – 180 с.
3. *Василенко, Н.А.* Деятельность русских революционеров на КВЖД в начале XX в. (до октября 1917 г.) / Н.А. Василенко // Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона (Первые Крушановские чтения, 1998 г.). – Владивосток, 2001. – С. 113–117.
4. *Галлямова, Л.И.* Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX – начале XX в. / Л.И. Галлямова. – Владивосток : Дальнаука, 2000. – 222 с.
5. Героические годы борьбы и побед (Дальний Восток в огне гражданской войны). – М. : Наука, 1968. – 390 с.
6. Государственный архив Хабаровского края. – Ф. И-30. – Оп. 1. – Д. 1.
7. Государственный архив Хабаровского края. – Ф. П-44. – Оп. 1. – Д. 75.
8. Государственный архив Хабаровского края. – Ф. П-44. – Оп. 1. – Д. 84.
9. Гусев, К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции (Исторический очерк) / К.В. Гусев. – М. : Мысль, 1975. – 383 с.
10. *Дубинина, Н.И.* Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти / Н.И. Дубинина. – Хабаровск : Изд-во Приамурского географического общества, 1997. – 208 с.
11. *Иванов, Б.В.* Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны / Б.В. Иванов. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1976. – 376 с.
12. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). – М. : Наука, 1991. – 471 с.
13. История политических партий России / Н.Г. Думова [и др.] ; под ред. А.И. Зевелёва. – М. : Высш. шк., 1994. – 447 с.
14. *Комин, В.В.* История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных политических партий в России / В.В. Комин. – Калинин : Изд-во Калининского гос. пед. ин-та им. М.И. Калинина, 1970. – 277 с.
15. *Коновалова, О.В.* В.М. Чернов и аграрная программа партии социалистов-революционеров / О.В. Коновалова // Отечественная история. – 2002. – № 2. – С. 43–60.
16. *Крушанов, А.И.* Победа Советской власти на Дальнем Востоке и в Забайкалье (1917 – апрель 1918 г.) / А.И. Крушанов. – Владивосток : Дальневосточное книжное издательство, 1983. – 232 с.
17. *Ленин, В.И.* Почему социал-демократия должна объявить войну социалистам-революционерам? / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 6. – С. 372–376.
18. *Ленин, В.И.* Революционный авантюризм / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 6. – С. 377–398.
19. *Николаевский, Б.Н.* История одного предателя / Б.Н. Николаевский. – М. : Высш. шк., 1991. – 368 с.
20. Программа партии социалистов-революционеров // Сборник программ политических партий в России. – Вып. III. – СПб., 1906. – С. 14–25.
21. *Ромас, А.А.* О формировании дальневосточного пролетариата накануне первой мировой войны / А.А. Ромас // Гражданская война на Дальнем Востоке России: итоги и уроки : тезисы док. и сообщ. междунар. науч. конф. – Владивосток, 1992. – С. 20–22.
22. *Савинков, Б.* Воспоминания террориста / Б. Савинков. – М. : Слово, 1991. – 272 с.
23. *Соколенко А.В.* Борьба с революционным движением на Дальнем Востоке России и проблемы взаимоотношения органов безопасности и высших должностных лиц Приамурского генерал-губернаторства / А.В. Соколенко // Дальневосточный фортпост. – 2014. – № 21. – С. 43–49.
24. *Старцев, В.И.* Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского / В.И. Старцев. – СПб. : Минерва, 1994. – 261 с.
25. *Щербак, В.А.* Знаменитые гости Владивостока. К 150-летию города / В.А. Щербак. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 2010. – 444 с.
26. *Яковлева, О.Я.* Дальневосточные депутаты в III Государственной думе / О.Я. Яковлева // Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории : материалы междунар. науч. конф. – Хабаровск, 1997. – С. 48–51.

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА АТАМАНА Г.М. СЕМЕНОВА В ВОСТОЧНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ (ИЮНЬ 1920 Г.)

Д.А. Ляхов

Ляхов Денис Алексеевич – ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук, заведующий сектором истории XVII – начала XX вв. Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова.

Контактный адрес: vispacem@list.ru

В статье рассматривается попытка реформирования атаманом Г.М. Семеновым системы органов власти в Восточном Забайкалье летом 1920 г. Автор показывает противоречивый характер проведенных мероприятий в рамках либеральной модели политического устройства при фактическом сохранении военной диктатуры.

Ключевые слова: Гражданская война на Дальнем Востоке, политический режим, атаман Г.М. Семенов.

В настоящее время руководство России, в условиях мирового кризиса, для адекватного ответа на вызовы времени вынуждено модернизировать не только экономические отношения внутри страны, но и ее политическую систему. В то же время различные оппозиционные группировки выступают с рядом своих предложений по данному вопросу. Выдвигаются многочисленные проекты реформ государственного управления от ультралиевых до монархических.

В данном ключе, по мнению автора, особенно интересны события Гражданской войны 1918–1922 гг. В ее ходе различные силы развернули борьбу за реализацию собственной модели постреволюционного устройства страны. В рамках изучения этого процесса большую значимость представляет исследование альтернатив политического развития Дальнего Востока в 1920–1922 гг. Для удержания власти на территории региона лидеры Белого движения в обозначенный период пошли на значительное изменение своих взглядов по вопросу о политическом устройстве. После поражения колчаковского режима они попытались отказаться от наиболее одиозных политических установок и начали процесс либерализации политических программ. Это относится не только к умеренному крылу антибольшевистских сил, но и к одному из наиболее одиозных лидеров противников коммунистов атаману Г.М. Семенову, который предпринял целый ряд мероприятий по изменению идеологической и политической составляющих своей власти.

Отечественная историография, посвященная режиму Г.М. Семенова в Восточном Забайкалье, достаточно обширна. В работах Б.М. Шерешевского [13, 14], В.И. Василевского [1, 2], В.В. Солина [9], Ю.Н. Ципкина [10, 11, 12], С.Н. Савченко [8], В.А. Кожевникова [7] вопросам, связанным с функционированием семеновского режима, уделено значительное внимание. Однако в них нет подробной характеристики законодательства и меро-

приятий по реформированию системы органов власти, подконтрольного атаману региона в 1920 г.

К лету 1920 г. генерал-лейтенант Г.М. Семенов, фактический правитель Восточного Забайкалья, остался единственным лидером Белого движения на Дальнем Востоке, сохранившим значительную военную силу и поддержку интервентов в лице Японии. В период правления А.В. Колчака он ориентировался на Японию, выступал за автономию Дальнего Востока и его превращение в теократическое панбуддистское государство, неоднократно обещал японским представителям льготные условия в торговле, промыслах, разработке полезных ископаемых в обмен на оружие и политическую поддержку. После падения колчаковского режима Г.М. Семенов был вынужден отказаться от идеи панбуддистского государства. Но прояпонская ориентация атамана полностью сохранялась. Вместе с тем в новых условиях он считал необходимым пойти на определенные уступки либеральным и правосоциалистическим элементам, признавая полезным создание подконтрольного себе представительного органа власти.

27 апреля 1920 г. Г.М. Семенов объявил о проведении выборов в «Народное краевое совещание» [6], а уже 28 апреля было введено в действие «Положение о выборах в Народное краевое совещание» [3]. Вновь созданный в Забайкалье представительный орган фактически не имел власти и полностью зависел от произвола главнокомандующего. На практике Народное краевое совещание, не обладая серьезными властными полномочиями, не могло повлиять на политическую ситуацию и не обладало авторитетом среди населения региона. Это прекрасно понимали и сами депутаты. Так, один из членов совещания А.В. Виноградов вынужден был признать: «Мы не можем смотреть на себя, как на действительных представителей народа, так как выборы происходили при страшно ненормальной обстановке, когда не знали, куда выбирают и для какой цели. При таком условии трудно создать кра-

еое совещание сколько-нибудь авторитетным... Необходимо провести принцип разграничения властей и чтобы краевое совещание являлось органом не законосовещательным, а законодательным» [5]. Соответственно крайне умеренные изменения политической системы, проведенные в апреле 1920 г., оказались неэффективными. Для упрочения власти необходимо было привлечь на его сторону либеральные и правосоциалистические круги. Таким образом, на повестке дня встал вопрос о более серьезных реформах по либерализации режима.

С этой целью в июне 1920 г. атаман провел гораздо более масштабную реорганизацию власти. 26 июня было издано «Положение о Краевом Народном Собрании Восточной Окraiны России», состоящее из 7 разделов и 59 статей. Согласно данному документу существующее в Чите Краевое народное совещание, образованное в апреле 1920 г., переименовывалось в Краевое народное собрание (КНС). Новый представительный орган учреждался для «обсуждения законодательных предположений, восходящих на утверждение главнокомандующего», т.е. лично Г.М. Семенова [4].

Краевое народное собрание должно было состоять из депутатов, избираемых на основании «Положения о выборах в Краевое народное совещание» от 21 апреля 1920 г. Новый представительный орган власти созывался и распускался исключительно указами атамана (ст. 3), который определял продолжительность сессий, перерывы в них, а также кворум (ст. 4, 7). Председатель собрания и один его товарищ избирались Собранием из числа его членов на срок, определяемый самими депутатами. По истечении указанного срока эти лица могли переизбираться вновь. Обо всех заседаниях председатель делал доклад главнокомандующему. Для решения общих вопросов под председательством председателя Собрания образовывался совет из товарища председателя, секретаря и одного из товарищей последнего. Для предварительной разработки законов депутаты имели право создавать различные комиссии. Председатели комиссий избирались членами тех же комиссий [4].

При вступлении в должность депутаты были обязаны дать торжественное обещание по следующей форме: «Мы, нижепоименованные, обещаем перед всемогущим богом исполнять возложенные на нас обязанности членов Краевого Народного Собрания по крайнему нашему разумению и силам, памятуя лишь о благе и пользе России, в удостоверение чего своеручно подписуемся» [4]. Члены Собрания обладали свободой высказывать мнения по делам, подлежащим их ведению. Депутаты получали ряд льгот: освобождение от воинской повинности; для привлечения к судебной ответственности требовалось специальное разрешение самого Собрания, если подо-

зреваемый не был задержан на месте преступления или на следующий день; привлечение к судебной ответственности «в порядке и на основаниях для привлечения к ответственности высших должностных лиц Государственного Управления». Члены Собрания выбывали из его состава, если:

- отказывались дать торжественное обещание;
- отказывались сами, причем отказ должен был письменно заверяться самим председателем;
- утрачивали русское подданство;
- поступали на действительную воинскую службу;
- назначались на гражданскую должность с определенным окладом;
- не посещали заседания в течение двух месяцев без отпуска [4].

Также депутаты отстранялись по суду за преступления, лишаящие избирательных прав или влекущие за собой отрешение от должности, а также становясь несостоятельным должником. Краевое народное собрание могло при необходимости отстранить любого своего члена специальным постановлением.

Каждый депутат получал ежегодное содержание и путевое довольствие на основании специальных правил. В случае избрания должностных лиц, состоящих на государственной службе, за ними сохранялись должности со всеми правами по государственной службе кроме содержания.

Секретарь Краевого народного собрания и его товарищ избирались из числа членов собрания на срок, определяемый самим собранием. По истечении данного срока те же лица могли избираться вновь (ст. 23). Секретарь осуществлял руководство канцелярией, создаваемой для ведения делопроизводства. При необходимости в составе собрания было возможно создание специальных комиссий по отдельным вопросам. Секретари подобных комиссий избирались их членами из своего состава (ст. 24) [4].

К объектам ведения Краевого народного собрания относилось следующее:

- условия, требующие издания законов и штатов, а также их изменения, дополнения, приостановления действия и отмены, за исключением дел, касающихся существующего государственного устройства;
- бюджет с финансовыми сметами по отдельным ведомствам, а также ассигнования, не предусмотренные бюджетом;
- отчет по исполнению бюджета;
- дела об отчуждении части государственных доходов или имущества, требующие разрешения Верховной власти;
- железнодорожное строительство;

– вопросы утверждения акционерных компаний, требующие внесения дополнений и изменений в действующее законодательство;

– дела, вносимые на рассмотрение собрания Главнокомандующим, т.е. лично Г.М. Семеновым [4].

Депутаты имели право отменять или изменять существующие законы и издавать новые. Вместе с тем общее устройство государственной власти изменять не разрешалось в любом случае. Члены собрания могли также обращаться за разъяснениями к отдельным управляющим ведомствами, за исключением предметов, которые не подлежали оглашению. В таком случае требовалось постановление Совета управляющих ведомствами (СУВ).

Полномочия Краевого народного собрания, тем самым, носили в значительной степени ограниченный характер, поскольку главные вопросы государственного устройства изымались из его ведения.

В разделе VI определялся регламент работы данного представительного органа. Дела на рассмотрение собрания вносились по распоряжению Главнокомандующего или управляющими ведомствами с одобрения СУВ. Согласно примечанию к статье 33 дела, не имеющие принципиального значения и не затрагивающие «существенных интересов государственной жизни», могли решаться по постановлениям СУВ, утвержденным атаманом Г.М. Семеновым, без рассмотрения депутатами. При этом требовалось соглашение председателей СУВ и Краевого народного собрания. Тем не менее данное положение подрывало сами основы деятельности данного представительного органа. В чрезвычайных обстоятельствах СУВ имел право представлять законопроекты на утверждение Главнокомандующего. Если атаман утверждал подобный документ, то он вступал в действие. После этого в месячный срок законопроект отправлялся в Краевое народное собрание. Такой закон прекращал свое действие через один месяц или при его неодобрении депутатами [4].

Постановления Краевого народного собрания принимались на общем заседании простым большинством голосов. При равенстве поданных голосов назначалось новое голосование. Если и на этот раз вопрос не решался, то голос председателя давал перевес. Представительный орган обладал правом отмены результатов выборов, если за такое решение проголосует не менее двух третей его членов. Меньшинство могло в трехдневный срок представить председателю «мотивированное мнение меньшинства», которое прилагалось к журналу заседаний. Принятые депутатами законы возвращались управляющим ведомствами и затем представлялись на утверждение Главнокомандующему.

В практику деятельности Краевого народного собрания вводился институт согласительных ко-

миссий. Согласительная комиссия создавалась в том случае, если депутаты, не отклоняя законопроект в целом, желали внести в него какие-либо изменения. Законопроект с внесенными изменениями возвращался в соответствующее ведомство СУВ для нового рассмотрения. В свою очередь СУВ мог согласиться с мнением депутатов и внести на новое рассмотрение измененный законопроект. В обратном случае дело передавалось в специально создаваемую согласительную комиссию, образуемую из равного числа членов СУВ (назначались его председателем) и КНС (избирались депутатами). По результатам деятельности комиссии проект вновь вносился на рассмотрение в СУВ.

Законодательная инициатива осуществлялась депутатами путем подачи письменного заявления председателю собрания. К заявлению прилагался законопроект с объяснительной запиской. Если заявление подписывалось не менее чем одной десятой общего числа членов Краевого народного собрания, то председатель вносил его на рассмотрение общего собрания. При одобрении законопроекта он выработывался соответствующим ведомством. Если в месячный срок проект не вносился, депутаты имели право образовать специальную комиссию для его выработки. Выработанный таким образом документ через СУВ вносился на рассмотрение главнокомандующего. Законы, принятые представительным органом, но не утвержденные Г.М. Семеновым можно было рассматривать во второй раз только через один год, если не будет получено соответствующее разрешение [4].

Анализ «Положения о Краевом Народном Собрании Восточной Краины России» показывает, что создаваемый согласно этому документу представительный орган находился под полным контролем исполнительной власти. Наиболее важные вопросы государственного устройства не входили в полномочия депутатов, а целиком определялись Г.М. Семеновым. Кроме того, любой принятый депутатами законопроект мог быть им не одобрен. Но несмотря на некоторое увеличение полномочий Краевого народного собрания, по сравнению с Краевым народным совещанием, нельзя говорить, что оно обладало реальной властью. Это прекрасно понимали и сами депутаты, и население Восточного Забайкалья.

26 июня 1920 г. было опубликовано «Положение о временном устройстве Государственной власти на территории Российской Восточной Краины», утвержденное указом Главнокомандующего всеми вооруженными силами и походным атаманом всех казачьих войск Российской восточной Краины генерал-лейтенантом Г.М. Семеновым [4].

Согласно данному документу вся полнота верховной власти на территории Российской Восточной Краины (имелся в виду весь Дальний Восток)

на основании указа Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака от 4 января 1920 г. принадлежала Г.М. Семенову (ст. 2), который получал огромные полномочия. В первую очередь, атаман имел право издавать указы по различным вопросам управления (ст. 4). Как главнокомандующий всеми вооруженными силами он имел чрезвычайные права по обеспечению комплектования и снабжения вооруженных сил, а также по водворению гражданского порядка и законности (ст. 3). В его ведении оставались вопросы внешней политики, в частности, заключение договоров с иностранными государствами, объявление войны и заключение мира (ст. 5). Атаман единолично проводил кадровую политику: мог назначать и увольнять управляющих ведомствами, должностных лиц первых четырех классов, «а равно прочих должностных лиц, назначение и увольнение коих по действующим законам должно совершаться Верховной властью» (ст. 7). Кроме того, Г.М. Семенов обладал правом помилования осужденных, смягчения наказания и общего прощения совершивших преступления с прекращением судебного преследования и освобождение от суда и наказания (ст. 9). Атаман фактически являлся высшей судебной инстанцией, хотя судебная власть должна была осуществляться «именем закона установленными законами судами, решение коих приводятся в исполнение тоже именем закона» (ст. 18) [4].

Законодательная власть осуществлялась Главнокомандующим и Краевым народным собранием (ст. 19). Правом законодательной инициативы обладал исключительно только Г.М. Семенов (ст. 20). Он один мог отправить данное «Положение» на пересмотр в Краевое народное собрание. Представительный орган имел право одобрить либо не одобрить предложенный закон. В любом случае все законы утверждались Главнокомандующим (ст. 21). В чрезвычайных обстоятельствах в перерывах между сессиями Краевого народного собрания было возможно издание законов по представлению Совета управляющих ведомствами лично атаману. При этом запрещалось внесение изменений «в настоящее «Положение», в «Положение о Краевом Народном Собрании», в «Положение о выборах». Действие подобного закона прекращалось в течение месяца после возобновления сессии Краевого народного собрания в том случае, если соответствующий законопроект не будет внесен на рассмотрение депутатов или он не будет ими принят (ст. 22) [4].

Текущее управление делами Главнокомандующий осуществлял совместно с Советом управляющих ведомствами. По «Положению» учреждались ведомства внутренних дел; юстиции; иностранных дел; финансов; торговли, промышленности и продовольствия; народного просвещения и вероисповеданий; земледелия и государственных имуществ;

военное и морское; путей сообщения; государственный контроль [4].

Полномочия Совета управляющих ведомствами определялись законоположениями Учреждения министерств (т. 1 Свода гражданских законов) и другими законами (ст. 12). Управляющие ведомствами несли полную ответственность перед Главнокомандующим (ст. 13). Председательствовать на заседаниях Совета мог один из его членов по их собственному выбору. Причем на каждом заседании председатель переизбирался заново (ст. 16) [4]. Все ведущие ведомства в Совете возглавили семеновские генералы. Главой СУВ был назначен кадет С.А. Таскин.

Таким образом, согласно Положению о временном устройстве государственной власти на территории Российской Восточной окраины на территории Восточного Забайкалья законодательно закреплялась военная диктатура атамана Г.М. Семенова, который, по сути, исполнял обязанности главы государства и правительства. Он юридически обладал высшими полномочиями в исполнительной, законодательной и судебной областях, единолично определял внутреннюю, внешнюю и военную политику существующего государственного образования. Краевое народное собрание фактически не имело серьезных законодательных полномочий, поскольку, как отмечалось ранее, без утверждения Главнокомандующего законы не имели юридической силы. Совет управляющих ведомствами оставался исполнительной инстанцией, целиком подчиненной атаману и не играл самостоятельной роли.

Проведенная в июне 1920 г. политическая реформа по либерализации власти в Восточном Забайкалье, по мысли Г.М. Семенова, должна была привлечь на его сторону либеральные и правосоциалистические круги региона для создания прочной коалиции. Однако сам атаман не был готов поделиться реальной властью со своими политическими оппонентами. Поэтому потенциальные союзники отказались от сотрудничества в рамках созданного представительного органа. Тем самым данная попытка Г.М. Семенова упрочить свой режим фактически свою задачу не выполнила. В данном контексте можно прийти к выводу о том, что все реформирование свелось к созданию полудекоративного парламента без серьезных полномочий. Поэтому о действительной либерализации семеновского режима можно говорить лишь очень условно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василевский, В.И. Борьба за Советскую власть в Забайкалье / В.И. Василевский. – Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1979. – 144 с.
2. Василевский, В.И. Забайкальская белая государственность в 1918–1920 годах: Краткие очерки истории / В.И. Василевский. – Чита : Поиск, 2000. – 182 с.

3. Вестник Забайкалья. – 1920. – 28 апреля.
4. Вестник Забайкалья. – 1920. – 4 июля.
5. Дальневосточное обозрение. – 1920. – 19 июня.
6. Забайкальская новь. – 1920. – 27 апреля.
7. *Кожевников, В.А.* Государственное устройство России в планах антибольшевистской оппозиции (1917–1922 гг.) / В.А. Кожевников. – Воронеж : Истоки, 2003. – 259 с.
8. *Савченко, С.Н.* Уссурийское казачье войско в гражданской войне на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.) / С.Н. Савченко. – Хабаровск : Изд-во ХККМ, 2002. – 273 с.
9. *Сонин, В.В.* Становление Дальневосточной республики (1920–1922) / В.В. Сонин. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного гос. ун-та, 1990. – 352 с.
10. *Ципкин, Ю.Н.* Белое движение на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.) / Ю.Н. Ципкин. – Хабаровск : Хабаровский гос. пед. ун-т, 1996. – 182 с.
11. *Ципкин, Ю.Н.* Гражданская война на Дальнем Востоке России: формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917–1922 гг.) / Ю.Н. Ципкин. – Хабаровск : Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2012. – 246 с.
12. *Ципкин, Ю.Н.* Небольшевистские альтернативы развития Дальнего Востока России в период гражданской войны (1917–1922 гг.) / Ю.Н. Ципкин. – Хабаровск : Изд-во ХГПУ, 2002. – 267 с.
13. *Шерешевский, Б.М.* Забайкалье в период Дальневосточной республики. 1920–1922. / Б.М. Шерешевский. – Чита : Читинское кн. изд., 1960. – 92 с.
14. *Шерешевский, Б.М.* Разгром семеновщины (апрель – ноябрь 1920 г.). О роли Дальневосточной республики в борьбе за ликвидацию «Читинской пробки» и объединение Дальнего Востока / Б.М. Шерешевский. – Новосибирск : Наука, 1966. – 240 с.

ВОЕНИЗАЦИЯ СЕВЕРОМАНЬЧЖУРСКОЙ КОЛОНИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В 1920–1930-Х ГГ.

С.Ю. Яхимович

Яхимович Сергей Юрьевич – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск).

Контактный адрес: sergyahim-69@yandex.ru

Статья посвящена организации боевой подготовки среди граждан СССР, проживавших в Северной Маньчжурии в 1920–1930-х гг. Особое внимание уделяется участию советской колонии в вооружённом конфликте на Китайско-Восточной железной дороге в 1929 г. В статье используются неопубликованные ранее архивные материалы.

Ключевые слова: военизация, Северная Маньчжурия, Китайско-Восточная железная дорога, советская колония, Северо-Маньчжурский комитет.

С 1924 по 1935 гг. Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) являлась совместным советско-китайским коммерческим предприятием. Главным образом для её обслуживания на территории Северной Маньчжурии была создана и функционировала многотысячная колония советских граждан (наивысшая численность в 1929 г. – около 50 тыс. чел.). Известно о том, что советская колония подвергалась репрессиям со стороны китайских военных властей, особенно в период вооружённого конфликта с СССР из-за КВЖД в 1929 г. [1; 19]. При этом вопрос об участии советских граждан (совграждан) в военизированных акциях и организации их боевой подготовки в 1920–1930-х гг. на территории Маньчжурии в историографии практически не освещался. Целью статьи является освещение комплекса мероприятий по боевой подготовке советской колонии, т.е. её военизации в 1920–1930-х гг., а также рассмотрение роли и места сообщества граждан СССР в военной фазе конфликта 1929 г., насколько это было возможно для них в сложившихся условиях.

Всестороннее руководство советской колонией на территории Автономии трёх восточных провинций (северо-восток Китая), управляемых военными диктаторами, осуществлял Северо-Маньчжурский комитет (СМК) ВКП(б), находившийся там на нелегальном положении. Эта партийная организация по заданию ЦК ВКП(б) в доконфликтный период огромное значение уделяла организации военной и разведывательной работе среди разнородного по социальному составу советского сообщества. Сам североманьчжурский партийный аппарат делился на два направления (сектор) – особый и военный. В их рамках два отдела СМК ВКП(б) из семи напрямую занимались мероприятиями по военизации членов советской колонии. Это Организационное бюро, решавшее общие организационные вопросы, в частности в данном направлении, и Оперативно-технический отдел, занимавшийся непосредствен-

ной подготовкой совграждан к диверсионно-разведывательной деятельности на случай военных действий в регионе. Руководство последнего отдела было строго законспирировано и лично известно только главе СМК партии и нескольким советским консулам наркомата иностранных дел в Маньчжурии [2: с. 138–140].

Прибывшие из СССР под видом специалистов для КВЖД сотрудники силовых структур проводили военизацию советских организаций, особенно молодёжных. Под видом хозяйственных работников в Харбин и другие города Маньчжурии из Советского Союза проникали профессиональные разведчики и военные инструкторы. Например, в 1928–1929 гг. с разведывательной миссией в этом регионе находился бывший начальник Школы среднего состава милиции Дальневосточной области Н.В. Главацкий, который до революции был полковником разведывательного ведомства генштаба. После конфликта на КВЖД в 1929 г. он благополучно вернулся в Хабаровск [20: с. 17–18, 29]. Практически все сотрудники советского дипломатического корпуса в Маньчжурии, а также высшие и средние должностные лица КВЖД и других советских учреждений являлись одновременно агентами ОГПУ. Исследователь дальневосточной ветви русской эмиграции П.П. Балакшин пишет, что в 1920-х гг. в рядах советской колонии насчитывалось более 500 таких агентов [2: с. 144].

Оперативно-технический отдел СМК совместно с советским генеральным консульством в Харбине вели учёт и проверку военнообязанных совграждан. При профсоюзных кружках ОСОАВИАХИМа шло целенаправленное обучение совграждан военным специальностям (радисты, химики, санинструкторы и др.), в массовом порядке развивался стрелковый спорт. В военизированных обществах ОСОАВИАХИМ и «Красный крест» на 1929 г. состояло около 4,5 тыс. совграждан, проживавших на

линии КВЖД. Северо-Маньчжурский комитет ежегодно откомандировывал на обучение в СССР по линии ОСОАВИАХИМа 10 чел., для прохождения курсов командного состава РККА до 50 коммунистов и комсомольцев и ещё 2 чел. для учёбы в академии генштаба [28: с. 70, 80–81].

Как и граждане СССР, советские юноши Северной Маньчжурии подлежали призыву на службу в Красную Армию [14: л. 35–36; 15: л. 5–6], для чего руководство комсомольской организации через советское генконсульство организовано отправляло призывников на родину в специальных вагонах. Например, только осенью 1925 г. губком комсомола ОРВП (Особый район восточных провинций – бывшая полоса отчуждения КВЖД) отправил в армию 150 комсомольцев 1903 г. рождения (55 % из них являлись активистами) [23: л. 4]. Члены комсомола внедрялись также в белоэмигрантские формирования с разведывательными целями. Так, в центральный отдел совета боевой молодёжной организации эмигрантов «Кирилловцев» в 1925 г. был внедрён для нелегальной работы комсомолец Панченко [26: л. 11–13].

Боевую работу среди молодёжи, как наиболее просоветской части колонии, проводили комсомольская организация, отделы молодёжи (отмол) при профсоюзах и коммунистическая организация. Ещё 24 марта 1925 г. по решению Харбинского губбюро РКП(б) для самозащиты от белоэмигрантских формирований была создана нелегальная «Боевая дружина» (БД) из наиболее крепких и выдержанных комсомольцев в количестве 40–50 чел. [21: л. 209–210]. Помимо функций по охране советских общественных заведений, собраний и партийно-профсоюзных лидеров, БД осуществляла распространение листовок и литературы политического характера, массовые драки с эмигрантской молодёжью, акции террора против белоэмигрантских формирований и конкретных лиц, а во время советско-китайского конфликта 1929 г. ещё и разведывательно-диверсионную работу. Подчинялась дружина непосредственно бюро СМК ВКП(б) [9: л. 40; 25: л. 73–77]. За разглашение информации о её деятельности члены комсомола и отмол сурово наказывались – от строгого выговора до репатриации в СССР [23: л. 11]. Численность «Боевой дружины» и её боеготовность постоянно возрастала. В среднем во второй половине 1920-х гг. в ней состояло около 300 чел. Командный состав «Боевой дружины» на 70 % состоял из молодых партийцев (кандидатов и действительных членов), штаб БД регулярно проводил учения по тревожному сбору личного состава. Особое внимание уделялось физической и политической подготовке. Структурно дружина делилась на десятки и группы (звенья во главе звеноводо́в) [12: л. 49]. В целях повышения эффективности разведки со-

здавались также специальные женские группы по 4 чел. В случае конфронтации с китайскими властями на КВЖД «Боевая дружина» приводилась в полную боевую готовность, для чего у неё имелось различное оружие, в том числе и огнестрельное [23: л. 75–77; 24: л. 2–6].

Силовые акции, проводившиеся комсомольцами и отмольцами, классифицировались китайским законодательством как чисто уголовные преступления – коммунистическая пропаганда, драки с «белой» молодёжью, саботаж и диверсии на КВЖД во время конфликтов, избиения комсомольскими боевиками белоэмигрантов с причинением им тяжёлых ранений или убийства. В связи с этим члены БД нередко попадали в китайские тюрьмы. Во время отбывания уголовного наказания их семьям оказывалась материальная помощь из фондов МОПР (Международное общество помощи революционерам) [16: л. 7–8; 25: л. 73–77].

Под эгидой комсомола создавались подпольные и полуподпольные молодёжные объединения. На начало 1929 г. действовала нелегальная группировка «Чёрные вороны» под руководством СМК ВЛКСМ. В то же время Дальневосточное бюро ВКП(б) в марте 1927 г. отмечало стремление многих комсомольцев не столько к практической работе, сколько к самостоятельным кулачным расправам над «белой» молодёжью из-за недостаточного контроля со стороны СМК ВКП(б). Это вело к стихийному созданию несанкционированных «сверху» тайных групп боевого характера среди советских комсомольцев и беспартийных молодых людей, не имеющих ничего общего с комсомолом. Такими организациями левого толка являлись «Знаки зеро», «Красная перчатка», «Орлы Ильича», «Красные будёновцы» и др. Партийное и комсомольское руководство советской колонии старались изживать это явление и вовлекать участников таких групп в комсомольско-отмольское движение [6: л. 9]. Так, в 1925 г. в Харбине была образована пробольшевистская молодёжная боевая группа «Красное кольцо» (в противовес белоэмигрантскому «Чёрному кольцу»), которую органы комсомола после «чистки» преобразовали в ячейку РЛКСМ. На станции «ХЛН» [так в документе, скорее всего станция Хайлин на восточной линии КВЖД – *С.Я.*] до лета 1925 г. существовала организация «Луч», которую бюро губкома комсомола классифицировало как противоречащую официальной линии СССР, но большинство её бывших членов при этом составили основу созданной ячейки РЛКСМ на данной станции [23: л. 8, 33–34].

Апогеем военизированных акций советской колонии стал конфликт на КВЖД в 1929 г. Маньчжурский диктатор маршал Чжан Сюэлянь, по договорённости с лидером Гоминьдана Чан Кайши,

10 июля планомерно произвёл захват Китайско-Восточной железнодорожной магистрали силами своих войск, чем положил начало вооружённому противостоянию с СССР. В первую очередь, китайская полиция арестовала или выслала из страны почти всё руководящее звено советской колонии. Это заметно ослабило возможность осуществления и управления диверсионной работой специально подготовленных для этих целей советских граждан в Северной Маньчжурии. Во время конфликта на КВЖД 1929 г. репрессии китайской полиции и охранных войск (при активной помощи всё тех же бывших белогвардейцев [17: л. 4 об., 6]) по отношению к советским гражданам приобрели массовый и ещё более жестокий и самоуверенный характер, чем это было ранее. По советским разведанным того времени китайские власти в Маньчжурии чувствовали свою полную безнаказанность [8: л. 16].

СМК ВКП(б) организовывало советских граждан на митинги протеста, инспирировало кампанию по массовому самоувольнению служащих с КВЖД в целях саботажа её работы. Молодёжь была призвана влиять на ситуацию более решительно. Комсомольские «Боевые дружины» в Харбине были сведены в десятки по секторам города на случай начала боевых действий со стороны СССР [8: л. 62]. Ряд молодых советских людей из таких дружин пытались проводить теракты в ответ на пытки и издевательства, применявшиеся к совгражданам со стороны белоэмигрантов, служивших в китайской полиции. Так, 10 октября 1929 г. в Харбине группой из 5 членов БД был убит из револьвера агент уголовного розыска, бывший белогвардеец Н.М. Гиацинтов [9: л. 97, 99]. Ранее, в конце сентября, советской молодёжью был ранен полицейский П.П. Шишкин, по делу которого было задержано несколько совграждан и подвергнуто самым изощрённым пыткам [4: л. 217; 9: л. 41, 75, 77]. Иногда диверсионными актами руководили подпольные партийно-комсомольские органы, но, как правило, за ними стояли советские спецслужбы. Например, дальневосточный чекист Н.П. Шилов непосредственно руководил всеми диверсиями на восточной ветке КВЖД, а сотрудник ОГПУ Б.Д. Богданов успешно возглавлял разведывательную резидентуру на западной линии дороги [27: с. 79]. Дальневосточное ОГПУ регулярно информировало Москву о совершении диверсий на дороге по крушению поездов и порче коммуникаций связи подготовленными для подобных целей совгражданами. Об этом же говорили и сводки белоэмигрантских организаций [3: л. 289–290; 8: л. 257].

Комсомольские боевики терроризировали также и тех совграждан, которые не захотели увольняться с работы или перешли в китайское гражданство. Многие такие совграждане получали анонимные письма с

угрозами расправы за «предательство», а некоторые из них стали жертвами покушений. Харбинский отдел Коминтерна даже объявил 29 августа неделю индивидуального террора против подобных врагов советской власти [3: л. 293, 295–296 об.]. Такие акты насилия, но уже со стороны советских граждан, привели к тому, что 22 августа 1929 г. группа русских служащих КВЖД (как китайского, так и советского гражданства) подали временному управляющему дорогой петицию, в которой было сказано, что если указанные в ней лица не будут изолированы, то из Харбина не выйдет ни один паровоз. Боязнь мести со стороны «красных» была вполне реальной [3: л. 297]. Немаловажное значение советское руководство и партийные органы в Маньчжурии придавали информационной войне с применением радиовещания и распространением нелегально издававшихся в Харбине листовок [3: л. 302 об.; 5: л. 251–252; 7: л. 594].

После конфликта 1929 г. на КВЖД военизация советского населения в Северной Маньчжурии усилилась. Осложнение политической ситуации на Северо-Востоке Китая в начале 1930-х гг., выразившееся в новых провокациях гоминьдановских властей, усилении в регионе Японии и мировом экономическом кризисе, вызвало к жизни директивы ЦК ВКП(б) о более энергичной боевой и разведывательной работе, возложенной на СМК. Военным сектором североманьчжурской парторганизации в 1931 г. непосредственно руководил заворот т. Николаев. Проверяющий от Дальневосточной краевой контрольной комиссии ВКП(б) т. Гасин отмечал в своём отчёте, что в СМК имеется 3 районных уполномоченных и 30 подчинённых им резидентов, готовых ко всем видам мелких операций. На одной из лесных концессий планировалось создать базу для хранения спецматериалов и подготовки боевиков из безработных коммунистов и комсомольцев. Помимо этого, «...имеются подготовленные кадры людей для крупной диверсионной работы. Намечен твёрдый мобплан... Готовятся кадры спортсменов, подрывников и обучаются люди для хождения под водой [водолазы – С.Я.]» [22: л. 119].

Учитывая опыт конфликта на КВЖД, секретариат Далькрайкома партии принял решение в январе 1931 г. о создании в структуре СМК секретной базы ДКК ВКП(б) в Хабаровске и её отделений на советско-китайской границе (станции Отпор и Пограничная). В число задач базы входили нелегальная связь с СМК партии, детальная организация конспиративной и разведывательной работы в Северной Маньчжурии [10: л. 75]. Вплоть до ликвидации базы весной 1936 г. её заведующим был член СМК ВКП(б) т. Хохлов (И.А. Марцинечко), а заместителем Н.И. Кузьмин [12: л. 59–69; 13: л. 53].

В Хабаровске база официально проходила как воинские части № 9833 и № 9377. Учреждение рас-

полагало для нелегальной работы СМК в Северо-Восточном Китае необходимым количеством и ассортиментом оружия, радиостанций, печатей, удостоверений, заграничных советских и иностранных (Чехословакия, Персия, Латвия и др. стран) паспортов, иностранной валюты, запрещённой в Маньчжурии литературы. Базой разрабатывался алгоритм действий СМК на случай войны в регионе, проводился мониторинг социально-политической ситуации в Северо-Восточном Китае, а также совершенствовалась техника нелегальной переброски через границу людей и имущества. Подотчётная база была не только партийным органам, но и ОГПУ (впоследствии УНКВД) по Дальневосточному краю, на балансе которого находилась почти вся её материально-техническая часть [10: л. 75; 12: л. 69, 97–119]. Однако в координационной работе с СМК случались и неудачи. Так, весной 1931 г. при нелегальном переходе границы со стороны Маньчжурии двое связанных СМК (оба комсомольцы) были задержаны белогвардейскими партизанами и жестоко убиты, хотя база предупреждала о возможности провала [22: л. 125].

Об активной военизированной деятельности совграждан в 1930-х гг. свидетельствуют их масштабные аресты по данной причине. Так, в апреле – мае 1932 г. маньчжурской полицией было арестовано 23 активных члена СМК ВКП(б) и «Боевой дружины» комсомола. После годичного заключения в тюрьмах Харбина и Чань-Чаня, сопровождавшегося избиениями и пытками, они были освобождены в мае 1933 г. и депортированы в СССР [11: л. 48–50, 93–102]. В мае 1934 г. маньчжурские власти арестовали и заключили в тюрьмы Харбина и станции Пограничная в общей сложности 142 гражданина СССР. Благодаря настойчивому вмешательству советских консульских служб в Харбине и Токио 74 из них были освобождены в феврале, а ещё 68 в конце марта 1935 г. [18: с. 171, 625, 628]. Все вышеперечисленные совграждане обвинялись в подготовке террористических актов и нарушении полицейских правил. Вскоре, почти вся советская колония была эвакуирована из Северной Маньчжурии в виду продажи КВЖД Маньчжоу-Ди-Го, а фактически Японии.

Таким образом, военизация североманьчжурской колонии советских граждан в 1920–1930-е гг. проходила энергичными темпами. В целом она мало чем отличалась от аналогичной работы в СССР с той разницей, что в Маньчжурии военизация совграждан носила нелегальный характер. Вместе с тем здесь боевая подготовка имела и практический опыт. Можно отметить, что советская колония не принимала участия в открытых боевых действиях во время вооружённого конфликта 1929 г., да это и

не входило в её непосредственные задачи. Однако посильную помощь бойцам Особой Дальневосточной армии в виде организации и проведения разведывательной и диверсионно-террористической деятельности в зоне КВЖД её представители, безусловно, оказали. Эта помощь могла бы быть шире, если бы китайская полиция не сумела парализовать арестами и депортациями основные органы управления советской колонией и её наиболее активных членов в первые недели конфликта. После ухода СССР с Китайско-Восточной железной дороги в середине 1935 г. пришлось репатриировать большинство советских граждан и свернуть их военизацию в этом регионе.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аварин, В. Империализм и Маньчжурия. Т. 1 / В. Аварин. – М.; Ленинград : Соцэргиз, 1931.
2. Балакшин, П.П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. В 2 т. Т. 1 / П.П. Балакшин. – Сан-Франциско, Париж, Нью-Йорк : Книгоиздательство Сириус, 1958.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р – 6081. – Оп. 1. – Д. 146.
4. ГАРФ. – Ф. Р – 6599. – Оп. 1. – Д. 8.
5. ГАРФ. – Ф. Р – 6599. – Оп. 1. – Д. 9.
6. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. П – 2. – Оп. 1. – Д. 51.
7. ГАХК. – П – 2. – Оп. 1. – Д. 143.
8. ГАХК. – Ф. П – 2. – Оп. 1. – Д. 165.
9. ГАХК. – Ф. П – 2. – Оп. 1. – Д. 183.
10. ГАХК. – Ф. П – 2. – Оп. 1. – Д. 269.
11. ГАХК. – Ф. П – 2. – Оп. 1. – Д. 424.
12. ГАХК. – Ф. П – 2. – Оп. 1. – Д. 594.
13. ГАХК. – Ф. П – 2. – Оп. 1. – Д. 693.
14. ГАХК. – Ф. П – 2. – Оп. 1. – Д. 706.
15. ГАХК. – Ф. П – 2. – Оп. 1. – Д. 708.
16. ГАХК. – Ф. П – 2. – Оп. 44. – Д. 401.
17. ГАХК. – Ф. Р – 849. – Оп. 1. – Д. 23.
18. Документы внешне политики СССР. Т. 18. 1 января – 31 декабря 1935 г. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1973.
19. Конфликт на КВЖД: из истории Советских вооружённых сил. – Хабаровск, 1989.
20. Кутушев, В.Г. Дальневосточный юридический институт МВД России: история и современность / В.Г. Кутушев. – Хабаровск : ДВЮИ МВД РФ, 1998.
21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 67. – Д. 53.
22. РГАСПИ. – Ф. 613. – Оп. 3. – Д. 51.
23. РГАСПИ. – Ф. М – 1. – Оп. 23. – Д. 376.
24. РГАСПИ. – Ф. М – 1. – Оп. 23. – Д. 575.
25. РГАСПИ. – Ф. М – 1. – Оп. 23. – Д. 730.
26. РГАСПИ. – Ф. М – 19. – Оп. 1. – Д. 93.
27. Хабаровские чекисты. История в документах и судьбах / автор-сост. А.С. Колесников. – Хабаровск : Частная коллекция, 2011.
28. Шишкин, П.П. Большевизм в Китае. Ч. 1. Обзор деятельности Северо-Маньчжурской коммунистической партии / П.П. Шишкин. – Шанхай : Время, 1930.

РОССИЙСКОЕ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В МАНЬЧЖУРИИ (КОНЕЦ XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВВ.): ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Т.Г. Мамаева

Мамаева Татьяна Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Дальневосточного государственного медицинского университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: klio27@mail.ru

В статье представлен историографический анализ темы российского торгово-промышленного предпринимательства в Маньчжурии в период конца XIX – начало XX вв. Выделены и охарактеризованы основные этапы исследования: дореволюционный, советский и современный период.

Ключевые слова: историография, Китай, Маньчжурия, русское Зарубежье.

Сегодня общепризнанно, что история русского Зарубежья является неотъемлемой частью отечественной истории.

После того, как с архивов «белой» эмиграции был снят гриф секретности, в руках специалистов оказались документальные источники, позволившие вернуть России потерянный пласт ее прошлого. Одним из них является история пребывания россиян в Китае.

В постсоветский период феномен российской эмиграции в Маньчжурии стал предметом исследований значительного круга отечественных и зарубежных историков. Были созданы обобщающие работы, посвященные разнообразным аспектам экономической и социальной жизни эмигрантов в иноцивилизационной среде, их вкладу в сохранение и развитие российской культуры. Вместе с тем проблема российского торгово-промышленного предпринимательства в Северо-Восточном Китае в публикациях освещена фрагментарно, вскользь, что не дает объемного представления о деятельности купцов и промышленников из России и затрудняет полное воссоздание феномена российской эмиграции в Маньчжурии.

Известно, что после подписания в 1896 г. соглашения с Китаем о строительстве КВЖД российскими властями и руководством дороги была создана чрезвычайно благоприятная деловая атмосфера, которая, наряду с наличием дешевой рабочей силы, сделала Маньчжурию полем притяжения для предприимчивых людей. Пользуясь слабостью Китая, сюда стали проникать и иностранные предприниматели, создававшие конкуренцию российским коммерсантам. Тем не менее вклад россиян в экономику края, бесспорно, весьма значительный. Но он этим не ограничивался, торговцы и промышленники принимали активное участие в благотворительных акциях, зачастую выступая их инициа-

торами, занимались общественной деятельностью и даже вносили свою лепту в развитие науки. Это в полной мере соответствовало традициям дореволюционного российского предпринимательства.

В условиях становления цивилизованной рыночной экономики в России, формирования ее бизнес-элиты исследование различных аспектов деятельности отечественных предпринимателей представляется актуальным.

В историографии исследуемой темы выделяются несколько периодов. Первый условно можно назвать эмигрантским. Для него было характерным наличие работ, содержащих описание социально-экономического положения Маньчжурии. Проблема российского предпринимательства рассматривалась авторами лишь в контексте общего развития региона. Это относится к трудам Путяты [15] и П. Краснова [16].

Первые упоминания о российских предпринимателях в Маньчжурии содержатся в работе Н. Штейнфельда [28]. Значительный интерес для исследователей представляет вышедший в 1923 г. в Харбине фундаментальный труд агента Правления Общества КВЖД Е.Х. Нилуса «Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923 гг.», приуроченный к 25-летию КВЖД. В нем содержатся ценные сведения об экономике Маньчжурии, о политике царского правительства и, в первую очередь, министра финансов С.Ю. Витте, привлечения российского капитала в край. В книге есть упоминания о деятельности отдельных предпринимателей [20].

В 1926 г. была опубликована работа члена Общества изучения Маньчжурского края И. Г. Баранова «Административное устройство Северной Маньчжурии», в которой встречаются сведения и об экономике региона [4].

В период существования марионеточного государства Маньчжоу-Го (Маньчжоу-Ди-Го)¹ (март 1932 – август 1945 гг.) были изданы труды по экономике Маньчжурии, содержащие ценные статистические данные о состоянии промышленности и торговли. Особого внимания заслуживают работы Л.И. Любимова. В «Очерках по экономике Маньчжурии» автор касается истории и деятельности российских торгово-промышленных предприятий в регионе. Вопросы состояния финансов Маньчжурии рассматривались российским востоковедом Н.А. Сетницким².

Авторы публикаций этого периода не являлись историками, но, тем не менее, они были участниками или наблюдателями исследуемых процессов, что делает их взгляд интересным и ценным.

Следующий этап условно можно назвать советским. В его рамках, вплоть до начала политики перестройки, историография проблемы российского предпринимательства в Китае практически не развивалась, поскольку тема российской эмиграции являлась закрытой и могла освещаться лишь в негативном аспекте. В работах, освещавших экономическое развитие Маньчжурии, отмечался вклад России, но основной акцент делался на колониальном характере царской политики. К таким трудам можно отнести работу М.И. Сладковского «Очерки экономических отношений СССР с Китаем», вышедшую в 1957 г., а также совместный труд историков Н.А. Патрушевой и Н.Г. Сухачевой «Экономическое развитие Маньчжурии (вторая половина XIX в. – первая треть XX в.)». В них отмечается значительная роль российских предприятий в экономическом развитии Северо-Восточного Китая, но делается акцент на том, что Россия, как и другие капиталистические страны, использовала Маньчжурию как полуколонию³.

Новые возможности в исследовании истории пребывания россиян в Маньчжурии принесла политика перестройки, когда в отечественной исторической науке началась смена методологических ориентиров, стала расширяться источниковая база. И хотя специальных работ, посвященных этой проблеме, еще не было, тем не менее, отдельные ее аспекты рассматривались в фундаментальных трудах дальневосточных ученых.

¹ В 1934 г. Маньчжоу-Го было переименовано в Маньчжоу-Ди-Го.

² Любимов Л.И. Очерки по экономике Маньчжурии. Харбин, 1934. 208 с.; Любимов Л.И. Мукомольная промышленность в Северной Маньчжурии в сезон 1932/33 гг. // Вестник Маньчжурии. № 10–11. 15 июня 1933.; Сетницкий Н.А. Очерки финансов Маньчжурии. Вып. 1. Харбин, 1934. 68 с.

³ Сладковский М.И. Очерки экономических отношений с СССР с Китаем. М.: Внешторгиздат, 1957. 454 с.; Патрушева Н.А., Сухачева Н.Г. Экономическое развитие Маньчжурии (вторая половина XIX в. – первая треть XX в.). М.: Наука, 1985. 295 с

Особо стоит отметить коллективную монографию, подготовленную Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Академии наук СССР «История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв.» [14]. В ней представлена общая характеристика истории, политики и экономики региона и отмечается значительная роль российского предпринимательства в развитии Маньчжурии. Авторами рассматривается деятельность торгового дома «И.Я. Чурин и К°», раскрывается взаимодействие между российскими и иностранными предпринимателями. Ценностью работы является использование ранее неизвестных архивных материалов.

Значительным событием в историографии стал выход в свет в 1990 г. еще одного фундаментального труда ученых Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Академии наук СССР «История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.)» [13]. В нем всесторонне освещены особенности развития региона во второй половине XIX – начале XX вв., в том числе экономические. Авторами рассматривается и роль строительства КВЖД в становлении капиталистической промышленности в Маньчжурии. Они показали вклад российских предпринимателей в экономическое освоение Маньчжурии, раскрыли их роль в разработке горных богатств региона (например, Чжэлайнорских угольных копей на севере, Яньтайских и Фушуньских – на юге), в эксплуатации лесных концессий, в частности, предпринимателями Л.С. Скидельским и В.Ф. Ковальским.

Таким образом, в советский период исследовались лишь некоторые аспекты истории российского предпринимательства в Маньчжурии, в основном связанные с его проникновением в регион и началом деятельности.

Следующий, постсоветский этап, характеризуется принципиально новыми возможностями для исследования истории пребывания россиян в Северо-Восточном Китае. Это было связано с новыми методологическими подходами и рассекречиванием архивов, в том числе архивов КВЖД и Главного Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ) в Маньчжурской империи.

Постепенно сформировались два направления в отечественной историографии проблемы: центральное и дальневосточное. Среди авторов центрального направления следует отметить бывших харбинцев – профессора Г.В. Мелихова⁴ и Е. Тас-

⁴ Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1994. 317 с.; Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М.: Изд-во центр. ин-та российской истории РАН, 1997. 245 с.; Мелихов Г.В. Белый Харбин: середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. 440 с.

кину⁵. Их работы основаны на научном подходе, подкреплены документальными источниками и личными впечатлениями. Особый интерес для нас представляют труды Г.В. Мелихова. В них содержатся интересные биографические данные о предпринимателях Маньчжурии и высоко оценивается их роль в общественной жизни региона.

Значительный вклад в исследование истории русского присутствия в Маньчжурии внесли дальневосточные ученые. В 1995–2002 гг. в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток) действовал Центр российской эмиграции в странах АТР под руководством О.И. Сергеева, уделявший серьезное внимание ее «китайской» ветви. В 1996 г. в этом же институте была защищена первая диссертационная работа по истории русской эмиграции в Китае в 30–40-е гг. XX в. [3]. Ее автор, Е.Е. Аурилене, впервые в историографии осветила деятельность Бюро российских эмигрантов в Маньчжурии. В дальнейшем автор продолжила исследование особенностей российской диаспоры в Китае, в большей степени концентрируя внимание на ее политической деятельности⁶.

Особенности дальневосточной российской эмиграции рассматриваются в статье хабаровских ученых Н.И. Дубининой и Ю.Н. Ципкина. В ней содержится анализ социального состава, трудовой занятости и материального уровня эмигрантского населения в начале 1920-х гг., сделанный по материалам Харбинского комитета помощи русским беженцам (ХКПРБ) [11].

Различные формы общественной активности эмиграции исследовались владивостокскими учеными О.И. Сергеевым и С.И. Лазаревой⁷. В статьях

С.И. Лазаревой впервые рассматривается благотворительная деятельность русских в Маньчжурии, однако, автор не затрагивал вопрос о роли купцов и промышленников в ее осуществлении.

Одной из первых работ, исследующих участие российской буржуазии в освоении Маньчжурии, стала статья Н.А. Троицкой «Русская дальневосточная буржуазия и Северо-Восточный Китай» [25], вышедшая в 1996 г. В ней автор выявляет факторы активного проникновения российского капитала в Маньчжурию, характеризует деятельность отдельных фирм в регионе.

Новые данные о деятельности дальневосточных предпринимателей, чьи интересы были тесно связаны с Маньчжурией, содержатся в статье Л.И. Галлямовой «Развитие обрабатывающей промышленности Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв.» [7]. В совместной работе Н.Л. Горкавенко и Н.П. Гридиной «Российская интеллигенция в изгнании. Маньчжурия 1917–1946 гг.: Очерки истории» авторы уделяют внимание вкладу россиян в развитие культуры Маньчжурии [8].

Существенно обогатили историографию исследуемой проблемы работы М.В. Кротовой. На основе новых архивных данных ею осуществлен всесторонний анализ роли российского предпринимательства в развитии торговли и промышленности Харбина в 1898–1917 гг.⁸ Значительный интерес представляет монография «Харбин – центр русского влияния в Маньчжурии (1898–1917 гг.)», вышедшая в Санкт-Петербурге в 2010 г. В ней автор характеризует вклад российских предпринимателей в развитие экономики Харбина, уделяя внимание их этноконфессиональному и социальному составу. Автор делает вывод, что характерной особенностью коммерческого мира города было отсутствие в нем представителей купеческих династий, передававших свой капитал по наследству из поколения в поколение, что свидетельствует о том, что в условиях Маньчжурии сформировалась генерация предпринимателей нового типа – энергичных, независимых, инициативных [17].

Значительный вклад в историографию проблемы внесли работы Г.Н. Романовой⁹. В монографии

⁵ Таскина Е. Неизвестный Харбин. М.: Прометей, 1994. 192 с.; Таскина Е. Дорогами русского зарубежья. М.: МБА, 2007. 232 с.

⁶ Аурилене, Е.Е. Российская диаспора в Китае: Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай (1920–50-е гг.): монография. Хабаровск : Хабаровский погран. ин-т ФСБ РФ, 2003. 214 с.; Аурилене Е.Е. Русские в Маньчжоу-Ди-Го: «Эмигрантское правительство»: монография. Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2004. 128 с.; Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг.: монография. – Хабаровск: Частная коллекция, 2008. 268 с.; Аурилене Е.Е. Российская эмиграция в Китае (1920–1950-е гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Хабаровск, 2004. 46 с.

⁷ Лазарева С.И. История и традиции российской благотворительности в Маньчжурии (конец 90-х гг. XIX в. – сер. 40-х гг. XX в.) // КНР 50 лет: история и современность : тезисы докладов и сообщений междунар. науч. конф. 18–19 мая 1999 г. Владивосток, 1999. С. 111–114; Лазарева С.И. Российские истоки и новации в благотворительности русских эмигрантов в Маньчжурии (начало XX в. – сер. 40-х гг.) // Актуальные проблемы исследования... С. 107–114; Сергеев О.И., Лазарева С.И. Российская эмиграция на Дальнем Востоке (1917–1945 гг.) // Российская эмиграция на Дальнем Востоке. Владивосток: Дальнаука, 2000. С. 6–28.

⁸ Кротова М.В. Торгово-промышленная жизнь Харбина в 1906–1914 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 1. С. 126–135; Кротова М.В. Харбин – аванпост русской промышленности, торговли и культуры в Маньчжурии (1898–1917) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996. 24 с.

⁹ Романова Г.Н. Харбин – центр российско-китайской торговли и российской промышленности Северо-Восточного Китая (начало XX в.) // Дальний Восток России... С. 45–48.; Романова Г.Н. Экономическая помощь СССР Китаю и советско-китайские связи на Дальнем Востоке (1930–1940-е гг.) // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций (Пятое Крушановские чтения, 2006 г.): В 2 т. Т. 2. Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 355–364.

«Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX – начало XX вв.» на основе широкой источниковой базы автором анализируется процесс зарождения российско-китайских торговых связей, раскрывается экономическое значение первых договоров между Россией и Китаем для становления российского предпринимательства на Северо-Востоке Китая [24]. Убедительно делается вывод, что постройка КВЖД и появление обслуживающих ее предприятий явились одним из важнейших факторов возникновения в Маньчжурии капиталистической промышленности.

Этническая структура российского населения Маньчжурии рассматривается в работах В.В. Романовой, В.А. Черномаз, Е.Н. Чернолуцкой, Л.П. Черниковой, М.И. Ефимовой, А.А. Сапелкина¹⁰. Вклад еврейских предпринимателей в развитие Маньчжурии исследуется в статьях В.В. Романовой «Евреи в становлении экономической жизни «русского» Харбина» [22] и «Купцы Скидельские» [23].

Отдельные аспекты предпринимательской деятельности россиян в Северо-Восточном Китае исследуются в статьях О.А. Устюговой¹¹, проанализировавшей участие дальневосточного купечества в снабжении русского Дальнего Востока мясом из Маньчжурии и Монголии, бывшего харбинца П. Фиалковского, осветившего историю торгового дома И.Я. Чурина в Харбине¹², О.С. Чистяковой,

описавшей историю Харбинского биржевого комитета¹³, Н.Н. Аблажей, охарактеризовавшей хозяйственно-экономическую деятельность российских эмигрантов в 1910–1920-х гг. [1].

Интересные сведения содержится в работах А.А. Хисамутдинова¹⁴. В них автор раскрывает особенности жизни многих российских эмигрантов, живших в Китае и других странах Дальнего Востока, представляет биографические справки, в том числе о российских предпринимателях, проживавших в Маньчжурии в исследуемый период. В частности о И.Ф. Чистякове, известном харбинском чаеоторговце, И.А. Лопато, крупнейшем производителе табачной продукции в Северо-Восточном Китае, А.В. Касьянове – совладельце торгового дома «Чурин и К^о» и др. [26].

Существенно расширяет представление о жизни российской эмиграции Северо-Востока Китая кандидатская диссертация Я.Л. Писаревской, в которой автор, на основе обширной источниковой базы проанализировала социально-политическую жизнь и проблемы адаптации россиян в Маньчжурии в 1924–1935 гг. [21].

Важное значение для осмысления истории отечественного предпринимательства в контексте развития Дальнего Востока России в период революций 1917 г. и Гражданской войны имеет третий том «Истории Дальнего Востока», вышедший в 2003 г. В нем уделяется внимание и проблеме российского предпринимательства в Маньчжурии [9].

Кемеровский ученый С.П. Звягин в работе «Патушинские: еврейство Восточной Сибири в условиях социальных катаклизмов первой трети XX века» на богатой источниковой базе раскрыл историю известной в Сибири семьи. Ее членом был и А.С. Патушинский, двоюродный дядя будущего министра юстиции Временного Сибирского правительства, переехавший в 1909 г. из Томска в Харбин, где он стал известным мукомолом [12].

Таким образом, в 1990–2000-х гг. отечественными учеными был сделан значительный прорыв в исследовании темы российской эмиграции в Маньчжурии, в контексте которой затрагивались и отдельные вопросы ее торгово-предпринимательской

¹⁰ Романова В.В. Российские евреи в Харбине // Диаспоры. 1999. № 1 С. 115–142; Черномаз В.А. Украинский клуб в Харбине (1907–1927) // Российские соотечественники в АТР: материалы третьей междунар. науч.-практ. конф. Владивосток: 5–7 сентября 2001. С. 112–116; Чернолуцкая Е.Н. Из истории латышской общины Харбина (конец 1910-х – начало 1920-х гг.) // Российские соотечественники в АТР... С. 123–128.; Черникова Л.П. Тюрко-татарская эмиграция в Харбине и Шанхае // Актуальные проблемы исследования... С. 157– 165; Ефимова М.И. Польские католики в Харбине (1897–1933 гг.) // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков: материалы первой междунар. науч.-практ. конф. Кн. 2. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета. 1998. С. 179–180; Сапелкин А.А. Из истории польской колонии Харбина (1896–1932 гг.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах... С. 464–469.

¹¹ Устюгова О.А. Развитие мясной торговли на юге Дальнего Востока России в 80–90-е гг. XIX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах... С. 562–567; Устюгова О.А. Динамика численности и состав предпринимателей-торговцев на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX в. // Дальний Восток России в системе международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, экономика, культура: Третьи Крушановские чтения, 2003 г. Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 314–322.; Устюгова О.А. Менталитет дальневосточного купечества во второй половине XIX в. // Ойкумена: Регионоведческие исследования: науч.-теорет. альманах. Владивосток, 2007. Вып. 3(4). С. 56–63.

¹² Фиалковский П. Торговый дом И.Я. Чурина в Харбине // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 3. С. 124–127.

¹³ Чистякова О.С. Дальневосточные биржи в 20-е гг. XX в. // Вопросы истории Дальнего Востока: межвуз. сб. науч. ст. Вып. 2. Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2000. С. 117–123; Чистякова О.С. Деятельность Харбинского биржевого комитета: сб. ст. молодых ученых. Хабаров. гос. пед. ун-т. Хабаровск, 2000. Ч. 2. С. 75–80.

¹⁴ Хисамутдинов А.А. Русские в Китае. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2000. 360 с.; Хисамутдинов А.А. Следующая остановка Китай: Из истории русской эмиграции. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2003. 244 с.; Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 358 с.

деятельности: зарождение, функционирование на различных исторических этапах, роль в развитии местной промышленности. Это касается в большей степени периода существования полосы отчуждения КВЖД. Большинство историков фокусируется на истории Харбина, что вполне объяснимо как статусом города, так и наличием сохранившихся в архивах документов.

Отдельные сюжеты истории российского предпринимательства в Маньчжурии нашли отражение в зарубежной историографии.

Японские авторы периода Маньчжоу-Ди-Го, описывая экономику Маньчжурии, приводили краткие сведения о деятельности российских торговых и промышленных предприятий в регионе¹⁵.

В условиях глобализации особый интерес у зарубежных исследователей стала вызывать история Харбина как примера города-космополита. Значительный интерес представляют работы бывшей харбинки, канадского ученого О. Бакич. В них содержатся ценные сведения о российской эмигрантской колонии, ее культуре, проблемах идентичности¹⁶. Существенный вклад в воссоздание исторической картины жизни Харбина в 1916–1932 гг. вносит монография американского профессора Дж. Картера «Creating a Chinese Harbin: Nationalism in International City, 1916–1932», где исследуется процесс роста китайского самосознания, его реакция на активность иностранных держав, в числе которых была и Россия. Его соотечественник историк Д. Вульф в своих работах отмечает большую роль российского предпринимательства в становлении маньчжурской экономики¹⁷. Значительный интерес к истории пребывания русских евреев в Маньчжурии, их разнообразной деятельности, в том числе предпринимательской, сохраняется в Израиле. Большая заслуга в этом принадлежит Ассоциации выходцев из Китая и ее председателя Т. Кауфмана. Во многом на материалах архива этой организации в стране выходят публикации, в том числе на русском языке. Наиболее заметным из них стал сборник «Через Дальний Восток – на Ближний», выпущенный научно-исследовательским центром «Русское еврейство в Зарубежье» в 2009 г. В нем пред-

ставлены научные и публицистические статьи, в которых раскрываются отдельные страницы из жизни еврейских коммерсантов, их профессиональной и общественной активности [27].

Участие евреев в развитии экономики Маньчжурии исследуется израильским историком И. Владимирски [6].

В монографии белорусской исследовательницы Н.Е. Абловой «История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.)» представлена авторская периодизация истории русской эмиграции в Китае, исследованы ее особенности и основные этапы [2]. Несмотря на то, что автор сосредоточил свое внимание исключительно на политической истории и не рассматривает вопросы, связанные с исследуемой проблемой, ее работа содержит ценный материал, позволяющий реконструировать картину пребывания россиян в Маньчжурии.

Несомненный интерес вызывают вышедшие в Германии работы, посвященные деятельности немецкого торгового дома «Кунст и Альберс» в Маньчжурии¹⁸ (отметим, что в конце XIX – начале XX вв. его собственники перешли в российское подданство, пополнив ряды отечественных предпринимателей).

Тема присутствия россиян в Маньчжурии, их экономической активности исследуется в Китае. Анализируя китайскую историографию, российский ученый В.Г. Дацышен считает, что многие китайские историки отрицают положительную роль КВЖД и российских предпринимателей в становлении промышленности в Маньчжурии [10]. Такого же мнения придерживается Н.А. Василенко [5].

Китайский исследователь Ли Мэн в своей работе «Харбин – продукт колониализма» утверждает, что Российская империя, а затем и СССР проводили колониальную политику в регионе, а потому, по его мнению, уважая чувство китайского народа, никто не должен упрекать его в том, что в 1998 г. в Харбине решили не праздновать столетний юбилей города [18].

Тем не менее есть примеры положительной оценки роли российского капитала в процессе развития экономики в Северо-Восточном Китае. Так, ведущий научный сотрудник Института России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян Ма Юцзюнь считает, что российский ка-

¹⁵ Экономика провинций Маньчжурии: пер. с японского. Хабаровск, 1940. 99 с.; Японские концерны в Маньчжурии. Хабаровск: пер. японского. 1940. 107 с.

¹⁶ Bakich O. *Émigré Identity // Harbin and Manchuria: Place, Space and Identity. The South Atlantic Quarterly. Winter 2000. Vol. 99. № 1. P. 51–73.*

¹⁷ James H. Carter. *Creating a Chinese Harbin: Nationalism in International City, 1916–1932. USA. P. 217.*; Wolff David. *To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914. Stanford. 1999. 255 p.*; Wolff David. *Bean There: Toward a Soy-Based History of Northeast Asia // Harbin and Manchuria: Place, Space, and Identity. The South Atlantic Quarterly Winter 2000, Volume 99, Number 1. P. 241–252.*

¹⁸ Aus der Geschichte des Hauses «Kunst & Albers» // *Ostasiatische Rundschau, 1940. № 7. S. 140*; Sieveking H. *Die Hamburgische Firma Kunst und Albers in Wladiwostok 1864–1914 // Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1941. № 34. S. 288–290*; Лотар Деер. *Кунст и Альберс. Владивосток. История немецкого торгового дома на российском Дальнем Востоке (1864–1924): пер. с нем. Е. Крепак. Владивосток: ПКДО общества любителей книги РФ, изд-во Промполиграфкомбинат, 2002. 336 с.*

питализм выполнял типичную «цивилизующую» роль в полукOLONиальной стране, насаждая крупную промышленность и втягивая ее в мировые хозяйственные связи [19].

Таким образом, проведенный историографический анализ позволяет сделать вывод, что история русской колонии в Маньчжурии достаточно хорошо исследована как отечественными, так и зарубежными авторами. Учеными выявлены ее особенности, политические взгляды и процессы, этноконфессиональный состав, научная, культурная и образовательная, а также благотворительная деятельность. Многие из них в своих публикациях затрагивали в большей или меньшей степени различные аспекты предпринимательской деятельности россиян, их участия в экономической жизни Маньчжурии. Тем не менее торгово-промышленный класс не стал объектом самостоятельного исследования. Кроме того, неоправданно игнорировались общественная активность предпринимателей, их участие в жизни российской диаспоры на различных ее этапах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аблажей, Н.Н.* Хозяйственно-экономическая деятельность российских эмигрантов в Северной Маньчжурии / Н.Н. Аблажей // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т. 2001. – С. 130–136.
2. *Аблова, Н.Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.) / Н.Е. Аблова. – Минск : БГУ, 1999. – 316 с.
3. *Аурилене, Е.Е.* Российская эмиграция в Маньчжурии в 30–40-е гг. XX в. (на примере деятельности Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е.Е. Аурилене. – Хабаровск, 1996. – 24 с.
4. *Баранов, И.Г.* Административное устройство Северной Маньчжурии / И.Г. Баранов. – Харбин : Общество изучения Маньчжурского края, 1926. – 22 с.
5. *Василенко, Н.А.* История российской эмиграции в освещении современной китайской историографии / Н.А. Василенко. – Владивосток : ДВО РАН, 2003. – 220 с.
6. *Владимирски, И.* Еврейская диаспора и ее вклад в экономическое развитие Маньчжурии (90-е гг. XIX века–30-е гг. XX века): Актуальные проблемы исследования истории КВЖД и российской эмиграции в Китае / И. Владимирски ; ред. Н.И. Дубининой, В.М. Пескова. – Хабаровск : Изд-во ДВГУ, 2008. – С. 43–48.
7. *Галлямова, Л.И.* Развитие обрабатывающей промышленности Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв. / Л.И. Галлямова // Россия и Китай на дальневосточных рубежах... – С. 130–136.
8. *Горкавенко, Н.Л.* Российская интеллигенция в изгнании. Маньчжурия 1917–1946 гг.: Очерки истории / Н.Л. Горкавенко, Н.П. Гридина. – Владивосток, 2002. – 147 с.
9. Дальний Восток России в период революций 1917 г. и Гражданской войны // История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. – Владивосток : Дальнаука, 2003. – 632 с.
10. *Дацышен, В.Г.* Современная китайская историография о значении КВЖД / В.Г. Дацышен // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 60-летию Хабаровского края, 100-летию со дня начала строительства Китайско-Восточной железной дороги и города Харбина. – Хабаровск : Изд. дом «Частная коллекция». 1998. – С. 13–15.
11. *Дубинина, Н.И.* Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции (на материалах Харбинского комитета помощи русским беженцам) / Н.И. Дубинина, Ю.Н. Ципкин // Отечественная история. – 1996. – № 1. – С. 70–84.
12. *Звягин, С.П.* Патушинские: еврейство Восточной Сибири в условиях социальных катаклизмов первой трети XX века / С.П. Звягин // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность ; под ред. Я.М. Кофмана. – Вып. 2(24). – Красноярск : Красноярский писатель, 2007. – 160 с.
13. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII – февраль 1917 г.). – М., 1990. – 471 с.
14. История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. В 2 т. – Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1987.
15. Китай. Очерки географического, экономического состояния, административного и военного устройства Средней империи и военное значение пограничной с Россией полосы / сост. Путята. – СПб., 1895. – 836 с.
16. *Краснов, П.* По Азии: Путевые очерки Маньчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии и Индии / П. Краснов. – СПб. : Изд. при пособии воен. Министерства, 1903. – 616 с.
17. *Кротова, М.В.* Харбин – центр русского влияния в Маньчжурии (1898–1917 гг.) / М.В. Кротова. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – 112 с.
18. *Ли Мэн.* Харбин – продукт колониализма / Ли Мэн // Проблемы Дальнего Востока. – 1999. – № 1. – С. 96–103.
19. *Ма Юцзюнь.* Предпринимательство русских купцов и промышленников в Маньчжурии. Конец XIX–начало XX вв. / Ма Юцзюнь // Россия и АТР. – 2009. – № 1. – С. 109–118.
20. *Нилус, Е.Х.* Исторический обзор КВЖД 1896–1923. Т. 1 / Е.Х. Нилус. – Харбин, 1923. – 690 с.
21. *Писаревская, Я.Л.* Российская эмиграция Северо-Востока Китая, сер. 1920 – сер. 1930-х гг.: Социально-политический состав, быт, реэмиграция : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Я.Л. Писаревская. – М., 2001. – 24 с.
22. *Романова, В.В.* Евреи в становлении экономической жизни «русского» Харбина / В.В. Романова // Азиатско-Тихоокеанский регион в глобальной политике, экономике и культуре XXI века. – Хабаровск, 2002. – С. 59–64.
23. *Романова, В.В.* Купцы Скидельские / В.В. Романова // Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России : материалы региональной науч.-практ. конф. (Четвертые Гродековские чтения) ; под ред. Н.И. Дубининой. – Хабаровск : Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2004. – С. 323–329.
24. *Романова, Г.Н.* Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX – начало XX вв. / Г.Н. Романова. – М. : Наука, 1987. – 166 с.
25. *Троицкая, Н.А.* Русская дальневосточная буржуазия и Северо-Восточный Китай / Н.А. Троицкая // Известия исторического архива Дальнего Востока : сб. науч. тр. Т. 1. – Владивосток : Изд-во Дальневосточ. ун-та, 1996. – С. 53–67.
26. Хисамутдинов, А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке : библиографический словарь / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. – 384 с.
27. Через Дальний Восток – на Ближний : статьи, публикации, мемуары и эссе / ред.-сост. Р. Пархомовская, И. Резник. – Иерусалим, 2009. – 491 с.
28. *Штейнфельд, Н.* Русское дело в Маньчжурии с XVII в. до наших дней / Н. Штейнфельд. – Харбин : Русско-китайско-монгольская типография газеты «Юань-дунь-бао», 1910.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ФАКТАМ НАСИЛИЯ, СОВЕРШАЕМЫХ В СЕМЬЕ

Н.Е. Мерецкий

Мерецкий Николай Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: ugpd@rambler.ru

В статье исследуются некоторые проблемные вопросы, связанные с особенностями возбуждения уголовных дел по фактам насилия, совершаемых в семье. В ней исследуются проблемы получения ориентирующей информации и доказательств, направленных на возбуждение уголовного дела в отношении субъектов, совершающих насильственные действия в отношении близких и родственников.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, семья, насилие, преступление, след, правоохранительные органы, доказательства, судебное исследование,

Проведенный нами анализ теории и практики борьбы с преступностью, совершаемой в семье в отношении близких и родственников, а также непосредственное решение задачи по реальному обеспечению неотвратимости наказания зависит, во-первых, от имеющейся информации о совершенном деянии, во-вторых, от результатов работы органов дознания и предварительного следствия по быстрому и полному раскрытию и расследованию, в-третьих, от результатов работы с лицами (в том числе детьми), находящимися в близких отношениях с насильником, в-четвертых, установления свидетелей и очевидцев по фактам насилия.

В связи с этим целесообразно отметить, что обстоятельства, подлежащие доказыванию по всем видам противоправной деятельности, складываются из ряда различных элементов¹ и постоянно испытывают влияние уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, криминологических, психологических и других наук, а также объективных условий, которые непосредственно способствуют или препятствуют совершению любого преступления и наступлению общественно опасных последствий. Отображенные в законе обстоятельства способствуют своевременному сбору информации о совершенном деянии, которая влияет на раскрытие и расследование преступлений, совершаемых в семье при выяснении обстоятельств, необходимых для возбуждения уголовного дела.

Практика показывает, что противоправная деятельность субъекта в семье как способ совершения преступления детерминирована объективными и субъективными факторами, которые оказывают

непосредственное влияние на ход и результаты расследования.

К *объективным факторам*, по мнению автора, относятся:

– обстановка, способствующая совершению определенных действий, например, неуважение к своей и чужой собственности; алкоголизм и наркомания кого-либо из членов семьи или их близких родственников, в том числе знакомых; отсутствие интеллекта и воспитания; неспособность воспринимать критику; нежелание заниматься самообразованием и т.д.;

– механизм преступления (внешние условия), включающий в себя противоправные действия, направленные на достижение конкретного результата, например, нанесение ударов; истязание, в том числе моральное; глумление или высмеивание; унижение человеческого достоинства и т.д.;

– внутренние условия, заключающиеся в деятельности работников правоохранительных органов и социальных служб, направленные на предотвращение насилия в семье: посещение неблагополучных семей; контроль за расходованием денежных средств, выделяемых на воспитание детей; беседы с родителями и детьми и т.д.

Среди *субъективных факторов*, определяющих насилие, совершаемое в семье, выступают:

1) цель совершения преступления, которая, будучи соотносена с объективными условиями и субъективными возможностями личности, обуславливает выбор и содержание действий по ее достижению: ненависть к близким и родственникам, несдержанность, повышенная эмоциональная напряженность в семье, вымещение злобы на детях и т.д.;

2) объекты и средства, влияющие на деятельность конкретного субъекта, у которого наблюдается противоправный мыслительный процесс.

¹ Нет смысла перечислять все обстоятельства, подлежащие доказыванию, так как они подробно изложены в ст. 73 УПК РФ.

Следовательно, на выбор способа достижения преступного результата оказывают влияние не только цель, но и свойства конкретной личности:

- психологическое насилие: высказывание недовольства по-разному незначительному поводу, угрозы, оскорбления и т.п.;
- физическое насилие: нанесение ударов по различным частям тела рукой, палкой, моральное истязание и т.п.

Практика показывает, что данное преступление может быть совершено только с прямым умыслом. Вывод об умышленной форме вины применительно к данному преступлению основан на том, что в 98,3 % случаев субъект осуществлял продуманные подготовительные действия, тщательно планируя свои действия с целью последующего сокрытия следов. В связи с этим следует заметить, что сущность совершенного преступления может определяться по-разному, но закономерно отражаться в следах, оставляемых насильником только потому, что субъект использует различные способы и условия для достижения задуманного. Это дает основание предполагать о необходимости самостоятельного рассмотрения вопроса о расследовании уголовных дел, предусмотренных соответствующей статьей Уголовного кодекса. В связи с этим можно согласиться с Д.А. Турчиным, который указывает, что «...отражение преступления в материальной действительности происходит через его механизм, который материализуется в следах. Иначе ретроспективное восприятие обстоятельств преступления было бы невозможным» [4: с. 20–21].

Отсюда криминалистическое значение следов, оставляемых в результате насилия, совершаемого в семье состоит в том, что они являются, во-первых, основополагающим материалом для предварительного и судебного исследования, во-вторых, материальным носителем сведений об отраженном (слеодообразующим) объекте, в-третьих, воплощением признаков, отраженных в обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Уже простое перечисление объектов взаимодействия свидетельствует о наличии между ними определенных связей, влияющих на возбуждение уголовного дела.

Вопрос об исследовании и оценке исходной информации о насильственном преступлении, совершенном в семье, отнюдь, не очевиден и не прост, как это может показаться на первый взгляд. Его сложность объясняется не только необходимостью полного учета всех взаимодействующих элементов поступающей информации (это само по себе вызывает значительные трудности в силу того, что, например, бьют или истязают члены семьи, как правило, мужчина за якобы какую-либо провинность), но и тем, что она как целостная система постоянно обогащается в процессе раскрытия и расследования

новыми качествами и характеристиками. Отсюда не вызывает сомнения, что для возбуждения уголовного дела целесообразно в полном объеме знать место, условия и обстановку совершения конкретного преступления, которые обусловлены одной общей цепочкой элементов, «причем в последнем случае изучение может осуществляться по двум направлениям: как научное исследование, направленное на решение обобщенных прикладных задач из сферы практической деятельности правоохранительных органов, либо как исследование методами и средствами криминалистики определенных обстоятельств конкретного преступного деяния» [1: с. 6].

Исходя из сказанного предметом комплексного изучения обстоятельств насилия, совершаемого в семье, являются специфические объективные закономерности, определяющие формирование устойчивых и индивидуальных признаков, дающих возможность диагностировать механизм действий субъекта [4: с. 190]. В то же время очевидным является и тот факт, что при возбуждении уголовного дела анализ исходной информации об обстоятельствах совершения обозначенных преступлений позволяет направлять усилия всех взаимодействующих субъектов получить сведения:

- а) о способе его совершения и сокрытия насилия;
- б) субъекте преступного посягательства и его свойствах;
- в) установлении данных о месте и характере события;
- г) продолжительности преступной деятельности;
- д) количестве эпизодов;
- е) числе лиц, участвующих в преступлении.

По мнению автора, во всем объеме исходной информации мы должны исследовать обстановку, сложившуюся на определенном этапе совершения преступления. В ней в первую очередь и проявляется индивидуальный характер поведения субъекта (преступника), так как мысленная модель совершенного преступления формируется следователем для решения специальной познавательной задачи, в результате которой оценивается вероятное или достоверное знание (с учетом определенной частоты встречаемости индивидуальных признаков) всех обстоятельств, которые могут быть материализованы в виде схемы или описания. В период исследования поступающей информации такая модель выполняет функции интерпретации фактов, имеющих криминалистическую значимость.

При возбуждении уголовного дела следователь должен анализировать всю имеющуюся информацию об изучаемом преступном событии, опираться на прошлый опыт и знания, в результате чего и сам может оказаться источником определенных (необходимых) знаний. Следовательно, при обнаружении факта насильственных преступлений, соверша-

емых в семье по отношению к близким и родственникам, в том числе и к малолетнему (несовершеннолетнему) ребенку, необходимо, во-первых, одновременно исследование на нескольких уровнях различных объектов и ситуаций в целом, во-вторых, синтезирование данных, полученных из различных (процессуальных и непроцессуальных) источников, и, в-третьих, формирование соответствующих выводов, относящихся к событию в целом и по отдельным его фрагментам.

Так как обнаружение следов на теле потерпевшего (синяки, ссадины, переломы костей и т.п.) предстает перед следователем или оперработником как непознанное явление, и в начальный период им приходится сталкиваться с совокупностью самых различных обстоятельств такого события, вплоть до оказываемого противодействия расследованию, выраженного в оказываемом психологическом давлении на потерпевшего. В этом случае необходимо выяснить не только, когда (время) получены телесные повреждения, но и их причину, например, поскользнулся, упал во время движения по улице, получил случайный ушиб от столкновения с каким-то объектом и т. д., а не в результате насилия в семье. Перед следователем в этих условиях стоит задача мысленно представить последовательность действий не только преступника, но и самого потерпевшего, связать разрозненные элементы и создать определенную систему исследуемых обстоятельств.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что информация, необходимая для возбуждения уголовного дела о насильственных преступлениях, совершаемых в семье должна содержать:

Во-первых, описание общей структуры преступного деяния (предмет непосредственного посягательства; субъект посягательства; физические и психические действия субъекта, направленные на причинения вреда здоровью; факты-последствия; место, время совершения преступления и т.п.), а также связи и отношения между ними.

Во-вторых, описание общих закономерностей механизма преступления, определяющих их раскрытие и расследование (обуславливающее влияние обстановки, связь преступления с поведением виновного до совершения преступления, во время преступления и после него и т.д.) в конкретной следственной ситуации.

Чтобы перечисленные задачи осуществлялись успешно, необходимо во всех случаях установить содержание, характер и количество совпадающих признаков в зависимости от информации, поступившей от заявителя. А поскольку преступление – это сложное явление, то изучение и описание его целесообразно делать с помощью накопленных знаний в совокупности с другими доказательствами, в которых должны содержаться не любые сведения о преступ-

лении, а лишь те, которые имеют значение для организации деятельности работников правоохранительных органов по раскрытию и расследованию рассматриваемых нами деяний. Поэтому, наряду с описанием самих насильственных действий, совершаемых в семье, обстоятельства, подлежащие доказыванию, должны включать: 1) сведения о поведении потерпевшего; 2) о личности преступника; 3) месте события; 4) об обстановке, в которой оно произошло.

В то же время очевидным является и тот факт, что наличие или отсутствие строгой локализации следов преступления в пространстве является одним из оснований их исследования в обстоятельствах, подлежащих доказыванию, например, при осмотре места и изучении условий совершения преступлений, при проведении допроса, освидетельствования или других следственных действий, в том числе и оперативно-розыскных мероприятий. С точки зрения указанного признака насильственные преступления, совершаемые в семье, как правило, происходят в квартире (дом, жилище), иногда вне квартиры (например, на улице или в поездке в другой населенный пункт или загородную зону отдыха) лицами, имеющими непосредственное отношение к потерпевшему.

При возбуждении уголовного дела установление места совершения преступления, как правило, особых трудностей не вызывает. Однако в силу того, что оно совершается в отношении субъектов, находящихся в зависимости от лиц, обязанность которых входит не только воспитание, но и другие функции, например, совместное проживание в соответствующих условиях, то обозначенное обстоятельство значительно затрудняет при решении вопроса о возбуждении уголовного дела. Кроме того, даже в тех случаях, когда имеются сведения о насилии близких и родственников, нередко потерпевший либо отказывается давать исчерпывающие показания об издевательствах, либо меняет их в пользу субъекта, совершившего злодеяние.

Нами было установлено, что при исследовании обстоятельств, подлежащих установлению при возбуждении уголовного дела, следователь анализирует разнообразные сведения, полученные при проведении оперативно-розыскных и организационных мероприятий, в которых довольно часто содержатся: во-первых, уже имеющийся источник фактических данных о преступлении (источник доказательственной информации) в лице жертвы; во-вторых, объект (следы на теле, одежде и т.п.), всестороннее, полное исследование которого криминалистическими средствами может обеспечить получение необходимой для дела информации; в-третьих, сведения о субъекте (преступнике), который, как правило, известен, а потому выявление и установление его с целью использования в качестве

информационного источника не представляет затруднений.

Практика показывает, что в большинстве случаев при возбуждении уголовного дела, как правило, оказывается активное противодействие расследованию со стороны заинтересованных лиц, например, запугивание потерпевшего или сама жертва впоследствии под давлением третьих лиц отказывается давать показания в отношении виновного, или ушибы (ссадины) получены иным путем, а потерпевший решил шантажировать кого-либо с целью получения материальной выгоды.

Из приведенного анализа можно заключить, что необходимо в полном объеме исследовать все обстоятельства, необходимые для возбуждения уголовного.

Следует также отметить, что, в силу специфики рассматриваемого преступления, деятельность дознавателя, следователя в обозначенный период направлена не только на установление законности возбуждения уголовного дела, но и позволяет установить все эпизоды преступной деятельности, роль каждого из участников, в том числе и потерпевших. Последние, как показывает практика, в большинстве случаев (58,4 %) сами провоцируют (создают негативную ситуацию) «злодея».

Наши данные убеждают, что сбор и анализ необходимой информации должен иметь целенаправленный характер и ограничиваться решением конкретных задач первоначального этапа расследования. В противном случае, излишняя увлеченность поиском дополнительной информации для возбуждения уголовного дела может обернуться тактической ошибкой. Речь идет, например, о следующих моментах:

1) телесные повреждения (например, синяки, ушибы, растяжения мышц, ссадины и т.п.) в некоторых случаях незаметны не вооруженным глазом или могут проявляться или исчезать на поверхности кожного покрова через некоторое время после их нанесения;

2) возникновение трудностей в определении места получения травмы, например, являются ли повреждения случайными или причинены в результате насилия;

3) отсутствие свидетелей, поскольку преступление совершено в частном жилище, или единственными свидетелями могут являться дети или престарелые бабушка (дедушка), которые, как показывает практика, склонны умалчивать о случившемся, а иногда и одобряют противоправные действия насильника;

4) желание жены, не совершившей правонарушения, защитить супруга-правонарушителя;

5) жертва не в состоянии сообщить о фактах насилия по причине возраста, страха или зависимости от насильника;

6) жертва может не знать о своих законных правах;

7) свидетели не желают вмешиваться в проблемы семьи;

8) глумление происходит в иной форме без причинения физического вреда здоровью;

9) отсутствие документов, свидетельствующих о ранее имевших место случаях насилия, например, сообщений в полицию, заключения врачей.

Наряду с этим, в начальный период расследования, по мнению автора, прежде чем проводить допрос желательно получить наибольшую информацию в результате осмотра места происшествия [5: с. 395]. Следователь должен знать, как собирать, маркировать и упаковывать обнаруженные следы, чтобы они не потерялись или не были повреждены. Это особенно важно при расследовании случаев нанесения побоев ребенку, когда роль судебной экспертизы приобретает решающее значение.

С позиции криминалистики большое значение имеют данные, полученные в результате допроса:

- лиц, наблюдавших насилие и сообщивших в полицию;
- иные лица, которым жертва рассказала об акте насилия;
- жертв(ы);
- членов семьи и близких родственников;
- других свидетелей;
- правонарушителя;
- соседей или лиц, проживающих в близ стоящих домах.

Кроме того, заявления, сделанные во время первоначального опроса (допроса), которые могут стать свидетельскими показаниями, используемыми при судебном разбирательстве уголовных дел. В силу этого, готовясь к допросу, следователи должны выбрать подходящий момент, не вызывая у жертвы чувства страха. Известно, что имевшие место факты легче вспомнить сразу после совершения насилия. Более того, если первоначальные сообщения точны и носят исчерпывающий характер, то отпадает необходимость проводить повторные допросы и снова травмировать ребенка или свидетелей.

Обратим внимание на то, что допросы [2: с. 57] на начальном этапе раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в семье, могут быть более успешными, если:

- они проводятся группами, включающими представителей различных служб, например социальных работников и полицейских, занимающихся с несовершеннолетними;
- жертвы понимают, для какой цели делаются заявления и как они могут быть использованы;
- во время допроса присутствует лицо, оказывающее поддержку жертве, например, работник

детского дома, или адвокат, или представитель ребенка, пользующийся у него авторитетом;

- в некоторых случаях опрос проводится в отсутствие других членов семьи, чтобы не оказывалось на них влияние;

- допрос жертвы проводится следователем-женщиной, которая прошла подготовку по вопросам борьбы с актами семейного насилия;

- допрос проводится в безопасном месте, в отсутствие правонарушителя (в идеальном случае – дома, когда нет правонарушителя, или в нейтральном месте, где нет никакой угрозы).

Следует иметь в виду, что беседы с детьми, ставшими свидетелями фактов насилия в семье, должны проводиться только в случае абсолютной необходимости. Ребенок не должен быть поставлен в такое положение, когда в результате имевшего места конфликта ему надо будет решать, сторону какого родителя принять.

Из приведенного анализа можно заключить, что возбуждение уголовного дела по факту насилия, совершаемого в семье в отношении ребенка, зависит, во-первых, от имеющейся информации о противоправных действиях насильников, во-вторых, от тяжести причиненного вреда конкретному субъекту, в-третьих, действий работников правоохранительных органов, например, своевременного про-

ведения судебно-медицинского освидетельствования или следственного освидетельствования, в том числе и осмотра одежды ребенка, в-четвертых, от наличия (отсутствия) свидетелей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коломацкий, В.Г. Понятие и сущность криминалистического исследования / В.Г. Коломацкий // Проблемы криминалистики и предварительного следствия в деятельности органов внутренних дел. – Хабаровск : Высш. шк. МВД РФ, 1992. – С. 3–9.

2. Мерецкий, Н.Е. Значение информационного обеспечения допроса обвиняемого / Н.Е. Мерецкий // Допрос: криминалистические и процессуальные проблемы (памяти профессора Н.И. Порубова) : сб. материалов 55-х криминалистических чтений. В 2 ч. – М. : Академия управления МВД России, 2014. – С. 57.

3. Подшибякин, А.С. Правовое и криминалистическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности / А.С. Подшибякин. – М. : ЗАО «ЮрИнфоР», 2011. – С. 190.

4. Турчин, Д.А. Научно-практические основы криминалистического учения о материальных следах / Д.А. Турчин. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1996. – С. 20–21.

5. Шурухнов, Н.Г. Рекомендации профессора Н.И. Порубова по производству допроса и их использование в допросе обвиняемых в организации экстремистского сообщества / Н.Г. Шурухнов // Допрос: криминалистические и процессуальные проблемы (памяти профессора Н.И. Порубова) : сб. материалов 55-х криминалистических чтений. В 2 ч. – М. : Академия управления МВД России, 2014. – С. 395.

РЕЦЕНЗИЯ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Б.И. ТКАЧЕНКО «ГРАНИЦА МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ В ДОГОВОРАХ И СОГЛАШЕНИЯХ XVII–XXI ВЕКОВ»*

Л.В. Забровская

Забровская Лариса Вячеславовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела китаеведения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).

Контактный адрес: larisa51@hotmail.com

Вышедшая в свет в канун Нового года монография Б.И. Ткаченко, главного научного сотрудника Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского, специалиста в области международных отношений и территориально-пограничных проблем России на Дальнем Востоке с Китаем, Японией и США, – «Граница между Россией и Китаем в договорах и соглашениях XVII–XXI веков» – посвящена научному анализу российско-китайских межгосударственных отношений по проблеме территориально-пограничной размежевания двух стран на всём протяжении границы между ними за весь исторический период российско-китайских взаимоотношений.

Книга Б.И. Ткаченко продолжает цикл авторских аналитических монографий, посвящённых исследованию территориально-пограничных проблем России с сопредельными странами: Китаем, Японией и США. В числе этих монографий: «Проблемы эффективности внешней политики России на Дальнем Востоке» (1996), «Восточная граница между Россией и Китаем в договорах и соглашениях XVII–XX веков» (1998), «Россия – Китай: восточная граница в документах и фактах» (1999), «Проблемы морской экономической границы между Россией и США» (2008), «Курильская проблема: история, право, политика и экономика» (2009), «Россия – Китай: восточная граница в документах и фактах» (на корейском языке) (2010) и «Восточная граница между Россией и Китаем в документах и фактах» (2010).

В ней рассмотрено формирование восточной и западной частей государственной границы между Россией и Китаем в историко-правовых документах XVII–XXI вв., включая досоветский (XIX – начала

XX вв.), советский (1919–1991 годы) и постсоветский (конца XX – начала XXI в.) периоды, и проанализированы российско-китайские взаимоотношения по территориально-пограничным проблемам за этот период с использованием договорно-правовой базы формирования российско-китайской границы с XVII в.

За прошедшие 25 лет на государственной границе между Россией и Китаем произошли важные изменения, связанные с заключением Соглашения между СССР и КНР о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части 1991 г., а в 2004 г. Дополнительного соглашения между РФ и КНР о российско-китайской границе на ее Восточной части и последующей передачей Китаю территории российских островов в районе Хабаровска в 2008 г. и Соглашения между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее Западной части 1994 г., а также многочисленных Соглашений и Протоколов-описаний о линии российско-китайской государственной границы на Восточной и Западной частях границы. В этой связи в монографию включена глава «Формирование западной части государственной границы между Россией и Китаем в XIX–XX вв.», в которой сделан комплексный анализ проблем разграничения на Западной части российско-китайской государственной границы, включая досоветский (XIX – начало XX вв.) и постсоветский (конец XX в.) периоды.

Следует отметить практически значимые положения и выводы, полученные автором в процессе работы над документоведческим монографическим исследованием:

во-первых, доказано, что договоры и соглашения между Россией и Китаем XIX–XX вв. (Айгунский договор и Тяньцзиньский трактат 1858 г., Пекинский дополнительный договор 1860 г., Ханкайский протокол 1861 г., Санкт-Петербургский дого-

* Ткаченко Б.И. Граница между Россией и Китаем в договорах и соглашениях XVII–XXI вв. Владивосток: Изд-во Морского гос. ун-та, 2014. 384 с.

вор 1881 г., Новокиевские протоколы и Хабаровский протокол 1886 г., Цицикарский договорный акт 1911 г.), которые регулировали в этот период взаимоотношения России с Китаем по территориально-пограничным проблемам на восточной части границы, являются полноценными договорными документами, которые обеспечили формирование восточной части государственной границы между Россией и Китаем;

во-вторых, проанализировано Соглашение между СССР и КНР о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части 1991 г. на всем протяжении границы с Запада на Восток: в Читинской области по реке Аргунь, в Амурской области и Еврейской автономной области по реке Амур, в районе Хабаровска по реке Амур (протока Казакевича), в Хабаровском и Приморском краях на реках Уссури и Сунгача, в Ханкайском, Уссурийском и Хасанском районах Приморского края и в низовьях реки Туманган, показаны изменения на восточной части государственной границы между Россией и Китаем и доказано, что при подписании Соглашения 1991 г. под видом демаркации границы фактически была проведена ее корректировка и делимитация с последующей предстоящей передачей части российской территории сопредельному государству – Китаю. Особое внимание при этом было уделено анализу исторических, международно-правовых и политических аспектов Соглашения между СССР и КНР о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части 1991 г.;

в-третьих, доказано, что ревизия территориально-пограничных договоров XIX–XX вв. между Россией и Китаем, в результате которой в соответствии с Соглашением 1991 г. Китаю переданы территории России на островах по пограничным рекам Аргуни, Амуру и Уссури и на сухопутных участках в Приморском крае, несостоятельна либо сомнительна в международно-правовом отношении и в части его ратификации со стороны конституционных норм внутреннего законодательства;

в-четвертых, показано, что Соглашение 1991 г. не вполне отвечает национальным интересам России, характеризуя внутреннюю слабость отечественной дипломатии при подготовке этого текста к подписанию и при практической реализации данного Соглашения, что при подготовке Соглашения о советско-китайской границе необходимо было учитывать важные проблемы прямого экономического ущерба и упущенной выгоды, возникающие в результате уступки российской территории Китаю, правовую основу изменения государственной границы России, интересы жителей Приморского и Хабаровского краёв, Еврейской автономной обла-

сти, Амурской и Читинской областей, и показана борьба Администрации Приморского края в конце прошлого столетия за отстаивание прав на российские земли на Дальнем Востоке;

в-пятых, значительная часть монографии посвящена анализу формирования западной части государственной границы между Россией и Китаем в XIX–XX вв. Это существенная часть данной работы, поскольку ранее эта проблема была довольно слабо рассмотрена в научной литературе.

Исследование автора охватывает весьма значительный как по территории, так и во времени пласт: территориально-пограничного размежевания от стыка границ между Россией, Китаем и Кореей в районе озера Хасан в Приморском крае до стыка границ между Россией и Китаем на Памире в Центральной Азии, всего на протяжении почти 4300 км, и от конца XVII в. до наших дней. При этом следует отметить, что автор не рассматривает переговорный процесс, завершившийся заключением в 1994–2002 гг. договоров и соглашений между Казахстаном, Киргизстаном и Таджикистаном, ставших в настоящее время независимыми государствами, с одной стороны, и КНР, с другой стороны, по территориальному размежеванию на западном участке бывшей советско-китайской границы. Это уже совсем другая история. По-видимому, исследования Б.И. Ткаченко новейшей истории территориально-пограничной тематики в последующем будут продолжены применительно к обширному региону Центральной Азии.

Несомненным достоинством монографии является документоведческий раздел, в котором представлены в виде оригинальных текстов практически все документы (сто единиц) по территориально-пограничному размежеванию между Россией и Китаем на протяжении последних 315 лет, собранные автором по данной проблеме на протяжении длительного периода времени, включая протоколы и описания демаркации межгосударственной границы двух стран как на восточной, так и на западной ее части, за исключением единичных документов, имеющих ограничительный гриф «для служебного пользования» и не подлежащих опубликованию в открытой печати. В этой связи данная работа представляет непосредственный практический интерес для соответствующих специалистов, поскольку представляет собой полную историю формирования российско-китайской границы.

Монография Б.И. Ткаченко основана исключительно на документах и авторитетных документальных источниках и представляет интерес для историков, правоведов, политологов-международников, научных и практических работников в обла-

сти внешней политики и международных отношений, преподавателей, аспирантов и студентов, интересующихся проблемами российско-китайских отношений, истории и политики стран Северо-Восточной Азии и Центральной Азии в части изучения стратегии и тактики этих стран в отношении решения территориально-пограничных проблем.

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что материалы, полученные в рам-

ках его выполнения, могут быть использованы специалистами для более обоснованной аналитической проработки региональных проблем Дальнего Востока и стран Северо-Восточной и Центральной Азии в сфере международных отношений при принятии решений в области внешнеполитической деятельности и в дипломатической практике применительно к решению территориально-пограничных проблем между странами этого региона.

НЕКРОЛОГ

Ларри Смит (1941 – 2014)

13 декабря 2014 г. мы потеряли замечательнейшего человека, великого педагога, прекрасного организатора, вдумчивого ученого, члена редколлегии нашего журнала – человека, которого по праву называют гражданином мира – Ларри Юджина Смита. Вместе со своим близким другом и коллегой Баджем Качру он стал основателем новой, революционной парадигмы гуманитарных знаний – World Englishes Paradigm, или контактной вариологии английского языка, охватившей не только область лингвистических знаний, но также литературоведение, культурологию, теорию межкультурной коммуникации, методику преподавания языка. Ларри ушел на пике жизни, неожиданно для всех нас – приехал на конференцию, основанной им, международной ассоциации вариантологов (IAWE) в Дели, полный творческих задумок и дальнейших планов, и ... сердце остановилось. Ушел, оставшись в памяти как энергичный, внимательный, сердечный, ровный и спокойный человек, мудрый наставник, образцовый джентльмен.

Родившись и проведя юность в Арканзасе (США), Ларри Смит стал одним из первых волонтеров Корпуса мира и более 4 лет провел в Таиланде, работая преподавателем английского языка. Именно там он осознал новую роль, которую играл его родной язык в мире – на нем общались люди

всего мира, на нем они выражали свою культуру, знакомили с ней другие народы и сами узнавали новые культуры. Именно в Таиланде Ларри познакомился с англоязычными произведениями тайских авторов, что впоследствии Качру назвал «контактной литературой», и старался в каждой своей зарубежной поездке по возможности с произведениями местных авторов на английском языке (помню, что одним из первых вопросов, который он задал мне, первый раз приехав в Россию в 2004 г., был вопрос: «А есть ли в России авторы, которые пишут свои художественные произведения по-английски?»).

После службы в Корпусе мира он закончил Гавайский университет и с 1970 г. по 1999 г. работал в Центре «Восток–Запад», где был деканом и директором языковых образовательных программ, и.о. директора Института культуры и коммуникации. В 1999 г. вместе со своей австралийской коллегой доктором Элизабет Кристофер он основал консультативную фирму Christopher, Smith & Associates, базирующуюся в Гонолулу и занимающуюся межкультурной и языковой подготовкой бизнесменов Америки и Азии. В этой школе Ларри разработал уникальные курсы по выработке лидерских качеств и написал несколько книг, в том числе «SelfLEADERSHIP: Direction from Within» (2013)

и в соавторстве с Э. Кристофер – «Leadership Training Through Gaming: Power, People and Problem Solving» (1987); «Negotiation Training Through Gaming: Strategies, Tactics, and Manoeuvres» (1991); «Leadership Training: A Sourcebook of Activities» (1993); «Managing Recruitment Training and Development: A Sourcebook of Activities» (1994). Несколько семинаров по воспитанию лидерских качеств он провел и во Владивостоке, со студентами ДВГУ и участниками Международного Азиатского юношеского форума в 2004 г., а также во время своего второго приезда в 2007 г., когда он также принял участие в конференции «Россия – Восток – Запад: Проблемы межкультурной коммуникации».

Обучая лидерским качествам, Ларри Смит приводил своим студентам слова знаменитого китайского философа Лао-цзы: «Лучший лидер – это тот, о существовании которого мало кто знает». Именно таким лидером был и сам Ларри – внешне неприметный, но всегда в центре всего происходящего, поддерживающий коллег и своих студентов и стимулирующий их на новые достижения. Для многих из нас он всегда был и будет наставником и гуру.

Для нас, лингвистов-преподавателей английского языка, Ларри Смит всегда останется прежде всего как один из основателей Международной ассоциации исследователей мировых вариантов английского языка (International Association for World Englishes), президентом которой он был в 1994–1996 гг, а затем исполнительным директором, финансовым директором, членом исполнительного комитета. Мы также всегда будем помнить его как одного из основателей международного журнала «World Englishes» (издательство Wiley-Blackwell) и вместе с Б. Качру – как соредатора, а затем «патрона» этого журнала. Его перу принадлежит не-

сколько фундаментальных работ по теории диверсификации английского языка и межкультурной коммуникации, самой важной из которых стоит признать «Cultures, Contexts and World Englishes» в соавторстве с Я. Качру (2008), а также вышедшие под его редакцией книги: «Readings in English as an International Language» (1983) «Discourse Across Cultures: Strategies in World Englishes» (1987) «World Englishes 2000» (1997); его последняя работа осталась незаконченной – 2-томное издание «The Handbook of World Englishes». В лингвистике и, в частности, в вариантологии имя Ларри Смита ассоциируется с разработкой концептов «английский как международный язык» (English as an International Language), варианты английского языка (world Englishes), с теорией трех стадий успешности межкультурной коммуникации (intelligibility – comprehensibility – interpretability). Но главная его заслуга все-таки в том, что он не только помог Брэджу Качру отстоять идею признания вариантов английского языка в мире, укрепив тем самым основания новой парадигмы, но и всячески поддерживал молодых исследователей в развитии этой парадигмы. На конференции IAWЕ в Дели, которая все же состоялась, но, увы, уже без Ларри, многие выступающие признавались, что они готовили свое выступление, ориентируясь на Ларри и представляя, как он сидит в аудитории, поощрительно кивая в знак согласия.

Да, жизнь хрупка, и пути по ней неисповедимы. Голос Ларри Смита мы больше не услышим, но его дело и его мысли будут продолжены последователями во всех регионах планеты, а это значит, что он будет по-прежнему с нами...

З.Г. Прошина,
д-р филол. наук, профессор

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.
2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.
3. Рассмотрение работ аспирантов и соискателей кандидатской степени осуществляется только при наличии отзыва научного руководителя и рекомендации кафедры по месту их обучения.
4. Для аспирантов и соискателей публикация статей бесплатно
5. Статьи должны быть в объёме от 0,5 до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков). В них может быть, как правило, размещено не более трех иллюстраций, графиков или схем.
6. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.
 - 6.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. Принимаются диски и два экземпляра распечатки текстового оригинала (файлов), имеющегося на диске. Если дисков два и более, необходимо указать их номера и размещение файла на дисках (папки). На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.
 - 6.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в следующем порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фамилии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются.
 - 6.3. Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском языке, затем на иностранных. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку. Библиографическое описание источника в списке литературы (фамилии и инициалы авторов печатаются курсивом) составляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ 7.1–2003. Шрифт и межстрочный интервал те же, что и в статье.
 - 6.4. Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое – 1 см; размер бумаги – А4 (210×297 мм); шрифт – «Times New Roman» № 14; межстрочный интервал – 1,5.
 - 6.5. Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.
7. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.
8. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.
9. К статье прилагается краткая аннотация, ключевые слова (не более 15), а также профессиональный перевод на английский язык аннотации, ключевых слов и названия статьи.
10. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 262. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Электронная почта: journal@festu.khv.ru. Материалы, присланные ценными письмами и бандеролями, не принимаются.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 450 руб. (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

<p>Извещение</p> <p>Кассир</p>	<p>Дальневосточный государственный университет путей сообщения <u>УФК по Хабаровскому краю</u> (наименование получателя платежа) <u>2724018158 № 40503810500001000191</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p>ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) <u>№ 272401001</u> (номер КПП)</p> <p>Подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2015 год (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.</p>
<p>Квитанция Кассир</p>	<p>Дальневосточный государственный университет путей сообщения <u>УФК по Хабаровскому краю</u> (наименование получателя платежа) <u>2724018158 № 40503810500001000191</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p>ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) <u>№ 272401001</u> (номер КПП)</p> <p>Подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2015 год (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.</p>

Научное издание

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал № 1 (45) 2015

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

Редактор *А.А. Иванова*

Технический редактор *И.А. Нильмаер*

План 2015 г. Поз. 12.5. Подписано в печать 23.03.2015 г.
Гарнитура «Times New Roman». Уч.-изд. л. 28,3. Усл. печ. л. 26,3. Зак. 77. Тираж 500 экз.

Издательство ДВГУПС
680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.